ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 9

Издательство Нижневартовского государственного университета
2014

ББК 63.211
И 91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного университета

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных
работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Авторы:
М.М.Чореф (разд. 1, гл. 1), *Я.Г.Солодкин* (разд. 1, гл. 2, 3), *Н.С.Харина* (разд. 1, гл. 4), *С.С.Бытко* (разд. 1, гл. 5), *В.В.Цысь*, *О.П.Цысь* (разд. 1, гл. 6), *В.В.Митрофанов* (разд. 1, гл. 7), *А.В.Спичак* (разд. 1, гл. 8), *М.Ф.Ершов* (разд. 1, гл. 9), *О.В.Ищенко* (разд. 1, гл. 10), *К.Ю.Кладова* (разд. 1, гл. 11), *Л.В.Алексеева* (разд. 1, гл. 12), *В.Д.Пузанов* (разд. 2, гл. 1), *И.А.Силаева* (разд. 2, гл. 2), *А.И.Прищепа* (разд. 2, гл. 3), *В.Д.Камынин* (разд. 2, гл. 4), *И.И.Кротт* (разд. 2, гл. 5), *Н.В.Сапожникова* (разд. 2, гл. 6)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижневартовске) *В.В.Митрофанов;*
кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижневартовске) *Г.Г.Харисова*

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории:** Коллективная монография. Ч. 9 / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 315 с.

ISBN 978–5–00047–143–2

В новой части серийного издания рассматриваются многие спорные, недостаточно изученные, а то и вовсе обойденные вниманием исследователей проблемы, решение которых имеет существенное значение для осмысления ряда важных социально-политических, экономических и историко-культурных явлений истории Азиатской России в конце XVI — начале XXI вв.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей Сибири того времени.

ББК 63.211

ISBN 978–5–00047–143–2

© Издательство НВГУ, 2014

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XV—XX вв.

Глава 1

«VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT», или К ИСТОРИИ ШАДИБЕКА

К сожалению, позднейшая история Золотой Орды изучена крайне фрагментарно. Дело в том, что в этом государстве, ослабленном в результате Великой Замятни, ряда поражений от литовцев, русских, а также сокрушительных набегов Тимура, в последний век его существования так и не утвердилась сильная власть, способная восстановить и поддерживать «Монгольский порядок». Кроме того, за власть в Орде боролись многочисленные ханы. Их междоусобные войны привели не только к раздроблению Улуса Джучи на ряд независимых уделов, но и к гибели его основных экономических и культурных центров — городов Верхнего и Среднего Поволжья. В результате исчезли условия для сохранения и развития традиции фиксирования событий и ситуации в обществе, характерной для XIII — первой половины XIV вв., а сами ордынские земли перестали быть привлекательными и доступными для путешественников, мемуары которых позволили осветить историю этого монгольского государства предшествующих периодов.

Правда, археологические памятники XV в. достаточно информативны. Они позволяют проследить состояние ордынского общества. Но и тут есть определенные трудности. Дело в том, что археологам приходится изучать артефакты, обнаруженные в культурных слоях древних поселений. В том числе и монеты, которые, в данном случае, являются важным датировочным материалом. Однако дискуссии по поводу их атрибуции все еще продолжаются. Так что не стоит удивляться тому, что современные историки, оперируя нумизматическими данными, спорят о том, сколько было Сараев, и не могут прийти к единым мнениям о периодах правлений и даже об именах ряда ханов XV в.

Сразу же заметим, что мы не ставим перед собой цели дать ответ на все эти вопросы. Полагаем, что на данном этапе исследования вполне достаточно вынести на научное обсуждение

трактовки новых, пока еще не исследованных фактов из истории царствований тех ханов, периоды правлений которых уже достаточно хорошо изучены, например, Шадибека (1399—1407).

Напомним, что этот Чингизид происходил из восточной части Улуса Джучи — Кок-Орды, включавшей в свой состав современные Западную Сибирь и Казахстан. Он был племянником тукатимурида Урус-хана (? — 1377), дважды: в 1372—1374 и в 1375 гг. овладевавшего престолом Золотой Орды. Шадибек стал верховным правителем по воле временщика Едигея, управлявшего государством Джучидов в 1400—1410 гг. Как обстоятельства прихода и нахождения у власти, так и собственно природные наклонности не позволили Шадибеку стать влиятельным политиком. Все свое недолгое царствование он предавался развлечениям. Единственным ярким моментом его биографии можно считать неудачное выступление против Едигея, занятого покорением Западной Сибири, приведшее к бегству Шадибека в Дербент, в один из центров вассального от Орды государства Ширваншахов, управляемого тогда Шейх-Ибрахимом I (1382—1417). Примечательно, что этот кавказский государь не только принял низложенного хана, но и, признавая его своим сюзереном, продолжил чеканить монету от его имени, что, безусловно, являлось вызовом Едигею и его ставленнику Пуладу (1407—1410), кстати, сыну все того же Шадибека. Так, нам известны такие выпуски 810—813 гг. х., т.е. 1408—1410 гг.[1] (рис. 1, *4—6*).

Но эти факты довольно хорошо изучены и не привлеки нашего внимания. Куда интереснее вопрос о характере взаимоотношений генуэзских колоний Северного Причерноморья и противоборствующих султанов. Дело в том, что при Шадибеке заработал монетный двор Каффы ал-Джедид[2]. Есть все основания считать, что этот эмиссионный центр находился на территории одного из городских кварталов Каффы, в отличие от прочих напрямую подчиненного упомянутому Чингизиду. Мы основываемся на выводах видного российского историка и нумизмата П.Н.Петрова, доказавшего, что на территории чагатаидских городов функционировали эмиссионные центры, выпускавшие монету от имени владевших ими монгольских династов[3]. Полагаем, что выводы уважаемого исследователя являются актуальными и для золотоордынской нумизматики.

Учитывая выявленные обстоятельства, заключаем, что Шадибек, будучи правителем Орды, приобрел большое влияние в Северном Причерноморье. Но мог ли он сохранить его после низложения? К сожалению, известные нам письменные источники не содержат искомой информации. А результаты археологических исследований в силу своей специфики не могут осветить заинтересовавшую нас проблему. Предполагаем, что разрешить ее можно только в результате выявления и изучения ранее не известных артефактов, прежде всего — нумизматических. К счастью, они имеются.

Сравнительно недавно в Нижнем Джулате (Кабардино-Балкария) была найдена серебряная монета (рис. 1, *1, 2*), на лицевой стороне которой различима арабографичная надпись, а на реверсе в центре оттиснута монограмма «Т», вписанная в окружность, обрамленную безупречно исполненной легендой «IMPERATOR». Находка была опубликована В.П.Лебедевым и В.Г.Ситником[4]. Исследователи отнесли ее к «татаро-латинским» аспрам[5]. Действительно, сам характер исполнения текстов не оставляет и тени сомнения в том, что монетным мастером был европеец. Однако даже с учетом этого обстоятельства, нумизматы не смогли ее датировать. Правда, они предположили, что монеты с «Т» на аверсе могли чеканить в XV в.[6] Кроме того, им не удалось разобрать легенду аверса. Исследователи только допустили, что она содержит слово «سلطان» — «султан»[7]. Прорись лицевой стороны, выполненная самими издателями[8], приведена на рис. 1,*2*.

Продолжая исследование В.П.Лебедева и В.Г.Ситника, попытаемся уточнить атрибуцию этой монеты. Начнем с прочтения текста аверса. Учтем то, что на сайте zeno.ru[9] была издана однотипная монета (рис. 1, *3*). На ее лицевой стороне в четырехугольной, по-видимому, квадратной рамке была размещена четырехстрочная надпись. В первых трех ее строках читается:

«سلطان	—	*«Султан*
عدل		*правосудный*
شادی»		*Шади»*

В последней строке различим только значок, схожий на «٧» — «*7*». Действительно, его появление на аверсе нашей монеты довольно неожиданно. Дело в том, что на Востоке цифровое обозначение даты эмиссии, как правило, размещали на реверсе. Впрочем, подобные указания известны на лицевой стороне дангов Шадибека чекана Орды ал-Джедид[10]. Однако в нашем случае подобная трактовка будет несколько натянутой. Дело в том, что дата на аверсе упомянутого центра появилась вследствие переполнения их реверса эмиссионными обозначениями. Но, как помним, оборотные стороны изучаемых монет не содержит арабографичных легенд. Основываясь на этом, допускаем, что наши монеты были оформлены в ином стиле, не свойственном дангам Орду ал-Джедид. Предполагаем, что символ четвертой строки мог быть начальным элементом слова «خان» — «*хан*».

В таком случае получаем:

«سلطان	—	«*Султан*
عدل		*правосудный*
شادی		*Шади*
[خا]ن»		*ха*[*н*]*»*

Похоже, что по сторонам рамки также размещали знаковые элементы оформления. Так, на рис. 1, *3* в правой части монетного поля просматривается фрагмент виньетки, свойственной дангам чекана Шадибека[11].

Попытаемся обобщить полученные сведения. Прочтение легенды в рамке и анализ ее обрамления дает нам все основания приписать эту монету к чекану Шадибека. Правда, несколько настораживает приведенная на ней титулатура. Дело в том, этого Чингизида во время царствования титуловали «سلطان العادل» — «*султан справедливый»* или «سلطان الاعظم» — *«султан верховный»*[12]. А на изучаемой монете его прославляют как «سلطان عدل» — *«султана правосудного»*. Это обстоятельство также требует объяснения.

Кроме того, все еще остается открытым вопрос о датировке. Дело в том, что аспры с монограммой «Т» и с легендой «IMPERATOR» на реверсе (рис. 1, *7—9*) чеканили от имени Теодоро II Палеолога (1381—1418), правившего Генуей в 1409—1413 гг. и являвшегося императорским викарием[13]. Но к тому времени

Шадибек уже был лишен ордынского трона. Так что появление его имени на монете позднейшей эмиссии, безусловно, довольно примечательно. Кроме того, даже определение даты выпуска заинтересовавшего нас аспра не позволяет установить выпустивший его эмиссионный центр — к сожалению, на монете нет искомой информации.

Попытаемся дать ответы на поставленные вопросы. Начнем с того, что низложение и бегство Шадибека из ордынских владений должно было отразиться в легендах монет, чеканенных от его имени. Полагаем, что этим и следует объяснять модификацию титулатуры этого Чингизида — он уже не был ни верховным, ни справедливым правителем. Ему, правда, могли приписать титул правосудного, к слову, не использовавшийся Шейх-Ибрахимом I[14]. Но в таком случае получается, что заинтересовавшая нас монета могла быть выпущена только после низложения Шадибека. Кстати, это предположение подтверждается наличием на реверсе изучаемого аспра монограммы «Т» и легенды «IMPERATOR». Полагаем, что у нас есть все основания приурочить его выпуск к периоду правления Теодоро II Палеолога в Генуе и ко времени пребывания Шадибека в государстве Ширваншахов, т.е. к 1409—1410 гг.

Теперь попытаемся установить эмиссионный центр. Сразу же заметим, что у нас нет оснований приписывать изучаемый аспр к чекану Каффы или Каффы ад-Джедид. Дело в том, что на заинтересовавшей нас монете нет ни тамги ордынского правителя, традиционного для серебра этой генуэзской колонии, ни арабографичной легенды с упоминанием монетного двора — обязательного признака джучидских эмиссий. В то же время сам факт наличия на ней монограммы «Т» и легенды «IMPERATOR» дает нам все основания отнести ее к провинциальным генуэзским выпускам. Обратим внимание и на то, что на аверсе каффинских монет Теодоро II Палеолога размещали имя и титулатуру хана Мухаммеда[15]. Есть все основания считать, что в Каффе не могли одновременно чеканить монету от имени Мухаммеда и Шадибека. Учитывая ареал обращения и редкость аспра последнего, полагаем, что он мог быть выпущен в Севастополе (современный Сухуми), являвшемся важнейшим центром Генуи в Северо-Восточном Причерноморье, в котором, как известно, чеканили так называемые

«севастопольские аспры», игравшие значительную роль на денежном рынке как средневековой Грузии, так и всего причерноморского региона[16].

Правда, нам могут возразить, что к настоящему времени известна только одна разновидность монет, которую можно с уверенностью отнести к эмиссии средневекового Севастополя. Речь идет о так называемом «цхумском тетри», выбитом от имени Одишского владетеля Вамеха I Дидиани[17]. Причем известен только один его экземпляр, найденный в 1927 г. на территории самого г.Сухуми[18]. Однако серебро чекана Севастополя успешно конкурировало с ордынскими выпусками[19]. Собственно «цхумские тетри» являлись торговой монетой. Следовательно, Севастопольский монетный двор должен был выпускать обильные серии. Попытаемся их выделить.

Уже не первое десятилетие идут споры по поводу атрибуции довольно редких, но в то же время достаточно широко распространенных серебряных монет с изображением святого на аверсе и с двухстрочной надписью на реверсе (рис. 2). Примечательно, что изначально их, с учетом места обнаружения, отнесли к чекану Ландульфа из Конзы (973—974?), князя Салерно. Эту атрибуцию предложили такие видные нумизматы-медиевисты, как Ф.Грирсон и Л.Траваини[20]. Они издали серебряную монету весом 0,66 г, которая, по их мнению, могла быть денарием упомянутого правителя[21]. Однако в последнее время подобные выпуски стали находить за пределами Южной Италии — на Северном Кавказе и в Крыму. Так, К.В.Бабаев издал такую монету, приписав ее, однако, не к южноитальянскому, а к тмутараканскому чекану. По его мнению, на ее аверсе было оттиснуто изображение св. Саввы, а на реверсе размещена двухстрочная надпись, содержащая его имя. Однако нумизмат не был уверен в верности своей атрибуции. Дело в том, что ему не удалось истолковать наличие следов надписи на аверсе этой монеты и объяснить появление буквосочетания «LAN», в котором он видел сокращение[22].

Как видим, единой точки зрения на атрибуцию этих монет так и не было выработано. Виной тому стало отсутствие экземпляров хорошей сохранности. Ситуация изменилась только в настоящее время.

В 2013 г. при раскопках позднесредневекового слоя в пещере Иограф (близ Ялты, Крым) крымский археолог Н.П.Турова обнаружила монету этой разновидности, причем отличной сохранности[*]. Правда, она весит 0,92 г. Опишем эту находку.

Прежде всего заметим, что на ее аверсе действительно изображен святой. Правда, не св. Савва, как считал К.В.Бабаев, а св. ап. Матфей. Это следует из легенды аверса, на котором без особых усилий можно разобрать фразу: «● МАТФЕ» (Ἅγιος Ματθαίος) — «*святой Матфей*». На реверсе же действительно приведена двухстрочная надпись:

«+ΠLAN	—	«*Регион*
SABAS»		*Сабас»*

В качестве комментария заметим, что у нас нет никаких оснований видеть в черте, размещенной над буквосочетанием «LA», обозначение сокращения, как считает К.В.Бабаев[23]. Оно не покрывает сопутствующую им букву «N», что, заметим, довольно примечательно. Полагаем, что буквосочетание представляет собой очевидную монограмму, составленную из греческого «П» и латинских «А», «L» и «N», а это вполне допустимо для Причерноморского региона. Так, на монетах генуэзской Каффы известно два написания названия этого эмиссионного центра: через латинское «С» и греческое «К».

Кроме того, в «SABAS» нет никой возможности разобрать «SALRN». Заметим, что, по мнению Ф.Грирсона и Л.Траваини, «В» представляет собой лигатуру, составленную из «L» и «R»[24]. Но это довольно неординарно и, скажем точнее, неправдоподобно. Ведь на изданной исследователями монете явно читается «SABA», а правая вертикальная линия гипотетической «N» на самом деле является слобоизогнутым фрагментом точечного обрамления легенды (рис. 2, *1*).

К слову, в этом буквосочетании нет возможности разобрать и имя св. Саввы, т.к. изображение св. ап. Матфея уже выявлено на аверсе.

---

[*] Пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность исследователю за возможность изучить и опубликовать эту монету.

Предположение Ф.Грирсона и Л.Траваини основывалось на том, что на реверсе этой монеты будто бы было выбито имя правителя и название его княжества, но без упоминания о его титуле, что совершенно не характерно для монетного дела средневековой Европы. Следовательно, у нас есть все основания усомниться в доводах уважаемых исследователей. Основываясь на этом, заключаем, что монета представляла собой официальную эмиссию генуэзских властей Севастополя. Надеемся, что предлагаемая атрибуция будет поддержана специалистами.

Вопрос о датировке изучаемых монет мы пока вынуждены оставить открытым. Дело в том, что на данный момент известно всего пять их экземпляров: одна издана Ф.Грирсоном и Л.Траваини (рис. 2, *1*), три хранятся в частных собраниях Украины и России[25] (рис. 2, *2—4*) и одна найдена Н.П.Туровой. Однако сам факт обнаружения последней в позднесредневековых слоях и с учетом ее весовых данных позволяет отнести все их к выпускам XIV—XV вв. Сам же факт обнаружения монет этого типа с незначительными вариациями легенды реверса и существенной разницей в весе свидетельствует о длительности эмиссии. Однако эта гипотеза, безусловно, требует педантичной проверки.

Итак, если наши рассуждения верны, с учетом свидетельств нумизматических источников представляется возможность проследить контакты между генуэзскими колониями и ордынскими правителями в начале XV в. Похоже, что Шадибек после низложения в Орде смог сохранить свое влияние на западном побережье Северного Кавказа, причем ему остался подконтрольным даже Севастополь — его жители выпустили от имени этого джучида серию аспров. Примечательно, что в то же время власти Кафы декларировали свою лояльность иному ордынскому правителю — Мухаммеду. Выясненное обстоятельство не только подтверждает теорию П.Н.Петрова, но и позволяет по-новому осветить политическую историю причерноморского региона в XV в. Сам же факт выявления двух серий «севастопольских аспров» как убеждает нас в достоверности сведений об экономическом процветании выпустившей их колонии Генуи, так и освещает сложные вопросы взаимодействия ее властей с ордынскими и грузинскими правителями.

Примечания

[1] Злобин Г.В. Монеты Ширваншахов династии Дербенди (третья династия) 784 г.х./1382 — 956 г.х. / 1548 гг. / Ред. Е.Ю.Гончаров. М., 2010. 432 с.; илл. С. 135—137, тип. 016-1, Таб. VII,57—64.

[2] Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // Известия археологической комиссии (далее — ИАК). 1906. № 18. С. 1—72; табл. I—VI. С. 53—54.

[3] Петров П.Н. Нумизматическая история чагатаидского государства 668/1270 — 770/1369 гг.: Автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2007. С. 5, 9; Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII—XIV веков. Нижний Новгород, 2003. 180 с.; илл.; Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII—XIV вв. как знаки собственности // Труды Международ. нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV вв. I МНК — Саратов 2001, II МНК — Муром 2003». Саратов, 17—21 сентября 2001 г. М., 2005. С. 170—177.

[4] Лебедев В.П., Ситник В.Г. Корпус серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (далее — МИАСК). 2013. № 13. С. 195, 210, рис. 2,216, 5,216.

[5] Там же. С. 204. № 216.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 195, № 216.

[8] Там же. Рис. 2, 216.

[9] WithnameMuhammadand 'two-legs' sign 'T'. URL: http://www.zeno.ru/ showphoto.php?photo=128882

[10] Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 1906. № 18. С. 54.

[11] Там же. С. 54.

[12] Там же. С. 53—54.

[13] Сагдеева Р.З. Серебряные монеты Золотой Орды. М., 2005. 77 с. С. 372.

[14] Злобин Г.В. Монеты Ширваншахов династии Дербенди (третья династия) 784 г.х./1382 — 956 г.х. / 1548 гг. / Ред. Е.Ю.Гончаров. М., 2010. 432 с.; илл. С. 45—145.

[15] Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 1906. С. 70.

[16] Абхазия с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. Дж.Гамахария. Тбилиси: Интелекти, 2009. — 593 с., [14] л. к., цв. ил., факс.: к.; 26 cm. — (Очерки из истории Грузии). С. 198.

[17] Там же. С. 198.

[18] Lang D/M. Studies in Numismatic History of Georgia in Transcaucasia // NNM. N.Y.: American Numismatic Association (ANA), 1955. № 130. 138 p.; 15 pl. P. 87.

[19] Абхазия с древнейших времен до нашихдней. С. 198.

[20] Medieval European Coinage / Ed. Ph. Grierson, L. Travaini. Cambridge, 1998. Vol. 14 (III): South Italy, Sicily, Sardinia. With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum. P. 57—67, 592, pl. I,11.

[21] Ibid. P. 592, pl. I,11.

[22] Бабаев К.В. Монеты Тмутаракарского княжества. М., 2009. 104 с. С. 87—88, рис. VIIa.

[23] Там же. С. 88.

[24] Medieval European Coinage / Ed. Ph. Grierson, L. Travaini. Cambridge, 1998. Vol. 14 (III): South Italy, Sicily, Sardinia. With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum. P. 592.

[25] Ретовский О. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 1906. № 18. С. 87—88, Рис. VIIa; +LAN SABAS. URL http://www.hordecoins.folgat.net/other/ tamartaha_ar_nd_01_01.jpg; +LANSABAS. URL: http://www.hordecoins.folgat.net/other/ tamartaha_ar_nd_01_02.jpg

Рис. 1. К вопросу об атрибуции аспров с монограммой «Т» на аверсе и с арабографичной надписью на реверсе

1—3 — изображения изучаемых монет (по В.П.Лебедеву и В.Г.Ситнику (*1*, *2*) и материалам zeno.ru (3)); *4—6* — таньги Шейх-Ибрахима I с именем Шадибека (по Г.В.Злобину); *7—9* — генуэзско-татарские аспры каффинского чекана с «Т» на аверсе (по О.Ф.Ретовскому).

Рис. 2. К атрибуции «севастопольских аспров»

1 — изданный Ф.Грирсоном и Л.Траваини; *2* — опубликованный К.В.Бабаевым; *3—4* — из частных собраний Украины; *5* — монета, найденная Н.П.Туровой.

Глава 2

ПЛЕНЕНИЕ ЦАРЕВИЧА МАМЕТКУЛА В ИЗОБРАЖЕНИИ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ

В Есиповской летописи (далее — ЕЛ), «слогатель» которой «распространил» сочинение своего анонимного предшественника, к числу важнейших событий «Сибирского взятия», последовавших за разгромом царевича Маметкула (Мухаммад-Кула б. Атаула, Мухаммад Кули султана) близ Абалацкого озера, отнесено пленение этого родственника Кучума «ермаковыми казаками».

Как рассказывается в «Повести» Саввы Есипова, отчасти со слов ветеранов знаменитой экспедиции, хотя не исключено, и несшего службу царю Михаилу какого-то потомка татарина Сенбахты, последний (возможно, мурза, тяготившийся зависимостью от хана[1]), явившись в занятый русскими город Сибирь, сообщил им, что Маметкул со своим отрядом находится в сотне «поприщ» оттуда — на реке Вагае. Ермак снарядил «резвых» и «искусных ратному делу» «мужей», и те во время внезапного ночного нападения окружили шатер царевича и схватили его, перебив немало «поганых»; те из них, которым удалось спастись, сообщили о случившемся Кучуму, что стало для того новым ударом. Атаман, по свидетельству летописца, радушно встретил доставленного в казачий лагерь Маметкула и пообещал ему милости московского государя. (Впрочем, эта версия может быть «вымышленным обстоятельством», обусловленным стремлением тобольского книжника представить Сибирь уже в ту пору «державой» Ивана Васильевича, а «ермаковых казаков» — исполнителями царской воли). В главе ЕЛ «О пришествии тотарина Сенбахты и о взятии царевича Маметкула» конкретных сведений почти нет. Они либо не представляли интереса для дьяка владычного Дома, либо отсутствовали в распоряжении автора, служившего нескольким кряду тобольским «святителям». Помимо сообщений о том, что Сенбахта известил Ермака, «прииде во град» Сибирь, о месторасположении Маметкула — на реке Вагае, примерно в сотне верст от этого города, а также указаний на «посылку» казаков, истребление ими многих «поганых» во время ночного нападения, захват в плен царевича, доставку его «к Ермаку с товарыщи», остальные

свидетельства представляют собой литературные штампы, в значительной мере навеянные знакомством «списателя» с Хронографом Русским, например, «юных и искусных ратному делу», «на станы их нападоша» (ср.: 56, 62, 63, 71, 72, 380, 381), «жива яша» царевича «со всем богатством» (ср.: 60), Ермак «поведает же ему (Маметкулу. — *Я.С.*) царьское великое жалованье и ублажает его ласкосердыми словесы»[2]. Попутно заметим, что формула «со всем богаством (богатством)» имеется и в главе «О взятии городков и улусов» (60; ср.: 52, 55, 68).

В частности, автору Повести о Сибири и о сибирском взятии (таково наименование ЕЛ Основной редакции в большинстве списков, см.: 42) не было известно, Маметкул попал в руки «ермаковых казаков»; интересующий нас рассказ, которому предшествует глава об отправке сеунчиков в Москву и их возвращении, открывается выражением «по сем»[3]. Как указывается в ЕЛ, к государю, уже новому — Федору Ивановичу, Маметкула отправили в 7091 г. в сопровождении соратников легендарного атамана, и в Москве знатный приближенный Кучума удостоился «честной» встречи, а эти казаки — щедрых наград (58—59, 61)[4]. Этот рассказ, явно окрашенный книжной риторикой, повторен, иногда в сокращении, во вторичных разновидностях ЕЛ (33, 34, 39, 94—95, 123, 183—184, 245—248, 309—310, 362, 363), порой с некоторыми новыми известиями. К примеру, в Забелинском виде «гистории» софийского дьяка указывается, что отряд, которому удалось пленить Маметкула, возглавлял атаман (не названный по имени), согласно Абрамовскому летописцу, сопровождавшие царевича в Москву служилые люди получили «выход … довольно», если верить Румянцевскому летописцу (далее — РмЛ) вида Б.Маметкула «прислали» туда из Тобольска (заложенного, напомним, в 1587 г.) с безымянным опять-таки атаманом и казаками. В этом летописце не названо имя татарина, известившего «старейшину» русских о местонахождении Маметкула, а его появление в Москве относится то к 7092, то к предыдущему году[5]. В ПЛ сказано, что Вагай, где казаки напали на стан ханского военачальника, располагался «вверх по Иртишу реке», а царевича, причем уже после гибели Ермака, отвез «к государю» голова И.Киреев из отряда князя С.Болховского в 7092 г. В Уваровском списке Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода

читаем о том, что для захвата Маметкула Ермак «посла атамана полка своего», а доставившие знатного пленника из Сибири в Москву атаманы и казаки получили золотые, «добрые» сукна, камки и «питие» (40, 95, 112, 133, 135, 137, 246. Примеч. 19—20; 248. Примеч. 35, 39—40).

Ремезовская летопись (далее — РЛ) сравнительно с ЕЛ сохранила некоторые дополнительные подробности пленения Маметкула: оказывается, что Сенбахта Тагин являлся ближним мурзой ясачным, он «прииде к Ермаку февраля въ 20 день» (7090 г.), казачий отряд, отправленный для пленения царевича, насчитывал 60 или 64 «человекъ ратныхъ», его стан располагался в Куларово, ханского «сын» «с богатством приведоша … во град» 28 февраля[6]. Как и в других случаях[7], приведенные С.У.Ремезовым точные цифры вряд ли достоверны. В частности, захват Маметкула, который в ЕЛ не датирован, следует приурочивать не к 1582[8], а (о чем писали А.Т.Шашков, А.Г.Нестеров и А.П.Ярков) следующему году. Едва ли всего через полтора месяца после боя неподалеку от Абалака, тем более зимой, царевич готовился к новому походу против обосновавшихся в Кашлыке ермаковцев[9]. Как сообщается в главе «Како Кучюмова сына царевича Маметкула взяша жива» Строгановской летописи (далее — СтЛ) по списку Спасского, Сенбахта явился в город Сибирь «по водополию», т.е., с точки зрения Н.М.Карамзина, в апреле, что прямо подтверждается Толстовским списком того же памятника (там сказано про 5 апреля)[10]. В СтЛ, восходящей к одному протографу (скорее всего, им являлась ранняя тобольская летопись) с ЕЛ, в отличие от нее отмечено, что «нецыи отъ Ермаковы дружины (а не лучшие воины, отобранные атаманом. — *Я.С.*) поидоша на Вогай», ставка же Кучума в то время располагалась на Ишиме[11]. Писавший по заказу именитых солепромышленников безвестный «историограф» утверждал, что о пленении Маметкула казаки вначале сообщили Строгановым, а царевича велел «к Москве послати» Иван Грозный. В списке Спасского СтЛ читаем, что знатный пленник был отправлен в русскую столицу «со многими его людми», атаманы же и казаки, сопровождавшие Маметкула, удостоились там «великого жалованья». Из Толстовского списка той же летописи узнаем, что Ивана Васильевича не стало, когда сибирский царевич со станицей ермаковцев находились на полпути к Москве[12].

Р.Г.Скрынников посвященные пленению Маметкула рассказы Есипова и анонимного книжника, писавшего по заданию Строгановых, возводит, как и многие другие сообщения тех же «слогателей», к одному протографу[13]. Думается, интересующие нас строки СтЛ точнее передают его текст, нежели соответствующая глава ЕЛ. Так, ее «списатель» превратил часть «дружины», попытавшуюся захватить сибирского царевича, в отобранных атаманом для осуществления дерзкой операции «юных» и «искусных» воинов, и несколько подробнее, хотя без конкретизации, поведал о ней.

По утверждению В.И.Сергеева, Есипов согласно СтЛ говорит о выступлении государевых воевод в Сибирь и «посылке» ими в Москву Маметкула, а не наоборот, как в Новом летописце старшей редакции (далее — НЛ), — походе воевод за Урал вслед за отправкой родственника Кучума на «Русь»[14]. Однако в КО, протограф которого использован в начале НЛ, сказано о возвращении сеунчиков в «восточную страну» вместе с воеводами С.Болховским и И.Глуховым, следом же — о «поимании» Маметкула и «посылке» его в российскую столицу. В НЛ же читаем об отправке Федором Ивановичем своих воевод в Сибирь уже после «взятия» казаками ханских сыновей, а не одного из них (58—60, 73, 74, 77—78)[15].

По авторитетному указанию Г.Ф.Миллера, Куларово размещалось возле озера Кулары неподалеку от Иртыша (где позднее существовала Куларовская слобода), иначе говоря, царевич разбил лагерь гораздо ближе, чем выходило по «объявлению» Сенбахты[16]. (И.В.Щеглов же не ставил под сомнение достоверность этого показания[17]). Любопытно, что в Кунгурском летописце, включенном Ремезовым в «Историю Сибирскую», Кулары упомянуты как пограничный городок «кучюмовский от калмык» в верховьях Иртыша; в походе, как думалось атаману, навстречу бухарским купцам, Ермак в течение пяти дней не мог овладеть этим городком и решил попытаться взять его на обратном пути к Кашлыку[18]. Следовательно, о месте схватки, в результате которой Маметкул очутился в руках казаков, тобольскому «слогателю» рубежа XVII — XVIII вв. могло стать известно понаслышке[19]. Мнение «отца сибирской истории», будто «резвые» казаки, направленные Ермаком для пленения царевича, застали его вовсе не там, где

указал Сенбахта, а гораздо ближе к бывшей ханской «столице», поскольку Маметкул двигался к этому «граду», «чтоб вновь над казаками учинить неприятельский поиск», как представляется, малоубедительно. Скорее всего, царевич, зачастую считающийся ханским племянником, не располагал значительными силами, если отряд, вероятно, насчитывавший только несколько десятков казаков, сумел перебить или взять в плен «бусурманских» «воев»20. Известие Есипова, что Кучум «многое время» напрасно ожидал Маметкула, и лишь от вестников узнал о его «поимании» казаками, кстати, ставит под сомнение взгляд, будто царевич намеревался осадить Кашлык либо дать Ермаку новое сражение (получается, не прибегая к содействию кочевавшего, скорее всего, неподалеку хана).

По сообщению Ремезова, Ермак показал Маметкулу, доставленному в Кашлык 28 февраля, государево жалованье, но его привез из Москвы атаманам и казакам «слуга царев» 1 марта, т.е. несколькими днями прежде. По меньшей мере одна из этих дат неверна. (О пожаловании Ермака и его сподвижников московским государем сказано и в ЕЛ, но без пояснения, когда это произошло, см.: 58).

Г.Ф.Миллеру казалось, что царский слуга привез награды в Кашлык 1 марта не 7090, а следующего года, т.е. в 1583 г., стало быть, в «Тобольском летописце (как ученый называл РЛ. — *Я.С.*) … в сем учинена погрешность опискою». Едва ли, однако, это описка, ведь говорится о привезенных Ермаку «с товарыщи» дарах, которые атаман демонстрировал Маметкулу[21].

Следуя татарскому преданию (а к источникам такого рода, по наблюдениям С.В.Бахрушина, летописец петровской эпохи обращался постоянно), Ремезов, что на сей раз более правдоподобно, поведал и о Сенбахте. Уже Г.Ф.Миллер предполагал, что вопреки РЛ, плененный ермаковцами царевич был отправлен в Москву из города Сибири пусть и 21 ноября, но не в 7091 г., а в следующем, с прибытием на помощь казакам князя Болховского[22]. Об анахронистичности данного ремезовского известия косвенно свидетельствует и то, что Маметкула привезли уже ко двору Федора Ивановича[23].

По словам владычного дьяка, завершившего «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде» 1 сентября 1636 г., «Ермак же прият сего (Маметкула. — *Я.С.*),

поведает же ему царьское великое жалованье», т.е. рассказывает, сообщает о нем, о чем свидетельствуют и 8, 16—18-я главы есиповских «тетрадей» (51, 58, 59, 72). (Во вторичных разновидностях ЕЛ, кроме РмЛ, где она опущена, процитированная фраза или повторена, или подверглась незначительной правке: читаем не «поведает», а «скажет», «сказа», речь идет о «милости и великом жалованье». Только в Лихачевском виде сочинения Есипова говорится о жалованье «к себе (Ермаку. — *Я.С.*) и ко всем казаком», а в ПЛ сообщается: «Ермак поведа ему (царевичу. — *Я.С.*) про государьское величество и росказывает государево жалованье», см.: 85, 94, 123, 133, 309). Зато Ремезов пишет: «Ермак же приим царевича и показа ему царское жалованье и (о чем в ЕЛ умалчивается. — *Я.С.*) протчим бусорманом», т.е. показал Маметкулу дары Ивана Васильевича (560, ср.: 553)[24].

В Бузуновском летописце в отличие от более ранних говорится, что при «взятии» царевича казаки татар перебили «без остатку», а в Москве Маметкула встретили как посла, а не пленника, щедро наградив при этом ермаковцев[25].

Заметим, что судя по ЕЛ, в 1583 г. — следующем после утраты Кашлыка (Искера) — Кучум не предпринимал каких-либо активных действий, а кочевал в «Поле». Лучший ханский военачальник (по допущению В.В.Трепавлова, бекляребек, т.е. главнокомандующий армией[26]), укрывшись на Вагае, возможно, готовился возобновить боевые действия, ожидая прибытия из подвластных или союзных Кучуму улусов новых отрядов. Лишившись Маметкула, благодаря которому военные планы татар могли стать известны Ермаку, хан, по-видимому, не рискнул наступать на Кашлык, тем более что вряд ли собрал такое войско, как осенью 1582 г., и вскоре инициативу в борьбе с «православным полком» уступил Караче. Только после неудачной осады своим бывшим везирем города Сибири Кучум решил устроить засаду, в которую и попал внушавший страх врагам атаман, считающийся первым русским землепроходцем «Закаменьской страны»[27].

Примечания

[1] Возможно, одержав победу над Маметкулом близ Абалака, Ермак какое-то время не знал о месторасположении царевича, едва спасшегося «под Чювашею», и его отряда.

Считается, что «ясашный» мурза Сенбахта Тагин испытывал неприязнь к Маметкулу (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. И доп. Новосибирск, 1986. С. 238) или самому Кучуму (Никитин Н.И. «За други своя» // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1993. № 6. С. 85). В сибирских летописях Сенбахта выступает и под именами Анбахты, Бахты, Исенбахты, Симбахты, Сембохты, Синбалты, Сенбухты, Селбохты, Сейбухты, Сейбахты, Сембагты, Сенбукты. См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 58. Примеч. 97; XIX. Примеч. 9; С. 85, 94, 183. Примеч. 51; С. 233. Примеч. 3; С. 246, 362.

Далее ссылки на это издание памятников «группы» ЕЛ приводятся в тексте главы.

[2] Выражения «искусны ратному делу», «яша жива» есть и в других нарративных сочинениях (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А.Попов. М., 1869. С. 400; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Вторая половина XV века. М., 1982. С. 252; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 328, 446. Ср.: С. 430; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 206). Первое из них в Погодинском летописце (далее — ПЛ) заменено указанием на «резвых». Кстати, о «резвых людях» читаем в сохраненной т.н. Московским летописцем повести, отражающей перипетии Молодинской битвы, «разрядах» и одном статейном списке (133; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стлб. 1264; Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК). Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 82, 83; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 225. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 243).

В оценке Н.А.Дворецкой «весьма абстрагировано» Есипов повествует и о разгроме Кучума в 1598 г., что объясняется отношением тобольского летописца к источникам: документальный материал перерабатывается «в духе книжной риторики» (Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 64). Но следует считаться и с тем, что этот материал мог быть довольно ограниченным.

[3] Ср.: Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 23, 32, 77; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 31, 83; Творогов О.В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л., 1989. С. 297, 313, 333, 336.

Посвященные началу экспедиции Ермака 8—12-я главы ЕЛ, в значительной мере основанные на текстах Библии и Хронографа Русского (см.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 364—366), тоже почти лишены конкретных сведений, за исключением разве что указаний на путь казаков с Волги до устья Тагила, где «руские вои» взяли в плен татарина Таузака, «царева Кучюмова двора», на прибытие к хану «во град Сибрь» татар, остяков и вогулов, сооружение засеки «под Чювашевым» у Иртыша, сражение русских с Маметкулом близ урочища Бобасан (Абалак), плавание казаков по Тоболу и Иртышу, бой с Карачей («думным» Кучума) и захват его улуса с «царевым медом», сражение на берегу Иртыша, «взятие» городка мурзы Аттика, битву «дружины» у засеки с войском Маметкула, который тогда был ранен и едва спасся, возвращение Кучума

с высокой горы «под Чувашею» в город Сибирь и бегство хана из своей «столицы».

[4] В «Кратком описании о Сибирстей земли и о похождениях атамана Ермака» (далее — КО), протограф которого, видимо, был известен Есипову, упоминается о пленении Маметкула в бою на Вагае, отправке царевича в Москву и пожаловании его Федором Ивановичем. О «взятии» безымянного сибирского царевича Ермаком «с товарыщи» упоминается в Пискаревском летописце (74; СЛ. С. 309; ПСРЛ. Т. 34. С. 195). В синодике «ермаковым казакам» (далее — С) об интересующем нас эпизоде знаменитой экспедиции не упоминается — или потому, что при захвате Маметкула никто из русских не погиб, или потому, что ветераны похода во время создания «написания» (дабы в окружении архиепископа Киприана можно было составить «помянник» атаманов и казаков, павших в сражениях с «кучумянами») не смогли вспомнить ни одного из своих соратников, которых убили в ставке царевича. В одной поздней челобитной, впрочем, сообщается, что пленение Маметкула («под Сырьянском», о чем нигде более не сказано) стоило жизни Сергею Зиновьеву (Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В.Нечкиной. М., 1976. С. 380; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 67). В С среди павших в боях с «погаными» указан один Сергей, но погибший близ Абалака (78, 380).

[5] Мнение, что в РмЛ, якобы первичном относительно ЕЛ (недавно вслед за Е.И.Дергачевой-Скоп на это указывал А.В.Матвеев), «по последовательности (или логике) изложения внутренне “сцеплены” между собой эпизод пленения царевича Маметкула … и описание смерти Ермака» — «действия», которые «происходят ночью» (Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI — XX вв. Новосибирск, 2005. С. 311; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV — XVIII вв.: Колл. моногр. / Отв. ред. Е.К.Созина. Екатеринбург, 2006. С. 101), должно считаться произвольным. К тому же, по свидетельству Есипова (его «сложение», как выяснено, в частности, Е.К.Ромодановской и И.Ю.Серовой, предшествовало РмЛ), ночью казаки совершили успешную вылазку во время осады города Сибири Карачей (62; ср. 53, 55).

Л.Г.Панин обратил внимание на стилистические различия РмЛ, ЕЛ и ПЛ в анализируемом фрагменте. См.: Панин Л.Г. О языке русской письменности Сибири XVII — XVIII веков // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII — XIX веков. Тобольск, 2005. С. 443, 446.

[6] СЛ. С. 338, 339, 429, 430, 543; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 560. Е.И.Дергачева-Скоп, перечисляя эпизоды, «извлеченные» Ремезовым из ЕЛ, рассматриваемого нами не указывает. См.: Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У.Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 51—52.

[7] См., напр.: Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 202.

[8] Вслед за Г.Ф.Миллером и В.В.Вельяминовым-Зерновым так поступают и некоторые современные историки, например, А.В.Беляков и Б.Р.Рахимзянов.

Затруднительно решить, на чем основано утверждение последнего из них, будто Маметкул «был предан Тайбугидами (вряд ли к ним можно причислить Сенбахту. — *Я.С.*) и передан в руки московских казаков» (Рахимзянов Б.Р. Контакты Москвы с Сибирскими Чингисидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы международ. конф. (далее — ИЭК). Курган, 2011. С. 79). Считать таковыми ермаковцев, разумеется, тоже не приходится.

Факт пленения русскими Маметкула, кстати, неоднократно подчеркивался в дипломатической документации конца XVI — начала XVII вв. См., напр.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь конца XVI — начала XVIII века. М., 1972. С. 48, 49, 53. Ср.: С. 51; Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 50.

[9] А.П.Ярков же, подобно Г.Ф.Миллеру, уверен в том, что Маметкул очутился в неволе в феврале (Ярков А.П. Кучум и Ермак: осевое время Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 28).

По утверждению А.Т.Шашкова, будучи первым воеводой полка левой руки, Маметкул уже в декабре 1585 г. участвовал в походе против шведов (Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 7). Точнее, этот поход намечался, однако был отменен. См., напр.: РК. Т. 2. Вып. 1. С. 29.

[10] СЛ. С. 27, 72; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стлб. 231.

[11] СЛ. С. 27—28, 72—73. В Толстовском списке СтЛ последнего замечания нет. В Лихачевской разновидности ЕЛ сообщается, что хан в пору пленения Маметкула кочевал по берегам реки Наиши «близ града Сибири» (123).

[12] СЛ. С. 29, 31, 33, 74, 76, 78.

[13] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 87—88, и др. Р.Г.Скрынников не сомневался в том, что Маметкул попал в плен вслед за отправкой Ермаком «гонцов» в Москву (Там же. С. 98, и др.). Но «посылку» «ратоборным» атаманом сеунчиков к царю Ивану можно причислить к «вымышленным обстоятельствам», немало которых есть и в сибирских летописях, и в СтЛ.

[14] Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 50. Ср.: С. 54.

[15] ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33. Заметим, что ссылка В.Г.Вовиной-Лебедевой на упоминание в НЛ факта пленения ермаковцами сына Кучума (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 246; Она же. Новый летописец и раннее сибирское летописание // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века): Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2011. С. 162) не отличается точностью.

[16] Описание Сибирского Царства / Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. М., 1998. С. 120; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 234. Слобода «в Тоболску на Куларове», «над рекою Вагаем», была устроена незадолго до 1628 г. (37; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996.

С. 53). По сообщению Ремезова, Кучум, бежав из Кашлыка, обосновался «на дорогах, на урочищах Вагаю, Куларова и Тархан в крепких местех», тогда как согласно ЕЛ хан стал кочевать в Поле (68; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 561). Напомним, что согласно ЕЛ и ее многочисленным вторичным разновидностям Вагая достиг Ермак в своем последнем походе, рассчитывая встретить на этой реке бухарских «торговых людей» (34, 40, 63, 72, 87, 90, 95, 113—114, 117, 125, 134, и др.; ср.: 73, 74, 78).

[17] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 — 1883 гг. Сургут, 1993. С. 38.

С точки зрения А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова, Маметкул владел землями в пределах бывшего княжества Тайбугидов (Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // ИЭК. С. 35). Но этот улус, скорее всего, находился поблизости от Кашлыка, а вовсе не на Вагае.

[18] ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 581. Как поясняют В.Н.Алексеев и Е.И.Дергачева-Скоп, Куларово или Куллар-аул — это татарский юрт на западном берегу Иртыша, рядом с озером Аусаклу (Там же. С. 702). В современных Вагайском и Тобольском районах Тюменской области свыше четырех веков существуют деревни Коллар (Куларовские). По преданию, в бою с казаками там (на Вагае) погибли два сына Кучума. См.: Алишина Х.Ч. Дастан «Идегей» как источник этнолингвистической информации (к 75-летию Ф.В.Ахметовой-Урманче) // Сулеймановские чтения (тринадцатые): Всерос. научно-практ. конф. «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18—19 мая 2010 г.): Мат-лы и докл. Тюмень, 2010. С. 155—156.

[19] Кстати, как раз в 1636 г., когда возникла ЕЛ, в сибирской столице по приказу ее воевод князя М.М.Темкина-Ростовского и А.В.Волынского тобольских старожилов из числа служилых людей расспрашивали о времени и обстоятельствах строительства Березова (Первое столетие … С. 73, 74). Тем самым косвенно подтверждается часто высказывавшееся мнение о том, что создатель этой летописи обращался и к устным источникам.

[20] Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582—1598 гг. // ИЭК. С. 92.

[21] А.Т.Шашков, несомненно, заблуждался, полагая, что «указания на дни и месяцы, когда происходили те или иные события», в отличие от «годовых» дат у Ремезова, «как правило, вполне точны» (Шашков А. Проезжая через Самарово. Из прошлого столицы Югорского края // Родина. 2007. № 10. С. 45).

[22] Описание … Кн. 1. С. 138; Л. 1 об., 2. Ср.: С. 133; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 244.

[23] ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 561. Взгляд, будто в ремезовских сочинениях отсутствуют ошибки либо их почти нет (Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У.Ремезова: Археографический комментарий: Материалы // II Ремезовские чтения — 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 512 — 513. Примеч. 112), думается, служит проявлением нарочитой тенденциозности.

[24] Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взял …» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции … С. 142.

[25] СЛ. С. 300, 301. Судя по ЕЛ, некоторым воинам Маметкула, быть может, удалось спастись в схватке на Вагае («вестницы» сообщили хану о пленении близкого к нему царевича).

[26] Трепавлов В.В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 151.

[27] См.: Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака // ВИЖ. 1966. № 1. С. 42. Примечательно, что узнав о гибели отряда Ивана Кольца, Ермак не бросился (как произошло после истребления Маметкулом «станицы» Богдана Брязги на Абалаке) отомстить Караче, а дождался, когда тот осадил город Сибирь. Возможно, это объясняется тем, что в отличие от начала экспедиции к тому времени казачья «дружина» стала относительно малочисленной, и «храбросердый» атаман не рискнул выступить навстречу Караче, не сумел предотвратить блокады бывшей ханской ставки, сделавшейся осенью 1582 г. казачьим лагерем. Не исключено, что под началом Ермака тогда оставалось не более полутора сотен «воев», Карача же, который мог рассчитывать на содействие Кучума (хотя тому приходилось считаться с появившимся в Сибири Сейдяком), очевидно, имел куда большие силы, а кроме того, после гибели Кольца и его «товарства» обзавелся «вогненным боем» (если следовать одному из уникальных сообщений ПЛ).

Глава 3

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ВОЕВОДЫ В «СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ» (1584—1586 гг.): ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ И ИХ ИСТОЧНИКИ

В летописных сочинениях, которые время от времени, начиная со второй трети XVII в., появлялись в Азиатской России, нашли отражение не только перипетии бессмертной эпопеи Ермака, но и события предпринятых следом походов государевых воевод за Урал, привлекшие внимание и ряда московских книжников.

В «Кратком описании о Сибирстей земли …» (далее — КО), созданном, возможно, в русской столице по случаю учреждения Тобольской епархии и хиротонисания на новую кафедру Киприана Старорушанина, рассказывается о том, что Иван IV направил с сеунчиками «ратоборного» атамана воевод князя С.Болховского и И.Глухова. Первый из них, очутившись в Сибири, «вскоре преставися», а после гибели Ермака его сподвижники под началом Глухова «изшед из города» (Кашлыка) и, вернувшись на «Русь», «возвестиша царю Федору Ивановичю о своем падении»; он послал в «Закаменьскую страну» В.Б.Сукина и других воевод со служилыми людьми, которые на Тюменском городище «поставиша» первый русский сибирский «град», отправленный же из Тюмени «внутрь Сибирские земли» голова Д.Чулков выстроил Тобольск[1].

Протограф КО, как, в частности, выяснено В.Г.Вовиной-Лебедевой, стал источником двух первых глав Нового летописца (далее — НЛ) редакции конца 1620-х гг., сложившейся, по-видимому, в окружении патриарха Филарета. Сравнительно с КО в крупнейшем памятнике официального летописания «послесмутного» времени умалчивается о быстрой смерти в Сибири князя Болховского и «своем падении», о котором сообщили «святоцарю» Федору Глухов и уцелевшие ермаковцы, но добавлено имя воеводы Сукина, отправившего Чулкова «ставить» Тобольск, — Василий (73, 78)[2].

В ЕЛ сообщается о том, что в 7091 (1582/83) г. Иван Васильевич направил «в свою державу» в Сибирь воевод С.Болховского и И.Глухова «со многими воинскими людми»; тогда, «зимнею годиною»,

«во граде Сибири (был. — *Я.С.*) глад крепок», от которого умерло немало ратников, да и князь Семен, тут и похороненный (60)[3]. Видимо, автор этой «Повести о Сибири и о сибирском взятии» полагал, что раз в 7089 (1580/81) г. ермаковцы овладели «столицей» Кучума, одолели его сына (точнее, племянника) Маметкула у Абалака, послали в Москву сеунчиков (которых Грозный «отпустил» обратно с «жалованьем многим» атаманам и казакам), в следующем году, который, однако, не назван, был пленен царевич Маметкул, от хана «отъиде» его «думный» Карача, «дружина» совершила походы по Иртышу и Оби (58—60), следовательно, Болховский появился в Сибири в 7091 г.[4] По свидетельству владычного дьяка, в 7092 (1583/84) г. погиб предводитель экспедиции, а «во второе ж лето по Ермакове убиении[5] (т.е. в 7093 г. — *Я.С.*) прииде с Москвы в Сибирь» воевода И.Мансуров (о чем в КО и НЛ не сказано). По словам Есипова, «доплыша реки Иртиша», на берегу которого собралось множество татар, и узнав, что «казаки побегоша из града» (Сибири), воевода испугался и отправился вниз по Иртышу, достиг Оби и с наступлением зимы «повеле поставити городок над рекою Обью против иртишьсково устья», где «сяде … с воинскими людми»; «по неколицех же днех» к городку подступило множество местных остяков, но они не сумели им овладеть в течение целого дня, и утром следующего принесли «кумира», которого (и соседнее дерево) русские уничтожили пушечным выстрелом, и осаждающие, думая, что их божество «разбито» из лука, «от того же часа возвратишася восвояси» (64—65). Заметим, что выражение «по неколицех же днех» (ср.: 66. Примеч. 17; 68) и указания на множество врагов (ср.: 32, 38, 52, 53, 62, 64, 71, 132, 138, 380) представляют собой литературные штампы[6].

Об экспедиции Мансурова и осаде его городка остяками с Оби и Иртыша дьяк трех кряду тобольских архиепископов, не исключено, писал по воспоминаниям служилых людей, которые полвека спустя входили в состав гарнизона сибирской столицы.

Наконец, к 7093 г. в ЕЛ приурочено основание пришедшими «с Руси» многочисленными ратниками во главе с воеводами В.Сукиным и И.Мясным Тюмени (где выросли дома и церкви) «на месте града Чингий» (65, ср.: 46). По мнению С.В.Бахрушина, эту дату автор летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии,

и о Тоболске граде» почерпнул из материалов приказной палаты заложенной Д.Чулковым крепости[7]. Выдающийся историк, вероятно, не учел, что последняя была «срублена» на год позднее Тюмени. Скорее всего, Есипов (или его предшественник, сочинивший «распространенное» софийским дьяком «писание») полагал[8], что русские основали Тюмень в том же году, когда возник Мансуровский городок, причем вслед за ним.

Во вторичных разновидностях ЕЛ в приведенные сообщения ее «слогателя» вносятся отдельные более или менее значительные дополнения.

Так, в Румянцевском летописце (далее — РЛ) вида А предводителями экспедиции, направленной за Урал первым московским царем, названы князь Семен Глухов и Иван Болховский[9], и на основании СтЛ наступление в Кашлыке страшного голода, унесшего жизни почти всех ратников, «присланных» «с Руси» на помощь ермаковцам, объясняется тем, что «казаки запасы имеяху колко людей и запасу строяще», не рассчитывая на многочисленное войско; в сообщении о «поставлении» Тюмени речь идет об одной церкви (34, 35). Про это сказано и в РЛ вида Б, с той лишь разницей, что воеводы именуются Симеоном Глуховским[10] и Иоанном Болховским (39—41).

В Титовском виде ЕЛ упоминается о церкви, которая была заложена в построенной в 7094 (1585/86) г. Тюмени (86—88; ср.: 189[11]).

В Абрамовском летописце (далее — АЛ) выступление Болховского и Глухова, причем в Тобольск, датируется 7091 или 1583 ., говорится о смерти от наступившего тогда голода многих русских и иноземцев, утверждается, будто остяки, осадившие в 7092 г. Мансуровский городок, хотели «взяти православных христиан в порабощения, а иных смерти предати», и констатируется, что «поганые» вернулись от этого «городка кождо во своя улусы [со] срамом, а помощи себе от своего кумира не обретоша», русский же воевода «дождався полой воды и собрався в струги своя со всеми воинскими людми, и плыша по реке Оби чрез Камень круги, а городок свой созже». Сукин и Мясной, читаем далее, прибыли из Москвы в 7093 или 1585 г. «чрез Верхотурский волок (вернее, Тагильский. — *Я.С.*) …, а сколко человек, того не имяновано» (в источнике АЛ, т.е., надо думать, в ЕЛ), «поставили» Тюмень, где ранее «бысть Чингидин», а в этом городе дома и церкви «на

вечное житие» (94, 96). Замечание о Верхотурском волоке (ср.: 96, 141, 230, 285, 339, 353, 376) склоняет к мысли, что создатель РЛ являлся сибиряком. Указания же на голодную смерть многих иноземцев зимой, ставшей для Болховского последней, намерения остяков, подступивших к Обскому городку, их постыдное возвращение, отступление Мансурова, сожжение им своего городка (в действительности просуществовавшего еще девять лет, до 1594 г., когда служившие там годовальщики приняли участие в строительстве стен и башен Сургута), путь, которым рать Сукина и Мясного достигла Сибири, наконец, сооружение в Тюмени домов и церквей, пользуясь определением Е.К.Ромодановской, можно оценить как вымышленные обстоятельства, что свидетельствует о сугубо художественных мотивах правки текста.

В Забелинском виде ЕЛ каких-либо новых подробностей в интересующих нас сообщениях нет, разве что князь Болховский представлен Волконским (как и в некоторых списках НЛ) и сказано об основании Тюмени с церковью на месте города Чингий (113—115).

В Лихачевском виде ЕЛ, обнаруживающем (подобно РЛ) зависимость от СтЛ, сказано о том, что казаки со своим «наставником» встретили Болховского и Глухова «зело честно и радостни быша им», и датируется голод, ставший губительным для «присылных людей», — «с крещения Господня наста и до великого поста»; Мансуров, оказывается, появился в Сибири «после Семенова дни», а первая тюменская церковь посвящалась Преображению Господню (124, 126).

Больше всего оригинальных данных о походах Болховского, Мансурова и Сукина мы находим в ПЛ, создатель которого обращался к документации Посольского приказа. В этой «Повести летописной», «откуду начяся царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеся Сибирь, и како Божиим повелением взята бысть православными хрестьяны …», в число помощников Болховского (который, что нам уже встречалось, называется Волконским) включен голова И.Киреев, вместе с «ермаковыми казаками» доставивший в Москву в 7092 (1583/84) г. плененного русскими царевича Маметкула. Под началом воеводы, отправленного за «Камень» в сопровождении сеунчиков[12], как сообщается в ПЛ, состояло 100 казанских и свияжских стрельцов, 100 «пермич»

и «вятчан» (следом тоже названные стрельцами), 100 «иных ратных людей»[13]. Все они, не имевшие никакого «запасу», а также многие ермаковцы, «померли в Старой Сибири з голоду», «от скудости хлебные», в живых осталось 90 сподвижников Ермака (слывшего среди них Токмаком), погибшего еще до прибытия отряда Болховского; уцелевшие «руские люди», «убояшась тут жити и беззапасны до конца», перезимовав, «на лето, как вода вскрылась», через «Камень» — по Оби, Соби и через Пустоозеро — вернулись на «Русь», в том числе казак Черкас Александров. Из Москвы, где «чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди», им на помощь выступили с Мансуровым 700 казаков и стрельцов «розных городов»; воевода дошел «в судех рекою Тоболом» до Иртыша, а затем приказал «на другой стороне Оби» выстроить городок, где с войском и провел «многое время и до весны»; зимой остяки пытались овладеть русским острогом, но безуспешно. Наконец, в ПЛ сообщается о прибытии в Сибирь в 7094 (1585/86) г. отряда В.Сукина и И.Мясного, включавшего «ермаковых казаков» — Черкаса Александрова «с товарыщи». Этот отряд «поставил» на Туре, где ранее существовал городок Чимги, Тюмень; в числе первых построек там «срубили» (как вскоре в Тобольске) Троицкую церковь (133—136)[14].

Приведенные известия, кроме самых последних, имеют, вероятно, документальную основу, а не являются (так думали Е.К.Ромодановская и А.Т.Шашков) воспоминаниями Черкаса. Сведения о нем попали в ПЛ, скорее всего, из челобитной его сыновей, если также не внука[15], которая в пору создания наиболее любопытной из вторичных разновидностей ЕЛ (конец XVII в.) могла храниться в Сибирском приказе. ПЛ, не исключено, донес до нас показания ермаковцев и И.Глухова, записанные по их возвращении в Москву в 1585 г. Указание же безвестного книжника на численность рати Мансурова едва ли восходит к «разрядам», как представлялось Р.Г.Скрынникову, тем более что внушает сомнения[16] (недаром в «Повести летописной» умалчивается, выходцами из каких городов были казаки и стрельцы, которых привел за Урал государев воевода в 1585 г.; относительно же рати Болховского сведения такого рода есть). Плененного же ермаковцами Маметкула привезли в Москву в начале 1585 г.[17], т.е. в 7093, а не предыдущем, который назван в ПЛ, возможно, потому, что «честно»

принимал ханского родственника в своем дворце уже «освятованный» Федор Иванович (61, 74)[18].

Едва ли не все вторичные разновидности ЕЛ были созданы тогда, когда в Тобольске велся (при владычном дворе и воеводской «избе») СЛС. В его старшей из сохранившихся редакций — Книге записной (далее — КЗ) — говорится о том, что Болховский и Глухов были направлены царем Иваном «в Старую Кучюмовскую Сибирь» к Ермаку «с товарыщи» «на воеводство», про что в рассмотренных летописных сочинениях, напомним, не было речи. После гибели предводителя экспедиции и голодной смерти многих его соратников, а также Болховского, согласно КЗ, «достальные сидельцы (атаманы и казаки во главе с Глуховым, который считается воеводой. — *Я.С.*) побежали через Камень к Москве», и Старую Сибирь с начала 7093 (т.е. осени 1584) «по 94-й год» (1585/86) русские оставили «впусте». В 7092 (1583/84) г., читаем далее, за Урал прибыл Мансуров, но «видя Сибирь (т.н. Старую, т.е. Кашлык или Искер. — *Я.С.*) пусту», тоже «побежаша через Камень к Русе», а зимовал в Обском городке на Белогорье[19]. В следующем году, если верить КЗ, В.Сукин, И.Мясной и Д.Чулков над Турой и Тюменкой, где ранее находился городок Чингий, «поставили» Тюмень, откуда Чулков был послан в Старую Сибирь. Как упоминается в той же редакции СЛС, по другим летописцам (вероятно, подразумеваются «гистория» Есипова и зависимые от нее памятники), этого голову направили для строительства Тобольска в 7095 (1586/87) г. из Москвы (138, 139; ср.: 35, 41, 65—66, 88, 96, 115, и др.).

В близкой к КЗ Миллеровской разновидности СЛС («Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее …») привлекает внимание известие о том, что после гибели Ермака «з дружиною» и ухода оттуда «воеводы» Глухова Мансуров «был в Сибири Старой Кучюмовской», но «убояся, не дождався перемены и ничего добра не учинив, побежал через Камень к Русе» (189. Примеч. 31—33). Версия о том, что основатель Обского городка, хотя бы на короткое время, занял город Сибирь, явно противоречит повествованию Есипова, да и создателя КЗ.

В Головинской редакции СЛС оригинально разве что сообщение о том, что не сумев овладеть заложенной Мансуровым крепостицей, остяки «быша мирны, и государю ясак начаша давати»

(186). Это сообщение, очевидно, расходящееся с представлением о безуспешности зауральской экспедиции 1585—1586 гг., мы встречаем также в Нарышкинской и Академической редакциях обширного свода, который систематически велся в столице «Сибирского царства» (252, 312, 365)[20]. Рассказ о подходе Мансурова к Кашлыку подвергся в этих, а также Шлецеровской редакциях «Описания …» стилистической правке, так, здесь читаем о «многом» и «превеликом множестве» остяков, преградивших русскому отряду путь к бывшей ханской столице (251, 311, 345, 364).

Несколько оригинальных свидетельств о трех первых экспедициях государевых воевод за Урал после «Ермакова взятия» «Кучумова юрта» содержит относящаяся уже к рубежу XVII—XVIII вв. ремезовская ИС. Там утверждается, что Болховский выступил в поход с 500 служилыми людьми «Волгою чрез волокъ» 10 мая 1583 г., прибыл в Кашлык 1 или 2 ноября следующего года[21]. Во время голода, стоившего жизни и молодому князю, и многим служилым людям, приведенным им в Сибирь, если верить прославленному тоболяку, «понудитися и телы человеческие ясти». Как читаем в ИС, в распоряжении Мансурова находилось «малое войско» — 100 «ратных», Сукин же, Мясной и Чулков имели 300; Тюмень была заложена 29 июля, а самая первая местная церковь посвящалась Спасу[22]. Большинство исследователей, начиная с Г.Ф.Миллера, не сомневается в достоверности этих сведений. Однако хронологические показания С.У.Ремезова, как правило, произвольны[23], подобно его цифровым данным[24]. Думается, сведения ИС, которые не находят параллелей в других источниках, следует причислить к «вымышленным обстоятельствам», примеры которых, повторим, налицо в АЛ.

Таким образом, сообщения сибирских летописцев XVII в., да и остающегося анонимным «слогателя» КО[25], о первых правительственных экспедициях в Сибири при Иване Грозном и его «благоюродливом» наследнике изредка восходят к документальным материалам, а большей частью запечатлели устную традицию, порой же отражают черты исторического сознания «переходного времени».

Под пером Есипова казачья «дружина» разгромила Кучумово «царство», и «Закаменьская страна» тотчас превратилась в «государеву вотчину». (Болховского Иван Васильевич послал в Сибирь

как свою «державу»; на новой восточной окраине России действовали Мансуров, а следом основатели Тюмени и Тобольска). Эту схему в сущности воспроизвели другие летописцы, да и историки XVIII—XX вв. Но отряд Болховского едва ли не целиком погиб от голода в первые же месяцы пребывания в Кашлыке, Мансуров смог закрепиться, и то на короткое время, лишь в Обь-Иртышском междуречье. Поэтому начало становления «Сибирского царства» московских государей, скорее всего, следует приурочить к 1586 г., а не ко времени, когда престол занимал «гордоярostный» Иван IV.

Примечания

[1] Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 309—310; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 74. Следом ссылки на второе из этих изданий приводятся в тексте главы.

Мы отнюдь не считали КО вторичным относительно Есиповской летописи Основной редакции (далее — ЕЛ), как недавно нашла В.Г.Вовина-Лебедева (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец и раннее сибирское летописание // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века): Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2011. С. 159). Заметим, что указанная статья В.Г.Вовиной-Лебедевой почти целиком совпадает с отведенными рассмотрению тех же проблем страницами ее монографии, изданной в 2004 г.

Попутно отметим, что недавно высказанное мнение о казачьем «написании» (далее — Н), переданном в распоряжение Киприана, как общем источнике всех сибирских летописей (Тришкан И.Е., Цыганков Д.А. Бахрушин // Императорский Московский университет: 1755—1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 59) должно считаться ошибочным, это недошедшее до нас произведение, возникшее в кругу сподвижников Ермака в начале 1620-х гг., надо думать, легло в основу синодика атаманов и казаков, использованного Саввой Есиповым и анонимным строгановским «историографом», а также безвестным книжником, ранее создавшим тобольскую летопись, которая явилась, видимо, протографом и ЕЛ, и Строгановской летописи (далее — СтЛ). Не отличается точностью и вывод, будто ученые после С.В.Бахрушина, как правило, возводили к Н наряду с последней и все сибирские летописи (Вовина В.Г. С.В.Бахрушин и М.Н.Тихомиров: к вопросу о школах в исследовании Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 29).

[2] ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33, 34. В одном списке вторичной относительно НЛ «Окладной книги Сибири» 1696 г. читаем, что Болховский «вскорости умре», но в Тобольске (73. Примеч. 27—27), которого тогда, разумеется, еще не существовало.

[3] Приведенную дату находим и в Мазуринском летописце, тогда как в поздней хронографической повести «О победе на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятии Сибирскаго царства» и «присылка» Болховского

в «Закаменьскую страну», и его смерть отнесены к 7090 г. (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А.Попов. М., 1869. С. 401; ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 142).

С точки зрения С.В.Бахрушина, князя Болховского послали за Урал «во второе лето» по «Сибирском взятии», т.е. вернее было бы указать 7090 г. (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 38; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 475). Но о «втором лете» в данном случае Есипов не писал.

Е.К.Ромодановская почему-то отрицает, что в ЕЛ сообщается о кончине Болховского в Сибири (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 367).

[4] Стало быть, мнение, что по всем летописям воеводы прибыли в Сибирь не ранее 1584 г. (Ромодановская Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 140), ошибочно. Не отличается точностью и заключение В.И.Сергеева, что «согласно летописной традиции», Болховский «прибывает к Ермаку поздней осенью 1584 г., а гибнет … зимой 1584/85 г.» (Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 23). Так, «посылка» этого воеводы в Сибирь чаще всего датируется 1582/83 г., а его смерть — зимой следующего года. В Погодинском летописце (далее — ПЛ) же неоднократно подчеркивается, что Болховский не застал в живых «велеумного» атамана.

[5] Аналогичные хронологические определения есть в синодике «ермаковым казакам» (71—72, 380—381).

[6] См. также: СЛ. С. 12, 13, 19, 20, 31, 32, 36, 40—42, 61, 66, 67, 83, 86, 87, 103, 372, 373; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 236. У М.А.Демина же эти указания в отличие от Н.А.Лапина и В.Н.Евсеева не вызывают сомнений. См.: Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 40. Ср.: С. 41, 43; Демин М.А. Литературно-исторические произведения XVII в. о взаимоотношениях коренного и пришлого населения Западной Сибири // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 253; Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 100.

[7] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 475.

[8] Это неверно. См.: Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 119, 120.

[9] А.В.Матвеев повторил эту ошибку. См.: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 137; Казаки Тюменского региона ... С. 17.

[10] В НЛ редакции князя Оболенского, созданной в конце XVII в., речь идет о Федоре Глуховском, отозванном из Сибири в Москву. См.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича, издан по списку Князя Оболенского. М., 1853. С. 23.

[11] См. также: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 231. Ту же дату находим в «разрядах» (Солодкин Я.Г. К истории основания Тюмени

и Тобольска // Проблемы истории Сибири XVI—XX веков. Вып. 2. Нижневартовск, 2006. С. 46).

[12] Об этом редактор ЕЛ, вероятно, узнал из КО. Е.К.Ромодановская же находила соответствующее известие ПЛ оригинальным (Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 204—205).

[13] Эти сведения находят аналогию в царской грамоте Строгановым от 7 января 1584 г. (Сергеев В.И. Источники и пути исследования … С. 43; Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 97, и др.). Вопреки мнению Е.К.Ромодановской (см.: ЛП. С. 366—367), указанный документ подтверждает далеко не все известия ПЛ о «присланной» в Сибирь рати Болховского.

[14] Повторим, что в Лихачевском виде ЕЛ церковь, заложенная при основании Тюмени, называется Преображенской. «Первоначальная» же тобольская церковь, о чем известно документально и по большинству редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС), — это, действительно, Троицкая. См.: 139, 186, 190, 252, 312, 365; Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири. Ч. 1: Летописи города Тобольска. СПб., 1898. С. 69, 76, 188; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 156.

[15] См.: Солодкин Я.Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009. С. 146, и др.

[16] В ЕЛ численность отряда мещовского выборного дворянина, под руководством которого был предпринят второй по счету поход государевой рати за «Камень», не указана, согласно же «Истории Сибирской» (далее — ИС) С.У.Ремезова, Мансуров располагал сотней воинов (64; СЛ. С. 348—349, 439; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 565, и др.). Сообщению тобольского сына боярского, являвшегося современником Петра Великого, следует большинство историков — от Г.Ф.Миллера до Д.М.Володихина. Но оригинальные показания поздней Ремезовской летописи, как правило, недостоверны. Так, ее автор утверждал, будто в походе 1598 г. против Кучума участвовало «700 конных» и 300 татар. Однако из документов, которыми располагал еще Н.М.Карамзин, известно (на что не обратил внимания Ю.С.Худяков), что под началом тарского письменного головы А.М.Воейкова, нанесшего непокорному хану окончательное поражение, имелось около 400 служилых людей.

Примечательно, что о 700 убитых и взятых в плен в сражениях на Уле и Восме мы читаем в Пискаревском летописце. В появившемся несколько раньше его Поволжском летописце та же цифра называется при определении количества болотниковцев, захваченных правительственными войсками под Москвой, и шведских наемников, прибывших на помощь князю М.В.Скопину-Шуйскому в Новгород (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190, 215; Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 217, 218). Как говорится в НЛ, в сражении 24 августа 1612 г. под Москвой ополченцы одних венгров (из армии гетмана Я.К.Ходкевича) «побиша семьсотъ человечь». Благодаря Карамзинскому хронографу известно, что в сражении под Москвой в мае 1609 г. в плен попало 700 тушинцев. Столько же воинов, если следовать СтЛ, было у напавшего на русские земли пелымского

князя (Изборник … С. 343; СЛ. С. 12, 60, 99; ПСРЛ. Т. 14. С. 125. Ср.: С. 62). По свидетельству автора Казанской истории, новый хан Шигалей перебил в Казани 700 вельмож (ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 426. Ср.: С. 560; Охотникова В.И. Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 124, 125; ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 226). Обратим внимание и на то, что в росписях крупных военных экспедиций конца XVI в., в том числе в Сибири, ни один отряд такой численности не значится. В походах русских войск в новой «государевой вотчине» тогда участвовали куда меньшие силы, нежели 700 человек (Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 12, 15—18, и др. Ср.: Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронтира: Дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2008. С. 95, 246). Поэтому возникает вопрос: не имеет ли приведенное в ПЛ указание на численность рати И.А.Мансурова, ранее не ставившееся под сомнение (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 50, 51, 59, 237, 315; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 120; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 55, 56, и др.), сакральный смысл, подобно таким «священным» и метафорическим числам (еще у Геродота, в Библии), как 7 и 7000? (ср.: 21, 105 — 106). Скорее всего, Мансуров возглавлял отряд значительно меньшей численности, чем указанная в ПЛ. Примечательно, что если тремя сотнями служилых людей, посланными в Сибирь в 1584 г., предводительствовали воевода князь С.Д.Болховский, головы И.В.Глухов и И.С.Киреев, то о помощниках Мансурова в источниках не упоминается. Это наводит на мысль, что под его началом состояло менее 700 ратников. Вспомним также, что Березов был основан в ходе экспедиции, в которой помимо даточных людей участвовали 300 служилых во главе с воеводами Н.Траханиотовым и князем М.Волконским, а также головой И.Змеевым. Сургут в следующем, 1594 г., «рубили» полторы сотни казаков и стрельцов, которых привел из Москвы письменный голова В.В.Аничков; к нему вскоре присоединился князь Ф.П.Барятинский, ставший первым воеводой нового города. (Подчиненными голов могли являться от 50 до 500 служилых; 1100 воинов подчас находились в распоряжении трех голов, см.: Анхимюк Ю.В. Росписи казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ Q. IV. 53 // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 183—187). Недаром, по словам одного летописца, узнав, что в Сибири не осталось ермаковцев, воевода «убояся поганых множества, … побежаша через Камень к Русе» и основал городок на Белогорье (138, ср.: 64). В ЕЛ и ПЛ сообщается, что накануне решающего сражения у Чувашева мыса «поганых» было в 10 и даже 20 раз больше казаков (которых накануне похода в «Кучумово царство» насчитывалось 540), и те «убоялись» «бусурман» (50, 53, 131, ср.: 56, 71). Для новой зауральской экспедиции, не исключено, московское правительство смогло выделить опять-таки лишь три сотни служилых людей, посчитав эти силы достаточными, чтобы утвердиться в «Сибирской земле».

[17] См.: Очерки истории Югры. С. 99, 119, и др.

[18] См. также: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 49, 51.

[19] Так локализуется Мансуровский городок и в Забелинской летописи конца XVII в. См.: Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 197 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 71).

Название КЗ производно от выражения «в книги записывать». См., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 350, 356; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 104.

А.С.Хромых почему-то относит КЗ к документам, а ПЛ датирует первой четвертью XVIII в. (Хромых А.С. Русская колонизация Сибири ... С. 15. Примеч. 26; С. 42).

Представляется анахронистичным известие СтЛ по Толстовскому списку, что Мансурова послали в Сибирь 11 сентября 1585 г. В той же летописи сказано, что Болховский и Глухов передали Ермаку «с товарыщи» государево жалованье, казаки с радостью встретили прибывших с «Руси» стрельцов, голод же среди них наступил потому, что ермаковцы запаслись на зиму продовольствием в расчете только на себя (СЛ. С. 31—32, 76—77, 85). Судя по ПЛ, «старейшины» казаков, однако, к тому времени не было в живых.

[20] См. также: Демин М.А. Литературно-исторические произведения … С. 255. Ср.: С. 256, 258.

[21] Одна из этих дат имеется в автографе ИС, другая — в ее копии, снятой по заказу Г.Ф.Миллера. Об этих рукописях см.: Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись: история открытия, рукописи, издания // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 58—68.

[22] СЛ. С. 349—350, 439, 440; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 561, 565, 566.

[23] См., напр.: Солодкин Я.Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 172—191.

[24] Ромодановская Е.К. Избр. труды … С. 202, и др. Заметим, что в представлении Е.К.Ромодановской возникновение в 1636 г. ЕЛ и создание в следующем году Сибирского приказа свидетельствуют об официальном признании «особости» Сибири в составе Московского государства (Там же. С. 100—101. Ср.: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 14. Примеч. 5). Однако «гистории» Есипова предшествовало какое-то более лаконичное «писание», а Сибирский приказ до выделения в специальное учреждение существовал как подразделение приказа Казанского и Мещерского дворца (Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI — середина XVII в.) // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 89).

[25] КО, кстати, не подтверждает убеждения Л.И.Шерстовой в том, что «Сибирь изначально, со времен присяги Тайбугиных (вернее, Тайбугидов. — *Я.С.*), воспринималась (в России. — *Я.С.*) как «своя», временно «отпавшая» при Кучуме» (Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития … С. 16).

Глава 4

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОТЧИН ТОБОЛЬСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА ПО ИСТОЧНИКАМ XVIII в. (ДО СЕКУЛЯРИЗАЦИИ 1764 г.)

Тобольский архиерейский дом в XVIII в. оставался крупным земельным собственником, несмотря на сдерживающую политику государства. На 1719 г. в архиерейских вотчинах насчитывалось около 2 000 десятин пашни, или 15,4% всей пашни уезда[1]. За ним числилось 2 654[2] души м.п. (мужского пола) крестьян и бобылей, за приписным Тобольским Знаменским монастырем — 1405[3]. В хозяйственном комплексе Тобольского архиерейского дома к 1763 г. находились две соборные церкви, деревянные кельи, каменные палаты, имелась поварня, хлебня, напогребница, сушило, малярня, столярня, конюшня, под горой — три магазина, погреб и кирпичный сарай[4].

По имеющимся данным, Тобольский архиерейский дом располагал огромными запасами хлеба. В 1732 г. в архиерейский дом поступило около 30 000 пудов ржи и ярового хлеба. Только в житнице Усть-Ницынской слободы в 1762 г. хранилось более 32 000 пудов ржи и овса. Об этом свидетельствуют и данные ведомостей о хлебе, розданном в 1762 г. светскими властями: «в Усть-Ницынской вотчине крестьянам раздали 3 508 четвертей с осьминою ржи, 500 четвертей овса (Здесь и далее цитаты приведены с сохранением орфографии и пунктуации источника. — *авт.*)»[5].

В хозяйстве вотчин Тобольского архиерейского дома важное место отводилось хлебопашеству и скотоводству. Рост церковных и монастырских вотчин происходил в основном теми же путями, что и в предшествующий период: покупка, обмен, вклады и прямые захваты. Наибольшее распространение в первой половине XVIII в. получают купля и захват участков, уже прочно занятых татарским и русским населением. Тобольский архиерейский дом, владеющий сотнями крестьян, в своих вотчинах проявил огромный хозяйственный размах. В состав каждой из его вотчин входили пахотные земли, сенокосы, леса, рыбные ловли[6].

В начале 40—60-х гг. XVIII в. прослеживается тенденция к сокращению монастырской запашки и расширению территории крестьянских деревень. На «казенную» пахотную землю (так называемая в монастырских документах барская запашка) практиковалось сажать дворцовых работников, которые становились лишними в связи с сокращением «казенного» хозяйства. Их освобождали от дворцовых работ и «определяли в крестьянство»[7].

По мнению В.А.Александрова, нет оснований считать, что запашка архиерейских крестьян была меньше государственной, так как «запашка у государственных крестьян равнялась 2 557 десятинам в одном поле, а митрополичьих 3 825 десятинам»[8]. Можно предположить, что крестьяне пахали приблизительно «4 000 десятин в поле».

Ревизская сказка Тавдинской слободы за 1720 г. позволяет проследить состояние крестьянского хозяйства. Она включала 7 деревень, в которых насчитывалось 97 дворов, с численностью населения 677 душ обоего пола. Они вели самостоятельное хозяйство. Из них 9 крестьянских дворов (вдовы и престарелые крестьяне) не имели пашни и сенокосов. Хозяйство остальных 88 по количеству запашки и сенных покосов можно разделить на 4 группы и представить в виде таблицы[9].

Таблица 1

Обеспеченность землей крестьян Тавдинской слободы в 1720 г.

Размер пахотного надела (в десятинах в одном поле)	Количество хозяйств	%	Размер сенокосного надела (в десятинах)	Количество дворов	%
от 0,5 до 1	2	2,3	до 3	4	4,5
от 1 до 2	69	78,4	от 4 до 10	68	77,3
от 3 до 4	13	14,8	от 11 до 13	10	11,4
от 4 до 5	4	4,5	от 14 до 26	6	6,5
Всего	88	100		88	100

Из таблицы видно, что недостаточно обеспеченных пашней было 2 крестьянских хозяйства (2,3%), а наиболее обеспеченных — 4 хозяйства (4,5%). Основную массу дворов (69 или 78,4%) составляли крестьянские хозяйства, имевшие пашни от 1 до 2 десятин в поле. Другую группу составили 13 хозяйств (14,8%), имевших от 3 до 4 десятин. По размерам сенных угодий к мало обеспеченным

можно отнести до 3 десятин — 4 двора (7,5%), наиболее обеспеченным — от 4 до 10 десятин — 68 (77,3%) дворов. От 11 до 13 десятин — 10 (11,4%) дворов и от 14 до 26 — 6 (6,5%). Учитывая, что для нормального ведения крестьянского хозяйства требовалось соотношение пашни и покосов 1 к 3, можно сделать вывод, что земледельческие занятия в Тавдинской слободе не могли обеспечить доходность крестьянского двора. Заселялась и развивалась она благодаря рыбным угодьям. Этот вывод можно подтвердить тем обстоятельством, что почвенно-природные условия в слободе мало пригодны для ведения сельского хозяйства.

В архиерейских вотчинах и землях были организованы скотные и конные дворы, где содержали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Например, при Тобольском Знаменском монастыре был свой конный завод. Широко распространена была продажа лошадей, большую часть из них продавали вне митрополичьих вотчин, часть продавали в рассрочку с поручителями некоторым митрополичьим и монастырским крестьянам, дворцовым работникам и бобылям. В 1746 г. монастырь продал 215 лошадей общей стоимостью 441 руб. 10 коп. Стоимость лошадей могла составлять от 50—70 коп. до 6 руб. 90 коп.[10]

На протяжении первой половины XVIII в. наблюдается сокращение количества крупного рогатого скота и рост мелкого. В Вагайской вотчине числилось на 1746 г. 118 голов рогатого скота, 108 овец, 505 свиней[11]. По ведомостям за 1762—1763 гг. о наличии хлеба, рогатого скота и лошадей в архиерейских вотчинах в Тавдинской слободе находилось 54 лошади, в Усть-Ницынской — 15, в Покровской — 8, в селе Воскресенском — 3 лошади и 59 голов рогатого скота. Всего 80 лошадей и 136 голов рогатого скота[12].

М.М.Громыко на основании описи монастырского имущества за 1757 г. делает вывод, что на протяжении последних десяти лет характер скотоводства монастырского хозяйства изменился: если коровы насчитываются единицами, то поголовье овец возросло[13].

Содержание такого большого количества скота могло осуществляться только за счет огромных территорий сенных покосов, поэтому большое внимание в хозяйстве западно-сибирских церковных феодалов уделялось сенокошению. Данные о большом количестве накошенного сена свидетельствуют о его продаже на рынок[14]. Также имелись вишневые и хмелевые сады возле села

Воскресенского[15]. Развито было при Тобольском архиерейском доме производство воска и изготовление свечей[16].

Тобольский архиерейский дом был богат озерами и реками, что способствовало развитию рыболовства. Рыбные ловли отдавались в оброк крестьянам архиерейских вотчин. В 1760 г. «с двух песков Кречинского и Смирного, одного в низ реки Иртыша от города Тобольска в 3-х верстах, двух Саусканского и Долгортского, одного песка Абалацкого вверх реки Иртыша в 25 верстах и Кокоринского песка», находящихся в оброке у крестьян собрали 107 руб. 327 коп.[17] Всего за Тобольским архиерейским домом насчитывалось 17 рыбных озер, на которых в 1762 г. работало 11 человек. Им выплатили по договору 44 руб. 50 коп.[18] К моменту секуляризации церковных имений (1764 г.) только за Тобольским Знаменским монастырем в Вагайской вотчине числилось 7 озер площадью в 500 десятин. Рыба шла не только в пищу священнослужителям, но и на продажу[19].

Архивные данные свидетельствуют о наличии при Тобольском архиерейском доме больших запасов вина и торговле виноградными напитками. Казначей Тобольского архиерейского дома иеромонах Евсевий Леонов обратился в Синод: «…в прошлых годах в Тобольском подгорном архиерейском дворце варили горячее вино в шести кубах. А с состояния губернии, бывший губернатор, князь Гагарин как во всей губернии, так и в доме архиерейском, винное курение запретил, а вместо того определил отпускать в архиерейский дом на год по 200 ведер вина простого и по 25 ведер двойного… В 1703 году, по челобитью Филофея митрополита Тобольского, велено было, для архиерейских домовых расходов, посылать из Тобольска, на архиерейском коште, к Ямышу озеру дощаник по соль в 1000 или в 1500 пудов… Но с образованием губернии князь Гагарин эту посылку отменил. Поэтому архиерейский дом просил о возобновлении отпуска соли и вина». В апреле 1722 г. последовал указ о выдаче вином и солью в прежних размерах[20].

В 1738 г. в погребе Тобольского архиерейского дома находились: «…бочка государева жалованного вина; 3 бочки полные архиерейские келейные красного вина и одна малого числа на три вершка; три бочки меду; бочка казенная домовая красного вина; бочонок невеликой в половину устюжского вина три ведра; бочонок

маленького вина франтинияну мерою два ведра; бочка в половине ирбицкого белого вина с франтинианом; бочонок венгерского новопривозной; две маленькие бочоночки рушныя с сеном; три бочки меду в том числу две хорошего одна твердого неполная, в половину…». Деньги за продажу шли в архиерейскую казну. Так, в 1739 г. «…в продажу вышло красного вина 13 ведер с полведром в том числе белого четверть… денег надлежит за каждое по 3 руб.», всего 40 руб. 50 коп. В апреле 1740 г. домовой ключник Лаврентий Панкратов докладывал о поступлении 22 руб. 50 коп.[21]

В городах имелись специальные подворья архиерейского дома, где производилась торговля припасами, поставляемыми из архиерейских и монастырских вотчин. Тобольский архиерейский дом имел постоянные лавки на Ирбите. Кроме этого, ежегодно поступали в архиерейский дом денежные суммы и провиант на содержание монастырей, церквей, выдачу жалованья и на различные нужды[22].

Таким образом, в первой половине XVIII в. Тобольский архиерейский дом обладал тремя крупными слободами: Усть-Ницынской, Покровской и Тавдинской с селениями Преображенским и Воскресенским. Ввиду того, что материалы Тобольской консистории до 1740 г. уничтожены пожаром, мы располагаем случайными фактами об Усть-Ницынской и Покровской слободах.

Первое место по количеству крестьян и земельных владений среди всех вотчин продолжало оставаться за Усть-Ницынской слободой. В Покровской слободе в первой четверти XVIII в. насчитывался 81 двор и 750 душ мужского пола. Благоприятные условия для введения хозяйства (удобные земли под пашню, обильные луга, мельница, 11 рыбных озер) способствовали концентрации здесь крестьянского населения[23].

При каждой вотчине и заимке были свои мукомольные мельницы, которые не только перерабатывали митрополичий хлеб, но и поставляли доходы от оплаты за помол крестьянского хлеба. За селом Преображенским числились две оброчные мельницы: Аремзянская и Рогалицкая, с которых поступало по 20 руб. в год. Имелась еще Бобровская мельница, но в оброк ее никто не брал, по причине того что она «…ветхая и худая и как зимой так и летом за малости воды помол хлеба на ней бывает в один пуд в неделю по два дня, на починку которой за наварку железных

мельничьих инструментов веретенщиков и прочего и на утверждение погосту за промоем платить выходит в год из оных оброчных с двух мельниц денег…»[24].

По данным второй ревизии (1744 г.) за Тобольским архиерейским домом числилось 13 113 мужчин-крестьян[25]. По мнению Л.П.Шорохова, численность феодально зависимого населения архиерейских вотчин в течение столетия (1640—1744 гг.) возросла почти в 9 раз[26].

Это можно проследить на примере села Преображенского. По ревизии 1744 г. за ним записано 7 деревень: Выхотцова, Комарицкая, Бобровская, Поступинская, Кундуская, Бардина и Рогалицкая. Крестьян во всех деревнях проживало 306 душ мужского пола (м.п.). В описи за 1765 г. числилось уже 310 душ м.п. «…находились при доме архиерейском до 762 года. Всегда на казенном домовом, а не на своем крестьянском пропитании…»[27].

В 1762 г. в крупных архиерейских вотчинах насчитывалось: в Усть-Ницынской слободе — 1 123, в Тавдинской слободе — 854, в селе Воскресенском — 1 111 и в Покровской слободе — 504 души м.п. Общая численность населения в них составляла 3 592 души м.п., или 10% всего Тобольского уезда[28].

В состав земель Тобольского архиерейского дома до реформы 1764 г. входила Воскресенская слобода в Челябинском уезде Оренбургской губернии. Об образовании этой вотчины имеется информация, что еще при Иване IV сюда пришли крестьяне со стороны Тобольска и Перми. В.Д.Пузанов в своей монографии «Военная политика русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII вв.)» приводит сведения, что угодья села Воскресенского, находящиеся южнее Окуневского острога, были переданы митрополиту Павлу I в 1679 г. Через 5 лет в селе была построена крепость для защиты от набегов кочевников. Строительством руководили игумен Исетской пустыни Исаак (сын старца Далмата) и боярский сын Яков Фадеев. Из Тюменского Преображенского, Кондинского Троицкого, Верхотурского Николаевского, Далматовского Успенского монастырей, Троице Рафайловой пустыни и Архангельской Новопышминской заимки для работ были присланы 34 бобыля и крестьянина[29].

За Тобольским архиерейским домом в XVIII в. оставались приписными Тобольский Знаменский и Иоанно-Введенский монастыри.

В 1752 г. в Иоанно-Введенском монастыре деревянная церковь во имя усекновения главы св. Иоанна Предтечи сгорела, и митрополит Сильвестр за счет сумм Тобольского архиерейского дома заложил новую каменную церковь, которая была освящена 24 июня 1758 г. и каменный корпус для монахов[30]. В монастыре проживало 6 иеромонахов, 2 иеродиакона и 3 монаха, все из великороссов. Довольствие получали от имеющихся за монастырем сенных покосов, пахотных земель, рыбной ловли и трех мельниц[31].

По данным сибирского тобольского ямщика Ивана Черепанова, в 1758 г. митрополит Павел II в Иоанно-Введенском монастыре, «…от Тобольска в 7 верстах находящемся, построил плотину для пильной мельницы, да при том месте и стеклянную фабрику поставил…»[32].

Тобольский Знаменский монастырь обладал значительными земельными владениями. По данным 1720 г. ему принадлежали 34 деревни и 1 село с 228 дворами, в которых насчитывалось 792 души м.п.[33] В 1738 г. Борис Фирсов, священник Успенской церкви Селиярской волости, пожертвовал Тобольскому Знаменскому монастырю «в поминовении души» три рыбных песка[34]. В Тобольске у монастыря имелись лавки, которые были отобраны за долги или получены в «поминовение»[35].

К Вагайской вотчине монастыря относилась 31 деревня, а к Николаевской — деревни Кокуйская, Шашева, Черная и Николаевская заимка. К тому же монастырь обладал 5 подгорными деревнями: Серебренникова, Якимовская, Сузгунская, Кугаевская и Савина[36].

За ней в июне 1746 г. насчитывалось «1 692 четверти хлебных запасов, в Ашлыцком поселенье Вагайской вотчины — 784 четверти». Даже без учета запасов Ефтезерского поселения, которое имело три огромных амбара, в Вагайской вотчине насчитывалось 2 476 четвертей хлеба[37]. В декабре 1757 г. в амбарах все той же вотчины (вместе с житницами Серебрянской заимки) насчитывалось свыше 4 000 четвертей ржи и ярового, без урожая текущего года. Часть хлеба оставалась на пропитание строителям, на жалование служителям и на посев. Солоденную рожь использовали на

солод, часть овса — на толокно, остальной хлеб «по прежнему обыкновению заготавливали для сплава в Тобольск на барки». В хозяйстве монастыря насчитывалось 233 лошади и 359 овец и коз[38].

По переписи служителей и крестьян Тобольского Знаменского монастыря в 1759 г. за ним (во всех его вотчинах) числилось 1 997 душ м.п.[39], а в 1762 г. — 2 140 душ м.п.[40]. На наш взгляд, это свидетельствует о росте населения во владениях Тобольского Знаменского монастыря незадолго до реформы 1764 г.

По данным М.М.Громыко, в 1761 г. в Тобольском Знаменском монастыре в Вагайской вотчине засевалось 1 550 десятин, из них: овса — 507, ржи — 467, ячменя — 363, пшеницы — 151, гороха — 42, льна и конопли — 20 десятин; в Николаевской вотчине: ржи — 382 десятины, овса — 28 десятин, ячменя — 14 десятин, конопли и льна — 14 десятин. С полей монастыря в этом же году было собрано разного хлеба 8 405 четвертей (67 000 пудов)[41].

В 1762 г. в Тобольский Знаменский монастырь поступило разного хлеба в общей сложности 5 458 четвертей (43 664 пуда), из них израсходовано лишь 1 060 четвертей, излишки составили 4 398 четвертей. В «Вагайском и Ашлыцком поселениях в магазинах имелось хлебных припасов 6 682 четверти 4 четверика». В Николаевской вотчине, что в Ялуторовском дистрикте, — 147 четвертей 3 четверика[42].

По подсчетам В.И.Шункова, рожь в целом занимала 43% всей площади засева, овес — 27%, ячмень — 19%, пшеница — 7,5%[43].

Свидетельством о существовании трехпольной системы на архиерейских землях является удобрение пашни навозом, что упоминается в переписных и писцовых книгах монастырских вотчин[44].

Н.В.Горбань отмечала, что в реестре крестьянских повинностей Тобольского Знаменского монастыря 1727 г. указывалось: «каждый крестьянин Вагайской вотчины должен был перевезти со скотных дворов на монастырскую пашню навоз в одну сторону 2 сажени, в другую одну»[45].

В.И.Шунков пришел к выводу, что паровая система с навозным удобрением установилась, прежде всего, на церковных землях Западной Сибири, наряду с трехпольем существовал и перелог[46].

В целом, Тобольская архиерейская вотчина не отличалась по уровню развития сельского хозяйства, обеспеченности тягловой силы, орудиям труда и обработке почвы от Европейской части России. В первой половине XVIII в. усиливаются ее связи с рынком. Если на протяжении всего XVII в. на архиерейских землях в основном культивировалась рожь, то в XVIII в. ассортимент сельскохозяйственных культур возрастает: выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, коноплю, горох. Все хозяйство Тобольского архиерейского дома держалось на эксплуатации крестьянства, отбывавшего барщину и вносившего денежные и натуральные оброки. Крестьяне были освобождены от большинства государственных повинностей, в том числе от обязанности поставлять в казну хлеб, платили лишь денежные сборы: драгунские, ямщицкие, седельные и удельные деньги.

В 1702 г. по указу царя велено было собирать запросный хлеб с монастырских крестьян: «...в Тобольске и Тобольском разряду городах и уезде и слободах с его великого государя и архиепископских и монастырских крестьян по полосьмины ржи с двора, а собрав положить в особую житницу и отдать на винное курение таможенному голове..»[47].

Краткое перечисление обязанностей крестьян Тобольского Знаменского монастыря: «…давали пятинный хлеб, т.е. 1/5 всего урожая, употреблялись на разную работу до 30 дней, пахали пашни с венца на своих лошадях 1/3 десятины, рвали коноплю по 2 дня, плели сети для рыбной ловли по сажени из свое конопли, неводы садили и неводили, мяли коноплю по пуду и парили по одной четверти толокна. С каждого венца (супружеской пары) вкупе сену по 20 копен, если нет, то от 2 до 5 руб. по 1,5 сажени дров, по 2 бревна, по 2 кади уголья, по 10 фунтов лыка и 3 лыка бересты. Кто не ставил этого — по 72 коп. в год. Каждые десять венцов должны были давать по одним саням и дровням, по лопате и по одной лычевой веревке, смолы брали с 10 душ по одному печатному ведру, груздей по ведру, грибов по решету. Каждый венец давал по 2 подводы на мельницу. Старики 70—80 лет караулили запоры и рыбу в садках, собирали хмель, пряли по 10 фунтов пряжи на неводы из монастырской конопли. Крестьяне жали ярового хлеба по 40 копен ржи по 20 суслонов, ячмень скоблили и чистили, покупали серу с хвойных деревьев.

С девушки, достигшей 15 лет, монастырь брал 5 аршин тонкого холста…»[48].

Сохранилась подписка крестьян Тобольского Знаменского монастыря 1744 г. о выполнении ими повинностей: обработка земель, доставка дров и т.п. В случае отказа выполнять повинности применялось публичное наказание[49].

При архимандрите Порфирии количество крестьянских повинностей возросло: «…вычитаемо было за повезенную рыбу в бочках в Тобольск, которая уснет дорогой и за каждую щуку по десяти, за окуня по пяти, за плотву по три, за карася по четыре, за ерша по три копейки; жали хлеба ярового по сороку, ржи по двадцати суслонов, пшеницы отбирали в день по Гарцу, работали по 5 дней, ячмень скобили, чистили по десяти дней, серу ялову, соснову и листвяжину колупали по один же год, холста тонкого з девок брали, которыя 15 лет, по пяти аршин…».

В 1767 г. при архимандрите Михаиле «набавлено на крестьян по две плахи трехсаженных, драниц по две длиною по 7 аршин по один год збирали, масла со всей вотчины коровьего один пуд три фунта; по один же год посыланы им же архимандритом Михаилом в работу к преосвященному Павлу митрополиту по 3 года 19 человек, половина пеших, а другая конных понедельно»[50].

Таким образом, в 40—60-е гг. XVIII в. объем повинностей крестьян Тобольского Знаменского монастыря увеличился в два раза.

М.М.Громыко по материалам трех ревизий проследила динамику численности крестьян в архиерейских вотчинах. В исследуемом нами аспекте из этих материалов интерес представляет динамика численности монастырских крестьян Тобольского архиерейского дома и Тобольского Знаменского монастыря за 1719, 1744 и 1762 гг. По нашим подсчетам, за Тобольским архиерейским домом было в 1719 г. — 57,2%, за 1744 г. — 46,2% и 1762 г. — 54,1%.

Ко второй ревизии в архиерейском доме численность сократилась на 345 душ м.п., а в Тобольском Знаменском монастыре наблюдаем увеличение на 735 душ м.п. К третьей ревизии увеличение по архиерейскому дому на 1 652 души м.п., а за Знаменским монастырем количество крестьян осталось на прежнем уровне. Сокращение численности в 40-е гг. XVIII в. можно объяснить политикой правительства Петра II и Анны Иоанновны.

Всего за Тобольским архиерейским домом в Зауралье числилось по ревизиям соответственно 7090, 9 607 и 11 276 душ м.п.[51] То есть динамика роста численности монастырских крестьян составила 62,8%. При этом степень возрастания показателя в разрезе монастырей была различной и имела следующую тенденцию: Тобольский архиерейский дом — 67%, Тобольский Знаменский монастырь — 66%, Далматовский монастырь — 64%, Невьянский монастырь — 77%, Тюменский монастырь — 73%, Кондинский монастырь — 370%, Рафаиловский — 260%, Верхотурский монастырь — 82%. Итак, вплоть до секуляризации шел непрерывный рост численности крестьян в церковных вотчинах.

По справедливому мнению М.М.Громыко, данное обстоятельство было обусловлено ростом захвата земель монастырскими крестьянами[52]. Подтверждение этому находим в архивных источниках, например, захват земель пашенных крестьян деревни Долгово Тобольского подгорного дистрикта (всего 432 десятины), примыкающих к владениям Тобольского Знаменского монастыря. Долговские крестьяне накосили более 1000 копен сена. В июне 1748 г. в деревню явился стряпчий монастыря и приказал вывезти сено в монастырскую деревню Шахматову, государственным крестьянам запретил «собственный наш хлеб жать и впредь сеять». Монастырь поселил на этих землях четыре двора монастырских крестьян. Тяжба затянулась на долгие годы[53].

Такой случай был не единственным. Обычно местные власти принимали сторону церковных феодалов, но иначе дело обстояло, если владения примыкали к территории императорских заводов. Так, за Кузнецким Христорождественским монастырем числилось немалое количество земель и крестьян. Крестьяне монастыря были приписаны к Колывано-Воскресенскому заводу, а на пустующих землях селили государственных. К моменту секуляризации монастырь имел одну деревню, в которой проживало 211 крестьян м.п. Д.Н.Беликов объяснял это тем, что Кузнецкая воеводская канцелярия не решалась вступить в распри с Кабинетом его императорского величества, и все жалобы Кузнецкого монастыря оставались безрезультатными[54].

Росту благосостояния Тобольского архиерейского дома способствовал труд зависимых людей. Архивные источники XVIII в., находящиеся в фонде Духовной консистории и рукописном фонде

ТГИАМЗ, выделяют следующие категории населения: крестьяне-старожилы, новопришлые, бобыли, половники, вкладчики, трудники, монастырские детеныши. Наиболее многочисленная масса — крестьяне-старожилы — иногда называется людьми «пошлыми», то есть старинными. Они издавна живут за своими господами на участках земли, с которых несут как государственные повинности («тягло»), так и повинности в пользу феодала-землевладельца («оброк» и «барщина»). В Тавдинской слободе Тобольского архиерейского дома в 1720 г. было 7 деревень с 97 дворами старожилов (677 человек).

В 40—60-е гг. XVIII в. складывались своеобразные формы приобретения зажиточными крестьянами земли у монастыря. В случае смерти, побега или перевода кого-либо из монастырских крестьян такой обеспеченный крестьянин обращался к митрополиту либо архимандриту с просьбой разрешить ему взять себе все имущество того выбывшего крестьянина — «как дворовые его строения, так и скот и весь его пожиток, пахотную землю и сенные покосы». При этом он обязался платить за прежнего хозяина, а если нужно, и за его сына «в казну государеву подушные деньги» до тех пор, пока из этих взносов не сложится сумма, соответствующая цене всего имущества выбывшего монастырского крестьянина, кроме того, новый владелец платил за пользование монастырем оброк-пятину. При посадке на землю дворцовых работников размер надела определялся конкретными условиями: размером господской запашки, количеством свободных работников[55].

Традиционно крестьяне-старожилы в Сибири исследователями чаще всего изучались на материалах государственных крестьян европейской части. Наиболее известной является точка зрения Б.Д.Грекова, выделившего три группы. Первая группа — крестьяне, долго сидевшие на земле; вторая — те, у которых закончились льготные годы; третья — взявшие сразу на себя обязательство старожилов. Правовое положение этих крестьян точно определить нет возможности. Без разрешения своего господина-феодала они, как правило, уходить от него не могли. Разрешение, необходимое для их ухода, дается господином по соглашению с данным крестьянином на известных условиях. Хозяин, соглашаясь на уход крестьянина, конечно, ставил выгодные для себя условия, чтобы не остаться в убытке[56].

В исторической литературе самым распространенным является мнение, что новопришлыми назывались крестьяне, поселившиеся на участке землевладельца недавно, надеясь со временем попасть в ряды крестьян-старожильцев. Их старались привлекать различными способами, среди которых наиболее распространенным была выдача денег и инвентаря на обзаведение и предоставление льгот от всевозможных взносов и натуральных повинностей на известное количество лет.

В составе населения вотчин Тобольского архиерейского дома находились бобыли[57]. С середины XIX столетия возникли вопросы о сущности бобыльства, основных признаках этой социальной группы, о причинах и времени ее возникновения и исчезновения.

Различные толкования бобыльства в 60-е гг. XIX в. предлагали И.Д.Беляев, С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, В.О.Ключевский, М.Горчаков, П.А.Соколовский.

Вновь вопрос о бобыльстве был рассмотрен М.А.Дьяконовым, который указывал, что «типичной и господствующей формой бобыльства являлись бобыли непашенные, не тяглые, имевшие собственную усадебную оседлость». Он утверждает, что первое упоминание о бобылях содержится в Псковской летописи под 1500. Бобылями называли бесхозяйственных людей. Характер выполнения ими в пользу церковных крепостников повинностей делит их на две группы: выполняющие сельскохозяйственные работы, что сближает их с половниками; обслуживающие монастырские конюшни, поварни, мельницы, что делает их близкими к работным людям. То есть бобылями обозначались забросившие пашню крестьяне. При фактическом различии между крестьянами и бобылями в XVI—XVII вв. наблюдаются черты сходства, постепенного сближения этих двух групп между собой в юридическом отношении[58].

Взгляды Н.А.Дьяконова подверг критике крупнейший специалист по истории крестьянства Б.Д.Греков, посвятивший бобылям главу в своей монографии «Крестьянин на Руси с древнейших времен до XVII в.». По его мнению, «бобыль — это зависимый от своего господина человек, по договору получавший право “жить за” господином и тем самым освобождающийся от тягла на обоюдных с господином условиях: со стороны господина — включить бобыля в число своих подданных, предоставить ему жилище,

участок земли, со стороны бобыля — оставаться в зависимости сначала на время, а в XVII веке навсегда, платить оброк и исполнять ряд повинностей, обычно оговариваемых в договоре»[59].

А.М.Панкратова признала выводы Б.Д.Грекова более правильными, чем выводы других историков. По ее мнению, бобыли чаще всего выполняли всякую работу по найму[60].

По мнению Л.С.Прокофьевой, бобыльство зародилось как категория маломощных крестьян, перешедших на денежный оброк в рамках сильной натурализации хозяйства, недостаточного уровня товарно-денежных отношений. К концу XVII в. оно теряет некоторые специфические черты и превращается в оброчное крестьянство[61]. С этой точкой зрения согласен А.Н.Сахаров[62].

А.Л.Шапиро указывает несколько более ранние упоминания о бобылях, которые содержатся в писцовой книге Шелонской Пятины от 1498 г. и определяет бобыля «как феодально-зависимого человека, не включенного в крестьянское вытное тягло и обложенного особыми повинностями, как правило, более низкими по сравнению с крестьянами владельческими, а до 1679 г. и государственными повинностями»[63].

На примере Беломорского Севера Н.Л.Коньков доказывал, что бобыльство сохранялось в XVIII в. как феодально-зависимая категория крестьян. По его мнению, «бобыли являлись той группой сельского населения, у которой отсутствовали необходимые жизненные средства (земля, жилище, орудие труда). Слабо связанные с квалифицированным профессиональным трудом, они в опосредованной форме способствовали привлечению крестьян-общинников к торгово-промышленной деятельности, к отделению их от земледельческого производства и одновременно с этим входили составной частью в процесс пауперизации крестьянства»[64].

Использованные нами документы позволяют считать, что бобыли как категория зависимых крестьян получили распространение в вотчинах Тобольского архиерейского дома в XVIII в.[65] Например, в 1746 г. за Тобольским Знаменским монастырем насчитывалось 13 монастырских бобылей[66].

Наличие бобылей в архиерейских вотчинах доказывает и то, что два реестра «не бывавших на исповеди и причастии» (1755 и 1756 гг.) названы ведомостями крестьян и бобылей монастыря[67]. Книга генеральной ревизии Знаменского монастыря за 1759 г.

содержит перепись служителей и крестьян, где упоминаются бобыли. По ней в Тобольском Знаменском монастыре «служителей и бобылей 139 душ м.п.»[68]. В 1763 г. в Тобольском Знаменском монастыре числилось 84 «городовых» бобыля[69].

Бобыли в Сибири по своему имущественному положению отличались от бобылей европейской части России. М.М.Громыко и Л.П.Шорохов в своих исследованиях доказывают, что в Сибири бобыли имели свой двор, хозяйство, пашню и сенокосные угодья и некоторые даже обзаводились лошадями и рогатым скотом[70]. С этим мнением исследователей следует согласиться.

Другую группу зависимого населения архиерейских вотчин составляли половники. Половники были близки к монастырским крестьянам, имели свое хозяйство, которое было организовано на основе полученных земли, скота, зерна и т.д.[71]

Б.Д.Греков считал их «совершенно расплывчатой категорией населения»[72]. По мнению Н.А.Балюк, юридически-правовое положение половников определялось не самостоятельным социальным статусом, а условиями найма и трудовых отношений. Обязанности и условия найма определялись порядной записью, в которой фиксировался объем работы и условия расчета: «пахать нам пашню сколько силы поможет, а што хлеба упашем на монастырской земле и семена нам в монастырь с гумна выдавать пятый сноп». Пребывание в половничестве ограничивалось сроком от трех до восьми лет. Половничество определяло переходную стадию: от безземельного переселенца, будь то бобыль, «гулящий человек», в статус крестьянина, несущего тягло[73].

Определяющую роль в развитии хозяйства архиерейских вотчин сыграли вкладчики, среди которых были «гулящие», посадские, служилые и торговые люди. Зачисление в категорию вкладчиков было связано с оформлением «поступных» записей, а вкладная работа определялась сроком. Некоторые вкладчики работали за вклад без срока, связывая себя с монастырем на долгие годы или становясь пожизненными монастырскими работниками. Вклады отрабатывались в течение двух, трех, пяти лет, иногда — девяти, пятнадцати, двадцати лет[74].

При Тобольском архиерейском доме были также работные люди. В источниках они упоминаются как «дворцовые работники». По мнению М.М.Громыко, дворец — это хозяйственное заведение

для землевладения и скотоводства. При нем находились казенная контора, амбары, конюшни, скотные дворы, сушило, ледовня, кузница, мельница, кожевня, пивоварня и т.д.[75]

В зависимости от рода деятельности работных людей следует разделить на две большие группы: к первой относились лица, занятые в сфере обслуживания, ко второй — производители материальных ценностей. Они не имели земли, собственного хозяйства, двора, получали жалование натурой[76]. Например, к середине 40-х гг. в Вагайской вотчине Тобольского Знаменского монастыря их насчитывалось 57 душ м.п.[77]

В целом документы показывают более 60 специальностей, так или иначе задействованных в хозяйстве архиерейских вотчин, что свидетельствует о дальнейшем углублении специализации. Положение дворцовых работников было аналогично положению помещичьих дворовых: с них так же собирали подушный оклад и платили в казну.

Как справедливо отмечает В.И.Шунков, очень близки к работным людям были трудники и монастырские детеныши[78].

Важную роль играли срочные наемные работники, которые обслуживали пашни, скотные дворы, рыболовные угодья, мельницы, соляные промыслы и т.д. За свой труд они получали денежное жалование. В 30-е гг. XVIII в. в Тобольском Знаменском монастыре их работало свыше 50 человек. Каждый наемный работник получал по 3 руб. 50 коп. в год[79]. В 1764 г. 45 десятин монастырской запашки были засеяны наемными работниками[80].

Крестьяне архиерейских вотчин должны были выполнять ряд повинностей и сборов на церковных феодалов, которые выражались в трех формах феодальной ренты: натуральной («пятинный хлеб»), отработочной и денежной. Н.В.Горбань и М.М.Громыко отмечали, что система повинностей монастырских крестьян в XVIII в. была крайне сложной и запутанной[81].

В документах Тобольского архиерейского дома в качестве важнейшей крестьянской повинности указывается «пятинный хлеб»[82]. «Пятинный хлеб», «пятый сноп», «пятый суслон» или «пятина» (по терминологии источников) являлась самой тяжелой формой ренты монастырских крестьян.

Ценные сведения о «пятине» содержатся в приходно-расходных книгах приписных к архиерейскому дому монастырей.

Она взималась со всех видов зерновых. Подтверждение этому находим в описях монастырских житниц, где перечисляется «пятинный овес», «пятинный ячмень», «пятинная пшеница» и «пятинная рожь». Крестьяне сами молотили «пятинный хлеб», а после помола отвозили в житницы архиерейского дома[83].

Можно с уверенностью утверждать, что «пятина» взималась в вотчинах Тобольского архиерейского дома и в 60-х гг. XVIII в. В 1761 г. с крестьян села Преображенское «в дом архиерейский собрали пятинного хлеба 289 четвертей 3 ½ четверика», в том числе «37 четвертей 1 ½ четверика ржи, 10 четвертей 2 четверика ярицы, 3 четверти 7 четвериков пшеницы, 90 четвертей 3 четверика ячменя и 147 четвертей 6 четвериков овса»[84].

Указом 1762 г. предписывалось «за пользование землями и угодьями получателю было с них крестьян, которые пашут как в дом митрополитанский, так и в монастыри и с давних лет от всякого хлеба точная пятая часть»[85]. В документах Духовной консистории за 1762 г. упоминается о взыскании пятинного оброка с крестьян Тавдинской слободы[86].

Мелкие крестьянские хозяйства долгое время имели недоимки по «пятинному хлебу». Например, в Вагайской вотчине Тобольского Знаменского монастыря в 40-е гг. XVIII в. насчитывалось более 30 недоимщиков[87].

В начале XVIII в. в архиерейских вотчинах большое значение приобретает отработочная рента, которая отличалась неопределенностью. В реестре повинностей 1727 г. барщина равнялась: «с каждого венца жать монастырского хлеба по 40 яровых или 20 ржаных суслонов; на все лето (с 1 апреля по 1 октября) давать для работ по 10 человек (попеременно через неделю); отработки по одному дню на казенных работах — жатва, косьба, перевозка навоза, выставлять по 2 подводы в год с венца на перевозки хлебных припасов, ходить на мельничные починки, рубить и заготовлять лес и т.д»[88].

Сложнее дело обстояло с денежным выражением отработочной ренты, так как оно могло быть только приблизительным. Отводилось на отработку крестьянам около 11 дней пеших работ (жатва, косьба и т.д.) — по 5 коп. в день и 4 дня конных (пахота, перевозка) с венца — 10 коп. в день. Отсюда средняя отработочная рента составляла 95 коп. В стоимостном отношении отработочная

рента значительно превышала натуральную и составляла, по подсчетам М.М.Громыко, 6 руб. 47 коп.[89]

В связи с включением монастырского землевладельческого хозяйства в систему товарно-денежных отношений со второй половины XVIII в. идет процесс увеличения роли денежной ренты.

В.И.Семевский в своей работе приводит интересные сведения о поставке 20 копен сена в 60-е гг. XVIII в., которая могла заменяться платой от 2 до 5 руб., 10 фунтов лыка и 3 «скал» бересты, полутора сажен дров, двух кадей, двух бревен — 72 коп.; вместо саней и дровень (с 10 венцов) брали по 20 и 50 коп.[90] Это дает возможность утверждать, что крестьяне старались уйти от обременительной барщины и перейти на денежный оброк.

Денежная повинность предполагала взимание с крестьян и помольных денег, которые составляли одну из существенных статей доходов Тобольского архиерейского дома и приписных к нему монастырей. Например, за Тобольским Знаменским монастырем насчитывалось 4 действующие мельницы. Из них только Ашлыцкая собирала в год по 176 руб. помольных денег[91].

Наряду с этим существовал еще и натуральный оброк, который мог выражаться в денежной форме. Приходно-расходные книги отражают только денежные поступления от оброка, косвенно говоря об оброчных взносах сельскохозяйственными продуктами[92].

Важное место среди повинностей, по мнению В.И.Семевского, занимала поставка подвод для разнообразных перевозок шлифовального, мельничного оборудования и т.д.[93]

Помимо этого крестьяне архиерейского дома должны были выполнять ряд отработочных повинностей: перемалывать муку и хлеб из господских житниц; перерабатывать зерно в толокно; строить барки и дощаники для сплава хлеба; заготавливать дрова для архиерейских покоев, семинарий и церквей, лес для строительства; сено, ловить рыбу; работать на пильной и стеклянной фабриках[94].

Тобольский архиерейский дом вел широкое строительство в разных местах, где основной рабочей силой являлись крестьяне его вотчин. Каждая слобода должна была присылать по 5—10 человек в услужение архиерейскому дому. Для многих крестьян выполнение разнообразных видов ренты сочеталось с выплатами и отработками. Например, за взятую на семена четверть ячменя

крестьянин должен был со своим конем проработать на монастырском митрополичьем хозяйстве. Работа на «митрополичьем» коне стоила 4 коп. в день. Пятинный хлеб с одного венца при средней обеспеченности составлял 4 четверти, 6 пудов и стоил 3 руб. 25 коп.[95]

В XVIII в. (по сравнению с XVII в.) прибавился ряд государственных повинностей и денежных поборов: сбор подушных денег с архиерейских и монастырских крестьян, драгунских и ямских сборов, набор в рекруты и т.д.[96]

При этом царским указом от 10 февраля 1720 г. предписывалось: «…когда в Сенат или Камор-Коллегии определено будет собирать деньги, или что иное, какого б звания не было и оброчных зборах в Губернии и в провинции письменных указов не посылать как прежде сего бывало. А посылать печатные которые как в городах так и в уездах в народ публиковать и по селам рассылать и отдавать попам, а им в церквях оные указы по все праздники и Воскресные дни для ведома прихожан читать, чтоб всяк о тех зборах подлинно был сведом и никому нельзя было прибавить или убавить…»[97]. Этим указом правительство пыталось ограничить произвол церковных властей. Предписывалось брать в рекруты по одному человеку с «двадцати дворов архиерейских и монастырских крестьян»[98].

В ноябре 1741 г. в селе Воскресенском «…для укомплектования армии и гарнизонов, флота, артиллерии в оном рекрут со всех положенных в подушный оклад, со ста шестидесяти душ по человеку добрых и здоровых в равную меру и лета и в указанном платье… и по силе вышеписанного его императорского величества указу в вышеписанном селе Воскресенском рекрут пять человек да на подставу три и того восемь человек выбраны…»[99].

Тобольский митрополит Антоний 4 марта 1722 г. в доношении Синоду указывал на следующие сборы с церковных вотчин в Тобольской епархии: по указам «повсягодные сборы: из Военного Приказу драгунских по 16 алтын и 4 деньги со двора, ямских по 2 алтына. Из Монастырского Приказу на корм драгунских лошадей, на подъем каменщиков и кирпичников по три алтына, 2 деньги и на дачу драгунам по 11 алтын и по 4 деньги. Из Военного Приказу поворотных по 8 алтын 2 деньги, седельных и уздельных по 2½ деньги. Из Земского Приказу рекрутных по 2 алтына. Из

Адмиралтейского Приказу на починку кораблей по 4 алтына 1 деньге. Из Ямского Приказу подвозных по 3 алтына 2 деньги. По присланному е.и.в. указу из Камер-Коллегии 21 сентября 7 дня к городовому строению и к другим работам на наем рабочих людей, на жалование по 9 алтын, по получетверти деньги»[100].

Из канцелярии Сената в Санкт-Петербурге «на мясоедные дни в положенные пять полков драгунам и солдатам против расположения на дворовое число по 2 алтына по полшести деньги с пол полденьгою; и доходы ко флоту по 2 алтына по полпяты деньги»[101].

Из Государственной Камер-коллегии «лондратских по 3 алтына 2 деньги, за хлеб по настоящей средней цене по 1 алтыну, за стрелецкой хлеб по 6 алтын». По определению бывшего губернского князя Гагарина, «на дело судов в Тобольску по 3 алтына 2 деньги». Ко всем поборам следует добавить подушный оклад в 70 коп., который собирался дважды в год[102]. В 1741 г. с 771 архиерейского крестьянина с. Воскресенского на первую половину года собрали подушных денег на сумму 138 руб. 78 коп.[103]

Нет сомнения, что оброчные повинности были менее обременительными, чем барщинные. Барщинные работы отвлекали от нормального ведения своего хозяйства, поэтому выгоднее было внести денежную ренту. Следовательно, повинности монастырских крестьян Тобольского архиерейского дома выражались во всех трех формах феодальной ренты, а сложная система повинностей создавала благоприятные условия для повышения размеров ренты.

Возникает совершенно противоречивая картина: церковные историки отмечали, что «хозяйство крестьян архиерейской вотчины было добротным», у них было доброе «житье-бытье, и трудились в архиерейской вотчине исключительно для внутренних нужд Софийского дома».

В трудах советских историков изложена противоположная точка зрения. Они считали, что церковные феодалы вводили всевозможные повинности и отработки, что приводило к антифеодальным выступлениям в XVIII в. В 20—40 гг. XVIII в. наблюдается широкое движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии.

По мнению М.В.Побережникова, волнения архиерейских крестьян, направленные преимущественно против произвола администрации, были менее остры по сравнению с выступлениями государственных крестьян[104].

Н.В.Горбань в работе «Движения крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в.» приводит сведения о жестоком обращении с крестьянами архимандрита Иакинфа, эконома архиерейского дома, и даже самого тобольского митрополита Павла II. Жестокость Павла в обращении с крестьянами стала известна в Петербурге царице Екатерине II. Иакинфа назвали «кровожаждущим». Архимандрит не был ученым монахом, но в течение ряда лет был близок к тобольским митрополитам. При Павле II он, кроме исполнения должности эконома Тобольского митрополичьего дома управлял всеми делами Тобольской духовной консистории. В тюрьмах при архиерейском доме сидели десятки крестьян, которые подвергались всякого рода пыткам и истязаниям. Чинились жестокие наказания кнутом, плетьми и кошками. Все попытки жалоб заканчивались плачевно: жалобы рассматривал сам митрополит, а светская власть не принимала никакого участия. Весь этот произвол привел к тому, что крестьяне начали борьбу с ним[105].

Формы выступлений монастырских крестьян во многом совпадали с формами борьбы пашенных и приписных крестьян. Одним из наиболее распространенных способов были побеги[106].

Бежавшие крестьяне либо шли к местным светским властям с просьбой о выводе их в государственные крестьяне, либо скрывались по глухим местам. Монастыри проявляли настойчивость и упорство в отыскании и возвращении беглых крестьян. Специальные агенты выслеживали беглецов спустя много лет после побега и не только возвращали беглых, но и закрепощали породнившихся с ними за это время свободных людей[107].

В 1746 г. были найдены 47 семей беглых крестьян Тобольского Знаменского монастыря, большая часть из них была записана в ямщики. Почти все семьи породнились со свободными крестьянами, и монастырь потребовал «выводные деньги». Тем, кто не хотел или не мог уплатить, разрешалось быть «за монастырем во крестьянах»[108].

В 1749 г. из вотчин того же монастыря в разное время сбежало 9 крестьян: «…Осип Козмин сын Ваулин а подлинно Развалов, Сергей Сидоров сын Развалов, жена его Варвара, сын Гаврило, Семен Леонтиев сын Заветрин, Ефрем Иванов сын Журавлев, Михайло Дмитриев сын Корпыгин, Петр Борисов сын Ротмистров, Родион Яковлев сын Горлов…»[109]. Эти выступления можно связать с изменением политического положения в стране.

В указе от 30 декабря 1701 г. предусматривалось: «Вотчинникам им никакими угодьями не владеть, не ради разорения, но ради лучшего исполнения монашеского обещания, понеже древние монахи сами себе трудолюбивыми руками пищу промышляли и общежительно жившие, и многих нищих от своих рук питали, нынешние же монахи не только нищих от трудов своих, но и сами чуждые труды поядоша, и начальные монахи во многие роскоши впадаше, а подначальных монахов в нужную пищу ведали и вотчин же ради свары, и смертные убийства, и неправые обиды многим твориша»[110].

По указу от 16 января 1720 г. вотчины вновь были переданы в ведение духовенства, а в 1721 г. был открыт Синод. Все эти изменения в положении и управлении духовными вотчинами вызвали у крестьян, по мнению исследователя, большие надежды на избавление от тягла духовных крепостников[111]. Так, в 1726 г. крестьяне села Воскресенского отказались выполнять распоряжения приказчика Лузина. Волновались и крестьяне Вагайской вотчины Тобольского Знаменского монастыря. Они отказались выполнять работу на монастырь[112].

Расходы, связанные с Семилетней войной, приводят к введению подушных денег с монастырских крестьян. В первой половине 1761 г. с крестьян Тобольского Знаменского монастыря собрали «…денег с 2 140 душ по 35 коп. с души, итого 749 руб., да на оное число плакатных на рубль по 2 коп. с души, итого 763 руб. 98 коп.»[113]

В период проведения секуляризации в 1762 г. вместо всех повинностей сверх подушного семигривенного оклада был введен рублевый оклад[114]. После отмены секуляризации было предоставлено на усмотрение церковных властей решение сохранить рублевый оклад или вернуть прежние повинности. Церковные феодалы оставили рублевый оклад и восстановили традиционные

крестьянские повинности: «…и ныне надлежит с них крестьян и впредь пятинный хлеб собирать ежегодно в дом митрополитанский и монастыри…»[115].

М.М.Громыко находит этому подтверждение в описи хлебных запасов Тобольского Знаменского монастыря в декабре 1757 г. и ноябре 1764 г. «Пятинный хлеб» составлял подавляющую часть запасов до и после реформы 1764 г.[116]

Данные из фондов духовной консистории позволяют судить об эволюции положения крестьян на протяжении исследуемого периода. Еще В.И.Семевский в своем исследовании о крестьянах XVIII в. отмечал, что имеется очень мало указаний на побеги крестьян церковных вотчин. Кроме того, архиерейские владения различались по почвенно-природным и природно-климатическим условиям, что отражалось на благосостоянии крестьянского хозяйства. Поэтому в архиерейских вотчинах не было крупных выступлений.

По нашему мнению, фактически все приводившиеся Н.В.Горбань и М.В.Побережниковым примеры можно отнести к пассивным проявлениям антифеодальной борьбы (прошения, побеги, отказ от работ). Массовые выступления носили исключительный характер и зафиксированы в 60-е гг. XVIII в. во время начального этапа и накануне секуляризаций церковных имений (при Петре III).

Так, в 1760 г. вновь произошло волнение крестьян Тобольского Знаменского монастыря. Была составлена челобитная, где крестьяне жаловались на архимандрита Порфирия: «…он себя приказывал называть ваше высокопреподобие…во обители его расходы увеличились, но он умел своим смыслом оны убытки награждать, на имеющихся его монастыря крестьян сделки увеличивал всякими потребностями, то есть дровами, сеном, лесом, лыками и прочими которые излишние продавал и тем приход свои приумножал. А потом на всякие потребные работы их же наряжал, а пятиной хлеб, который подлежал на монастырь, выбирал с них весь без доимки…». Челобитчики были жестоко наказаны: «…главных челобитчиков, выбив кнутом, вырвали ноздри, послали на каторгу, из главных, которые подписывались при совете мирском, пятьдесят человек, тех так же выбили кнутом на публичном месте, а остальных живущих в Вагайской заимке человек ста с три старших

десятого кнутом, а достальных по состоянию их лет били плетьми и батогом…»[117].

В начале февраля 1762 г. волнения охватили митрополичье село Воскресенское. Крестьяне получили копию указа от 12 октября 1760 г., которым предписывалось «отныне им государственными крестьянами быть и платить только установленный оклад». Крестьяне пришли в приказную контору и потребовали от управителя игумена Иезекиля прочесть им утаенный от крестьян указ. Указ 12 октября 1760 г. был в свое время объявлен в церкви, но крестьяне не верили заявлениям управителя и его толкованиям, что дело идет о прибавке подушных денег на государственных крестьян. Управитель дал им печатный указ. Они его сличили со своей копией, но его толкованию и объяснению вновь не поверили. Волнение продолжалось до 13 февраля 1762 г. По приказу игумена удалось схватить 10 беглых ирбитских крестьян, у которых было отобрано обращение к крестьянам села Воскресенского с призывом присоединиться к ним[118].

21 и 22 февраля 1762 г. начались волнения в Тавдинской слободе. Крестьяне заявили: «Мы де пятинного хлеба не повезем и по указу трехсот четвертей в Тобольск гужом не везем же, дров дву сот сажен костровых и тысячи сажен же пятичетвертовых не добываем, уголья не сжем, смолы и прочих разных припасов не исполняем же и ржи на муку пятьсот четвертей и пшеницы пятьдесят жернов покупать не будем и с ключей лес и камень не плавим и во всех требованиях по вотчине касающихся отперлись». Согласились платить подушный оклад и кормить лошадей архиерейского двора. Тавдинские крестьяне трижды посылали своего агитатора крестьянина деревни Щучьей, в Покровскую слободу с призывом поддержать их. Те откликнулись и составили «общий с рукоприложением договор» об отказе от работ на архиерейский дом. Писщик Николай Тюшев доносил эконому архимандриту Иакинфу о том, что все покровские крестьяне взбунтовались и отказываются «от всех дому митрополитанского работ и от всяких случаев»[119].

Волнения охватили к первой половине февраля все митрополичьи вотчины. В Усть-Ницынской слободе крестьяне достали за дорогую плату копию того же указа и наняли читать его местного дьячка Мухина. Впоследствии по приказу митрополита Мухин

был схвачен, отправлен в Тобольск и бит плетьми. Крестьянские сходки закончились открытым выступлением 27 января 1762 г. Крестьяне вызвали приказчика Григория Тюшева и подьячего Петра Тихонова и приказали прочесть привезенную из Тюмени копию указа. По прочтении копии крестьяне заявили об отказе от работ и повинностей митрополиту, при этом они заявили приказчику: «Нам де и тебя, приказчика, так и подьячего в слободе не надо, поезжайте куда хотите, а править де у нас будет староста Лашков с выборными не хуже вас». Крестьяне объявили, что не будут работать на пильной и стеклянной фабриках, на мельнице и в архиерейских покоях, отказались давать подводы, строить барку и дощаник и выполнять другие работы.

Митрополитом в это время был Павел II Конюскевич (1758—1768 гг.), экономом архиерейского дома — архимандрит Иакинф. Владыка, чтобы самому успокоить и усмирить волнующихся крестьян, решил произвести объезд архиерейских вотчин.

19 февраля 1762 г. он прибыл в Усть-Ницынскую слободу. По сообщению приказчика Усть-Ницынской слободы Григория Тюшева эконому Иакинфу, на встречу с Павлом II вышло около 600 крестьян «и его преосвященству выговаривали, что де нас всемилостивейшая государыня пожаловала от всех ваших тягостей, то есть работ, подвод и пятины и протчих зделей и приказала быть в однорублевом окладе». Переговоры с владыкой закончились тем, что крестьяне решили отправить трех челобитчиков в Тобольск в Сибирскую губернскую канцелярию искать освобождения от митрополичьего дома, а сами отказались решительно от всех работ до прибытия из Тобольска челобитчиков[120].

Пытался увещевать взбунтовавшихся крестьян новый управитель Усть-Ницынской слободы иеромонах Вассиан, но безрезультатно. 4 марта 1762 г. усть-ницынский священник Алексеев писал архимандриту Иакинфу: крестьяне «состоят в зломышленном своем деле, не выключая ни единаго, все несколько увещевали, точно они безумные не восхотели сего разумети, но состоят яко лютейшие звери в злом своем намерении». Из Ирбитской слободы, где производилась постройка митрополичьего дома, бежали с работ вотчинные усть-ницынские и воскресенские крестьяне, оставив незаконченной постройку и прихватив с собой часть приготовленного лесного материала и хлебного провианта[121].

Побывал митрополит и в Вознесенской слободе. Но личное вмешательство митрополита не помогло. В итоге потребовалось вмешательство светской власти. В 1762 г. архимандрит Иакинф подал в Сибирскую губернскую канцелярию две челобитные (2 и 7 марта). В них он просил арестовать ряд митрополичьих крестьян и «учинить крестьянам достойное на страх наказание». По приказу губернской канцелярии прибывших в Тобольск челобитчиков арестовали. А в духовные вотчины были отправлены нарочные с указами к крестьянам о подчинении митрополиту и монастырям. Это не помогло остановить волнения в архиерейских вотчинах. 9 апреля казенный приказ митрополичьего дома обратился в губернскую канцелярию с просьбой о присылке в архиерейские вотчины «надежной и большой команды пущих возмутителей и преслушников сыскав в Тобольск смирить довольным публичным наказанием и к неотменному послушанию совершенно принудить». В вотчинах выступление крестьян поддержали работные люди архиерейского дома[122].

Новые волнения возобновились осенью 1762 г., что было связано с возвратом церковных имений Тобольскому архиерейскому дому. 20 октября в Преображенскую митрополичью вотчину прибыл приказчик Осип Калинин. Он зачитал указ о возвращении вотчин архиерейскому дому, на что крестьяне ответили, что согласны давать только рублевый оклад[123].

23 декабря 1762 г. митрополит Павел II отдал распоряжение по всем архиерейским вотчинам: «за нынешний 1762 г. со всех крестьян рублевый оклад собрать, а с будущего 1763 г. вместо того рублевого оклада употребить крестьян в нужные по рассмотрению властей монастырские работы и пятинный хлеб с них собирать, и во всем по-прежнему поступать на таковом основании, как доныне оные монастыри содержали». К владыке поступили донесения от приказных людей, свидетельствующих о том, что крестьяне разобрали хлеб, творят разорения и воровство, что от недосмотра и недостатка кормов пал скот[124].

За данный период от голода скота погибло: в Тавдинской слободе — 54 лошади, в Усть-Ницынской — 15 лошадей, в Покровской — 8 лошадей, в с.Воскресенском — 3 лошади и 56 голов рогатого скота. В общей сложности погибло 56 голов крупного рогатого скота и 80 лошадей. Духовные власти пытались добиться от

крестьян возмещения убытков и обратились к Сибирской губернской канцелярии с просьбой принять решительные меры[125].

Светские власти отписались промемориями, оправдывая раздачу хлеба крестьянам необходимостью им помочь: «…паче же вотчинные архиерейские крестьяне доведены были до такой крайней нищеты и разорения, что не только на посев хлеба, но многие и пищи у себя не имели, питались милостынею, а все де то последовало им с приезду его преосвященства в Сибирь от тяжких и несносных противу прежних лет работ и отягощения, о чем они Сибирскую губернскую канцелярию непрестанные жалобы преподносили».

В свою очередь духовная консистория обвинила светские власти в том, что они не способствуют наведению порядка в архиерейских вотчинах.

Крестьяне соглашались платить только рублевый оклад, ссылаясь на упоминание о нем в указе. В ноябре 1762 г. крестьяне митрополичьего села Преображенского подали челобитную в Сибирскую губернскую канцелярию. В ней указывалось, что «митрополичий дом принудил ряд крестьян идти на работу в Тобольск обслуживать митрополита и казенный приказ, всех крестьян принуждали к поставке сена, возке дров в Тобольск. Крестьяне стали собирать рублевый оклад, но сборщики рублевого оклада были схвачены и отвезены в Тобольск, а челобитчики арестованы, избиты и содержатся в митрополичьем доме в разных тяжелых работах». Выступление в селе Преображенском закончилось тем, что из Сибирской губернской канцелярии прибыл князь Чхеидзе с воинской командой и привел в повиновение архиерейских крестьян. Они дали две подписки: «первую, что впредь его преосвященству и определенным от него приказчику желают быть послушными во всем», вторую — «чтоб кормчества и укрывательства воров, также между собою судопроизводство не происходило и посторонних пищиков ни за кой наем у них, кроме определенного от его преосвященства, не было»[126].

Окончательно усмирить крестьян не удалось. В декабре 1762 г. вновь возникли волнения крестьян села Воскресенского. Бунт подняли 12 человек во главе со старостой Петром Бухаровым, затем число участников достигло сотни. Крестьяне духовных властей не слушались, хлеб в Тобольский архиерейский дом поставлять

отказались, никаких работ не выполняли. Это наблюдалось в Усть-Ницынской, Тавдинской и Покровской слободах[127].

Выступление продолжилось на следующий год. Подтверждение этого находим в переписи вотчин и крестьян архиерейского дома за 1763 г., где сообщается о том, что в июне этого года в село Преображенское прибыл архиерейский служитель Иван Бурмакин и «стал наряжать крестьян на запор лесом Абалацкого озера». Крестьяне согласились на полевые работы в счет рублевого оклада. Тобольский архиерейский дом нес недостачи по сбору рублевого оклада: на апрель 1763 г. они составили 2 643 руб.[128]

Новые волнения во всех митрополичьих вотчинах произошли после попытки духовных властей взять пятину у крестьян. 25 августа 1763 г. в село Преображенское прибыл посыльный из митрополичьего дома иеромонах Венедикт, для того чтобы составить опись имеющегося у крестьян на их полях хлеба. Крестьяне его не пустили и объявили, что «…де по указу велено с них крестьян собирать рублевые деньги или за оные заработать, а пятинного де хлеба собирать не велено и не дадут, почему для освидетельствования и описания, коль допустили, целовальников не дали». Митрополит с помощью светских властей добился усмирения крестьян[129].

Аналогичные выступления можно было наблюдать на всей территории епархии. Например, в вотчинах Верхотурского Николаевского и Далматовского Успенского монастырей[130].

В заключение отметим, что накануне секуляризации Тобольский архиерейский дом был крупным земельным вотчинником. Приведенные данные о хлебных запасах, количестве скота и размерах торговли свидетельствуют об устойчивом характере сельскохозяйственного производства во владениях Тобольского архиерейского дома и прочной связи с рынком. Как видно, количество лошадей преобладало в связи с тем, что экономика архиерейских вотчин была подчинена хлебопашеству (зерновому производству).

В вотчинах Тобольского архиерейского дома находились различные группы феодально-зависимого населения (крестьяне, бобыли, половники и др.). Их положение различалось по имущественному цензу. В церковной литературе давалась идеалистическая картина быта архиерейских крестьян. Они несли различные

повинности, а их рост приводил к стихийным выступлениям. В советской литературе слишком преувеличивался их уровень. Приведенные факты свидетельствуют о том, что эти выступления носили ограниченный и узколокальный характер.

Примечания

[1] Кабузан В.М. Троицкий С.М. Движение населения в Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 153.

[2] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1946. С. 33.

[3] Государственный архив Тюменской области «Государственный архив» (далее — ГУТО ГА) в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18.

[4] ГУТО ГА. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 10—12 об.

[5] Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. // Уч. зап. Омск. пед. ин-та. 1949. Вып. 4. С. 86, 92—94.

[6] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 84.

[7] Громыко М.М. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 173.

[8] Хозяйство и быт Западно-Сибирского крестьянства в XVII — начале XIX в. / Отв. ред. В.А.Александров. М., 1979. С. 251—252.

[9] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 280. Л. 10

[10] Там же. Д. 3. Л. 103—139 об.

[11] Там же. Л. 89—102.

[12] Там же. Д. 946. Л. 2.

[13] Громыко М.М. Русское население и земледельческое освоение. С. 172.

[14] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 69 об.—70.

[15] Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (далее — ГУТО ГАТО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 3670. Л. 30—55.

[16] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 286. Оп. 1. Д. 1. Л. 31—32.

[17] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 18, 71.

[18] Шорохов Л.П. Общерусские черты и местная специфика в возникновении и развитии церковно-корпоративного землевладения в Сибири в XVIII в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 46, 78—79.

[19] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 20. Л. 51—51 об.

[20] Описание документов и дел Св. Синода. Т. 2. С. 638.

[21] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 14. Л. 1а, 8—9, 15 об.

[22] Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 2. Д. 478; ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4793. Л. 2—20; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 26. Л. 56; Д. 203. Л. 2—7 об.

[23] Громыко М.М. Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири. С. 83.

[24] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 17, 71.

[25] Наш край в документах и иллюстрациях. Екатеринбург, 1966. С. 441—442.

[26] Шорохов Л.П. Общерусские черты и местная специфика в возникновении и развитии церковно-корпоративного землевладения в Сибири в XVIII в. С. 46.

[27] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 17—17 об., 69.

[28] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 50 об.

[29] Пузанов В.Д. Военная политика русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 187.

[30] Абрамов Н.А. Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 427.

[31] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. Л. 19—20.

[32] Наш край в документах и иллюстрациях. С. 455.

[33] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 214. Кн. 1605. Л. 90—116.

[34] Календарь Тобольской губернии на 1890 г.Тобольск, 1891. С. 35—37.

[35] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Д. 26. Л. 56; Ф. 70. Д. 9. Л. 72—73 об.; Д. 10. Л. 37.

[36] Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 8. Л. 2—42 об.; Д. 18. Л. 1—10.

[37] Там же. Д. 3. Л. 76—102 об.

[38] Там же. Д. 10. Л. 62—64 об., 94.

[39] Там же. Д. 15. Л. 7—85.

[40] Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 579. Л. 20—22.

[41] Громыко М.М. Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири. С. 167, 169.

[42] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 633. Л. 96 об.—97.

[43] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 283—284.

[44] РГАДА. Ф. 214. Кн. 735. Л. 8—48; Кн. 686. Л. 131; Кн. 1086; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18; Д. 86. Л. 12—15.

[45] Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. С. 90.

[46] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 287, 291.

[47] РГАДА. Ф. 214. Кн. 474. Л. 665.

[48] Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. С. 232—241.

[49] 400 лет Тобольску: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 42.

[50] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 101. Л. 135—136.

[51] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 280.

[52] Громыко М.М. Западная Сибирь. Новосибирск, 1965. С. 222—228.

[53] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 4. Л. 36—36 об.

[54] Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. С. 192—194.

[55] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 18. Л. 4—9.

[56] Греков Б.Д. Монастырское крестьянство XVI—XVII вв. Л., 1924. С. 734.

[57] РГАДА. Ф. 214. Кн. 151. Л. 40; Кн. 1086. Л. 12—50, 43—46; Ф. 280. Оп. 1. Д. 734. Л. 20; Оп. 6. Д. 924. Л. 5 об.; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 86. Л. 23—24; 45—47; Д. 9. Л. 45—47, 80—92 об.

[58] Дьяконов М.А. Бобыли в XVI—XVII вв. СПб., 1896. С. 6, 32; Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.) СПб., 1898. С. 206—240.

[59] Греков Б.Д. Монастырское крестьянство XVI—XVII вв. Л., 1924. С. 734—759.

[60] Панкратова А.М. Наймиты на Руси в XVII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1952. С. 207—209.

[61] Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в XVII в. М; Л., 1959. С. 170.

[62] Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII в. М., 1966. С. 170.

[63] Шапиро А.Л. Бобыльство в России XVI—XVII вв. // История СССР. 1960. № 3. С. 52, 60; Эволюция бобыльства в России XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1958. Таллин, 1959. С. 95.

[64] Коньков Н.Л. Двинские черносошные бобыли // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1979. Вып. 7. С. 73—82.

[65] РГАДА. Ф. 280. Оп. 6. Д. 734. Л. 20; ГУТО ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4769. Л. 2; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—7.

[66] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3, 104—106, 118, 120, 121—126.

[67] Там же. Д. 9. Л. 80—92 об.

[68] Там же. Д. 15. Л. 1—7.

[69] РГАДА. Ф. 280. Оп. 6. Д. 734. Л. 20.

[70] Громыко М.М. Западная Сибирь. С. 490—491; Общерусские черты и местная специфика в возникновении и развитии церковно-корпоративного землевладения в Сибири в XVIII в. С. 110.

[71] РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 96; Кн. 1320. Л. 1—580 об.

[72] Греков Б.Д. Монастырское крестьянство XVI—XVII вв. С. 735.

[73] Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XIX вв. Тюмень, 2001. С. 38.

[74] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 391—392.

[75] Громыко М.М. Русское население и земледельческое освоение. С. 488.

[76] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3. Л. 51—53, 61—62, 73—74 об., 76—102 об.; Д. 10. Л. 52—56; Д. 43. Л. 104—106, 118, 120—122, 124—126 об.

[77] Там же. Д. 3. Л. 51—53.

[78] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). С. 393.

[79] Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. (Вотчинное землевладение и политико-идеологические функции). Новосибирск, 1971. С. 110.

[80] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 20. Л. 50.

[81] Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин. С. 90—96; Громыко М.М. Западная Сибирь. С. 178—181.

[82] РГАДА. Ф. 280. Оп. 6. Д. 206. Л. 1—5; Д. 208. Л. 1—5; Д. 733. Л. 2—3 об.; Д. 819. Л. 11—14; Д. 289. Л. 5 об.; Д. 935. Л. 5; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Д. 26. Л. 56—58, 69; Д. 146. Л. 6—10.

[83] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 70. Д. 3. Л. 76—102 об.; Д. 10. Л. 62—64.

[84] Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1082. 17 об., 74.

[85] Там же. Д. 146. Л. 6.

[86] Там же. Д. 431. Л. 40.

[87] Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3. Л. 33; Д. 18. Л. 11—16.

[88] Там же. Д. 4. Л. 49—50.

[89] Громыко М.М. Западная Сибирь. С. 523.

[90] Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 206.

[91] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 20. Л. 51.

[92] Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 431.

[93] Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. С. 206.

[94] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Д. 26. Л. 56.

[95] Там же. Л. 10, 48, 56—58, 69.

[96] ГАСО. Ф. 603. Д. 1. Л. 3, 13, 22, 44—45, 52; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 1. Л. 17; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2069. Л. 5—5 об.

[97] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

[98] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. IV. № 2161; Т. V. № 2650, 3419.

[99] РГАДА. Ф. 1446. Оп. 1. Д. 41. Л. 2, 19.

[100] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода. СПб., 1879. Т. II. Ч. 1. С. 20—23.

[101] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; Д. 9. Л. 63—64; Д. 18. Л. 32—36;

[102] ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

[103] РГАДА. Ф. 1446. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

[104] Побережников М.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII в. Новосибирск, 1989. С. 11—13.

[105] Горбань Н.В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. С. 232—241.

[106] ГУТО ГАТО. Ф. 47. Д. 1944. Л. 21; Д. 2980. Л. 64; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф.70. Д. 3. Л. 64—67; Ф. 156. Оп. 2. Д. 26. Л. 40—42.

[107] Крестьянство в Сибири в эпоху феодализма. С. 281.

[108] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—5 об.

[109] Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 508. Л. 3.

[110] ПСЗРИ. Т. IV. № 1818, 1829, 1886.

[111] Там же. Т. VI. № 3659.

[112] Побережников М.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII в. С. 34—35.

[113] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 67. Л. 2— 4 об.; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

[114] ПСЗРИ. Т. XV. № 11481.

[115] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 324. Л. 1—1 об.

[116] Громыко М.М. Западная Сибирь. С. 183—184.

[117] Наш край в документах и иллюстрациях. С. 456—457.

[118] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 280. Л. 23, 33, 40—42; Д. 427. Л. 1—3; Д. 633. Л. 147—149 об.; Д. 139. Л. 1—2.

[119] Там же. Д. 280. Л. 5—7; Д. 635. Л. 47—49.

[120] Там же. Л. 40—42.

[121] Там же. Л. 10—10 об.

[122] Там же. Д. 324. Л. 6—7.
[123] Там же. Д. 635. Л. 13—13 об.
[124] Там же. Д. 633. Л. 162—175 об.
[125] Там же. Д. 946. Л. 2.
[126] Там же. Д. 280. Л. 40—42.
[127] Там же. Д. 393. Л. 1, 42.
[128] Там же. Д. 34. Л. 1—2 об.; Д. 412. Л. 2—2 об.; Д. 385. Л. 2—4; Д. 633. Л. 162—175 об.
[129] Там же. Д. 628. Л. 1—2; Д. 411. Л. 42—43.
[130] ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 31—31 об.; ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 324. Л. 84.

Глава 5

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ ОДНОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СБОРНИКА

Говоря о сибирском старообрядчестве конца XIX в., необходимо отметить, что, как правило, образ староверов Зауралья в глазах широкой общественности складывался под воздействием религиозно-культурных норм беспоповства. Беспоповская ветвь старообрядчества в Сибири, по большей части, была представлена таким догматическим течением, как поморство, приверженцы которого составляли порядка 80% всех сибирских беспоповцев[1]. В целях рассмотрения сущности сибирского старообрядческого менталитета исследователям необходимо, помимо прочего, ознакомиться и с письменной культурой поморства, наиболее объективно отражающей специфику восприятия староверами окружающего мира и общества.

Задачей настоящей работы служит выполнение комплексного анализа владельческих помет и записей на страницах обнаруженного автором старообрядческого сборника «История об отцах и страдальцах соловецких, пострадавших за древлецерковные законы»[2].

Сборник был найден в июне 2011 г. в составе домашней библиотеки потомственного священнослужителя РПЦ Алексея Владимировича Прудникова, который в настоящее время служит в Соборе Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных г.Нижнегорский (Автономная Республика Крым). По свидетельствам самого Алексея Владимировича, сборник попал в его семью в начале 50-х гг. прошлого столетия и был выкуплен его дедом, протоиереем Прудниковым Михаилом Кузьмичом, у некоего старообрядца в г.Алуште, где в то время проживала семья Михаила Кузьмича. Позже Прудниковы перебираются в Нижнегорский, а в 1995 г. фолиант по наследству переходит к его нынешнему владельцу. Таким образом, последние шесть десятилетий сборник находился на полках книжного собрания семьи Прудниковых и не служил предметом изучения, почему представляет несомненную ценность и для исследователей старообрядческой книжной культуры, и для ученых, занимающихся проблематикой старообрядческого менталитета.

Книга изобилует множеством записей на церковнославянском языке, оставленных на полях и между строк сборника одним из предшествующих владельцев книги. Помимо этого некоторые надписи были сделаны и на авантитуле фолианта, а также на закладках, обнаруженных между 77 и 78 листами. Изучение данных текстов, относящихся к рубежу XIX—XX вв., помогает осветить глубокий внутренний мир старообрядца того времени, познакомить нас с его чаяниями, мыслями, убеждениями, обуревающими его душу религиозными образами.

По классификации И.В.Починской, все имеющиеся в книге записи можно разделить на группы: 1) летописные, которые являются в книге наиболее объемными и часто занимают поля сразу нескольких листов; 2) молитвенные, встречающиеся не так часто в виде небольших выдержек из церковных служб; 3) эмоциональные, выражающие отношение владельца к тому или иному отрывку сочинения (обычно они представлены в виде кратких замечаний наподобие «Вера иссякла» или «Грецы отпали»); 4) правки — наиболее распространенная в книге разновидность записей (как правило, владелец дописывал красными чернилами плохо пропечатавшиеся буквы, однако порой он вставлял в текст целые предложения и, напротив, позволял себе вырезать некоторые слова, по его мнению, попавшие в текст вследствие опечатки); 5) приписки — обычно ссылки на Библию, Четьи-минеи, Катехизис или другую религиозную литературу; 6) рисунки, не обладающие качественным разнообразием и представленные, как правило, изображениями крестов или сложенных в двуперстие ладоней.

Постараемся определить датировку записей и их атрибуцию, установить принадлежность владельца книги к тому или иному религиозному течению, осветить различные стороны биографии этого библиофила.

В датировке записей неоценимую роль сыграла помета (сделанная владельцем на авантитуле книги), которая, в частности, гласит: «Начало Соловецкой пантократоровы обители Торжества Божия Слова положено в 1487, а ныне тому назад 467 лет. А писано сие в 1895 лете Господнем». По мере чтения книги замечается постепенное увеличение небрежности, с которой автор писал свои комментарии. От главы к главе визуальное и содержательное качество владельческих записей неизменно падает, что происходит,

видимо, в результате снижения у автора интереса к содержанию книги, а также из-за желания скорее закончить свой труд.

На практике увеличение небрежности написания помет выражается в постепенной замене автором эстетичных красных чернил на «какие придется» (так, начиная со второй главы, красные чернила начинают бессистемно чередоваться с черными, коричневыми, синими и фиолетовыми), в переходе от шрифта, подражающего полууставу, к скорописи (видимо, вследствие увеличения автором темпа письма), в нарушении графики букв и симметрии строк, увеличении в тексте числа грубых помарок и чернильных пятен, в уменьшении общего объема помет.

Визуально сопоставляя запись, располагающуюся на авантитуле сборника с различными фрагментами помет из других частей книги, можно заметить, что по своей графике, цвету и другим перечисленным показателям она наиболее всего соответствует пометам, расположенным в заключении сборника.

Это подтверждается, главным образом, использованием при нанесении записи на авантитул коричневых чернил, характерных именно для помет, расположенных в заключительных главах книги (красные фактически выходят из употребления уже по окончании первой главы). На хронологическое соответствие датирующей записи с надписями, обнаруженными в заключении сборника, указывает и характер вынесения буквенного титла *«слово»*. Так, в первых главах сборника, характеризующихся высоким эстетическим качеством помет, при написании титла автор располагал надстрочный знак перпендикулярно относительно основного текста[3], в то время как в заключительных главах сборника *«слово»*, вынесенное в титло, располагается параллельно другим буквам текста[4]. Подобная тенденция наблюдается и в пометах с авантитула книги. Вынесенное в слове *«Торжества»* титло располагается параллельно всему слову, что указывает на явную небрежность написания, о которой уже шла речь. В качестве еще одного подтверждения можно привести множество помарок, а также грубых нарушений симметрии строк, имеющих место как на авантитуле, так и в заключительных главах книги[5], но совершенно не характерных для эстетически выверенных первых глав сборника.

Запись о номинальной датировке пометок, помещенная автором в самом начале книги, в действительности была сделана уже

по завершении всей работы по комментированию сборника, а следовательно, пометы, находящиеся в первых главах, можно датировать более ранними годами.

Однако вследствие отсутствия точной датировки издания (книга, по всей видимости, была напечатана на рубеже 70—80-х гг. XIX в.)[6] проблематично определить год начала внесения в сборник помет. Предположительно работа по комментированию книги могла начаться не ранее 1892 г. Доказательством тому служит авторская приписка, расположенная на полях первой главы сборника, в которой приводится ссылка на запись некоей беседы под номером 532 с указанием ее года — 1892-й[7]. Эта дата является в книге хронологически самой поздней (за исключением записи о завершении работы по комментированию сборника — 1895). Учитывая, что и располагается соответствующая помета в одной из первых глав, уместно говорить о том, что она является указателем если не на год начала ведения записей, то хотя бы на рубеж, ранее которого комментирование книги начаться не могло. В целом можно заключить, что появление в сборнике записей падает на время не ранее 1892 г. и не позднее 1895 г.

Обратимся к атрибуции владельческих записей. В этом значительную помощь оказывают тексты летописного характера, расположенные на полях первой главы сборника[8]. Здесь автор приводит иерархическую преемственность белокриницкого (австрийского) старообрядческого согласия. Он прославляет милость Божию за то, что Господь не дал «кораблю веры порудиться (омыться кровью)»[9]. Под «кораблем веры» владелец книги, в частности, понимает иерархическую церковную преемственность староверов и благодарит Бога за то, что она не прервалась, несмотря на малочисленность старообрядцев и гонения со стороны светских властей.

В пометах раскрывается сюжет о получении старообрядцами в 1846 г. собственной иерархии через бывшего боснийского митрополита Амвросия, и дальнейшей передаче от него через митрополита Кирилла (в миру — Киприяна Тимофеева) духовной преемственности епископу Антонию (Андрею Илларионовичу Шутову)[10].

По большей части церковная преемственность, приведенная автором, не представляет чего-либо нового. Она была описана

И.Я.Сырцовым еще в 1882 г.[11] Однако можно заметить, что в своих записях владелец книги допускает грубые хронологические ошибки. Так, говоря о переходе Амвросия в староверие, автор указывает1854 г.[12] В действительности чинопринятие Амвросия состоялось в 1846 г.[13] Автор помет указывает на благословление Кириллом Антония в 1872 г.[14], тогда как возведение Антония Шутова в епископы произошло в 1853 г.[15]

Однако сам автор записок не отрицает того, что в его пометах могут содержаться ошибки, связанные с хронологией описываемых событий. Так, повествуя о смерти А.Шутова, владелец книги утверждает, что Антоний «преставился *около* 1880 г. в Макаровской слободе Московской губернии»[16] (по данным И.Я.Сырцова, Антоний Шутов умер в 1881 г.)[17]. Отметим, что упоминаемые подробности кончины Антония Шутова не встречаются ни у И.Я.Сырцова, ни у других исследователей конца XIX в.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что владелец сборника не был знаком с трудами церковных или светских исследователей, занимавшихся проблематикой духовной иерархии старообрядчества и знавших точную хронологию иерархической преемственности белокрицкой церкви. Следует полагать, что автор помет узнал о данной преемственности из письменных или, скорее, устных источников, имевших хождение исключительно в старообрядческой среде.

Владелец сборника говорит также о том, что «от последователей Антония исправлен в 1885 году священно инок Павел Покамский, имевший кончину в 1890 г.»[18]. Сразу за этой записью следует сообщение о том, что от него «исправлялся в 1887 г. инок Ефрем…», названный в миру Павлом Чупиным Пермской губернии Югокамской волости[19]. Два этих лица названы во владельческих записях последними и, судя по всему, все предшествующее повествование имело своей целью лишь обоснование правомерности рукоположения этих двух иноков.

Говоря о Ефреме Чупине, нельзя не отметить подробную детализацию в записях его биографии. В тексте названа родина инока (Югокамская волость Пермского уезда), Ефрем отличается от упомянутых ранее духовных лиц и тем, что указано не только его монашеское, но и мирское имя. Лишь Ефрем Чупин из всех перечисленных в повествовании духовных лиц являлся современником

владельца книги. Повторим, что работа по комментированию сборника велась в течение 1892—1895 гг. Пострижение же Ефрема Чупина в иноки произошло в 1887 г.

По мнению Н.Ю.Бубнова, старообрядческие произведения, в том числе и такого позднего периода, как конец XIX в., были во всех отношениях сходны со средневековой русской книжностью[20]. Уместным было бы предположить, что и владельческие записи в сборнике были проявлением этой тенденции.

К такому выводу можно прийти на основе анализа владельческих записей по методике О.Н.Бахтиной, предполагающей, что старообрядческие сочинения можно считать продолжающими традиции древнерусской книжности при условии, если 1) они не являются художественными; и 2) они построены в жанре проповеди, жития, послания, наставления, поучения, летописи или хронографа[21]. Мы можем наблюдать, что пометы сборника в основном относятся к жанру летописи и вследствие специфики авторской речи не могут претендовать на отнесение их к художественному стилю, что, в свою очередь, подтверждает тезис о принципиальной схожести владельческих записей со средневековыми сочинениями.

Возможно, особое внимание к личности Ефрема Чупина служит указанием на имя владельца книги, что вполне соотносится с традиционной для Средневековья анонимностью и практикой подобных завуалированных указаний на автора[22].

Автор нарекает кончину своего рукоположника «священноиноческой» (однако для читателя остается загадкой, почему Ефрем Чупин счел ее таковой) и, кроме того, наделяет Покамского «даром прорицания» (примеры сбывшихся пророчеств автором опять-таки не приводятся)[23]. Стало быть, мы можем наблюдать, при помощи каких идеологических средств рядовое духовенство белокрицкого согласия отстаивало истинность своего рукоположения. Неотъемлемой составляющей аргументации являлось не только доказательство духовной преемственности старообрядческой иерархии от Амвросия и Киприяна, но и обоснование истинности всей Белокрицкой церкви посредством «духовной привязки» первых «австрийских» митрополитов к духовенству, существовавшему до раскола православной церкви.

По утверждению С.Р.Хмыровой, непосредственной задачей старообрядческой книжности было установление преемственности нынешних норм с дониконовскими[24]. По всей видимости, значительное внимание придавалось не только доктринальной преемственности, но и иерархической, в частности, приводимой автором владельческих записок.

Другим способом подтверждения правомерности собственного рукоположения, существовавшим в среде белокрицкого иночества, было, как мы видим из текста, перечисление тех представителей духовенства, к которым восходит их иерархия, в крайне благочестивом виде (присвоение им различных чудесных способностей и достойной, полной страданий за веру, кончины).

Весьма показательным является тот факт, что приведенная классификация предстает перед читателем на полях именно первой главы сборника. Сличая летописные заметки с основным текстом книги, можно увидеть, что система обоснования истинности белокрицкой церкви была выработана автором под непосредственным впечатлением от «Истории об отцах и страдальцах соловецких». В частности, абсолютно сходным образом автор «Истории…» Семен Денисов обосновывает истинность позиций, на которых стояли иноки Выговской пустыни. Первоначально Денисов соотносит выговцев с отцами Соловецкой обители, поднявшими мятеж против обрядовой реформации патриарха Никона[25], а затем перечисляет примеры подвижничества, юродства и различных дарований, наблюдавшихся в среде соловчан[26], у которых с выговцами, по мнению Денисова, существует номинальная духовная преемственность. Заканчивает же он свою «Историю…» рассказом о мученических смертях и страданиях, принятых соловчанами за истинную веру[27].

На этом примере мы можем наблюдать описанный Н.Н.Покровским процесс смешения религиозно-идеологических норм разных старообрядческих согласий, вступающих в тесный контакт друг с другом[28]. В данном случае смешение произошло между поморским согласием беспоповского направления, приверженцем которого был Семен Денисов, и «австрийским» толком поповского направления, к которому относился автор помет.

Примечательно, что Чупин называет рукоположников Павла Покамского не иначе как «последователями Антония», не вдаваясь

в конкретику и не называя ни их имен, ни духовного чина[29]. Вернее всего предположить, что Ефрем в ходе работы над обоснованием собственной духовной преемственности от дониконовских иерархов столкнулся с отсутствием у него сведений о рукоположниках инока Павла (как мы выяснили, Покамский, к моменту начала работы Ефрема над сборником, уже скончался). Вследствие этого старообрядческие иерархи, от которых вел свою духовную преемственность Павел Покамский, в тексте упоминаются просто как «последователи Антония», а в летописных заметках нашли отражение лишь такие значимые и всегда бывшие на слуху личности, как митрополит Амвросий, Кирилл (Тимофеев), Антоний (Шутов) и др.

Знакомство с личностью Ефрема Чупина стоит начать с освещения некоторых моментов его жизни, имевших место до принятия им иночества. Говоря о рукоположении Павла Покамского, инок Ефрем называет того «отошедшим от окружников»[30] (окружники и противоокружники — два основных течения в рамках австрийского согласия, раскол между которыми произошел ввиду ряда доктринальных противоречий)[31]. Исходя из этого можно говорить о том, что Чупин, осознавая себя духовным чадом Покамского, позиционировал себя как противоокружника. Об этом, в частности, свидетельствуют и некоторые записи на полях сборника. Несколько раз Ефрем позволяет себе говорить о конце веры[32], произошедшем в результате реформ Никона, а также никогда не допускает в своих пометах написания имени *«Исус»* в «никонианском» варианте с удвоенной *«и»*. И то, и другое является признаком более радикального мировоззрения противоокружников, противостоявшего весьма мягкой идеологии окружничества.

Однако остается загадкой, почему Чупин, говоря об иерархии белокрицкого толка, обращается к личности Антония Шутова, который был ярким представителем окружников. Возможно, вследствие отсутствия у Чупина письменных свидетельств по истории белокрицкой церкви и использования им преимущественно устных источников в его представления о преемственности австрийских иерархов могли закрасться серьезные ошибки и упущения. С этим предположением вполне согласуется и тот факт, что, как мы далее сможем убедиться, при жизни Антония Шутова Ефрем Чупин, по всей видимости, не принадлежал к поповскому

направлению старообрядчества и потому имел весьма смутное представление о реальном положении дел внутри «австрийской» церкви.

Говоря о рукоположении инока Ефрема, автор помет также прибегает к формулировке «исправлен»[33], не указывая, однако, как в случае с Покамским, от какого направления староверия отошел Чупин. Весьма любопытными в данном отношении оказываются пометы на 73-м листе сборника, где проводится правка книги, замена некоторых слов, попавших в текст якобы в результате «ненамеренной опечатки»[34]. Незначительные по своему объему записи дают, однако, исследователю весьма богатый материал для анализа.

Исправления говорят о том, что у автора, помимо данного сборника, имелся еще, как минимум, один экземпляр, с которым тот сличал содержание книги из собрания А.В.Прудникова. Определить же, относился ли этот неизвестный экземпляр к первой волне изданий «Истории об отцах и страдальцах соловецких», датируемой 1788—1795 гг., или же принадлежал к рукописным вариантам сборника, тоже имевшим хождение в старообрядческой среде[35], пока не представляется возможным. Так или иначе, весьма любопытно, что у представителя черного духовенства австрийского толка могло оказаться во владении сразу два экземпляра сборника, распространенного почти исключительно в поморской среде[36].

О соловецком иноке Герасиме Фирсове — авторе «Послания о сложении перстов» — Чупин говорит следующее: «Добро да почитается тобою, иноверец»[37]. Не являясь приверженцем поморства, автор помет, вероятно, не чувствует непосредственной духовной связи с отцами Соловецкого монастыря[38] и потому вполне обоснованно, с точки зрения старообрядческого менталитета, называет отцов Соловецкой обители «иноверцами». Однако нельзя не отметить, что даже в силу всей радикальности, наблюдавшейся в рамках противоокружничества, Ефрем Чупин не испытывает никакой враждебности ни к Герасиму Фирсову, ни к другим соловецким авторам, произведениям которых нашлось место в сборнике.

Большинство полемических записок Ефрема направлены вовсе не на обличение «иноверческого» беспоповского сборника, а на жесткую критику «никонианства»[39].

Показательным является и сам факт выбора Ефремом Чупиным течения противоокружников, являвшегося самым радикальным в рамках белокрицкого согласия и наиболее идеологически близким к радикальному беспоповству[40]. Ряд приведенных свидетельств явственно связывает Ефрема Чупина с поморским согласием. Наиболее убедительной представляется версия, в соответствии с которой до принятия пострижения от австрийцев-противоокружников Ефрем был старообрядческим начетчиком поморского толка, о чем говорят и наличие в его распоряжении сборников, имевших хождение преимущественно в беспоповской среде, и весьма либеральное отношение к сочинениям соловецких авторов, и показательный выбор наиболее радикального и идеологически близкого к поморству противоокружнического течения.

Данная версия также объясняет хронологию появления в сборнике владельческих записей. Мы знаем, что рукоположение Чупина, закрепившее его переход в австрийство, произошло в 1887 г. Из этого можно сделать вывод, что сборник попал во владение Ефрема ранее, так как «История об отцах и страдальцах соловецких» не входила в традиционный круг чтения поповцев, и потому весьма затруднительно объяснить, чем данная книга могла заинтересовать белокрицкого инока. Комментирование сборника, однако, началось, опять же предположительно, лишь в 1892 г.

Такой временной разрыв можно объяснить, в частности, влиянием на мировоззрение Чупина культа книги. Вероятнее всего, до пострижения Чупина пометы не наносились в связи со страхом нанести вред культовому сочинению, каким наверняка представлялась «История…» Ефрему-поморцу. Лишь после окончательного присоединения Чупина к белокрицкой церкви можно с уверенностью говорить об исключении им «Истории…» из числа культовых сочинений, что подтверждается и весьма небрежным отношением инока к качеству помет (нами уже упоминались помарки и чернильные пятна, нанесшие ощутимый вред фолианту).

Примечательно, что иногда культ книги приобретал форму непосредственно религиозного поклонения (фолианты натирались ладаном, стояли на полках рядом с иконами, хранились в качестве

оберега)[41]. Вследствие этого совершенно невозможно говорить о причинении каких-либо повреждений сборнику, входившему в число культовых для поморского согласия, одним из последователей данного толка.

Перерыв в несколько лет после пострижения Ефрема возник, видимо, вследствие коренного перелома в мировоззрении Чупина и необходимости определенного периода для переосмысления своих убеждений, без окончательного оформления которых исправление сборника было невозможно.

В свою очередь, мотивы перехода в белокрицкое согласие Ефрем поясняет тем, что «священники и патриархов могут принимать и исправлять…»[42]. Полемика же с поморством встречается в его пометах лишь в одном месте, где наравне с «никонианами» Чупин обвиняет их в приверженности к обливательному крещению[43].

Сошлемся и на уже упомянутую нами некую «беседу 532» за 1892 г. На вопрос о том, что из себя представляла именуемая беседа, ответ дается на заднем форзаце книги. Там приведены ответы Чупина на различные «мужские и женские вопросы», судя по всему, паствы Ефрема в ходе религиозных бесед. Кроме доктринальных вопросов (например: «Без чего Бог не может быть?»), встречаются и вопросы такого плана: «Сколько языков на Земле?». Е.Чупин нашел ответ даже на такой весьма специфический вопрос. По его мнению, на Земле 72 языка.

Вероятнее всего, под 532-й беседой инок Ефрем имел в виду одну из воскресных бесед с паствой, записи которых наверняка регулярно производились Чупиным и хранились у него. Из расчета, что в год могло происходить не более 52-х воскресных бесед, можно подсчитать, что на 1892 г. воскресные беседы производились Чупиным в течение уже более десяти лет.

Это в свою очередь говорит о том, что проповедническую деятельность Ефрем начал еще за четыре года до своего рукоположения (примерно в 1883 г.). Исходя же из того, что Чупин не знал точного года кончины Антония Шутова (1881 г.), несомненно, создавшей резонанс в старообрядческой среде и наверняка привлекшей бы внимание автора записок, будь он на тот момент «австрийцем», необходимо говорить и о том, что непосредственное склонение инока Ефрема на позиции поповства произошло не ранее 1882 г.

Далее следует обратиться к уже упомянутому нами сообщению о родине Ефрема (Югокамская волость Пермской губернии). Интересным в данном сообщении представляется то, что автором пометок не назван населенный пункт, в котором проживал Ефрем Чупин. Это, в частности, может свидетельствовать о том, что Югокамская волость представлялась автору записей не столько исторической родиной Чупина, сколько местом его служения.

Так, вследствие нехватки священства[44], а также большой активности белокрицкого духовенства, отмеченной еще Л.Соловьевым[45], старообрядческие пастыри часто были вынуждены окормлять сразу несколько населенных пунктов. Отсутствием священства можно объяснить и то, что проповедническую деятельность Ефрем начал еще до того, как был рукоположен в сан. Практика проповеднической деятельности лицом, не имевшим духовного посвящения, была вполне типичной для «австрийцев» рубежа XIX—XX вв.[46] и потому данный случай не являлся исключительным.

Кроме того, Ефрем Чупин занимался церковным служением и окормлением старообрядцев Югокамской волости, о чем свидетельствует ряд владельческих записей сборника, напоминающих о необходимости принести в храм религиозную литературу, регламентирующую порядок предстоящей службы. Говорит ли автор в данном случае о постоянном старообрядческом храме или о развернутой в жилом доме походной церкви, традиционной для австрийских богослужений[47], остается неясным.

По нашему мнению, все отраженные в пометах доктринальные убеждения вполне соответствуют традиционному для рубежа XIX—XX вв. мировоззрению старообрядца австрийского согласия. По мысли И.Я.Сырцова, радикальность и неприемлемость религиозных и бытовых новшеств была чертой не только беспоповцев, но и части австрийцев[48]. Неприемлемость новшеств нашла отражение и в записях Ефрема Чупина. Так, владелец книги осуждает «никониан» за то, что те «не повинуются преданиям»[49], которые были одним из главных источников религиозно-бытового мировоззрения староверов, а также постоянно производит правку книги с целью архаизации текстов сборника. Например, автор повсеместно исправляет имя «Иван» на более древний аналог «Иоанне», считая первый вариант недопустимым новшеством[50]. В пользу крайней радикальности Ефрема Чупина говорит также

запись на полях сборника: «Аще кто похвалил чужую веру, тот своей ругается»[51].

Весьма характерным для мировоззрения радикальной части старообрядчества было сравнение своего протеста с борьбой церкви с первыми христианскими ересями. Данная тенденция нашла отражение и в убеждениях инока Ефрема. Так, с заметным постоянством Чупин ставит сторонников обрядовой реформации в один ряд с «армянами» и «латинянами» или же сравнивает их с древними еретиками времен Вселенских соборов. Самих же «никониан» автор в ряде случаев называет не иначе как «врагами». Так, в одной из помет Чупин пишет: «В Толковом Евангелии (лист 449) от врагов доказательства достоверные были»[52].

Другими характерными чертами традиционного старообрядческого миросозерцания стали полемические рассуждения Чупина о двусоставном естестве Христа[53], которые служат у него главным доказательством истинности двуперстного сложения; об искажении греческих церковных книг[54], приведшем, по его мнению, к покорению Константинополя турками; о неправомерности замены написания «Исус» на «Иисус»[55] и невозможности «тригубого» пения аллилуйи. Необходимо отметить, что все приведенные аргументы, которыми пользовался инок Ефрем, в большинстве своем взяты им из второй главы сборника («Пятой соловецкой челобитной»).

Стоит также обратить внимание на огромное количество ссылок на Священное писание, присутствующее в записях Ефрема Чупина. Довольно примечательно, что автор (это вполне характерно для жанра старообрядческих сочинений) выписывает данные цитаты в большинстве случаев без всяких комментариев[56]. Мысль его можно понять лишь по характеру подборки.

Традиционные черты старообрядческой идеологии заметны даже в летоисчислении, которым пользовался владелец книги в процессе комментирования сборника. Так, крайне редко автор помет позволяет себе пользоваться летоисчислением от Рождества Христова, называя его не иначе как «их [никониан] летописью»[57]. В большинстве случаев инок Ефрем прибегает к летоисчислению от Сотворения мира. При этом разница между двумя календарями у него составляет 5500 лет, что соответствует старообрядческой традиции. Арабские цифры используются в записях

лишь однажды (применительно к «их летописи»). В остальных случаях для обозначения цифр Чупин применяет кириллические числительные[58].

Автор помет часто использует характерные для средневековой и старообрядческой книжности традиционные формулы построения речи. В качестве примера стоит привести такой образный мотив, как «Корабль веры»[59].

Наиболее примечательной чертой записей Ефрема Чупина можно считать глубокий символизм его помет. Как видно из исследований Л.Н.Новиковой, для старообрядцев было характерно обращение особого внимания на знаки и символы[60]. Так, рассуждения автора о сложении перстов в ряде случаев выражаются и вне текста графически-символическим образом за счет изображения сложенных в двуперстие ладоней. Одно из таких изображений дополняется надписью «Не нечестиво, но благочестиво»[61], что передает отношение автора к совершению «истинного» крестного знамения.

С аналогичными целями автор изображает кресты. Любые рассуждения об «истинном» кресте дополняются изображениями четырехчастного (восьмиконечного) креста. Символическое толкование четырехчастности креста является одной из излюбленных тем старообрядческих сочинений[62].

Однако не только четырехчастные кресты нашли отражение во владельческих пометах книги. Кроме восьми четырехчастных в сборнике присутствует и два двучастных равносторонних («византийских») креста, которые, по мнению А.Г.Дубинина, нельзя путать с двучастными неравносторонними «латинскими крыжами», ассоциирующимися у староверов с печатью антихриста[63]. Однако, как видно из владельческих записей, автор ни в коем случае не уравнивает византийские кресты с крестами четырехчастными. Так, на одном из листов сборника имеются изображения двух крестов — четырехчастного и византийского[64]. Напротив первого имеется надпись «Кланяемся и исповедуем», напротив второго — «Завещано только целовать, а не кланяться». Примечательным является также осознанное включение элементов четырехчастного креста в рисунок буквы «е» в слове «образе»[65], что является весьма распространенной практикой при создании староверами владельческих помет и применяется чаще всего к сакральным словам[66].

Другим весьма показательным примером глубокого символизма текстов инока Ефрема служит намеренное разведение чисел 1000 и 666 при сообщении о 1666 г., который обычно ассоциируется у старообрядцев с началом обрядовой реформации Никона. Толкование чисел является весьма распространенным явлением в старообрядческих произведениях, причем дата церковного раскола, кроме непосредственной функции обозначения года, часто используется староверами и в полемических целях[67]. Эту традицию продолжает и Ефрем Чупин. Расчленяя 1666 на числа 1000 и 666, автор, тем самым, образно связывает указанную цифру с упомянутым в Откровении Иоанна Богослова[68] «числом зверя», что, по его мнению, является еще одним доказательством правомерности старообрядческого протеста.

Почти для любого направления староверия было характерно состояние, при котором главной ценностью для старообрядцев выступали именно книги. Они же были единственным и непререкаемым авторитетом[69]. Судя по владельческой записи, гласящей «Если же кто в чем-то усомнится писанной здесь правде, да смотрит в самих тех книгах…»[70], инок Ефрем, бесспорно, также был приверженцем культа книги.

Чупин, как видно из приписок, включавших ссылки на различную религиозную литературу, имел доступ к весьма внушительному книжному собранию (возможно, речь идет о его личной библиотеке). По ходу комментирования сборника он приводит ссылки на более чем полсотни сочинений, двадцать пять из которых относятся к библейскому циклу (Книга пророка Исайи, Книга премудростей Соломона, Послание к римлянам и др.), а остальные представлены частично старопечатными вариантами Апостола, Стоглава, Катехизиса и другой распространенной религиозной литературы, частично — «никонианскими» вариантами Четьи Минеи и Номоканона, а также полемическими противораскольническими сочинениями церковных исследователей.

Поражает то разнообразие, в котором предстает перед нами библиотека инока Ефрема. Мы можем заметить, что в его собрании имеются как книги, традиционно имевшие хождение в среде староверов, так и антистарообрядческая литература, которая была необходима Ефрему, вероятнее всего, в полемических целях.

Богатство книжного собрания Чупина объясняется не только влиянием культа книги с неотъемлемым процессом собирания догматических, религиозно-нравственных и исторических сочинений, но и глубокой практической подоплекой наличия подобных библиотек в распоряжении староверов. По словам Л.Соловьева, «священники православные плохо образованы и не могут качественно отстоять в споре православие. Мало даже тех, кто получил полное среднее образование»[71]. Отсюда видно, что побудило Чупина собрать столь обширную коллекцию сочинений: элементарная потребность в новых знаниях, необходимых для того, чтобы «достойно представлять старообрядчество в своем лице»[72].

По свидетельству А.С.Пругавина, пик расцвета интеллектуальной жизни в старообрядчестве пришелся на 80-е гг. XIX в.[73] На это время выпало и окончательное формирование мировоззрения Ефрема Чупина. Возможно, именно с этим связанно его увлечение интеллектуальными изысканиями и полемической деятельностью, так как именно тогда в старообрядческой среде популярными становятся представления о том, что любой книжник или начетчик в своей жизни обязан был что-либо написать[74]. Надо полагать, что именно под влиянием таких интеллектуальных тенденций Чупин и занялся комментированием сборника из собрания А.В.Прудникова и тем самым не упустил случая оставить след в истории и о себе, поместив свое имя на одном из листов книги, и, попутно, окружив его такими значимыми для старообрядческого мира личностями, как Амвросий, Кирилл (Тимофеев), Антоний (Шутов) и др.

Возможно, не все сочинения, ссылки на которые приводит Ефрем, находились в его личной библиотеке. Вполне вероятно, что некоторые книги были заимствованы им у других старообрядцев. Так, ссылки на ряд сочинений (Книгу Никона Черногорца, Книгу Афанасия Великого, Венец веры) встречаются не повсеместно и равномерно, как, например, ссылки на Апостол, а концентрированно лишь на некоторых листах сборника. Удивительным образом приписки на этих участках приобретают крайне низкое качество (уже упомянутые в начале статьи нарушения графики букв и симметрии строк). В целом, увеличение автором темпа письма и следующее в результате этого снижение качества помет, помимо

элементарного желания автора скорее закончить свой труд, может быть объяснено и тем, что Ефрем Чупин был вынужден работать с полученной у кого-то литературой в крайне сжатые сроки.

Заимствованием литературы и последующим возрастанием темпов письма также можно объяснить и постепенное (начиная со второй главы) исчезновение из книги правки, в первой главе представленной достаточно широко, но к последней главе совершенно исчезающей из употребления. По всей видимости, от исправления плохо пропечатавшихся букв основного текста ввиду нового темпа работы Чупину пришлось отказаться.

Одалживание книг в австрийской среде для рубежа XIX—XX вв. мыслилось вполне возможным и, более того, было весьма широко распространено. Так, А.С.Пругавин пишет: «Старообрядческие архиереи предоставляли в свободное пользование свои библиотеки. А епископ Феодосий города Боровска Калужской губернии давал всем желающим и бесплатные пояснения прочитанному»[75].

Таким образом, представить единую картину жизни инока Ефрема по имеющимся в сборнике пометам крайне затруднительно. Но удалось выявить такие важные аспекты биографии Чупина, как год принятия им иноческого сана, хронологические рамки пребывания его в австрийском согласии, а также причины отклонения его убеждений от поморской идеологии. Кроме этого, необходимо отметить высокую значимость такого метода исторического исследования, как анализ рукописных помет. Так, кроме непосредственного освещения догматических убеждений инока, удалось выявить период, в течение которого Ефрем комментировал сборник, установить примерный круг догматической литературы, находившейся в его личном владении, а также, учитывая специфику старообрядческого менталитета того времени, выделить причины, побудившие его заняться комментированием сборника.

Примечания

[1] Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола и сектантства в Тобольской епархии. Тобольск, 1909. С. 13.

[2] История об отцах и страдальцах соловецких, пострадавших за древлецерковные законы. Б.м., Б.г.

[3] Там же. Л. 17 об.

[4] Там же. Л. 178 об.

[5] Там же. Л. 147 об.

[6] Юхименко Е.М. История об отцах и страдальцах соловецких: лицевой список из собрания Ф.Ф.Мазурина. М., 2002.

[7] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 68 об.

[8] Там же. Л. 17—20.

[9] Там же. Л. 17.

[10] Там же. Л. 18 об.

[11]Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия в Сибири. Тобольск, 1882.

[12] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 18 об.

[13] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 5.

[14] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 18 об.

[15] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 8.

[16] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 19.

[17] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 9.

[18] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 19 об.

[19] Там же. Л. 20.

[20] Бубнов Н.Ю. Программа исследований старообрядческой письменности в библиотеке Российской Академии наук // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4: Живые традиции. С. 51.

[21] Бахтина О.Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции. С. 168.

[22] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 28.

[23] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 19 об.

[24] Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII — конце XIX вв.: Дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 146.

[25] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 64.

[26] Там же. Л. 5—9.

[27] Там же. Л. 32—38 об.

[28] Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. С. 262.

[29] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 19 об.

[30] Там же.

[31] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 51.

[32] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 93.

[33] Там же. Л. 20.

[34] Там же. Л. 73 об.

[35] Юхименко Е.М. История об отцах и страдальцах соловецких… С. 22.

[36]Там же.

[37] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 128 об.

[38] Юхименко Е.М. История об отцах и страдальцах соловецких… С. 4.

[39] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 65 об.

[40] Животов Н.Н. Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом. СПб., 1891. С. 100.

[41] Грицевская И.М. Структура старообрядческих сборников // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 2009. № 4. С. 289.

[42] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 69.
[43] Там же. Л. 64 об.
[44] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 31.
[45] Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола и сектантства в Тобольской епархии. Тобольск, 1909. С. 10.
[46] Там же. С. 7.
[47] Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия… С. 33.
[48] Там же. С. 34.
[49] История об отцах и страдальцах соловецких. Л. 77.
[50] Там же. Л. 75.
[51] Там же. Л. 75 об.
[52] Там же. Л. 72.
[53] Там же Л. 95 об.
[54] Там же. Л. 83 об.
[55] Там же Л. 76 об.
[56]Дутчак Е.Е. Учение о побеге в сочинениях старообрядцев-странников второй половины XIX—XXвв. // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции. С. 184.
[57] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 65.
[58] Там же. Л. 17.
[59] Там же.
[60] Новикова Л.Н. Эпистолярное наследие старообрядки А.Н.Путиной. К вопросу о старообрядческой символике XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции. С. 208.
[61] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 109.
[62] Новикова Л.Н. Эпистолярное наследие… С. 209.
[63] Дубинин А.Г. Этические вопросы изучения старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции. С. 48.
[64] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 75.
[65] Там же. Л. 69.
[66] Новикова Л.Н. Эпистолярное наследие… С. 209.
[67]Хмырова С.Р. Историческое сознание… С. 142.
[68] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2010. С. 1335.
[69] Бахтина О.Н. Книга и слово… С. 170.
[70] История об отцах и страдальцах соловецких… Л. 68.
[71] Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола и сектантства… С. 6.
[72] Животов Н.Н. Церковный раскол Петербурга… С. 198.
[73] Там же. С. 162.
[74] Там же. С. 188.
[75] Там же.

Глава 6

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ И НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО АРХИВНЫМ И ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ: ОТ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ ДО ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ ОТДЕЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА (XVII—XIX вв.)

Палестина и Сибирь. Регионы, отдаленные друг от друга тысячами километров, имеющие различные природно-климатические условия, отличающиеся образом жизни населения, многовековой историей. Что между ними может быть общего, что их связывает? Ответ на этот вопрос следует искать в сфере, находящейся за пределами экономических отношений, повседневных забот о хлебе насущном.

Распространение и утверждение православия на сибирской земле в конце XVI—XIX вв. крепкими духовными узами неразрывно связало ее население с родиной христианства. Материальных следов этих нитей сохранилось немного. Однако и того, что имеется в нашем распоряжении достаточно, чтобы попытаться оценить ту роль, которую играла Святая земля в жизни сибиряков.

Первоначально информацию о святынях Палестины, ее прошлом и настоящем жители Западной Сибири могли черпать из литературных источников. К их числу следует отнести не только текст Священного Писания, но и рукописные и печатные хождения паломников, жития, повести, научные труды. Например, в ходе археографических экспедиций института истории Сибирского отделения РАН был выявлен старообрядческий рукописный сборник второй половины XVIII в., включавший значительный фрагмент текста Хождения Трифона Коробейникова в Иерусалим, начинающийся словами: «И во Еросалим, и во Египет, и в Синайскую гору, и в Раифу, и во Александрию, и второй Египет...»[1].

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-61-01001.

Популярностью пользовалась переводная драма петровской эпохи — «Повесть о царице и львице» («выписано от древних летописцов иерусалимских, книг кроник»), в которой в качестве действующих лиц выступали члены семьи «палестинского царя».

Сохранились также списки XVIII в. жития преподобного Мартиниана («Близ града Кесарии Палестиньския гора...»), пандекты Антиоха Палестинского, рассказывавшие, в том числе, о нашествии персов на Святую землю в 614 г., грамоты патриарха Иерусалимского Досифея, рукописный сборник рассказов о чудесах пресвятой Богородицы «Звезда Пресветлая», Слово о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим, Иерусалимский патерик и др.

В XIX в. в церковных и школьных библиотеках Западной Сибири можно было встретить такие издания, как «Философическая история иудеев со времени упадка племени Маккавеев до наших времен» Ж.Б.Капефига[2], «Путешествия русских людей в чужие земли» И.П.Сахарова[3] (здесь, в частности, сообщалось о хождении игумена Даниила в Палестину в начале XII в.).

Все эти сочинения рассказывали или о далеком прошлом Святой земли, или же Палестина выступала лишь общим фоном, на котором развертывались поучительные для читателя или слушателя сюжеты.

В духовных учебных заведениях сведения из истории Палестины первоначально можно было получить при изучении трудов отцов церкви, собственно текста Священного Писания или же его изложения, например, на основе книги «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета» И.Гибнера.

Совершившиеся в первой половине XIX столетия преобразования духовно-учебных заведений, нашедшие отражение в Уставе 1808 г., «Правилах» 1840 г., дали возможность семинаристам более обстоятельно знакомиться с историей, географией, этнографией Святой земли на основе современных научных данных. Так, «Правила о преобразовании учебной части» рекомендовали каждый год в классах семинарий прочитывать несколько книг Ветхого и Нового Завета с их толкованием, ввести новый предмет в среднем отделении — церковно-библейскую историю.

Наглядным примером того, как раскрывалась перед учащимися тема Святой земли, могут послужить конспекты, составленные

известным историком церкви в Сибири, преподавателем Тобольской духовной семинарии (в 1838—1848 гг.), Омского кадетского корпуса (с 1848 г.), протоиереем Александром Ивановичем Сулоцким (1812—1884 гг.). Правление Тобольской семинарии поручило А.И.Сулоцкому вести новые дисциплины: библейскую ветхозаветную и новозаветную историю, историю Российской церкви, древности церковные и обряды, церковные законы, каноническое право[4]. При этом «Правила» обязывали преподавателей «составлять пособия» по учебным предметам.

Особый интерес представляют неопубликованные и не введенные доныне в научный оборот рукописи А.И.Сулоцкого: «Библейская история израильского народа», «Библейская история Палестины», сохранившиеся в фондах Государственного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске»[5].

Рукопись «Библейская история израильского народа» представляет собой большую тетрадь, содержащую 152 ненумерованных листа с шифром библиотеки «Тобольского церковного древлехранилища» в нижнем правом углу. Ни автор рукописи, ни время ее создания не указаны. Предположительно текст можно датировать началом 40-х гг. XIX в. Этот труд содержит краткое изложение ветхозаветной и новозаветной истории, этнографии и географии. Сочинение, разделенное на 50 параграфов, составлено по весьма широкому плану, включающему не только описание Палестины и близлежащих стран (Египта, древней Колхиды, Месопотамии, Аравии), но и состояние общественной и семейной жизни их «древних обитателей». А.И.Сулоцкий проводит филологический разбор древнееврейских топонимов, этнонимов, соотносит их смысл с греческими переводами, во многих местах дает ссылки на сочинения светских писателей древнего и нового времени (И.Флавия, К.Тацита, Иустина Философа, Стробона, Плиния, Г.Лейбница, Е.Робинсона и др.)[6].

«Библейская история Палестины», написанная им на 82 листах, освещает вопросы библейской географии в трех главах, разделенных в общей сложности на 31 параграф. В качестве примера можно привести фрагмент структуры третьей главы, названной «Палестина, или Земля евреев»: 1. Название; 2. Пространство, границы, величина; 3. Общий вид страны; 4. Горы; 5. Пещеры;

6. Равнины и долины; 7. Пустыни; 8. Озера; 9. Реки и ручьи; 10. Ключи, колодцы, целебные, минеральные ключи; 11. Климат, воздух, погода, ветры; 12. Плодородие; 13. Народонаселение; 14. Древние обитатели; 15. Разделение земли между XII-ю коленами израильскими; 16. Разделение на царства Иуды и Израиля[7].

Текст Священного Писания, соотнесенный в трудах А.И.Сулоцкого с античными и современными источниками и исследованиями, давал возможность учащимся Тобольской духовной семинарии детально ознакомиться с историческими, географическими, природно-климатическими, этнографическими условиями, в которых разворачивались события, нашедшие отражение на страницах Ветхого и Нового Заветов.

Необходимо указать и на свидетельства «из первых рук», которые могли быть получены жителями Западной Сибири от представителей Иерусалимской патриархии и паломников.

Как известно, со времен Ивана Грозного восточными церквями Россия воспринималась как покровительница и защитница «истиной веры». За помощью православных государей (преимущественно материальной) неоднократно обращались и наместники престола апостола Иакова — Иерусалимские первосвященники.

Так, в 1643 г. из Сибирского приказа вместе с посольством стольника И.Д.Милославского и дьяка Л.Лазаревского Иерусалимскому патриарху, наряду с патриархами Цареградским и Александрийским было отправлено пушнины на 550 рублей, восточным монастырям «на милостину» — на 600 рублей[8].

25 февраля 1672 г. в Москву приехал серб Михаил Богданов, посланный Иерусалимским патриархом Досифеем к царю Алексею Михайловичу с письмами. Однако через два месяца он был сослан в Сибирь за «неистовство», т.к. по дороге в Москву в малороссийских городах во время «шатости» и измены гетмана Демьяна Игнатова говорил «непристойные речи»[9].

Уже в то время в Иерусалимском патриархате имели представление о далекой восточной окраине Российского государства, о чем свидетельствует отрывок из грамоты патриарха Хрисанфа боярину Г.И.Головкину от 28 сентября 1707 г., в котором «страны сибирские» упоминаются как место, куда нужно сослать отступника и униата епископа Шумлянского: он «там или б спасался,

или, если останется в ереси своей, еще жив будучи, чтоб отведал начатки вечного мучения»[10].

В 1815 г. в Россию прибыли посланники патриарха Поликарпа — архимандрит Арсений с двумя иеромонахами — Лукою и Дионисием с целью сбора средств Иерусалимскому храму Гроба Господня. Для чего предписывалось «дозволить ему Архимандриту для испрошения на оной доброхотного подаяния здесь в Санктпетербурге по 1 мая будущего 1816 года, а с того времени в других Российских городах, где он Арсений пребывание иметь будет, два года, во уверение, что дать и дан ему с надлежащим предписанием паспорт и шнурозапечатанные книги, с тем чтобы он Арсений с упомянутыми монашествующими священнослужения и никаких треб без позволения местного Епархиального архиерея ничего не отправляли. А дабы при таковом его Арсения с помянутыми монашествующими путешествия по России оказывано было ему и по духовному ведомству возможное пособие, то о сем дать знать указами Синодальным чинам и прочим преосвященным Епархиальным Архиереям»[11].

Иеромонаху Дионисию по поручению архимандрита Арсения было поручено побывать в восточной части страны. Разъезды представителей Иерусалимского патриарха превысили намеченные в указе два года. В начале 1818 г. Дионисий достиг Пермской епархии, а в мае того же года он прибыл в Тобольск, где был принят архиепископом Амвросием (Келембетом). Иеромонах получил «свидетельство», в котором дозволялось «в Тобольской епархии по данной ему книге чинить сбор денег на возобновление в Иерусалиме Храма Гроба Господня, а притом и исправлять Священное служение, где он пожелает, по сношению с местными монастырями, настоятелями, протоиереями и иереями». Местному духовенству рекомендуется «оказывать означенному иеромонаху Дионисию в труды его братскую любовь и помощь»[12].

Одновременно по духовным правлениям и монастырям рассылается циркулярный указ епархиального архиерея с требованием об оказании содействия представителю Иерусалимского патриарха. Обширность пространств и неразвитость путей сообщения привели к тому, что если в Сургуте данный указ получили спустя месяц (25 июля), то в Туруханске — лишь через четыре месяца после отправки (31 октября).

Однако Дионисий не собирался бывать в столь отдаленных уголках Сибири. Его целью было посещение лишь главных городов и селений, расположенных по Московско-Иркутскому тракту и на Алтае.

Точных сведений о собранных им пожертвованиях не имеется. Но можно с полной уверенностью утверждать, что суммы были значительными, о чем свидетельствует следующий примечательный факт. По сообщению конторы Колывано-Воскресенских рудников, Дионисий, «бывший в Змеиногорских рудниках, по окончании сбора подаяний просил таковой же сбор распространить в местах, состоящих под ведением оной конторы, в коих по отлучке оного иеромонаха собрано денег четыреста тридцать один рубль»[13]. Сумма немалая, с учетом того, что хлеб тогда стоил в Сибири от 70—80 коп. до 1 руб. 70 коп. за пуд[14].

По распоряжению преосвященного Амвросия 5 февраля 1819 г. деньги отсылаются в Москву архимандриту Арсению.

Вскоре от главы миссии был получен ответ с выражением благодарности. Данный документ, написанный архаичным почерком с обилием выносных букв и титлов, представляет определенный палеографический и лингвистический интерес:

«Арсений архимандрит стаго града иерусалима благословенной духовной канцысториитоболской, благодать бога отца, во христеиисусе спасителе нашем, о нем же ю целую и молю в бозе отце, и во христеиисусе господе нашем, в нем же премного радоватися вам да будет. Познах многоблагочестную вашу любовь по бозе, и возрадовався, изволих верою иисусахристагласти к вам: получи я вашу писмо, и благодать присланного в ползу иерусалимскому храму где гроб Господен, четыреста дватцать рублей ассигнациями и 65 ко[пеек] серебром. И пошлю ю нищим стым живущим во стом граде иерусалиме. Аще будет благоприятна. Здраствуите и радутеся о господе. Благодать господа нашего Иисуса Христа и любовь его да будет со всеми вами аминь. 1819 гом[есяца]. фе[враля]. 27 (Здесь и далее цитаты приведены с сохранением орфографии и пунктуации источника. — *авт.*)»[15].

Помимо единовременных сборов, подобных приведенному выше, Западно-Сибирские приходы принимали посильное участие в учрежденных в 1858 г. на основании указа Св. Синода от 10 ноября 1858 г. кружечных сборах «на улучшение быта православных

паломников». Полученные суммы направлялись на нужды Палестинского комитета.

К настоящему времени сохранились шнуровые книги для записи высыпанных из кружек денежных пожертвований «на улучшение быта православных паломников в Палестине» трех Тобольский церквей: Кладбищенской, Христорождественской и Крестовоздвиженской[16]. Их анализ показывает, что максимальных размеров пожертвования достигли в 1860 г. Со второй половины 1860-х гг. сборы начинают неуклонно снижаться. Среднегодовые пожертвования в целом были невелики. В Кладбищенской церкви они составляли 1 руб. 62 коп., в Христорождественской — 1 руб. 19 коп., в Крестовоздвиженской — 1 руб. 92 коп. Наибольшие суммы поступали весной, что, вероятно, объясняется особым молитвенным настроем прихожан в дни Великого поста и Пасхи.

Хотя в 1877 г. указанный сбор был отменен (последние записи в шнуровых книгах относятся к августу 1877 г.) внимание и заботы о состоянии христианских святынь и православных паломников в Палестине у жителей региона не иссякло. Об этом свидетельствует и такой специфический источник, как дело Ишимского окружного суда «О мошенническом сборе денег на Гроб Господень турком Оганесовым и персом Юсуповым»[17]. Трое торговцев крестиками, иконами, книгами и различными священными предметами, будучи в с. Калмацком Бердюжской волости Тобольской губернии, осенью 1879 г. получали от крестьян деньги «будто бы на служение молебнов и поставление свеч при Гробе Господнем в Иерусалиме»[18]. Незадачливых предпринимателей, которых местные жители принимали за «греков», подвергли аресту и тюремному заключению на три месяца.

Подобного рода случаи были нередкими, что подтверждает письмо, направленное начальником отделения канцелярии обер-прокурора Св. Синода в апреле 1902 г. в редакцию «Церковных ведомостей»:

«По имеющимся в Центральном Управлении православного духовного ведомства сведениям, в Россию ежегодно пребывает значительное число иностранных выходцев, преимущественно турецкого или персидского подданства, именующих себя лицами духовного сана православного исповедания. Появляясь преимущественно среди сельского населения, выходцы эти выманивают

у легковерного простого народа его трудовые деньги и для этого прибегают ко всякого рода обманам и неблаговидным средствам, часто сопровождающимся святотатственными и кощунственными поступками. Зная то величайшее благоговение, какое народ наш питает к святым местам Палестины, они, для успешного достижения своих корыстных целей большей частью выдают себя за посланных Иерусалимским патриархом для сбора пожертвований на Гроб Господен. При этом они показывают им поддельные письма от имени Патриарха с приложением подложных печатей или ящики, на которых имеется Патриаршия, будто бы, печати, при чем предлагают находящиеся в этих ящиках образки, приглашают записывать в особые книжки имена живых и умерших для молитвы по здравии первых и поминовении последних, а иногда даже позволяют себе даже исповедовать православных … Что касается, в частности, сбора пожертвований на Святой Гроб и Палестину, то таковой сбор имеет также законное право производить Императорское Палестинское Общество и его члены, снабженные для этого соответствующими свидетельствами»[19].

Информация о святынях Палестины могла быть получена от редких паломников, отважившихся отправиться из далекой Сибири на поклонение Гробу Господню.

Разумеется, не всегда подобные попытки могли увенчаться успехом. Однако само намерение отправиться к городу Иерусалиму свидетельствует о той роли, какую играли святыни Востока в духовной жизни православного сибиряка.

Желание совершить паломничество в Палестину высказывал основатель и настоятель Алтайской миссии (в 1830—1844 гг.), автор одного из первых переводов Библии на русский язык архимандрит Макарий (в миру — Михаил Яковлевич Глухарев)[20].

После многих лет служения, заложив прочные основы православия в среде коренного населения Алтая, «думая о близости кончины», в конце декабря 1842 г. он подал в Св. Синод прошение об увольнении от должности и получении разрешения на поездку в Иерусалим на поклонение Гробу Господню[21].

«Достопочтенная Раба Христова и Госпожа, — писал в 1843 г. П.П.Глебовой-Стрешневой архимандрит Макарий, — Извещаю Вас, что я исправшиваю у Святейшего Синода благословления на путешествие в Иерусалим, и что Епархиальное Начальство

согласилось уволить меня…»[22]. В июле 1843 г. он получил благословение на путешествие от своего бывшего ученика, епископа Томского и Енисейского Афанасия (Соколова): «”Помяните меня у Гроба Господня”, говорил преосвященный. Итак есть надежда, что меня пустят в Иерусалим? О, да исполнит ее пострадавший там за весь мир Иисус Христос»[23].

Однако планам «апостола Алтая» не удалось осуществиться. Светские и церковные власти, недовольные, как им казалось, излишне настойчивыми попытками архимандрита издать русский перевод Священного Писания, отказали в его просьбе. Лишь осенью 1846 г. после неоднократных попыток Макарий наконец-то сумел получить долгожданное разрешение на паломничество в Иерусалим.

Давняя Тобольская знакомая Е.Ф.Непряхина благословляла его в путь и предлагала денег «сколько потребуется». Сотрудница Алтайской миссии С.Вальмон интересовалась будущими «путевыми записями».

Скорее всего, архимандрит намеревался отправиться в Палестину через Одессу. Высказывалось мнение, что у него было намерение остаться в Святой земле, поселиться в Вифлееме, в пещере блаженного Иеронима, где и завершить свой переводческий труд[24]. Однако в этот раз уже болезнь помешала совершить давно желаемое путешествие. В мае 1847 г. архимандрит Макарий «после двухнедельных страданий отправился в Иерусалим небесный»[25].

В качестве примера успешного паломничества можно привести следующий интересный случай. В 1845 г. в Омске принял крещение «киргиз» Атгайской волости Кокчетавского приказа Иван Вишняков (до крещения — Турджан).

Поначалу он пытался заниматься торговым делом, затем некоторое время находился в услужении у различных духовных лиц, пока в марте 1848 г. не был принят на службу в дом к протоиерею А.И.Сулоцкому. Здесь он познакомился с «бывалой и словоохотливой старухой, мещанкой Ковалевой», которая в часы досуга рассказывала «о городах России, об обителях иноческих, о мощах угодников Божиих, о чудотворных иконах… даже о Гробе Господнем и проч.»[26]. У молодого человека возникло желание «хотя что-нибудь из слышанного им видеть и поучиться в святых местах

вере, которую он недавно принял». Намерение новокрещеного было воспринято скептически окружающими. Тем не менее, он по своей инициативе выехал в середине 1849 г. из Омска «в Россию» всего с десятью рублями в кармане.

Несмотря на это, Иван Вишняков сумел не только побывать в Москве, Петербурге, Новгороде, Киеве, Троице-Сергиевской лавре, множестве монастырей, но и совершить паломничество в Иерусалим. Благоприятствовал путешественнику тот факт, что ему оказывали везде радушный прием и содействие, как человеку, лишь недавно обретшему свет истинной веры.

Осенью 1850 г. Иван прибыл в Святую землю, где оставался до середины лета следующего года. За это время он побывал в Вифлееме, Назарете, на Иордане, Мертвом море, Генисаретском озере и многих других местах Палестины. В конце 1851 г. паломник вернулся в Омск «здоров и благополучен… с большим запасом миниатюрных икон и крестов перламутровых и кипарисных, с пальмовою ветвию, с свечой, на какие принимают в Иерусалиме накануне Пасхи небесный огонь, с огромным изображением самого Святого Града, с камешками из Иордана и Генисаретского озера и проч., и проч., а что всего важнее — с изрядным разумением веры христианской и с знанием евангельских событий и положения многих святых мест — и русских, и палестинских, и частью греческих»[27]. Вскоре И.Вешняков обосновался в Тюмени, где был приписан к мещанскому сословию.

Подобный случай следует признать все же исключительным. Иначе он вряд ли бы удостоился такого внимания со стороны известного краеведа и не был описан им на страницах журнала «Странник»[28]. Успеху паломничества способствовало то, что он только недавно принял крещение, а по своему внешнему облику и манерам резко отличался от окружающих. Помочь уроженцу казахской степи в праведном деле считали своим долгом и высшие церковные иерархи (например, Петербургский митрополит Никанор), и представители столичной аристократии, и богатые купцы, что помогло решить одну из важнейших проблем — финансовую.

С Сибирью связано происхождение начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме, внесшего огромный вклад в укрепление позиций России в Святой земле, архимандрита Антонина (Капустина) (1817—1894 гг.). Его предок Михаил Капустин в начале

XVIII в. служил дьячком в с.Колчедан Сибирской губернии. Внук Михаила Василий проходил обучение в Тобольском духовном училище при митрополите Антонии (Нарожницком), в 1760 г. был рукоположен в священники с.Водениковское Далматовского заказа Тобольской губернии. Его старший сын Леонтий (дед Антонина (Капустина)) обучался в Тобольской духовной семинарии, женился на дочери тобольского мещанина Ирине Летосторонцевой[29]. В свою очередь у их сына Ивана, служившего дьячком Батуринской Преображенской церкви, 12 августа 1817 г. родился сын Андрей, впоследствии названный митрополитом Никодимом (Ротовым) «самым выдающимся деятелем русского православия в Иерусалиме и на Востоке». Небезынтересный факт: перед смертью архимандрит Антонин завещал Святому Гробу панагию с «сибирскими камнями»[30].

Таким образом, на протяжении нескольких столетий представления о Палестине жители Западной Сибири черпали почти исключительно из ветхозаветных и евангельских сказаний. Живое слово непосредственного наблюдателя, информация о современной жизни Палестины очень редко доходили до сибиряков.

Примечания

[1] См.: Рукописи XVI—XX вв. и книги кириллической печати из собрания Института истории СО РАН / Сост. Н.Д.Зольникова, А.И.Мальцев, Т.В.Панич, Л.В.Титова. Новосибирск, 2010. С. 141.

[2] Опись книг Обдорской Петропавловской церкви Березовского уезда // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 444.

[3] См.: Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 6. Л. 11, 14 об.

[4] Протоиерей Александр Иванович Сулоцкий. (Некролог) // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1884. № 10. С. 220; Сулоцкий А.И. Авторская исповедь // ТЕВ. 1884. № 10. С. 223.

[5] См.: ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-144. Оп. 1. Д. 73, 80.

[6] Там же. Д. 80. Л. 92 об., 94 об.—96 об., 118 об., 127 об.—130 и др.

[7] Там же. Д. 73. Л. 19—82.

[8] См.: Обозрение столбцовых книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1895. Ч. 4: Документы центрального управления. С. 93.

[9] См.: Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сб. СПб., 1895. Т. XV. Вып. 1. URL: http://dugward.ru/library/kapterev/kapterev_xvi-xvii.html#xvi. URL: 09.01.2014 г.).

[10] Там же.

[11] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1477. Л. 1а—1а об.

[12] Там же. Л. 33.

[13] Там же. Л. 70.

[14] См.: Жеравкина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747—1861 гг.). Томск, 2005. С. 189.

[15] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1477. Л. 75.

[16] См.: ГУТО ГА в. г.Тобольске. Ф. И-90. Оп. 1. Д. 16; Ф. И-80. Оп. 1. Д. 15.

[17] См.: Государственный архив Тюменской области. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 207.

[18] Там же. Л. 2 об.

[19] Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 72. 2-е отд. 3-й стол. Д. 97. Л. 4—4 об., 7—7 об.

[20] В 2000 г. архимандрит Макарий (Глухарев) был канонизирован Русской Православной церковью в лике преподобных «за праведное житие, равноапостольные труды по переводу Священного Писания на алтайский язык и распространение на Алтае веры Христовой».

[21] См.: Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. С биографическим очерком, портретами, видом и двумя факсимиле / Под ред. К.В.Харламповича. Казань, 1905. С. 35.

[22] Там же. С. 401.

[23] Там же. С. 434.

[24] Там же. С. 54.

[25] Там же. С. 55.

[26] Сулоцкий А.И. Киргиз на поклонении св. местам русским и палестинским // Сочинения: В 3 т. Тюмень, 2000. Т. 2: О сибирском духовенстве. С. 858—859.

[27] Там же. С. 860.

[28] Сулоцкий А.И. Киргиз на поклонении Св. местам русским и палестинским (тут и о поводах, по каким он обратился и другие его сородичи обращаются в христианство) // Странник. 1862 (сентябрь). С. 54—63.

[29] См.: Из автобиографических записок бывшего начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме о. Архимандрита Антонина // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества за 1899 год. Т. 10. С. 9—12.

[30] Дмитриевский А. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель в пользу православия на Востоке и в частности в Палестине // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества за 1904 год. Т. 15. Вып. 2. С. 145.

Глава 7

ПЕЛЫМСКИЙ КРАЙ В ОБОЗРЕНИИ НАЙДЕНОВА (1826 г.)

После занятия Сибирского ханства Ермаком и его соратниками постепенно начинается экономическое освоение новых вошедших в состав Московского государства территорий. Особенно активно этот процесс наблюдается в самом конце XVI в. и связан со строительством городов и острогов по берегам крупных сибирских рек. Так, на берегах Туры были основаны Верхотурье, Туринск и Тюмень, на берегу Тавды — Пелым, на Иртыше — Тара и Тобольск, на Оби — Березов, Сургут и Нарым.

Из вновь присоединенной «украйны» в европейскую часть государства стали приходить известия о жителях, ее населяющих[1], хотя первые известия такого рода появились еще в XI в. Одним из первых было создано полуфантастическое сказание «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных» (конец XV в.). В нем утверждалось, что Сибирь населена разными странными людьми, которые были одни — «без голов», а «рты у них меж плечима», другие («линная самоедь») — которые «все лето проводит в воде», третьи — «ходят по подземелью»[2].

Особенно активно сведения, которые следует считать ценными для науки, стали поступать в XVII в. Среди самых известных назовем, прежде всего, материалы Николая Спафария[3], проехавшего от Тобольска до границ Китая в 1675 г., ссыльного политического деятеля Крижанича[4], прожившего в Тобольске 15 лет, труд Семена Ремезова[5]. С XVIII в. начинается целенаправленное обследование и изучение внутренних районов Сибирских просторов. Эти экспедиции возглавляли ставшие в дальнейшем известными исследователи, например, доктор Даниил Готлиб Мессершмидт, изучавший географию, памятники древности, собиравший этнографические сведения о сибирских народах, их языках, проводивший геодезические вычисления. Несмотря на то что его записи и дневники были изданы только в XX в.[6], собранные материалы широко использовались его современниками и последователями в изучении Сибири — учеными-путешественниками

Г.Стеллером, И.Гмелиным, П.Палласом[7], профессиональным историком Г.Миллером[8].

Если Первая Камчатская экспедиция, в основном, занималась исследованием восточных окраин государства, то отряды Второй Камчатской экспедиции обследовали районы Оби, в частности, ее устье и нижнее течение. В рамках заявленной темы, безусловно, важным является труд Георги[9], в котором проанализирован огромный этнографический материал, а также собранные В.Ф.Зуевым сведения, которые составили основу работы «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов»[10] во время его поездки по Оби и берегам Ледовитого океана, и дневники, составленные И.И.Лепехиным[11], особенно раздел, касающийся вогулов: «О вогуличах. Как вогуличи сохраняют хлеб. Вогульские жилища. Вогульские звериные промыслы. Колодица. Другие способы бить зверей. Отрава зверей. Нарты»[12].

Публикуемый документ — это официальный отчет о командировке тобольского чиновника Найденова (подробных сведений о нем обнаружить не удалось), написанный синими чернилами на листах из плотной бумаги, формата примерно А 4, ровным мелковатым почерком (по всей видимости, писарской рукой, следовательно, это не подлинник, который, по всей видимости, должен храниться в Тобольском архиве, а только копия), расстояния между строчками значительные (примерно 1 см), имеет двойную нумерацию (авторскую и архивную). Документ подшит в канцелярское дело. Но его следует рассматривать и как исторический источник, в котором содержатся ценные этнографические, бытовые, религиозные сведения о жизни вогуличей, их управлении, занятиях, приводятся важные статистические сведения о численности населения, размере налоговых платежей, их видах, наиболее острых проблемах в первой трети XIX столетия. Структурно документ делится на 16 отдельных кратких частей и заключение, чем и похож на записи В.Ф.Зуева. Каждая часть содержит краткую информацию по одному вопросу.

Для написания первой части — исторической — автор, по всей видимости, пользовался историческими источниками, пока не установлено какими. На это указывает знание им даты и места основания Пелыма, имен отдельных пелымских князей, истории

покорения территории Ермаком, фамилии отдельных воевод и др. Однозначно можно говорить о широких познаниях Найденова (если для составления отчета не был привлечен «консультант») в истории края, его наблюдательности, добросовестности, заинтересованности в выполнении поручения, литературных способностях.

На полях отчета имеются пять помет, подписанных инициалами «Д.К.» (Дмитрий Каменский), что свидетельствует о личном прочтении документа тобольским гражданским губернатором Д.Н.Каменским. Завершает отчет заключение из пяти конкретных предложений, предусматривавших изменение организации управления путем создания объединенных администраций, привлечение детей вогул к обучению и др.

По сути, это один из первых отчетов, составленный официальным чиновником, выполнявший конкретное поручение, а не путешественником или исследователем. Вероятно, реформы М.М.Сперанского и необходимость реализации положения Устава об инородцах[13] способствовали тому, что губернские власти хотели знать положение вещей, в том числе и реальные условия жизни коренного населения. Это обстоятельство, по нашему мнению, было главным для направления двух чиновников для обозрения отдаленных территорий с целью оптимизации управления и сбора налогов[14], изменения административного деления и подчинения населенных пунктов.

Предваряет отчет официальное сопроводительное письмо Тобольского гражданского губернатора на имя генерал-губернатора Западной Сибири П.М.Кацевича (занимал эту должность с 22 июля 1822 по 25 июля 1827 г.), в котором перечислены меры по исправлению выявленных проблем. Необходимо отметить, что все они имели в целом формальный характер, не предложено ни одного конкретного мероприятия: «внушить», «поставлено на вид», «предписано», «поручено», «извещено», а решение вопроса о лекаре адресовано для решения адресату — генерал-губернатору.

Но отдельные новшества все-таки происходили, например, к этому времени относится реорганизация ямской службы на всем протяжении от Сатарова до Березова, так в 1828 г. 3 старых ямских станции было ликвидировано, а 5 создано заново с целью

равномерного распределения расстояний между ними[15]. Хотя и поздно, только в 1844 г. первые дети из местного населения стали учиться в Березовском училище стараниями нового смотрителя Н.А.Абрамова и при финансовой поддержке М.М.Панаева[16].

Следовательно, изменения в организации управления инородцами, изменение их бытовых, культурных, религиозных начал власть все-таки проводила, порой добиваясь положительного результата, но зачастую решения эти не могли быть реализованы из-за пассивности и непонимания их пользы местным населением либо из-за нехватки финансовых средств. К тому же были и объективные препятствия, например, разбросанность населенных пунктов по бескрайним просторам Сибири, которые к тому же были малонаселенными. Эти попытки следует рассматривать как отблески реформ М.М.Сперанского.

При этом заметим, что о своей поездке Найденов вспоминал позже, эти записи опубликованы и имеют подзаголовок: «Из записок г. Найденова, сообщенных генералу от инфантерии, и генерал-губернатору Западной Сибири И.А.Вельяминову»[17]. Следовательно, к своей поездке он обращался, оставив воспоминания, составленные на основе увиденного в этой поездке, а также встреч, порой интересных, которые проходили в это время, например, со 135-летним стариком. В них имеется вводная часть с описанием самого путешествия, местности и города Пелыма: «В январе 1826 года, г. Найденов, по назначению начальства, отправлен был в Пелымсий край для обозрения Оседлых и Кочевых инородцев; пробираясь чрез темные, дремучие леса (на тамошнем наречии *волоком* именуемые), спускаясь, то на широкую реку Тавду, то на обширныя болота, застывшия от холода, и где путник изредка мелькает в глазах, утомленных диким однообразием, наконец, он увидел из-за лесов селение Пелым. Луна в тумане разливала слабый свет на несколько убогих хижин, раскинутых на высокой горе, где возвышался Божий храм, как бы дремлющий в безмолвии ночи вместе с селением. В то время в Пелыме было не более 30 домов; и это убогое селение, со всех сторон окруженное водами и дремучим бором, представляло вид самый уединенный; но на другой день, с появлением утренней зари, г. Найденов был восхищен очаровательною картиною: утренняя звезда разсыпала радужныя струи по вершинам убеленных снегом окрестностей,

как бы усеянных разноцветными камнями, между тем, и лучи солнца, блеснули из-за туманных лесов; дикие Остяки появлялись в оленьих парках, гусах и тому подобных Азиатских одеждах; иные проезжали в нартах, запряженных собаками, или проскальзывали на лыжах, с луком за плечами; иные возвращались с добычи, а другие уходили на добычу в леса, прилегающие к Пелыму»[18]. Как видно, изложение идет от третьего лица, а не от самого Найденова, по всей видимости, записавший воспоминания имел литературные навыки.

Публикация архивных документов, составленных чиновником губернской администрации, который сам проехал конкретным маршрутом, видевший все своими глазами, будет важным дополнением к современным исследованиям по истории коренного населения Березовского края.

Тобольское общее губернское управление
с предоставлением отчетов по обозрению
березовских и пелымских инородцев
по канцелярии главного управления.
Отделение 1. Стол 2.
24 марта 1826 года
№ 1118.

Господину генерал-губернатору Западной Сибири[19].

Имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства списки донесений ко мне господина советника тобольского губернского правления Серебренникова от 25 января (№ 19) и записку, поданную от господина титулярного советника Найденова о том, что найдено ими при обозрении первого Березовского, а последним Пелымского края. Долгом почитаю донести, что по донесению господина Найденова учинено мною согласно с положением совета о губернском управлении следующее распоряжение: 1) о внушении инородцам[20] пользы, которую могут иметь они от распространения картофеля и о приохочиванию их к сему предписано Туринскому земскому судье; 2) земскому начальству поставлено на вид безмерное пьянство инородцев, происходившее в Пелыме во время сдачи ясака, велено оному благородным наставлениям советами и другими законными мерами удерживать их от сего, а чтобы не было ввозимо горячительных напитков в их жительство строжайше подтверждено

иметь бдительное за сим наблюдение; 3) о числе находящихся в крайней бедности инородцев и о способах улучшения их состояния требуются сведения от правящего должность Туринского исправника, а между тем поручено ему тотчас распорядиться о доставлении им пособия в жизненном продовольствии из хлебных казенных запасов; 4) земскому суду предписано стараться ввести в обыкновение у инородцев приготовлять хлеб из крапивы подобно как уже делается сие в Тахтанской[21] волости[22]; 5) от правящего должность земского исправника требуются сведения — где и в какое время удобнее учредить ярмарку для сбыта произведений и промышленностей инородцев; 6) заключение господина Найденова об уничтожении обыкновения платить калым за невест сообщено комиссии для рассмотрении законов инородцев; 7) о слабом понятии крещенными инородцами христианского закона и соблюдении обрядов доведено до сведения его Высокопреосвященства архиепископа Тобольского и Сибирского[23], дабы со стороны духовенства приняты были на основании 291§[24] устава о инородцах[25] ко внушению им христианских обрядов приличной меры; 8) из донесении господина Найденова видно, что Пелымские инородцы поныне считают себя обязанными вносить в казну подати мягкою рухлядью и потому покупают оную дорогими ценами, а как на основании Устава об инородцах и отчасти той же главы они обязываются платить подати деньгами, то по сему подтверждено земскому суду внушить о сем Пелымским инородцам; 9) также поручено внушить им о том, как их лишаются они выгод, отдавая за бесценок в кортом рыбной ловли и потому не пожелают ли они, чтобы ловли сии отдавались в оброк через посредство земского начальства с публичных торгов? 10) об удобности соединения нескольких малонаселенных волостей в одну извещена от меня Казенная палата с настоянием о учинении о сем распоряжения; 11) на счет обучения мальчиков российской грамоте на случай определения их писарями предписано земскому начальству отобрать от вогул сведения согласны ли они на сие? 12) предположение господина Найденова о том, чтобы в Пелыме иметь особого лекаря признавая весьма основательным я имею честь придать обстоятельство сие в благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Гражданский губернатор Д.Н.Каменский[26].

Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. 3. Д. Л. 1—3.

Обозрение инородцев Пелымского края 1826 г. марта 16.

Резолюция: Доложить Совету, потом учинить надлежащее усмотрение представить сие обозрение в подлиннике его Высокопревосходительству, снять копию для Канцелярии.

Исторические сведения о Пелыме.

Коренное население вогуличи или манси еще до покорения Россией Сибири главное местопребывание вогуличей было около рек Тавды, Сосьвы, Лозьвы, Ляпин, Пелымки и за вершиною сей последней при озерах Туманском и Тельлини, что ныне Русским озером именуется при Воргинской деревне. Самый древний город вогул был нынешнее село Табары[27], огражденное с одной стороны дремучими лесами, а с другой омываемое рекою Тавдою. Село Таборы до обращения вогулян в христианскую веру состояло под согласованным управлением вогульского князя Табара, основателя выше исчисленного города. По присоединении же вогульских областей к Российской державе с того времени как Российские государи восприели именование великих князей Кондинских город Таборы по неудобности местного положения уничтожен, а в место оного основан в 1592 г. Пелым на реках Тавде и Пелымке[28]. Сибирский город как некий остров со всех сторон омывается водами и окруженный непроходимыми болотами не имел и по сие время летом никакого сухопутного сообщения с прочими сибирскими городами, казалось, был во всем не удобен для населения народного, но в то время надобно еще было вогуличей удерживать в должном повиновении и посему по случаю вызваны были русские крестьяне, кои и поселились с того времени в Пелыме и к сему городу приписаны были все вогулы. Ныне в Пелымском отделении, кои, соединяясь с русскими крестьянами, принимая христианскую веру и обычаи древних праотцов их впоследствии сами стали русскими, так что ныне многие вогуличи не знают даже и языка вогульского. Во время бытности героя Ермака на вершине Пелымской, когда вогуличей еще удерживал княжество Кондинское сей знаменитый завоеватель Сибири, довершая свои победы при реке Конде взял в плен кондинского князя Таугая-Сатыгу[29]и ниспроверг всех идолов вогульских: вогулы погружались в Конду

и воды ее освещали их благодатным крещением. Возвратясь из Кондинского княжества, Ермак находился некоторое время в Пелыме, где и сооружен был им замок с четырьмя башнями на берегу Тавды, огороженный со всех сторон забором или деревянною крепостною стеною назвал сие строение Пелымским кремлем и с помощью русских солдат отражал частые покушения вогуличей. Сей самый замок тем особенно любопытен, что в нем содержан некогда целые 20 лет несчастный граф Миних[30], российский генерал-фельдмаршал. К сожалению, ныне уже и следов не приметно сего Пелымского кремля, на месте коего произрастают теперь одни огородные овощи. Не менее также сожаления достойно и то, что ныне никаких любопытных преданий о нахождении в Пелыме сего знаменитого вельможи, впрочем, я видел здесь одного 135 летнего старца[31], который рассказывал мне, что граф вел жизнь самую уединенную, он был чрезвычайно задумчив, раздавал часто бедным значительные милости и через то оставил по себе в народе добрую память. По истечении 25 лет[32], когда курьер привез указ об освобождении Миниха, он роздал все свои пожитки гражданам, потом объехал верхом вокруг Пелыма и, садясь в свою повозку горько заплакал. Его провожал до Туринска Пелымский воевода Путилов. За рекою Тавдой в двух верстах от Пелыма существует еще городище. Балагурим именуемое, где жил некогда Пелымсими князь. Балагурим[33], потомки коего первыми содержались в Москве под стражею[34], потом помилованные в Верхотурские бояре[35], а впоследствии приписаны в Тобольские дворяне[36]. Они жили в Кунде и управляли Кандинским княжеством под зависимостью Полевского воеводы. Один из потомков сих князей по имени Иван Сутяга[37] и ныне жительствует в Кандинском селении, но не управляет уже оным — по случаю возникших на него жалоб со стороны Воловичей.

Разделение инородцев Пелымского края и государственной подати.

И так Пелым до 1764 г. именованный городом и имевший своих воевод, обращен потом в село, в коем и учреждено было Пелымское комиссарство, а в 1822 году сие комиссарство переименовали в Пелымское отделение. Сие отделение состоит из 8 ясачных волостей, кои суть следующие:

Верх-Кондинская: в ней по последней ревизии 192 души, приносят в ясак 201 соболя на сумму 75 руб. 37 ½ коп., да земских повинностей и 44 копеечного сбора с каждой души по 7 руб. 6 коп. Итого Верх-Кондинская волость приносит в государственную казну 1355 руб. 52 коп.

В Больше-Кондинской: 294 души, приносят в ясак 204 соболя на сумму 110 руб. 25 коп., да земских повинностей и 44 копеечного сбора с каждой души по 7 руб. 6 коп. Итого 2075 руб. 44 коп.

В Верх-Пелымской: 146 души, приносят в ясак 160 соболей на 60 руб. и земских повинностей. Всего 1030 руб. 76 коп.

В Вагильской: 58 душ, приносят в ясак 76 соболей на 28 руб. 50 коп. и земских повинностей, всего 409 руб. 78 коп.

В Пахтанской: 139 душ, приносят в ясак 104 соболя на 39 руб., да деньгами к сей же подати надлежащим 6 руб. 31 1/7 и земских повинностей 981 руб. 34 коп.

В Сосьвинской: 59 душ, приносят в ясак 89 соболей на 33 руб. Об 37 ½ коп., да деньгами к сей повинности принадлежащих 6 руб. 32 ½ коп. и земских повинностей 416 руб. 54 коп.

В Варгинской: 27 душ, с них нет ясака, а вместо оного взыскивается 32 руб. 25 коп. и земских повинностей 190 руб. 62 коп.

В Листвинигинской: 26 душ, с них ясака нет, а вместо оного взыскивается 22 руб. 50 коп. и земских повинностей 183 руб. 56 коп.

Следовательно, вогуличи к Пелымскому отделению принадлежащие, коих по последней ревизии считается во всех упомянутых волостях 941 душа, должны платить государственной подати рухлядью на 346 руб. 50 коп. и деньгами вместо ясака 67 руб. 38 ¼ , да земской повинности всего 6643 руб. 26 коп., за исключением 398 руб. 7 ½ коп. кои платят вогулы означенных волостей, за получаемый ими из казны порох для звериных промыслов. Сверх того, оседлые вогулы сих же волостей, получая из пелымского казенного магазейна хлеб, обязаны платить за оной деньгами по мере взятого ими количества и по сему случаю числятся на них значительные за хлеб недоимки.

О земских и жизненных припасах инородцев.

Многие вогулы, особливо в дальних усадьбищах живущие, покупают или выменивают на мягкую рухлядь хлеб и другие жизненные припасы от русских крестьян по дорогим ценам по отдаленности их местопребывания; лошадей и другого рода скот

покупают также у русских или за оный работают по два и по три года. Других способов к добыванию сих потребностей по соображению с местным положением земель инородцы ниотколь выгодные не могут найти, поелику они по большей части занимаются одним только звериным и рыбным промыслами, а пашни у них вовсе нет. На землях их одни леса и тинистые болота, к хлебопашеству совсем не способные, исключая весьма малого числа земли в Тахтанской и Сосьвинской волостях, где вогулы сеют яровой и ячменный хлеб, с худою, по большей части прибылью.

Мысль о разведении картофеля.

Правда есть некоторые места в вотчинах, весьма способные для разведения картофеля, который во всяком климате и на всякой земле, особенно напесчаной, родясь всегда изобильно, мог бы значительно приносить пользу инородцам и заменять их скудость в хлебе и других жизненных припасах. Известно, что картофель во всех бесплодных странах употребляется вместо хлеба и служит гораздо лучшею пищею, нежели самый хлеб, на другой земле и под влиянием жесткого климата произрастает. Рассадка же сего произведения на землях инородцев в весьма удобные, ибо в лесах боровых есть много грунту песчаного, а в лесах дубровых по большей части земля черная, на коей, хотя и бывают водоливы весенние, но сия вода спадает к осени и не только не помешает расти картофелю, но еще послужит к его плодоносию. Следовательно, в счастливом успехе сей мысли, конечно, не было бы никакого сомнения, если бы правительству, всегда пекущемуся о пользе народной, угодно было привести в исполнение сие, по мнению моему благотворное для инородцев предположение.

Об уничтожении питейных домов в Пелыме и в других смежных местах с инородцами.

Обращая внимание на улучшение участи инородцев Пелымского края, нельзя умолчать о том, что главнейшая между ними бедность происходит от сильной их наклонности к пьянству. Будучи свидетелем жалостного состояния вогул в то время, когда они приходят со всех волостей для отдачи ясака в Пелым, я видел, как сии люди сами по себе полудикие, напивались почти замертво, иные в безобразном виде, в разодранном рубище скитались по улицам, а другие лежали у ворот и заборов, как бы не имеющие

никакого пристанища. Сколько со стороны моей не было увещеваний о сей постыдной страсти, сколько ни приводил им на мысль тех пагубных последствий, кои не минуемо влекут за собою пьянство и жизнь распутная, но все сие было тщетно. Вогулы в смиреной покорности выслушивали благонамеренные советы, твердо обещали исправиться и, уходя с умилением и раскаянием, в то же время заходили снова в кабак и снова предавались гнусной страсти своей. После сего я узнал, что вогулы так сильно падки на вино, что нередко многие из них пропивают все свое достояние и становятся вместе со своими женами и детьми без домов, пищи и одежды. Часто случается, что вогулы, собрав общественные деньги в своих юртах для отдачи в казну, лежащей на них повинности, приходят в Пелым и пропивают все свои деньги в питейном доме, потом плачутся на свою бедность, бедность до такой степени ужасную, что кажется никакое перо не сильно было бы устранить того положения, в коем многие из них находятся, ибо в проезде моем по вершине и за туманом в Вергинской и Вагильской волостях я был свидетелем, что у многих инородцев не только нет никакого домашнего обзаведения, необходимой пищи, посуды, но даже и самой жизни, самой необходимой одежды соответственно жесткому их климату не имеют.

Помета на полях: Предписать правящему должность исправника привлечь немедленно в известном, сколько именно инородцев находится в подобной скудости.

У многих из них вовсе нет никакого скота, даже нет собак толико способствующих звериным их промыслам, ибо сии животные изгибаются у них от глада или от пищи, причиняющей им смертные болезни. Больные вогулы не имеют в своих дымных нечистых юртах печей, а питаются таким образом: кладут в железный казан неочищенную рыбу, медвежье мясо, примешивая часть муки, соли, крупы, если случится, варят все это без соли, которой отдаленные вогулы никогда не употребляют и черпают эту пищу ковшами. Котлов своих никогда не имеют и от того в юртах их даже слышан сырой, дохлый и самый отвратительный воздух, те же из вогул, кои ведут скромную и трезвую жизнь, живут сообразно русским христианам, хотя не богато, но чисто и довольно опрятно. Итак, следствие бедности между инородцами совершенно происходит от необоримой их страсти к пьянству,

которое доводит их рассудок до такой степени, что многие из них за одну чарку вина, которые торговцы ввозят в их жительства, готовы платить дорогими шкурами соболей или значительным количеством рыбы, а иные, взявши и кушного магазейна хлеб, переводят оный не деньгами, пропивают оные в Пелыме и возвращаются часто на голодных лошадях в свои юрты, вероятно, с упованием на будущие свои промыслы.

Изобразив, таким образом, плачевную картину бедствий, происходящих между многими инородцами от непомерного пристрастия их к горячительным напиткам, утвердительно заключить можно, что зло сие до тех пор не искоренится, пока не уничтожены будут вовсе питейные домы, как в Пелыме, так и во всех местах смежных с инородцами. По крайней мере, должно постановить правильным, чтобы во время собирания с вогул ясака и повинностей, когда они находятся в Пелыме или в тех местах, где существует продажа горячего вина, закрывать питейные домы до тех пор, пока инородцы не возвратятся опять к своим юртам.

Сею мерою, невольно отвращая их от зла, весьма легко бы можно избавить их от разорения и даже исправить самую нравственность, тем более, что все вообще при всей своей дикости характер имеют довольно мягкий и весьма наклонный к добру и справедливости.

О делании холста из крапивы.

Между тем как инородцы Пелымского края, мало помалу умеряя страсти свои, стали бы от прежней леностной жизни переходить в жизнь трезвую и трудолюбивую, возникли бы тогда по соображению с местным обстоятельством и новые средства к приобретению инородцами, как жизненных потребностей, так и других необходимых вещей. Гораздо выгодные и надежные, нежели как оные или ныне приобретаются, например, все инородцы покупают холст у русских крестьян весьма по дорогим ценам, между тем как сами они могли бы выделывать оный в своих пунктах, имея довольно свободного времени от звериных и рыбных промыслов, не занимаясь почти вовсе хлебопашеством инородцы, если бы восхотели радеть о благе домашней жизни своей, могли бы из самого ничтожного произведения приготовить для себя и своих семейств холсты из крапивы, в изобилии у них находящейся. Я видел в Тахтанской волости опыты сего изделия, видел, как

наподобие коноплей и льну прядут из сухой крапивы нитки и делают холст сизого цвета. Он хотя не был не тонок, зато прочен, дешев и, следовательно, гораздо выгоднее покупаемого. Таким образом, инородцы, занимаясь выделкою домашнего холста, те деньги, кои они теперь употребляют на покупку оного, могли бы употребить на обзаведение домашнего скотоводства, а с приобретением оного не имели бы надобности покупать означенных припасов и зимней одежды, поелику все сие они находили бы у себя дома, сами были бы заняты и государевы подати платили бы без остановки.

Об учреждении торговли у инородцев.

Таким образом, инородцы, сделавшись попечительными домостроителями, они, конечно, и сами почувствовали бы счастье гражданского благосостояния, умели бы тогда лучше заботиться о своих семействах и лучше дорожить своим произведением. Но по елику благоденствие народных обществ зависит от народной промышленности и торговли, а между инородцами совершенно нет никакой торговли, то согласно высочайше утвержденному Положению об инородцах, за коими предоставляется право торговать своими произведениями, по мнению моему, необходимо должно учредить положенное время для торговли инородцев Пелымского края, учредить или в Гарикской волости как удобнейшем месте для сообщения со всеми волостями или где лучше признано, будет правительством, на том самом основании, как сие существует в г.Тюмени, исключая домов питейных. Тогда инородцы, коснеющие во мраке невежества и заблуждениях, увидят свет разума руководствующего во всех делах жизни, приучат себя к общественным обязанностям и, почувствуя необходимость сих отданной невольно, сами изменяются гражданами, полезными для общества, для своих семейств и для отечества. Не упоминая уже о выгодах торговли между инородцами, утвердительно предположить можно, что с введением русских обычаев между инородцами время само собою образует их местные нравы, заблуждения и, научая их общественным обязанностям, если не совсем соединит их благополучием, по крайней мере, избавит от тех бедствий, коим они по неведению своему подвергаются.

Образ жизни вогуличей.

Ныне же вогулы в Пелымском отделении живут по большей части наподобие диких народов: в юртах их нет ни чистоты, ни опрятности, нет никакого хозяйского обзаведения, ни домашнего скота, как сие примечается у крестьян русских. По большей части ведут жизнь бродячую, осенью и весной обхаживают леса, а зимою и летом нанимаются в работы и в юрты свои наезжают только временно. Жены их несравненно трудолюбивые и домостроительные. Они отправляют все домашние работы, промышляют пищу для себя и детей своих, и часто многие из них прокармливают даже мужей своих, впрочем, есть и такие вогулы, кои ничем почти не различаются от русских, живут чисто, опрятно, не умеют никого обманывать и любят гостеприимство. Что же касается до их нарядов, многие из вогул заплетают на головы косы и носят волосы наподобие древних цесарцов, одеваются совершенно как русские крестьяне, только одежда их короче и легче, вероятно, дабы способнее им было гоняться в лесах за своими добычами. В ближайших от Пелыма юртах инородцы говорят твердо по-русски, а в отдаленных усадьбищах господствует одно коренное наречие. Мужчины все вообще росту малого, собою очень дурны, лица у них цвета желтые, плоские, широкие, глаза быстроогненные и, по-видимому, не крепкого телосложения. Напротив того, женщины и девицы довольно красивы собою. Лицом белы, полны и крепкого телосложения. Женщины одеваются, смотря по достатку, в ситцевые и холстинные сарафаны, покрывают головы платками, вышитыми гарусом, убирая по концам разными медными и стеклянными привесками, рубашки у всех вышиваются красным гарусом, а девицы заплетают по нескольку кос, лежащих на спине, к коим привешивается множество медных и стеклянных погремушек с разноцветными лентами, чарки делаются из простой невыделанной кожи, а вместо чулок ноги обертываются сукном, других нарядов никаких нет, да, вероятно, и в старину не было, ибо люди сии издревле скитаясь по лесам, будучи далеки от всякой людности, не могли иметь у себя никаких, особенно любопытных нарядов.

Характер.

Если бы вогулы не были столь сильно пристрастными к горячительным напиткам, то они имели бы в себе много характерного: впрочем, и ныне инородцы из вогул строго соблюдают правила естественных добродетелей: не любят обманов и неправды; чрезвычайно неустрашимы и смелы, так что часто убивают по нескольку медведей в логове обитающих, характер имеют пылкий, весьма скрытый и дикий, соответственно дикости стран им населяемых. Они совсем не женолюбивы и, кажется, о чувствах не имеют никакого понятия, ибо, провождая жизнь свою в дремучих лесах, они совершенно охладели к женскому полу так, что многие всю жизнь проводят в одиночестве.

Об уничтожении калыма.

Может быть, равнодушие происходит и от того, что вогулы, придерживаясь древних обычаев, не выдают дочерей своих в замужество без калыма. Калым есть не что иное, как условие, по коему жених обязан до венца внести отцу или матери невесты положенное ими число денег или требуемое количество мягкой рухляди. Жениху, позволяя быть вместе со своею невестою при глазах только матери или отца ее, и сие продолжается до тех пор, пока жених сполна не выплатит калыму. За нечестность невесты вычитается половина калыма, если жених согласится взять ее в свой дом. В противном случае он может вернуть ее отцу и получить обратно свой калым. Таковое обыкновение, по словам самих вогуличей, было причиною и в самые древние времена частых между ними раздоров, которые по большей части происходили от того, что многие молодые люди, по бедности, не в силах, будучи заплатить требуемого с них калыма, тайно увозили девиц и вступали с ними в брак по своим обычаям, а ныне, когда вогулы пришли в упадок до такой степени, что многие из них не в силах даже уплачивать и государственных податей. Существование означенного калыма совершенно для них разорительно. Всякий отец невесты имеет право требовать от жениха, что ему угодно, разумеется, он не соразмеряет своих требований с состоянием жениха, который будучи не в силах выплатить по договору калыма, изыскивает способы увести невесту или отстает от своего намерения в том и другом ему, таковое обыкновение весьма вредные влечет за собою последствия, ибо по бедности вогул они действительно

не в силах отправлять обязательного калыма, и потому не благоугодно ли будет начальству для облегчения в сем случае бедных инородцев постановить правилом, чтобы вместо существующего ныне калыма отцы и матери невест при выдаче в замужество дочерей своих руководствовались теми обычаями, коими предоставляется право женихам дарить, невест и родных ее, по мере возможности, не принужденно. Сие обычаи господствуют между всеми христианами, и, поелику вогулы сами того же исповедания, то по всей справедливости должны уничтожить сие языческое обыкновение.

Помета на полях: Поставить сию статью на вид комиссии для рассмотрения законов инородцев Д.К.

Вероисповедание.

До покорения Сибири вогулы приносили жертвы идолам, имели своих шайтанов, торымов и поклонялись лесным зверям. Теперь все вогулы, в Пелымском отделении находящиеся, именуются христианами, но, к сожалению, они о законе христианском формально не имеют никакого понятия, никто из них не знает ни одной молитвы, постов и праздников не соблюдают, не знают никаких обрядов служения богу и, когда приходят в храм господний, вместо сердечного умиления, они стоят равнодушно в церкви, не понимая, как и кому молиться. Сия видимая невнимательность к религии заставляет утвердительно заключить, что вогулы отрешенные заблуждениями отцов своих еще и теперь приучены к идолопоклонству. Многие из русских свидетельствуют, что в отдаленных лесах вогулы имеют и ныне шайтанов, приносят им в жертву тельцов, окропленных их кровью, навешивают на них дорогую рухлядь, оставляют у подножия сих идолов платье, пищу и брагу. А во время праздника, бываемого у них один раз в год, напиваются допьяна, скачут вокруг истукана и лобзают стопы его. Доказательство, что у вогул есть и ныне идолопоклонение

Помета на полях: Снестись о сем к преосвященному Д.К.

Они имеют и жреца, который живет в 15-ти — 20 верстах от Малой Кондинки. Еще очевидцы рассказывают, что вогулы по убиении черного медведя делают над ним следующий праздник. По снятии с него шкуры, растягивают оную на палки в таком виде, как будто медведь стоит на задних лапах, потом церемониально везут его к юртам, из коих выходят навстречу женщины и

мужчины, бьют в сковороды и пляшут. И сего торжественно радостно возвещают всем жителям об одержанной над черным медведем победе. Сие чучело ставят в юрте или на двор победителя, который должен варить брагу для всей деревни. Он первый идет к распростертому медведю, кланяется ему до ног, целует в норку и выпивает ковш браги, за ним все тоже делают, а по окончании сей церемонии снимают шкуру с палок и продают оную за 10—12 руб.

Случалось также неоднократно, что некрещенные вогулы, призванные во свидетельство, клялись перед лапою медведю и прикладывались к когтям в доказательство справедливого показания. В неправде же ни один вогул не соглашается целовать костей медвежьих, ибо они полагают, что рано или поздно когти сии накажут лжесвидетеля.

Любопытно, как некоторые из вогул желая, по-видимому, приписать божеские достоинства своим бездушным кумирам, рассказывают об одном сверхестественном чуде, произошедшем всемогущественного древесного болвана. Один священник, каким-то образом нашел в лесу вогульского Воала, снял с него дорогое платье, набрал из жертвенника довольное количество серебряной монеты и возвратился в дом свой с великою добычей. Через несколько дней священник ослеп, потом начал сходить с ума, подвергался страшным болезням, мучился, терзался и, раскаиваясь в содеянном поступке, умолял родственников своих, чтобы они найденное им в лесу сокровище отвезли и положили на том самом месте, откуда было взято оное. Когда сие было исполнено, священник почувствовал сильное в болезни облегчение, а по возвращению из лесу родственников его он снова увидел свет, выздоровел совершенно и жил после сего благополучно.

Чудес таких, по истине, не мог производить деревянный обрубок, а если это и действительно было, то, конечно, по действию той власти, которая управляет всеми богомерзкими делами.

Вот до какой степени человек может ослепиться заблуждениями ложной веры и самого разума.

Остается только сожалеть, чтобы свет евангельского учения озарил сие мрачное невежество диких народов. Да познают они единого истинного бога и ему единому да поклоняются!

Болезни и лечение оных.

Придерживаясь древнего волшебства и тайных наговоров, волгулы по враждебным чувствованиям суеверия, думают, что действие силы их шайтанов имеют влияние и на различные болезни. Сего ради больной делает всегда обеты по выздоровлении принести какую-либо жертву идолу. Пользование же состоит в каком-то тайном шептании и заклинаниях. Никаких лекарств у себя не имеют и когда больной уже изнемогает, оставляют больного на произвол сильного случая. Сии народы по большей части страдают огненными горячками, кои свирепствуют ежегодно, почти по всем селениям вогуличей и причиняют значительную между ними убыль так, что ныне и третьей доли нет живых противу показанного числа ревизею и от того-то остающиеся вогулы крайне плачутся на то, что они обязаны платить за себя и умерших, как ясак, так и все государственные повинности. По поводу сего необходимо определить, по крайней мере, в Пелыме одного лекаря и снабдить всеми нужными медикаментами, дабы, сколько возможно подать помощь страждущему человечеству и отвратить заразные болезни, кои нередко в сем крае бывают от самого даже воздуха, который портиться от тлетворных паров, выходящих из гнилых болот, и зарождает в народе разные тлетворные болезни. Зло сие бывает только летом, оно не щадит людей, поражает смертью и всякого рода домашний скот, сверх сего между инородцами вовсе не существует нигде прививание предохранительной оспы. Люди сии живут во всех отношениях по влечению природы, не умеют заботиться о собственном благосостоянии и по всей справедливости требуют особенного попечения.

Хлебопашество и скотоводство.

Инородцам Полевского края, по высочайше утвержденному о Сибирских губерниях учреждению, предоставлено право пользоваться всеми пашенными и сенокосными землями, звериными и рыбными промыслами в древних вотчинах их находящимися, они пользуются сим правом и ныне, как было сие искони. Но правом сим можно назвать ограниченным и неограниченным. Ограничение оных состоит в том, что вогулы Пелымского края все вообще имеют пашенной земли не более 90 десятин и то в Тахтанской и Сосвинской волостях. А что касается до скотоводства разве сотый может оным похвастаться, да и то какой-нибудь коровой, двумя

лошадями и десятью собаки не более. Все прочие не только скотоводства даже и собак не имеют, неограниченное же право вогул состоит в том, что они имеют во владениях своих неизмерное пространство земель, на коих протекают разнородные реки и растут обширные леса, весьма значительные выгоды инородцам приносящие. Казалось бы, сии две отрасли промышленности както: звериная и рыбная ловля должны быть достаточными средствами к обогащению инородцев Пелымского края. Но при всем том часто случается, что вогулы покупают мягкую рухлядь для отдачи оной в ясак и имея свои реки и озера.

Помета на полях: Предписать правящему должность Туринского исправника, чтоб сего впредь не было. Д.К.

Покупают рыбу для своего продовольствия. Полагают, что зверь, идущий полосою, переходит с одного места на другое и там, где убивали медведей, начинают стрелять белок, где обитали чернобурые лисицы, расхаживают одни лоси, а загороды и ловушки уж не приносят им никакой пользы.

Способ ловли зверей и рыбная промышленность.

В сим случае вогулы ходят на лыжах по лесам за 100, 200 и более верст от юрт своих, заходят даже в чужие округи, особливо, когда они преследуют зверя и таким образом часто случается, что пелымские вогулы заходят к березовским остякам, а березовцы забегают к вогулам и, соединяясь вместе, догоняют лесного беглеца и разделяют пополам полученную ими добычу. Вогулы ловят зверей различными средствами: огнестрельным оружием и стрелами, также расстанавливают петли или капканы, прикрепленные к норам и ямам, прикрепляют к нарочным обрубкам полуциркулярные ножи и ставят в потаенных местах клепцы, род машины с пружиною, которая от прикосновения убивает зверя или отрывает у него лапы. В других же местах, где нет означенных ловушек, ловля зверей идет с помощью собак, подающих сигнал на том месте, где зачуют зверя.

Рыбные промыслы доставляет также вогулам значительную прибыль, при хорошем улове каждый промышленник может получить в год от 10 до 20 руб. Места рыболовные как-то реки, пески по Тавде, разделяются инородцами на паи, а в дальних озерах ловят они, где кто хочет, но в особенности сии озера принадлежат тем селениям, близ коих они находятся. Убыток же от сей

промышленности вогулы от того, что они сии промыслы отдают русским в картом и отдают часто за 10 руб. на 4 года, такие угодья, кои в один год принесут крестьянам выгоды. Причина таковых отдач происходила от того, что с вогул требовались повинности, коих не могли они уплатить, занимали деньги у крестьян и под залог отдавали промыслы свои.

Промыслы кедровых орехов.

В Пелымском крае, особливо в местах рек Большой и Малой Конде лежащих, великое множество произрастает кедров. Сия ветвь промышленности доставляла бы также значительные выгоды инородцам, если они умели пользоваться оными, но, к сожалению, вогулы, отвлеченные другими промыслами, не занимаются сбережением сего продукта. Часто птицы поедают у них орехи, и, когда спадут с дерева шишки, являются медведи, страшные любители кедровых орехов и уносят их в свои берлоги при весе пудов 20. Так каждый промышленник в хороший год может добыть и продать орехов на 50 руб. и более.

О выдаче инородцам из казенного магазейна хлеба и пороху.

Поелику инородцы Пелымского края, как выше упомянуто, имея самое малое количество пашен, лишенные возможности иметь по отдаленности — покупают оной неумеренными ценами или выменивают на мягкую рухлядь, также не выгодно. То для сего случая и выдается им из казенного магазейна хлеб по существующим ценам.

При выдаче сего хлеба со стороны местного начальства нет ни остановки, ни обмеру, только все инородцы показывают, что при дурном в нынешнем году улове зверя, они не в силах за хлеб выплатить всего сполна долга. Причина таковой несостоятельности, действительно, часто происходит от худого лова зверей, а частью от собственной вогул беспечности, коею руководясь, они во всех делах жизни своей, нимало не заботятся о будущем благополучии своем. У них наука хозяйственная лежит во мраке глубочайшего неведения, нет ни искусств, ни той сметливой оборотливости, которая, так сказать, из малого составляет многое и научает каждого печись о сыскании и сбережении своего имущества. Еще менее вогулы способны быть хорошими пахарями, ибо привычными гоняться за зверьми с огнестрельным оружием или достигать их

из луков меткими стрелами, они не имеют уже и понятия каким образом удобривать землю для хлебопашества, исключая кашутских и табаринских вогул, кои, живя вместе с русскими на землях, при том удобных, научились также ходить за сохою, как русские, и далеко превзошли в состоянии вогул пелымских. Напротив того сии последние, при неспособности лесных и болотных земель своих к хлебопашеству, ведя по большей части бродячую жизнь и, будучи сами не способны быть хлебопашцами, не могут иначе иметь у себя хлеба, кроме как за деньги или за зверей, ими добываемых. Впрочем, часто случается, что они достают хлеб гораздо выгоднее от русских крестьян, заезжающих в их селения, нежели у казенных магазинов, но зато сии магазины несравненно лучше могут обеспечивать их в сей необходимости, нежели частные люди, как в случае неурожая и не могут уже снабжать их тою потребностью.

Вогулы при наступлении каждой осени получают у казны около 10 пуд. пороху для звериных промыслов своих: за каждый пуд платят они по 44 руб. 23 коп. с тем, что неисправным плательщикам не велено впредь отпускать пороху. Мера по истине, справедливая для обеспечения казенного интереса, но столь часто случается, что самые лучшие инородцы не могут вдруг внести всех денег за порох, особливо в то время, когда приносят они ясак и уплачивают другие повинности. Если исчислить все доходы инородцев и сравнить их с уплатою государственных повинностей, то по всей справедливости должно, что вогулы в одно время с податями действительно не в силах уплачивать за хлеб и порох всех сполна долгов своих, а кои предаются еще и пьянству не только в неоплатные заходят долги, но и сами скитаются в раздранных рубищах.

Заключение.

В заключение при обозрении мною инородцев в Пелымском крае я нашел еще следующее:

1. Многие из волостей ясачных, имея около 20 или 40 душ, составляют свое особенное управление. Имеют старшин, старшин и родовых начальников, платят особо писарю за исправление дел и делают издержки на содержание сих волостных начальников, между тем как 2 или 3 волости, судя по малолюдству, могли б состоять под одним управлением и не иметь тех расходов, коими они теперь обременяют себя так, например,

Помета на полях: Возобновить предложение по сему предмету казенной палате. Д.К.

Варгинская и Лиственигинской волости заключают в себе около 60 душ, конечно, могли бы из 2-х составить одну волость; ровно, как и Верхне-Кондинская и Больше-Кондинская заключают в себе обе не более 200 душ, могли бы также быть одною волостью. А что касается до удобности сих волостей соединения, то в сем не заключается никакого затруднения, ибо все вообще вогулы имеют удобное между собою сообщение, так что в присоединении даже двух к одной волости инородцы не имели бы никаких тягостных последствий, исключая тех выгод, кои они получали бы при сем преобразовании.

2. Всякая волость инородцев должна платить писарю около 40 руб., что со всех инородцев составить 320 руб., между тем как они, по большей части, бывают недовольны писарем. Полагая, что по незнанию русского языка, что якобы он часто не то им пишет, а если б они из своих детей определили 2-х, 3-х мальчиков для изучения русской грамоты, тогда бы вогулы не сомневались более в своем писаре, и, конечно, избегнули тех издержек, кои теперь они делают по необходимости.

3. Относительно разделения между инородцами пахотных и сенокосных земель, также и рыбных промыслов. Каждое селение издревле имеет свое разделение, и вогулы пользуются своими вотчинами по правам потомственным: впрочем, есть в некоторых местах, что таковое разделение неуравномерное сие происходит от того, что есть между инородцами некоторые зажиточные посредством трудов своих более очистили, приобрели пашни и более имеют угодьев, доставшихся им во владения по собственному их трудолюбию. Почему они и не допускают в своей собственности чинить означенного разделения. На что и товарищи их не в претензии, а негодуют только на тех, кои по наследству получают много земель и не разделяют их между неимущими. Сие обстоятельство предается на благоусмотрение начальства.

4. При обозрении мною в Пелыме запасного хлебного магазейна, я нашел, что согласно § 279 устава клейменных мер при сем магазейне не имеется, хлеб отпускается по 1 руб. 17 ½ коп., в наличности состоит 639 пуд. За исключением вновь купленного 2500 пуд., кои уже и доставляются в сей магазейн из Кошутской

волости, всей же недоимки за взятый ясачными и русскими крестьянами хлеб считается по Пелымскому отделению до 3000 руб.

5. Быв очевидным свидетелем всех нужд и крайностей вогул Пелымского края, взирая на скудное, жалостливое положение сего народа как бы забвенного Богом за их нечистую к нему веру и забвенного людьми, как бы за собственное его унижение нельзя, однако ж, заключить, чтобы люди сии были совершенно бесполезны. Если бы вогулы навсегда отказались от пьянства — любимой страсти своей — стали приспособлять себя к жизни по обычаям русских, забыли бы невежество предков своих относительно религии и вместо пустынной бродячей жизни возлюбили бы жизнь постоянную, то многие б из них явились хорошими хозяевами, искусными художниками, расчетливыми торговцами и трудолюбивыми земледельцами, через то составили б из себя прекрасную колонию, полезную государству и выгодную взаимного между реками сообщения, иначе сообразно особенному роду их жизни, их правам обыкновенных и местному положению земель вокруг их обитающих, необходимо дополнительно издать и отдельный ряд узаконений для инородцев Пелымского края, дабы они, состоя под зависимостью отдельного начальника, управлялись по своим законам, на их собственном языке начертанным.

Подпись титулярный советник.

ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17592. Л. 4—38.

Примечания

[1]Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII—XVII вв.: введение, тексты и комментарии. 3-е изд. Новосибирск, 2006. 504 с.

[2] Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 3—6.

[3] Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В.Арсеньева // Зап. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1882. Т. 10. Вып. 1.

[4] Титов А. Сибирь в XVII веке…. С. 115—216.

[5] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

[6] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 1. Berlin, 1962; Teil 2, 1964; Teil 3, 1966.

[7] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1788. Ч. 1—3.

[8] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем Дел... Кн. 1. СПб., 1750. Заметим, что остальные материалы вышли только в первой половине XX в.

[9] Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов.... СПб., 1776—1778. Ч. 1—3.

[10] Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). М.; Л., 1947.

[11] Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771—1805. Ч. 1—4; Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. СПб., 1822. Т. 5.

[12] Записки путешествия академика Лепехина. С. 20—33.

[13] Так, на Совет Главного Управления Западной Сибири 15 марта 1829 г. был вынесен на рассмотрение вопрос о переводе Устава для инородцев и заведении училищ в Березовском округе (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д 842. Л. 138). Надо заметить, что «собственное желание инородцев, которого однакож они не изъявили, не уважив сделанного им о пользе сих заведений внушения и отказались как от помещения детей в школы, так и от доставления им содержания в оных, то при таковых препятствиях не предвидится надежды наполнить школы учениками даже и тогда, когда бы учредились оные насчет казны, без участия инородцев в издержках на сии заведения. Посему совет полагает оставить сей предмет без исполнения, потому наиболее что всякий из инородцев пожелавший образовать своих детей может помещать их в училище имеющегося в Березове» (Там же. Л. 139 а).

[14] Например, на Совете главного управления Западной Сибири 19 февраля 1829 г. рассматривался вопрос о расчислении сборов с инородцев Тобольской губернии на 1829 г. (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д 842. Л. 98).

[15] Митрофанов В.В. Организация ямского сообщения между Самаровым и Березовым во второй половине 1820-х гг. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Мат-лы Всероссийской науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО—Югре (г.Нижневартовск, 24—25 октября 2013 г.) / Отв. ред. Я.Г.Солодкин. Нижневартовск, 2013. С. 72—80.

[16] Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории становления образования в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2010. Ч. 5. С. 95—99.

[17] Воспоминания пелымского старожила / Запись Найденова // Маяк современного просвещения и образованности. 1842. Т. 2. Кн. 4. Отд. «Замечатель». С. 85—89. Издание «Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. — «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») — литературно-политический журнал, который издавался в Санкт-Петербурге в 1840—1845 гг. ежемесячно. Издатели: В.И.Поляков, с середины 1840 г. П.А.Корсаков и С.А.Бурачок, затем Ю.А.Юнгмейстер. Редакторы: П.А.Корсаков и С.А.Бурачек, с 1842 г. С.А.Бурачек. В 1845 г. постоянные убытки заставили Бурачка отказаться от издания «Маяка». Многие из

авторов перешли в «Москвитянин», сам Бурачок тоже продолжал выступать в печати с резкой критикой католицизма и протестантизма, по другим религиозным вопросам.

[18] Воспоминания пелымского старожила. С. 85—86. Стиль изложения источника сохранен.

[19] Капцевич Петр Михайлович (1772—1840) — генерал от артиллерии, генерал-губернатор Западной Сибири с 22.07.1822 по 25.07.1827 гг.

[20] Термин «инородцы» использовался в административной практике царской России, пожалуй, шире и чаще, чем любой другой, включая термин «туземцы». Он зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке) XVI —XIX вв., к наиболее известным среди которых относится Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.

[21] Туринский уезд (Туринский округ) — административно-территориальная единица в составе Тобольской губернии. В состав Туринского округа входила и Тахтанская инородная волость,

[22] Волость — нижняя единица административно-территориального деления в России в сельской местности. Образована в 1797 г. первоначально для казенных крестьян, после реформы 1861 г. волости были образованы также для бывших владельческих и удельных крестьян.

[23] Евгений (Казанцев) — архиепископ Тобольский и Сибирский в 1826—31 гг.

[24] § 291. Не подвергать инородцев никаким изысканиям если они исповедуя Христианскую веру, окажутся по невежеству в упущении церковных обрядов. Внушения и убеждения суть одни приличныя в сем случае меры (Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. 120.С. 394—416).

[25] Устав об управлении инородцев (1822) — законодательный акт Российской империи, определивший систему управления неславянскими народами Сибири (инородцы). Большинство его положений действовало вплоть до Февральской революции. Устав был составлен М.М.Сперанским после его экспедиции для изучения состояния Сибири с помощью Г.С.Батенькова. Устав разделял инородцев в рамках права Российской империи на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» и согласно этому разделению определял их административный и правовой статус. Это был уникальный правовой документ, который состоял из 4 частей, 43 глав и 372 параграфов. В нем впервые в мировой практике предлагалось юридическое решение проблем народов, в том числе народов Севера и Сибири, образ жизни которых не вписывался в обычные нормы гражданского общества.

[26] Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850) в 1825—1828 гг. занимал пост тобольского гражданского губернатора.

[27] Село Таборы расположено на реке Тавда, ведет историю с городка Таборы, предшествовавшего заложенному в 1594 г. князем Петром Ивановичем Горчаковым городу Пелыму (ныне Свердловская область).

[28] Знаток сибирского летописания Я.Г.Солодкин по этому поводу пишет: «Летом 1593 г отряд князя П.И.Горчакова (оставшегося здесь на воеводстве) и С.Н.Ушакова выстроил у впадения Пелыма в Тавду крепость, сыгравшую немаловажную роль в процессе русской колонизации Сибири» (Солодкин Я.Г. Гарнизон Пелыма в конце XVI в. (формирование и состав) // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 11—12 мая

2007 г.). Курган, 2007. С. 50). Заметим, что в одной из своих многочисленных работ по истории городов Западной Сибири авторитетный исследователь констатировал: «Хронология “поставления” государевыми служилыми людьми городов и острогов в “Закаменьской стране” вскоре после ее “взятия” Ермаком “з дружиною” ввиду малочисленности соответствующих источников во многом остается неясной». Я.Г.Солодкин приводит многочисленные летописные сведения, например, «согласно Книге записной, представляющей старшую разновидность Сибирского летописного свода, Пелым был “срублен” в 1592/93 г. воеводой князем П.Горчаковым»; «В одном списке Головинской редакции свода» сказано, что Пелым возведен в 1593/94 г. П.Горчаковым; из Книги записной «узнаем и о постройке города и острога в Пелыме в 1622/23 г. при воеводе И.Вельяминове местными жителями, тюменцами, верхотурцами и туринцами». Е.В.Вершинин также склонен считать временем основания города указанную выше дату: «Пелым, один из первых русских городков Сибири, с момента своего основания (1593) был призван выполнять стратегическую функцию контроля над ранее воинственными пелымскими и кондинскими вогулами» (Вершинин Е.В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. С. 438). Следовательно, автор отчета был знаком с каким-то историческим источником и датировал основание города почти с поразительной точностью, с учетом того, что и до сих пор имеются разные датировки.

[29] Князя с таким именем С.В.Бахрушин не упоминает, когда пишет: «…на нижней Оби “большим” князем во времена Ермака был кодский князь Алач; ляпинский князь Лугуй объединял под своей властью не только ляпинских, но и казымских и куноватских остяков» (Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935. С. 40). Возможно, здесь имеется в виду Лугай по созвучию с именем Таугай.

[30] Граф Бурхард Кристоф фон Мюнних (нем. *Burkhard Christoph von Münnich*, в России был известен как Христофо́р Анто́нович Ми́них (1683—1767) — российский генерал-фельдмаршал (1732), наиболее активный период деятельности которого пришелся на правление Анны Иоанновны. В 1741 г. с воцарением Елизаветы Петровны Миних был предан суду и приговорен к смертной казни по целой серии ложных обвинений: в государственной измене, в пособничестве Бирону, в мздоимстве и казнокрадстве. Уже на эшафоте он услышал новый приговор: казнь была заменена ссылкой в Сибирь. Там, в деревне Пелым, Миних провел 20 долгих лет. В 1762 г. новый император Петр III возвратил 78-летнего Миниха в Петербург, вернув ему все чины и награды.

[31] Крестьянина звали Антон Васильев Казанцов, см.: Воспоминания пелымского старожила. С. 86.

[32]Автор допускает неточность.

[33] «В конце XVI в. против русского наступления борется князь Аблегирим; когда он и его старший сын Тагай были “изведены”, то пелымские вогуличи “били челом”, чтобы к ним был отпущен его младший сын Таустей и внук Учот, которых они считали законными наследниками» (см.: Бахрушин С.В. Остяцие и вогульские княжества … С. 81).

[34] По сведениям С.В.Бахрушина, «в 1593 г. Пелымское княжество было завоевано, князь Аблегирим со всей семьей попал в плен…» (Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества …С. 79).

[35] «Учот, крещенный в Москве под именем князя Александра, умер; сын его, князь Андрей Пелымский, проживал впоследствии в Пелыме в качестве государева служилого человека. После его смерти в 1631/32 г. там же с матерью и детьми проживал и продолжал служить русским его сын, князь Семен Андреевич, с 1642/43 г. пелымский сын боярский, а с 1654 г. поверстанный в верхотурские дети боярские с довольно высоким окладом» (Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества … С. 81).

[36] «Праправнук Аблегирима был женат на дочери ссыльного литвина Андрея Вернадского, нес обычную службу и совершенно обрусел; он умер в 1665/66 г. Его сыновья — князья Степан и Яков — были в конце столетия детьми боярскими на Верхотурье, а внуки — князья Иван и Василий Яковлевичи — были определены в сибирские дворяне, из них старший перешел на службу в Тобольск (1752), и дослужились один до чина поручика, а другой — титулярного советника» (Бахрушин С.В.Остяцкие и вогульские княжества … С. 81).

[37] «Потомство второго сына князя Осипа Григорьева, Ивана, еще в первой половине XIX в. претендовало на княжеское достоинство, и в 1842 г. праправнук Сатыги, скромный учитель Туринского уездного училища, Александр Иванович Сатыгин исходатайствовал себе утверждение в этом звании» (Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества … С. 88).

Глава 8

ОТЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ О ПРИХОЖАНАХ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В г.ТОБОЛЬСКЕ»)

Сибирь до конца XVI в. населяли идолопоклонники шаманского и буддийского исповеданий и магометяне. С владычеством русских (с 1581 г.) в этих краях появилось Христианство, а с ним и места общественного богослужения. Первые в Сибири церкви появились в Тобольске сразу после того, как город был срублен письменным головой Данилом Чулковым в 1587 г.[1]

В 1620 г. была учреждена Сибирская епархия, кафедральным городом был избран Тобольск. Переименованная в Тобольскую епархия была одной из крупнейших в России и до второй половины XVIII в., совпадала с административными границами Сибирской губернии и включала в себя территорию Урала, Сибири и Дальнего Востока[2].

Указом от 16 декабря 1700 г., содержащим предписания об организации высшего церковного управления, открывается период отношений между церковью и государством в России, который обычно именуется синодальным периодом[3]. Характер источников доказывает, что Русская Церковь вступила в новый период, отличающийся от прежнего времени. Правительство издавало указы и законы, которые касались всей жизни Церкви и контролировали ее[4].

Петр I считал, что Церковь должна была принести пользу государству посредством морального влияния на свою паству и в области образования. Чтобы отслеживать изменения в этих сферах, он ввел в обязательный порядок различные отчеты о моральном состоянии и образованности населения[5]. Отчеты о количестве людей в приходах были также важны для сбора налогов. Необходимость регистрации исповедавшихся, обращения старообрядцев была закреплена в «Духовном регламенте»[6].

Обер-прокурор Святейшего Синода ежегодно готовил всеподданнейшие отчеты, которые делились на две части: первая содержала текст отчета, вторая — статистические таблицы. Неполная статистика отчетов говорит о том, что отчеты из отдельных епархий поступали с запозданием[7]. Многочисленные указы Святейшего Правильствующего Синода, Тобольской Духовной Консистории, Духовных Правлений и предписания благочинных об обязательном ведении отчетной документации и подачи их в срок подтверждают тот факт, что причты тобольских церквей не сразу положительно отреагировали на эти нововведения.

В исследовательских работах историков упоминается об отдельных моментах, связанных с отчетной документацией церквей. Большое количество сочинений по истории христианства в Сибири было написано сибирским историком, богословом и публицистом А.Н.Сулоцким (1812—1884 гг.) на основе дел консисторского архива[8]. Его работы включают анализ одного из отчетных документов церкви — приходских летописей. Работа И.К.Смолича стала первым систематическим капитальным исследованием по истории русской церкви синодального периода[9]. Историк разбирал законодательные и внутренние документы церкви, но был лишен возможности использовать архивные материалы, в которых более полно отразилась реальная жизнь[10]. В 2002 г. М.Ю.Нечаевой был разработан «Предварительный реестр разновидностей массовых источников местных учреждений Русской православной церкви XVIII—XX веков по направлениям деятельности»[11], в том числе и отчетной.

На основе изучения архивных фондов церквей и церковных учреждений, хранящихся в Тобольском архиве, можно констатировать, что комплекс отчетных документов церквей Тобольской епархии включал: исповедные ведомости, метрические книги, списки исповедавшихся и причастившихся, описания прихода села, ведомости о церкви, приходские летописи, подписки и расписки священников о раскольниках, ведомости о сборах и пожертвованиях, обыскные книги, отчеты благочинных и дневники епископов.

Исповедные ведомости (духовные росписи) были одним из основных отчетных документов о прихожанах. Рассмотренные духовные росписи за 1802—1829 гг. практически не отличались

по оформлению, составлялись на один год и содержали 15—25 страниц[12]. Некоторые из этих документов имели обложку (титульный лист), где по центру листа указывалось название документа; село; церковь, в которой они были заведены; год, на который заведены; количество душ мужского и женского пола, зарегистрированных в этом году[13].

На первой странице ведомостей указывалось «Ведомости … села о жительствующих в оном приходе разного звания людей на … год». Исповедные росписи представляли собой две таблицы — основную и итоговую. Основная таблица содержала графы: номер («число») домов; номер («число») по порядку (отдельно мужчин и женщин); перечисление членов семей с надписью «духовные»; количество лет (отдельно мужчин и женщин); «показание действа» в три графы — кто был у исповеди и святого причастия, кто исповедовался, «которые у исповеди не были»[14]. После основной таблицы располагалась итоговая, с названием «итого в … приходе». Таблица содержала информацию по чинам («нижеписанных чинов»): духовных («попов, диаконов, пономарей и их жен и детей»); разночинных («отставных солдат, ямщиков, их жен и детей»); военных («солдат, их жен и детей»); поселян (отдельно «мещан, их жен и детей», «крестьян, их жен и детей», всего). Кроме общего количества людей по чинам (отдельно мужчин и женщин) указывалось количество исповедавшихся и причастившихся и неисповедавшихся (отдельно мужчин и женщин)[15].

Подписывали исповедные росписи священник, диакон («дьячек») и пономарь в конце документа[16]. В росписи за 1820 г. до подписи указано «Съ сих росписей точная копия в хранение при церковном Архивъ оставлена»[17]. С 1822 г. в рассмотренных архивных росписях до подписи добавляется «В чем свидетельствую…»[18].

Причты церквей отправляли исповедные ведомости вместе с рапортом, о чем свидетельствуют записи в архивных документах, например, запись № 70 за октябрь в исходящем журнале Мужеской церкви за 1890 г.[19]

В каждой церкви велась регистрация родившихся, бракосочетавшихся и умерших в форме метрической книги, причем могли составляться три отдельные книги по каждому виду треб. Рассмотренные тетради за 1816, 1819—1821 гг. оформлены единообразно[20].

Тетрадь начинается с надписи «Тетрадь прошнурованная в Березовском Духовном Правлении за силу указа Святейшего Правительствующего Синода 1802 года … 16 дня … церкви священноцерковнослужителям на записку о … прихода о родившихся, браком сочетавшихся и умерших с показанием кем именно из священноцерковнослужителей …»[21]. Метрическая книга (тетрадь) состояла из четырех таблиц. Первая таблица о родившихся содержала графы: число людей (отдельно мужчин и женщин); «число» рождения; «у кого кто родился»; «число» крещения; восприемники (крестные)[22]. Вторая таблица о бракосочетавшихся содержала следующую информацию: номер; «кто именно венчал»; «число венчания»; «кто были поручатели» (свидетели)[23]. Третья таблица об умерших включала: «число» умерших; «число» людей (отдельно мужчин и женщин); «кто именно померли»; «лета» (отдельно мужчин и женщин); «какого болезнью померли»; «кем исповеданы и приобщены»; «где погребены»[24]. Четвертая таблица была итоговой и состояла из следующих столбцов: «новородившихся» (мужчин, женщин, итого); «бракомсочетавшихся» («супружеств», «лица»); умерших (мужчин, женщин, итого); «а умершие следующих лет были» («лета», число людей отдельно мужчин и женщин). После таблиц следует указание, что «с сих троечастных метрик точная копия при церкви оставлена». Подписывали метрики священник, дьячок и пономарь в конце метрик[25].

В 1767 г. Березовское Духовное правление отправило в церкви указы о заведении метрических книг[26], в 1779 г. — указы о том, чтобы сведения в метрическую книгу включать строго в тот год, когда они произошли, «а не в предыдущий»[27], с 1802 г. — «о раздаче по церквям метрические шнуровые книги»[28], с 1807 г. — «о приложении печатной формы для составления метрических книг»[29]. Причем причт церкви был обязан платить за метрические книги 25 коп. медью в 1815—1816 гг.[30], в 1818 г. уже 60 коп.[31], в 1819 г. цена снизилась до 50 коп.[32], в 1821 г. резко увеличилась до 90 коп.[33], в 1822 г. опять упала до 50 коп.[34], в 1823—1825 гг. составила 60 коп.[35] С 1817 г. Березовское Духовное правление требовало кроме метрических книг доставлять реестры «о вновь родившихся детях по полугодно»[36].

Многие из духовенства, венчая брачующихся, крестя младенцев и отпевая умерших чужеприходных (за отсутствием священника в

том приходе), или не записывали требы, или записывали в метриках своих церквей, «отчего после бывала путаница». Когда об этом узнавал преосвященный Амвросий, то он строго запрещал это и указывал правила как в будущем поступать[37].

Духовные правления отправляли каждый год с 1768 г. по церквям указы о доставлении к сроку духовных росписей и метрических книг по окончании каждого года[38], а также указы с 1780 г. с приложением «образцованных» исповедных росписей и метрических книг[39]. После проверки духовные правления отсылали обратно церквям «обревизованные» духовные росписи «для хранения в Архив»[40]. С 1789 г. духовные правления предоставили церквям формы и копии для составления росписей и метрических книг, о чем свидетельствует запись в описи делам, полученным из Духовного правления «по … церкви священно и церковнослужителей с 1750 года» № 8 за 1789 г. Духовные правления сообщали церквям в своих указах о «верности» или «неверности» присылаемых от них росписей и метрических книг[41]. Данную информацию получали причты церквей в 1831 г. уже от благочинного в виде копии с указа Тобольской духовной консистории[42]. Духовные правления призывали заготавливать духовные росписи[43] и метрические книги «заблаговременно», «в начале каждого года»[44]. Требовали с 1814 г. доставлять росписи и метрические книги «самим лично»[45]. Духовные правления призывали в своих указах «о посылаемых указах по получении их в скорейшем времени рапортовать оному Правлению»[46].

В синодальный период строго контролировалось посещение исповеди и святого причастия. В 1716 г. вышел указ об обязательной ежегодной исповеди и о составлении епископами списков тех лиц (подозреваемых в принадлежности к расколу), которые уклонялись от нее. Эти списки доставлялись поповскими старостами не только епископам, но и губернаторам[47]. По «Духовному регламенту» «мирские особы» должны были раз в год принимать святое причастие[48]. По совместному указу Сената и Синода от 16 июля 1722 г. «приходские священники обязывались вести списки прихожан и поименно отмечать приходящих к причастию, ровно как и уклоняющихся от исповеди»[49].

Причты церквей вели «тетрадь для записи бывших и не бывших у исповеди и причастия»[50]. Также могли вести «алтарный

реестр бывших у исповеди»[51]. В 1790 г. по церквям были отправлены указы Духовного правления о том, чтобы «о приходящих к Исповеди и Святому Причастию из других приходов давать письменные свидетельства»[52]. Преосвященный Амвросий (1806—1822 гг.) разослал по церквям составленное им Краткое наставление о том, каким образом действовать священникам, если прихожане не исполняют своего долга бывать ежегодно у исповеди и святого причастия[53].

Исповедные росписи, метрические книги и списки исповедавшихся и причастившихся служили основой для составления следующего отчетного документа.

Сведения о прихожанах, вместе с другой информацией о приходе, записывались священниками в документе «Описание прихода … села … уезда, составленное священником …». Архивный документ за 1785—1904 гг. представляет собой тетрадь и содержит пять разделов, пронумерованных римскими цифрами: приход, приходской храм, причт церковный, прихожане, церковно-приходские учреждения. Раздел «Прихожане» начинается с информации о том, в каком году образован приход, с какого года существует школа и на какие средства она содержится. Далее следует таблица «выписка из росписей», заполнявшаяся раз в пять лет и содержащая следующие столбцы: годы, количество исповедавшихся и причастившихся, только исповедавшихся, малолетних, в отлучке, «по нерадению», итого (отдельно мужчин и женщин). Под таблицей размещена итоговая запись — на сколько человек увеличился приход за весь период. После расположена таблица «выборка из метрики», заполнявшаяся раз в десять лет, и состоявшая из граф: годы, родившихся (отдельно мужчин и женщин), браков, умерших (отдельно мужчин и женщин), замечания. В конце раздела указана сводная информация о внешнем, экономическом, религиозном быте прихожан, их нравственности и умственном развитии. Интересна запись в описании прихода села Чемашевского Березовского уезда за 1904 г.: «Грамотных в приходе 31 человек и 3 инородца, что составляет 19-ю часть прихода. К образованию крестьяне относятся недоверчиво…». Документ подписывал священник[54].

Следующий отчетный документ — ведомости о церкви — схож с описанием прихода, но содержит меньше информации о

прихожанах. Ведомости о церкви за 1905 г. состоят из трех разделов: о церкви, причте и прихожанах[55]. Раздел «о прихожанах означенной церкви» представлял собой таблицу со следующей информацией: в каких местах и какого звания прихожане; число дворов; число душ (отдельно мужчин и женщин); в каком расстоянии от церкви и нет ли препятствий в сообщении. Ведомости подписывали в церкви священник, псаломщик, а когда она попадала к благочинному, то и благочинный[56]. По другим источникам, данный раздел ведомости могли вести отдельно и называть «ведомость о людях разного чина, населяющих приход» (ведомость прихожан, ведомость по учету домов и душ обоего пола прихода, ведомость о состоянии народонаселения, список православных жителей)[57].

К отчетным документам можно отнести и приходские летописи. В церквях Тобольской епархии приходские летописи существуют с середины XIX в., здесь они были заведены по двукратным предписаниям архиепископа Георгия Ящуржинского (1845—1852 гг.) от 25 ноября 1845 и 10 декабря 1847 гг[58]. Преосвященный Георгий составил программу для ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии, которая содержала восемь пунктов:

1) год создания прихода, первоначальное количество дворов и душ, а также ежегодное их прибавление;

2) год постройки церкви, во имя какого святого, каменная или деревянная, с чьего благословления, на чей счет и сколько стоило, грамоты и угодья при ней;

3) ежегодный доход церкви, количество денег, ушедшее на церковное устройство и благолепие;

4) все прошлые и настоящие священноцерковнослужители и их доход;

5) ежегодное количество рожденных, бракосочетавшихся и умерших;

6) благодетели и приношения прихожан;

7) ежегодная динамика нравственного состояния прихожан в исполнении обязанностей христианских;

8) особенные случаи, например, приезд значительных особ, или подвиг, искусство, изобретение прихожан, а также происшествия[59].

Информацию для написания четвертого пункта программы священники могли взять из клировых ведомостей, для пятого — из метрических книг.

Преемники архиепископа Георгия поддерживали эту традицию, просматривая летописи при посещении церквей во время ежегодных обозрений епархии[60].

Исследователь истории русской церкви в Сибири А.Н.Сулоцкий в своем труде 1866 г., имея достоверные сведения, указывал, что только в некоторых церквях летописи составлены и ведутся исправно, в остальных либо «кое-как» (по непривычке причтов к историческим, археологическим и статистическим трудам), либо «при первом их составлении почти совсем забыты» (в отдаленных приходах)[61].

С середины XVIII в. по причине борьбы с расколом и для регистрации раскольников, а также контроля за их количеством со всех священников собирали подписки о живущих в их приходах раскольниках и о рождающихся у них детях[62], а также расписки священников об отсутствии в их приходах раскольников[63].

Причт церкви был обязан вести учет сборов и пожертвований в виде «ведомостей о сборах и пожертвованиях»[64] и отправлять их в вышестоящие церковные органы. Березовское духовное правление обратило к церкви указ от 13 ноября 1813 г. № 299 о том, чтобы «о пожертвовании написать, кто чем пожертвует единовременно или ежегодно»[65]. Для сбора податей заводили «сборную», «шнуровую записную книгу», которую выдавала причту церкви канцелярия архиепископа. Этот факт подтверждают архивные дела, например, «Дело о отдаче сборной книги Березовского села д.Дубровой к Троицкой церкви» за 1748 г.[66]

Тобольская духовная консистория требовала через благочинных в копиях своих указов «листы для пожертвований в пользу вдов и сирот духовного звания высылать до истечения, а не по окончании года»[67]. В церквях велись различные списки, реестры для записи пожертвований отдельно для каждой цели. Например, в фонде Кладбищенской церкви хранится «запись пожертвований в пользу православных поклонников в Палестине 1859—77»[68]; в фонде Сретенской церкви — тетради и книги для записи поступлений денежных приношений и пожертвований на восстановление православия на Кавказе[69], на построение православных церквей

и школ в Западных губерниях[70], на распространение православной веры среди язычников[71], а также в пользу больных и раненых воинов[72].

Прихожане церкви помогали причту содержать храм в добровольном или принудительном порядке, о чем свидетельствуют различные документы церквей. В фонде Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви был найден «материал по обложению верующих на содержание храма», в фонде Полноватской Богородице-Успенской церкви — «реестр прихожан, платящих на содержание храма»[73].

Данные о количестве браков, брачующихся в приходах содержатся в обыскной книге, которая состоит из обысков — аналогичных записей о даче разрешения на бракосочетание причта церкви[74]. Рассмотренная обыскная книга начинается с названия «Книга учиненная и пронумерованная Тобольской Духовной Консисторией За Силу Указа Святейшего Правительствующего Синода мая 16 числа 1802 года Тобольского … села … церкви…»[75]. Заканчивается книга итоговой записью: «Итого в сей книге пронумерованных листов числится …» и подписью священника церкви[76].

Некоторые исследователи к отчетным документам, содержащим информацию о приходах, в том числе и о прихожанах, относят отчеты благочинных и дневники епископов, которые велись во время обозрения церквей[77]. Обязанность архиереев «объезжать свои епархии не реже одного раза в два-три года» законодательно закрепил указ Сената от 22 января 1716 г.[78]

Рассмотренные отчетные документы церквей Тобольской епархии о прихожанах содержат бесценную информацию по социальным, демографическим, миграционным процессам. Данная документация также может использоваться в генеалогических исследованиях. Законодательное закрепление указами Святейшего Правительствующего Синода обязательного ведения и форм церковных документов позволило сохранить до наших дней этот комплекс исторических источников.

Примечания

[1] Сулоцкий А.Н. Сочинения: В 3 т. / Под ред. В.А.Чупина. Тюмень, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири. С. 18. (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»).

[2] История Епархии URL: http://www.tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?id=t1_1.
[3] Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 71.
[4] Там же. С. 40.
[5] Там же. С. 65.
[6] Там же. С. 69.
[7] Там же. С. 45.
[8] Сулоцкий А.Н. Сочинения. Т. 1. С. 6—7.
[9] Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. С. 5.
[10] Там же. С. 10.
[11] Предварительный реестр разновидностей массовых источников местных учреждений Русской православной церкви XVIII—XX веков по направлениям деятельности (составитель Нечаева М.Ю.) Екатеринбург, 2001—2002. URL: http://www.atlasch.ru.
[12] Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 130. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—653.
[13] Там же. Л. 121.
[14] Там же. Л. 1.
[15] Там же. Л. 2.
[16] Там же. Л. 1-653.
[17] Там же. Л. 442.
[18] Там же. Л. 585—653.
[19] Там же. Ф. 700. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
[20] Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—34.
[21] Там же. Л. 6.
[22] Там же. Л. 6—7.
[23] Там же. Л. 7.
[24] Там же. Л. 8.
[25] Там же. Л. 9.
[26] Там же. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[27] Там же. Л. 5.
[28] Там же. Л. 12,16.
[29] Там же. Л. 14.
[30] Там же. Л. 19,20.
[31] Там же. Л. 21.
[32] Там же.
[33] Там же. Л. 22.
[34] Там же.
[35] Там же. Л. 23,24.
[36] Там же. Л. 20.
[37] Сулоцкий А.Н. Сочинения. Т. 2. О сибирском духовенстве. С. 600.
[38] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 3, 6, 7, 9.
[39] Там же. Л. 5, 7, 8.
[40] Там же. Л. 6, 7, 22, 23, 24, 25.
[41] Там же. Л. 15, 17, 21.
[42] Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
[43] Там же. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

[44] Там же. Л. 17.
[45] Там же. Л. 19, 20, 21.
[46] Там же. Л. 7, 13.
[47] Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. С. 76.
[48] Там же. С. 99.
[49] Там же. С. 105.
[50] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 700. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—37.
[51] Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 69. Л. 1—33.
[52] Там же. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 8
[53]Сулоцкий А.Н. Сочинения. Т. 2. С. 598.
[54] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 710. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—20.
[55] Там же. Ф. 700. Оп. 1. Д. 32. Л. 1—4.
[56] Там же. Л. 4.
[57] Предварительный реестр ...
[58] Сулоцкий А.Н. Сочинения. Т. 1. С. 409.
[59] Там же. С. 410.
[60] Там же. С. 409.
[61] Там же. С. 410—411.
[62] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 736. Л. 21.
[63] Предварительный реестр...
[64] Там же.
[65] ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
[66] Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 293. Л. 1—4.
[67] Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
[68] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—290.
[69] Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—30.
[70] Там же. Д. 21. Л. 1—21.
[71] Там же. Д. 22. Л. 1—17.
[72] Там же. Д. 31. Л. 1—2.
[73] Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
[74] Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—83.
[75] Там же. Л. 1.
[76] Там же. Л. 83.
[77] Предварительный реестр...
[78] Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. С. 78.

Глава 9

ИСТОЧНИКИ О ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.

О, мои детушки сердечные,
Не на учение вас везут,
А на мучение бесконечное!
О, мои детушки, милые лебедушки!
Лучше было вам не родитися на сей свет,
А хотя и родитися,
Тот же час киселем задавитися
И в воду утопитися;
Лучше бы вас своими руками в землю закопал;
Чем в семинарию на муку отдал!

Безыскусные стихи пономаря, у которого насильно отобрали детей для церковного обучения, как нельзя лучше отображают восприятие людьми традиционной культуры[1]. Обучение детей вне дома тогда было почти трагедией. Для нас важно понять, каким образом в общественном сознании постепенно трансформировались образы самой учебы и учителей на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. Анализ данной проблемы осуществлен с преимущественным использованием исторических источников, имеющих отношение к Зауралью — пограничной территории Пермской и Тобольской губерний.

Как известно, в аграрном обществе носитель абстрактных знаний воспринимался как существо, приобщенное к сакральному миру. Для обычного человека такая близость таила опасности. В глазах простых обывателей грамотный человек был сродни колдуну, попу, чиновнику, бывалому солдату (именно отставные солдаты нередко и преподавали грамоту в сельской местности). Принадлежность к некоему непонятному сообществу маргиналов определялась как частичным исключением из низового мира традиционной культуры, так и тяготением к верхнему миру официальной дворянской культуры. Начиная с Петра Первого, приобщение к западноевропейским нормам стало своеобразным социальным

маркером, отличающим благородное сословие от простонародья. Получение официального образования давало реальную возможность войти в состав господствующего класса.

Данное обстоятельство было отмечено многими исследователями. Так, Эрнст Геллнер фиксирует место системы образования в агро-письменном обществе: «Грамотность усугубляет свойственную этому обществу статусную дифференциацию. Она является результатом упорного и довольно длительного посвящения, называемого “образованием”. Аграрное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уже о том, чтобы она стала всеобщей. Общество распадается на тех, кто умеет читать и писать, и на тех, кто этого не умеет. Грамотность становится знаком, определяющим положение в обществе, и таинством, дающим пропуск в узкий круг посвященных. Роль грамотности как атрибута статусных различий становится еще более ярко выраженной, если на письме используется мертвый или какой-нибудь специальный язык: письменные сообщения отличаются тогда от устных не только тем, что они написаны. Благоговение перед письменами — это прежде всего благоговение перед их таинственностью»[2].

Со временем социально-экономические процессы вступали во все больший конфликт с устаревшими культурными нормами и компонентами общественного сознания. Обычно его острота находилась в прямой зависимости от территориальной локализации. Чем далее от центра к периферии находилась та или иная местность, тем жестче там были культурные противоречия. Приметами обновления стало постепенное распространение грамотности. Ее шествие с неизбежностью сопровождалось началом культурного конфликта. Старательное, но неизбежно поверхностное восприятие далекой столичной культуры могло породить у образованного провинциала чувство неудовлетворения, жажду знаний, желание уехать, иногда — превосходство над окружающими и их жизнью.

На уровне обыденного сознания такое поведение индивида осуждалось. «Серьезных книг не любили и на людей, любивших читать, смотрели враждебно, называли их “умниками” и “вольнодумцами”, и они были на плохом счету у начальства и общества» — так описывает В.Верхоланцев быт дореформенной Перми. Впрочем,

дозволялось читать глупейшие романы, вроде «Тайн Мадридского двора», которые в изобилии доставлялись молодежи услужливыми коробейниками из Ярославской и Владимирской губерний. У них бойко расходились молитвенники, поминальники, песенники, оракулы, сонники и т.д. По городу распространялась и переписывалась нелепая молитва с надписью: «Кто перепишет эту молитву, будет ежедневно читать и даст другим списать, получит отпущение грехов». Тех, кто увлекался серьезным чтением, предостерегали, чтобы «не зачитался»[3]. Предостережения были отнюдь не напрасными. По сведениям В.Иконникова, ирбитский мещанин В.А.Кондыбаев, окончивший малое народное училище в 1811 г., «очень много читал на своем веку, так что прозвали его книжником. Ему известны многие книги мистического содержания, которые в двадцатых и тридцатых годах читались с жадностью и в Ирбите. В беседах с нами он часто упоминал и Юнга-Шталлина и Фосса и др. мистиков»[4].

Итак, применительно к нормам патриархальной культуры грамотный человек мистически (полностью или частично) исключал себя из обыденной жизни. В глазах обывателей он становился носителем реальной или потенциальной угрозы. Наличие этой, некогда существовавшей, но уже изжитой, угрозы иронически обыгрывается в рассказе С.Елпатьевского «Спирька»: «Был в Загорске старичок, секретарь съезда мировых судей, который лет тридцать описывал в губернских ведомостях загорские древности, — смирный был старичок и ничего страшного в себе не имел. Изредка какой-нибудь проходимец, как говорили у нас в Загорске, в столичной газете опишет какой-нибудь “случай” — вымажут купеческие сынки дегтем ворота какой-нибудь загорской барышне, случится рукопашная в чернопузовском трактире. Еще и весело. Номер истреплется, по рукам ходя, а в чернопузовском трактире недели две “пропечатанного” обывателя дразнят»[5].

Носитель грамотности, как обладатель особых свойств должен был подтверждать их наличие. Так в воспоминаниях польской ссыльной Эвы Фелиньской колоритно описывается переплетение традиционных и рациональных черт в культуре жителей Березова. Достаточно ярко это проявилось на открытом экзамене в городском училище в 1840 г.: «Собравшиеся в один коллектив все чиновники и вся местная аристократия слушают сквозь дрему

вопросы учителя и ответы учеников, которые им абсолютно непонятны, после чего, как пройдет их очередь ставить свою подпись, они смачно съедают приготовленный завтрак, запивая его вином и наливками. Это торжество заканчивается обычно к удовольствию обеих сторон, и особенно учеников, освобождаемых на пару месяцев от всех обязанностей.

Один достаточно забавный случай дает представление о науках в Березове. Вакулиньски, приглашенный вместе со всеми чиновниками на экзамен, осмелился задать одному ученику вопрос о дробях. «Приглашенные гости, протрезвев от такой новости, вытаращили глаза на Вакулиньского, не понимая, как этот профан посмел проникнуть в тайну, доступную только самим посвященным. Прежде чем Вакулиньски вышел из школы, по Березову разнеслась стоустая молва, что Вакулиньски знает дроби. Когда он возвращался в свою квартиру, дорогу ему перебежал один купец, спрашивая, правда ли то, что говорят, — что Вакулиньски знает дроби. На утвердительный ответ купец бросил ему вопрос, сколько дробин в “четверти”? Другие, окружившие его на улице, забрасывали подобными же вопросами»[6].

Прежние патриархальные ценности (и в сельской местности, и в городах) со временем уступали место жестким нормам индустриальной эпохи. После отмены крепостного права экономические условия настоятельно требовали подготовки большого числа профессионально образованных людей. Теперь грамотный человек в провинции должен был выйти из своего закрытого мира. Преодоление его отчуждения от локального социума не могло произойти само по себе, механически. Окружающим населением интеллектуал по-прежнему воспринимался как чужак, наделенный сверхъестественными способностями. Но теперь он уже «сходил с небес» к простым людям. Энергетика такого пассионария расходовалась на преобразование обыденного мира, при необходимости — насильственное.

Источники пореформенного периода позволяют детально осветить проблему «изнутри» — глазами современников и участников. Если люди того времени были самыми неравнодушными действующими лицами одной из интереснейших драм российской истории, то почему бы и не предоставить им возможность высказаться? Оптимистические ожидания и их столкновение с грубой

действительностью передают частично опубликованные нами «Записки учительницы. Быт и нравы крестьян и положение учителя на селе»[7]. «Записки» созданы на юге Зауралья и в них многое умалчивается. В частности, не сообщается имя учительницы. По упоминаниям сокращенных названий географических пунктов можно предположить, что это село находится в 15 верстах от Окуневки (в тексте — «Ок-и»)[8].

Учительница — скорее всего, городская девушка, сразу же вызвала открытое недоверие у немногочисленной местной сельской верхушки. «Расспрашивали меня много о моей жизни дома, о приданом, о знакомых, о женихах, — пишет она в своих записках, — спрашивали, отчего это у меня волосы острижены, это де нейдет к благовоспитанной девице <…>». В свою очередь новоприбывшая была шокирована сельскими реалиями. «С месяц прошло, как я приехала сюда. Как это все удивительно, все начиналось с меня и моей школы. И люди-то не люди, а просто животные, да еще самые грубые, к сожалению. Поп, например, такой черствый, сухой и жесткий человек, к нему именно эти качества только и подходят и как нельзя более определяют его наружный и внутренний мир».

И в последующем у начинающего педагога не изменилось отрицательное отношение к окружающим: «Но и после того я никого здесь не встретила подходящего, т.е. подходящего под мерку моих пониманий о человеке. Они все ужасно невежественны, смотрят на предмет только с физической стороны, видят только наружность». Автор записок дает яркие и достаточно язвительные характеристики «сливок общества» из сельской глубинки: «Дом у попечителя очень богатый, но безвкусно убранный, везде почти, т.е. в каждой комнате сундуки различной формы и величины, свидетельствующие о приданом толстой дочки». Очень колоритны психологические зарисовки лиц, присутствующих на экзамене в конце учебного года: «потом — наш мерзкий законоучитель еще один поп (свинья — к слову сказать), какие-то писаря, два учителя, одна учительница, а затем целый батальон попадей и писаршей с детьми».

Доставалось и коллегам. Один из учителей был «молодой богослов, учившийся в семинарии, оставивший службу, после экзаменов женившийся <…> После об нем я слышала, что это патентованный

негодяй и все-таки дурак, т.е. я хочу сказать, что отъявленные хитрые негодяи бывают обыкновенно в то же время люди простые, а дурак — дурак просто напросто <…> теперь, говорят, такие проповеди сказывает, что уши вянут». Особую неприязнь у героини вызывали преподаватели-священники. «Законоучители, это я уже говорила, что за народ — все на одну мерку. Один, о.Василий, большущий, противный. С ним-то священник очень красивый, хоть и неприятный, без бороды, без бровей, без ресниц, у какой отвратительный! Голос хриплый от пьянства, лицо красное, манеры, ах, что за манеры!… И олух такой, что беда».

Все же семнадцатилетняя, крайне резкая в оценках девушка приехала на село не критиковать, а работать. Видимо, очень скоро по прибытии, она и сама удивлялась ранее принятому решению. Особенно сильны были первые впечатления. У детей — от учительницы в шляпке с вуалью, у учительницы — от детей: «Я едва разглядела желтые лица и косматые головы моих будущих питомцев. Никогда не забуду этих, когда я увидела их в первый раз в жизни шагнув в деревенскую народную школу, неопытная, наивная, сама почти только что со школьной скамьи и не видав даже хорошенько не одного ребенка из захолустной первобытной деревни». В школе было холодно, дети сидели в зимней одежде: «это были немытые, нечесаные черноголовые мальчуганы лет от 6 до 12. Меня поразили их глупые лица с серыми, черными, синими глазками с открытыми нечистыми ртами и с крайне недоуменным выражением. Все лица были некрасивы, бледны и тупы…».

Что представляла собою деревенская школа, в которой предстояло работать учительнице? Это был «довольно большой дом отдельно от деревни на холме над рекой с большими окнами с крашеной салатной вывеской», окруженный оградой. Внутри находились «залитые чернилами скамьи», «переломанные парты», вся обстановка дополнялась «грязными до невозможности полами». Беспорядок не испугал новоприбывшую и она начала действовать. «Прежде всего я заставила вымыть и вычистить школу, перебрала всю скудную ученическую библиотеку, покрытую вековой пылью, переписала ее, выбросила многие сказки вроде “Марья-Моревна, Прекрасная королевна” и др., более чем невозможные». Попечителю была дана заявка на новое оборудование для школы.

Примечательна бескомпромиссная борьба нового педагога с детскими сказками. Для юной городской девушки они олицетворяют патриархальное сельское бескультурье, которое подлежит быстрому решительному изменению через насаждение рациональных знаний. «Затем принялась я за учеников, — пишет далее учительница. — Дети были подстрижены, грязным рукам объявлена решительная война. В месяц все действительно стало по-новому, но и продолжалось это счастливое время едва ли больше месяца… Начальники мои ужасно косились на мои порядки и городские моды, поговаривали, что сама, мол, остриглась и крещеных стрижет, что толку от меня не будет, что едва ли я долго продержусь». Учительнице могли и прямо указать на бесцельность ее хлопот: «”Это Вы куда же джентльменов-то приготавливаете?” — ехидно спрашивает, например законоучитель, презрительно на меня смотря и покручивая усы».

Непонимание окружающих и фактическая изоляция в среде немногочисленных грамотных людей на селе порождали у учительницы психический дискомфорт, потребность общения с представителями единой культуры. Однако знакомство с коллегой из соседнего села душевного облегчения принести также не могло: «Он много знал людей, много сравнительно ездил, рассказывал мне самые ужасные пошлости из сельской жизни…». Скорее всего, в своих беседах критически настроенный учитель не смог соблюсти чувство меры, не старался учесть возраст и жизненный опыт собеседницы. Видимо увлекшись, он повествовал не только о кулаках, «эксплуатировавших глупых и грубых крестьян», но и поведал историю о некоем пауке-писаре. В его рассказе описана жуткая сцена убийства крестьянами и писарем его же служанки-любовницы вместе с новорожденным сыном.

Не случайно, вернувшись после четырехнедельных весенних каникул, «пока мальчики бывают заняты первой весенней работой на полях — боронят и пашут», учительница была настроена на скорейшее посещение города. «А как надоело здесь, как хочется домой в город! Какое счастье будет оставить хоть на 3 месяца эту адскую жизнь. Теперь на досуге стану припоминать деревенские сцены» — пишет она. И описывает на нескольких страницах всеобщее пьянство в Николин день.

Какими психическими качествами обладала эта юная учительница? Нацеленностью на преобразования, независимостью, критическим настроем, абсолютизацией рациональных начал. В просвещенном XIX в. таких людей именовали носителями культуры, «культуртрегерами», а применительно к былинной эпохе — культурными героями. Во все времена для героев (героинь) были характерны ориентация на собственные силы и самоуверенность, вплоть до агрессии. Для отживших норм они выступали отчасти палачами. Их повышенная энергетика, пассионарность расходовались не столько на созидание нового, сколько на уничтожение старого. Неизвестно, что стало с автором записок, которые велись в 1886—1887 гг. Возможно, она вернулась в город, но могла трудиться и далее в деревне.

В последнем случае жизнь сельского интеллигента, не расставшегося со своими идеалами и не опустившего руки, но придавленного деревенской действительностью, нередко превращалась в жертвенный акт. Деятельные, напористые, сильные духом учителя со временем перевоплощались в беззаветных тружеников, сильных своей самоотверженностью, ставших образцами для подражания, но неспособных изменить существующий порядок вещей в этом мире, и беспомощными в повседневной, грешной жизни. В период поздней античности и Средневековья такие психические установки были присущи монахам, в предельном основании — святым.

И действительно, публицистика второй половины XIX — начала XX вв. была переполнена описаниями тяжести и жертвенности педагогического труда, сетованиями на незавидную участь деревенских учителей. Особенно тяжело приходилось женщинам. Педагогическая профессия в сельских местностях означала территориальный отрыв от культурных центров. Так, например, по сведениям газеты «Сибирский листок» от ближайшего села в Кондинском крае (Болчары) до Иртыша, где ходили пароходы, путь по рекам составлял 200 верст. От самого дальнего села расстояние составляло уже 500 верст. «Таким образом, — делал вывод автор газетной заметки, — чтобы добраться только до ближайшей пристани на р.Иртыше, а потом обратно к месту служения, нужно израсходовать, по меньшей мере, одну треть своего годового жалования или забыть о своих духовных и человеческих

запросах и потребностях, забыть о том, как велик мир Божий, забыть об общении с себе подобными, замуроваться навсегда в кондинских дебрях, обратиться в первобытного человека и вести такую же звериную жизнь, какой живет темное население»[9].

Жизнь провинциальных интеллигентов оценивалась в общественном сознании как пребывание в культурной пустыне, близкое к монашескому подвигу, как почти неизбежное вынужденное существование без семьи. Кем предстает провинциальный учитель в общественном мнении? Посредником, подвижником, обязанным через образование нести людям добро. Образ носителя знаний тогда устойчиво связывался с фигурой девушки-учительницы, чистой и лишенной недостатков. Между тем, большинство учительниц на селе были выходцами из городов. Попав в непривычную для них деревенскую среду, они оседали там на десятилетия, нередко пожизненно.

О дальнейшей нелегкой судьбе сельской учительницы написала в пронзительном стихотворении, опубликованном в «Тобольских епархиальных ведомостях», педагог Христина Игнатова:

Многие годы трудилась она
Честно на ниве народной,
Только теперь уж она не нужна.
Где-ж ей укрыться, бездомной?
Старость пришла, и недуг истомил,
Зренье давно притупилось.
Светлый же разум ей не изменил,
Память еще сохранилась.
Слабая, с грудью усталой, больной
Скоро возьмется за прежний свой
Труд где-нибудь в деревушке глухой —
Труд ей знакомый, приятный.
В тесной избе у большого стола
Кучка детей приютилась.
Сколько восторга и сколько тепла
В глазках у них отразилось!
Если она за кусок и за кров
Стала учить этих малых,
Снова ей путь осветила любовь —

Сил не жалеет усталых.
Сеет незримое семя она,
Души детей зажигает.
И от глубокого, долгого сна
Темный народ пробуждает.
В тесной крестьянской лачуге сырой
Странница тихо завянет,
Имя бездомной народ молодой
С чистой любовью помянет[10].

В стихотворении отображены как стереотипы, которые сопровождали образ педагога, так и реальное тяжелое материальное положение сельских учителей. По сравнению с их благополучными городскими коллегами, особенно в средних учебных заведениях, учителя сельских начальных школ получали незначительное жалование. Разрыв в годовой заработной плате мог превышать сотни рублей[11]. Характерный пример приводится в одной из заметок «Тобольских епархиальных ведомостей» под заголовком «Картинка с натуры (Из действительной жизни)». Учитель церковной школы, с жалованьем 10 рублей, которому крестьянин сшил в долг сапоги, не смог вовремя вернуть деньги. Сельский сход решил: сапоги у учителя отобрать. Положение спас проезжавший уездный наблюдатель. Священник заплатил необходимую сумму[12].

Недостаток средств не позволял большинству сельских учителей приобрести собственное жилье. Стоимость хорошего дома доходила до 2—3 годовых заработков сельского учителя[13]. Но приобретать жилье, как правило, не имело смысла. По указу начальства, не считаясь с желанием учителей, их легко могли перевести на работу в другую школу. Часто учителя жили в неприспособленном помещении школы, которое они сами обустраивали, как могли[14]. Судя по дошедшим воспоминаниям, большинство из них мечтало перебраться в город, или хотя бы работать поближе к городу, но это удавалось далеко не всем. Сельские учителя не во всех случаях могли рассчитывать на пенсию. И даже достигнув преклонных лет, они еще были вынуждены работать, чтобы не умереть с голоду.

Корреспондент газеты «Сибирский листок» (г.Тобольск), укрывшийся под псевдонимом «Z», в 1908 г. сокрушенно отмечал беспомощное положение, «в котором находятся старушки-учительницы. Начавши службу в семидесятых годах с жалованием по 8 рублей в месяц, они, конечно, не могли сделать сбережений, нуждаясь материально, они не могли выписывать газет и следить за развитием общественной и общегосударственной жизни. Возбуждая ходатайство о пенсии, они надеются, что им в этом поможет начальство, но начальство возвращает им прошения и просит указать те статьи и параграфы закона, на основании которых возбуждается ходатайство. Но откуда им знать эти законы? Так-то учительский труд, доставляя скудное пропитание, когда человек еще может работать, совсем не дает средств к существованию, когда силы истощатся. И трудовая без радостей, жизнь заканчивается еще более безотрадною старостью»[15].

Борьба с невежеством и тьмой, приближение света, просвещение, утро, пробуждение — вот те клишированные характеристики и категорические максимы, которыми характеризовали современники труд образованных и деятельных людей в деревне. Касалось это не только учителей. В 1913 г. курганская «Народная газета» опубликовала некролог «Памяти Феоктисты Ивановны Кочешевой». В некрологе кратко рассказывалось о жизненном пути и нравственных ценностях подвижницы из с.Носково: «Покойная принадлежала к числу тех культурных тружеников, настоящая оценка жизни и дел которых наступает после их смерти. Только в этот момент общество познает величину утраты таких людей. Обеспеченная значительным количеством земли, доставшейся ей по наследству, интеллигентная (Феоктиста Ивановна окончила Тобольскую Мариинскую школу и много читала), она отказалась от личной жизни и пошла в деревню на 5 рублей жалования служить сельским писарем». Прослужив до преклонного возраста и сельским писарем, и счетоводом в кредитном товариществе, «Феоктиста Ивановна умерла, не оставив после себя никаких средств. Всю свою землю она продала в разное время носковским крестьянам и все полученные деньги раздала им же»[16].

Мотив безрадостной жизни провинциальной учительницы присутствует в литературном этюде А.Г.Туркина «Именинница», опубликованном в «Екатеринбургской неделе». Дочь мелкого

чиновника заканчивает гимназию. «Перед ней открывалось давно желанное поприще… Ее давнишняя мечта, ее дорогая дума исполнилась, и много было восторгов, когда ее назначили учительницей прогимназии в один уездный город. Но в то же время ее посетило глубокое горе. Старый чиновник умер, и когда его унесли на кладбище, то она почувствовала, что в ее молодой жизни что-то оборвалось… Скоро за старым чиновником последовала и его жена. Теперь она настоящая сирота. И молодые иллюзии, столкнувшись с действительностью, разлетелись как тучки…

Оставшись совсем одинокой, она всю душу отдала любимому делу. Да, она поработала. И сегодня ей ясно становится, что жизнь не прошла даром, но в то же время ей кто-то шепчет, что в жизни ее многого и многого недостает… Не было того лучезарного, упоительного составляющего полноту жизни, того, о чем когда-то она так робко грезила, с внезапно вспыхнувшим пламенем на лице и страстным, до боли сладким замиранием в сердце… Она не любила… Тридцать пять лет, и она не испытала любви!.. Тридцать пять лет прошло! Она судорожно сжала руки и, смотря широко раскрытыми глазами в пространство, прошептала с отчаянием:

— Господи! Для чего же была молодость-то!..»[17].

В жизни могли реализоваться и худшие варианты. У писателя М.Е.Салтыкова-Щедрина в произведении «Мелочи жизни» есть небольшая трагическая глава «Сельская учительница». Девушка-педагог была соблазнена приезжим помещиком. Забеременев и оказавшись во враждебном сельском окружении, она покончила жизнь самоубийством[18]. Возможное вступление в брак сельского учителя не только не снимало проблем, а напротив, увеличивало их. «Обремененный семьей, пришибленный тяжелой борьбой за существование, забитый трудом, всегда нуждающийся в самых первых потребностях, ответственный за горькую участь своих детей, едва плетется он по узкой житейской тропинке. Безнадежно смотрит вперед, потому что там, как для других чиновников, не блещет для него луч надежды на лучшее будущее. Обеспечение он получает гораздо меньше масленщика при паровой машине, а между тем ему вверены сотни детей будущих граждан — думских деятелей», — писал в «Тобольские губернские ведомости» И.Я.Словцов[19].

Возникающие аллюзии с образом святого далеко не случайны. Учитель, как и святой, должен был гармонизировать грешный мир, облагораживать его. Подобно святому, он также находился в зоне риска. Характерно, что в образовании тогда видели своеобразный фильтр, отчуждающий человека от повседневного аморализма и серого обыденного существования. Педагогу, выступающему за добро, но сражающемуся со злом, постоянно угрожали материальные проблемы, возможные обман и насилие со стороны местного населения.

Возле речки, возле мостик,
Возле речки, возле мостик,
Возле речки, возле мостик
Близ Урала
Школа земская стояла,
Школа земская стояла,
Школа земская стояла
Да упала.
Собралися, порешили,
Собралися, порешили,
Собралися, порешили,
Как ее поставить.
Обсудили, порешили,
Обсудили, порешили,
Обсудили, порешили,
Так ее оставить.
А на место школы,
А на место школы,
А на место школы
Кабачок поставить.
Эх ты, мать ты, Русь святая,
Эх ты, мать ты, Русь святая,
Не умом живешь ты —
Водкой.

Эта песня была записана В.П.Бирюковым[20]. Она сложена в подражание народной песни «Возле речки, возле мосту» и, судя по источниковедческим разысканиям, пользовалась популярностью. В одном из вариантов школа и кабак существуют параллельно.

Кабак ремонтируют всем миром, но если «Разобьется стекло в школе, / Сам учитель его вставит поневоле»[21].

Здесь характерна новация: замена привычного противостояния: церковь — кабак. На место церкви пришло другое учреждение, так же не от мира сего, — школа, со своим служителем — учителем. Он — тот персонаж, который не пользуется и, видимо, не должен пользоваться поддержкой местного населения. Для образа учителя лучший способ существования — изоляция либо контакты с избранными, с безгрешными детьми. От любого неосторожного шага он мог потерять свои сакральные свойства и перевоплотиться из подвижника в имитатора, актера.

Общественная мысль зафиксировала, что рядом с подвижниками, чья жизнь была озарена подвижническими, просветительскими идеалами, преспокойно существовали и приспособленцы. Педагогическая деятельность в стране, где грамотных людей не хватало, давала относительные стабильность и иллюзии благополучного существования. Она возвышала человека в социальном плане.

Престижность профессии привлекала в ее ряды и тех, кто не обладал необходимыми навыками. В 1881 г. на страницах газеты «Екатеринбургская неделя» был опубликован едкий памфлет «Как я добилась звания учительницы». Автор, скрывшийся за псевдонимом «учительница Пустошева», высмеивает негативные черты, присущие некоторым преподавательницам сельских школ. Эта газетная заметка удивительным образом пародирует «Записки» учительницы, написанные позднее. Невольно возникающие аллюзии вызваны совпадением ряда бытовых деталей и действующих должностных лиц. Вымышленная учительница Пустошева считала себя дочерью «благородных родителей», поскольку ее отец-дьякон заглядывал в поисках выпивки в погребки, «а это признаки цивилизации в городе».

Проучившись шесть лет в женском одноклассном училище, она была вынуждена, поскольку «замуж не берут», сдавать экзамен на звание сельской учительницы. Не сумев ответить ни на один вопрос членов экзаменационной комиссии, приятелей ее отца, девушка все же получила необходимое свидетельство. Затем ее направили работать учительницей в сельское училище, причем к пермякам, языка которых она не знала. «На радостях я купила

себе шляпку: не ходить же мне как какой-нибудь пермячке, без шляпки, пожалуй, еще тамошние волостной писарь и учитель примут меня за какую-нибудь необразованную, а они люди может быть холостые, и как увидят что я барышня во всех отношениях — хоть куда, пожалуй, и посватаются»[22].

Данный пример демонстрирует сниженный образ провинциального педагога. Сакральные качества здесь подменяются противоположными значениями. Налицо высмеивание, пародирование учительской активности и жертвенности, превозносимых ранее. Публичное допущение возможной греховности — признак нарастающего общественного разочарования в эффективности и результативности педагогического труда. Вероятно, что максимума он достигнет уже после 1917 г. В первом советском романе о Гражданской войне в Сибири «Два мира» (1921 г.) сельские учительницы под пером В.Зазубрина выступали исключительно как жертвы сексуальной разнузданности колчаковцев[23]. Подлинными героями, способными справиться со злом, теперь оказывались совсем другие персонажи.

Итак, в исторических источниках присутствуют противоречивые образы провинциального учительства. В них наблюдается причудливое переплетение героических, сакральных, жертвенных, актерских и греховных черт. Но есть и нечто, их объединяющее. В глазах просвещенной публики фигура учителя, особенно сельского, была в значительной мере мифологизирована. Учитель должен был существовать в центре общественных ожиданий, но особо не рассчитывать на необходимую материальную поддержку. На страницах печатных изданий он был объектом жалости и восхищения. С ним связывались надежды на улучшение нравов, во многом неоправданные. Учительский труд рассматривался сначала как героическое деяние, затем как своеобразная искупительная жертва. Предполагалось, что эту жертву приносили лучшие члены общества, а значит, она будет результативной. К роли, которую провинциальные учителя играли, следовало относиться с благоговением. При невозможности ее полноценного исполнения, она, в соответствии с логикой мифа, заменялась на другую роль, не менее мифологизированную. Несомненно, что истоки такого восприятия находились в толще неизжитой патриархальной культуры.

Допустимо утверждать, что несмотря на многообразие подходов о роли и месте образовательной сферы в жизни российского общества второй половины XIX — начала XX вв. все они нивелировались одним, но чрезвычайно важным обстоятельством. Явно или неявно всеми общественными силами (консерваторами, либералами, демократами) предполагалось, что система образования должна базироваться на внеличностных началах. Ими могли быть: православие, самодержавие, народность, прогресс, наука, образование, общественное служение, и, наконец, защита обездоленных и борьба против угнетателей. Все они в равной мере были способны вдохновлять социально активную личность, получившую, получающую или дающую образование.

Доминирование этих ценностей над частными интересами обесценивало конкретную человеческую жизнь и отодвигало на второй план прагматическую сторону образования. Экономическому развитию пореформенной России не вполне соответствовал уровень ее общественного сознания. В итоге выходцы из учебных заведений, в том числе и избравшие учительское поприще, получали преимущественную ориентацию не столько на «скучный» повседневный труд, сколько на достижение возвышенных целей, на непосредственное личное участие в созидании идеального общества. Подобные издержки образования тогда еще не вполне осознавались. Их отрицательные стороны прикрывалось флером благих намерений и учительским энтузиазмом.

На сегодняшний день мы недостаточно полно представляем противоречивость и неоднозначность образовательного процесса после 1861 г., его восприятие современниками и последствия, в том числе и негативные. А они, несомненно, присутствовали. Так, по мнению американского исследователя Р.Уэйда, именно образование прямо или косвенно размывало как существующие социальные структуры, так и людские установления (Wade R.A. The Russian Revolution. 1917. Cembridge, 2000)[24]. Результаты данной образовательной политики мы пожинаем до сих пор.

Примечания

[1] Боголепов М. Пятидесятилетний юбилей службы в священном сане // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). Отд. неоф. 1885. № 1. С. 18

[2] Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 150.

[3] Верхоланцев В. Город Пермь, его прошлое и настоящее (Краткий историко-статистический очерк). Пермь, 1913. С. 148.

[4] Иконников В.И. Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820—1870) // Исторические записки. Тюмень, 1871. С. 3—4.

[5] Елпатьевский С. Рассказы. 3-е изд. М., 1919. Т. 2. С. 65—66.

[6] Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 97—98.

[7] Ершов М.Ф. Фонд К.Я.Маляревского как исторический источник о культуре провинциальной интеллигенции // Зыряновские чтения: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Курган, 2003. С. 121—123.

[8] Государственный архив Курганской области (далее — ГАКО). Ф. 307. Оп. 1. Д. 21. Л. 2—18.

[9] А.Ф. К положению учащих в Кондинском крае педагогов // Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В.К.Белобородов (при участии Ю.Мандрики). Тюмень, 2003. С. 222—223.

[10] Игнатова Х. В отставке // ТЕВ. 1910 № 15. С. 111—112.

[11] Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX — начале XX в. М., 2008. С. 126.

[12] Местный. Картинка с натуры (Из действительной жизни) // ТЕВ. 1910. № 15. С. 55.

[13] Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Северо-Западе Сибири в XIX — начале XX вв. Нижневартовск, 2004. С. 122.

[14] Из воспоминаний учительницы Анны Иоанновны Редикорцевой (Бакалдиной) о передвижных школах. 1900—1908 // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Тюмень, 2001. С. 160—163.

[15] Z. Из жизни сельских педагогов // Сибирский листок: 1908—1911 / Сост. В.К.Белобородов (при участии Ю.Мандрики). Тюмень, 2003. С. 25—26.

[16] Народная газета. Орган Союза сибирских маслодельных артелей (Курган). 1913. 27 октября. № 41.

[17] Туркин А.Г. Именинница (литературный этюд) // Екатеринбургская неделя. 1894. № 50. С. 1053.

[18] Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 9. С. 275—286.

[19] Словцов И.Я. Письма из Тюмени // Литературные фантомы [И.Я.Словцов, Е.Л.Милькеев, Е.В.Кузнецов]: Избр. произведения. Тюмень, 1997. С. 104.

[20] Бирюков В.П. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 235—236.

[21] «Уездной барышни альбом»: песенник М.С.Поповой // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 32—35.

[22] Как я добилась звания учительницы // Екатеринбургская неделя. 1881. № 14. С. 208—209.

[23] Зазубрин В.Я. Два мира (роман). Иркутск, 1958. С. 39—43, 54—56.

[24] Булдаков В.П. Рец. на кн.: Уэйд Р. Русская революция 1917 года // Отечественная история. 2004. № 2. С. 198—202.

Глава 10

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ УЧАСТИИ ВОСПИТАННИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СИБИРИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКИХ АРХИВОВ)

В современной исторической науке все больше внимания уделяется проблемам человека в истории, его внутреннему миру, воспоминаниям об исторических событиях. Такой подход существенно расширяет комплекс исторических источников и дает возможность по-новому рассмотреть проблемы научного изучения прошлого. В круг исследования вводится огромный пласт источников личного происхождения (дневники, воспоминания, письма), в котором отображены мысли, чувства, настроения, общественное сознание, уровень духовной жизни, психология людей определенной исторической эпохи[1].

Источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становления межличностных отношений, поэтому их можно разделить на автокоммуникативные (дневники) и межличностно-коммуникационные. Вторые, в свою очередь, делятся на источники с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии) и с неопределенным адресатом (мемуары, эссеистика, исповеди).

Проблема мемуаристики в современном источниковедении отечественной истории занимает существенное место. Мемуары (фр. mémoires — буквально «воспоминания») — записки современников, повествующие о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев. Важная особенность мемуаров заключается в установке на «документальный» характер текста, претендующего на достоверность воссоздаваемого прошлого. Мемуары соединяют важные события с мелкими подробностями повседневной жизни, при этом они не тождественны ни автобиографии, ни хронике событий. Мемуарист

пытается осмыслить исторический контекст собственной жизни, описывает свои действия как часть общего исторического процесса. От хроник современных событий мемуары отличаются субъективностью, поскольку описываемые события преломляются через призму сознания автора. Таким образом, в мемуарах отражена степень осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни[2].

Сегодня особый интерес вызывают мемуарные комплексы, объединяющие по ряду объективных признаков (хронологическому, принадлежности авторов к определенной социальной среде, роду деятельности, политическому течению и пр.) мемуарные тексты многих авторов в единое целое. Анализ подобных комплексов делает возможным извлечение имеющейся в них скрытой информации о явлениях общественной жизни.

Значительная часть мемуаров по истории общественной жизни и революционного движения в России конца XIX — начала XX вв. отложилась в центральных и местных архивохранилищах страны благодаря деятельности особого научно-исследовательского учреждения — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарта), созданного постановлением СНК в сентябре 1920 г. и имевшего свои отделения как в центре страны, так и в регионах. В «Положении об истпартотделах при губкомах РКП(б)» указывалось, что их задачей является «собирание и изучение материалов по истории Октябрьской революции на территории данной губернии и истории данной губернской парторганизации».

В июле 1921 г. по инициативе руководителя Сибирского архива В.Д.Вегмана было принято решение о создании Сибирского Истпарта. 29 декабря 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) организовало Сибирский историко-партийный отдел (Сибистпарт), который 15 марта 1922 г. выпустил специальное обращение к губкомам, укомам и членам партии о сборе и передаче ему исторических документов революции и гражданской войны.

К концу 1922 г. на территории Сибири были образованы Сибирский, Якутский, Томский, Омский, Енисейский, Алтайский, Иркутский, Читинский, Бурятский истпарты, важнейшей задачей которых стал сбор и систематизация источников. Основными направлениями комплектования источникового корпуса были

формирование газетных фондов за 1917—1920 гг., собирание листовок, плакатов, фотографий участников событий, воспоминаний участников революционного движения, организация вечеров воспоминаний, разработка вопросников для участников событий, распространение анкет о погибших участниках движения.

Особенно массовый характер сбор воспоминаний приобрел в первые годы существования Истпарта. Истпарты формировали ячейки по изучению партии и революционного движения, устраивали вечера воспоминаний в годовщины революционных событий, совещания бывших подпольщиков, выставки по истории революционного движения. В помощь авторам воспоминаний Истпарт разработал анкеты, многие из которых приобрели характер мини-воспоминаний. Таким образом, деятельность Истпартов способствовала возникновению новой источниковой базы по истории революции и истории партии. К 1927 г. в Сибистпарте было сосредоточено значительное количество документов и воспоминаний, была организована группа содействия из активных участников революции и гражданской войны. В ней сформировалось три секции: организационная, литературная и музейная. Как отмечал В.Д.Вегман, «их работа протекала успешно, они были настоящими энтузиастами»[3].

Однако предоставление мемуаров и участие в вечерах воспоминаний отнюдь не было добровольным делом для бывших участников революционных событий. Так, например, в материалах Омского исторического архива сохранилось письмо заведующего Омским Истпартом Киржнера товарищу Матсону (июнь 1925 г.), в котором указывалось: «Истпарт Омгубкома РКП настаивает на даче Вами воспоминаний о подпольном периоде жизни Омской парторганизации в ближайший срок. В данный момент особенно спешно требуются от Вас сведения о забастовке 1907 г. Одновременно сообщаем, что все старые партийцы-железнодорожники еженедельно посещали совещания при Истпарте, на которых делились своими воспоминаниями, и на которых Вы не приняли участия. Надеемся, что Вы свободное во время отпуска время используете для того, чтобы выполнить нашу просьбу»[4].

При этом определенной проблемой являлось качество предоставляемых мемуаров, на что обращал внимание В.Д.Вегман, отмечавший в докладе на первом Сибирском краевом совещании

истпартотделов в 1927 г., что «участники событий порою не были достаточно грамотны, поэтому их воспоминания были далеки от совершенства»[5]. Кроме того, на содержание воспоминаний не могла не оказать влияние господствующая идеология. В отношении воспитанников учебных заведений главенствующей в 1920—1930-е гг. становится точка зрения В.И.Ленина, утверждавшего, что учащаяся молодежь не является главной движущей силой революционного процесса и нуждается в руководстве со стороны рабочего класса. Оценивая общественное движение с позиций классового подхода, марксисты относили студентов и учащихся к мелкобуржуазной среде со свойственными ей колебаниями, но в значительной степени разделявшей социал-демократические идеи.

Все вышеуказанное в полной мере отразилось на характере мемуаров, отложившихся, благодаря деятельности Истпарта, в сибирских архивохранилищах. Так, например, в изданных Сибистпартом воспоминаниях Н.Н.Баранского «В рядах Сибирского социал-демократического союза» акцент был сделан на распространение идей марксизма в молодежной среде: «Первые марксистские влияния я воспринял от своих старших сестер — Любови и Надежды, которые, учась в Питере на курсах, участвовали в “Союзе борьбы за освобождение рабочего класса” и, приезжая на летние каникулы “давали мне агитацию” на темы прибавочной стоимости и т.д. Более глубокое марксистское воспитание… я получил весною и летом 1896 г. от студента Томского университета Павла Ивановича Малинина»[6].

В 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о слиянии Института Ленина и Истпарта ЦК ВКП(б), а затем о создании единого партийного архива, в результате чего были организованы центральный и 29 местных партийных архивов.

В 1930-е гг. сбор воспоминаний и других личных документов продолжался, но Истпарты уже не считали данное направление приоритетным. Многие рукописи участников событий стали недоступны даже сотрудникам Истпарта: в них упоминались фамилии репрессированных, а описание фактов и мнение авторов могли входить в противоречие с официальной историографией. Воспоминания же о реально происходивших событиях зачастую становились смертельно опасными, поэтому главной задачей их

авторов становилось не описание того, что было, а показ неотступного следования за линией партии.

Анализ, например, стенограмм заседаний Сибирского землячества, проводимых в 1930-е гг., свидетельствует о том, что в указанный период история явно понималась как политика, обращенная в прошлое. В одном из выступлений это положение было озвучено еще более точно: «Изучение истории в настоящее время имеет в высшей степени огромное значение и требует от каждого из нас партийной бдительности»[7]. Авторы воспоминаний стремились подчеркнуть лидирующую роль большевиков во всем, критикуя при этом меньшевиков и эсеров. Они постоянно упрекали друг друга в недостаточном показе роли партии в партизанском движении, в скатывании к троцкизму, в отказе от диалектического материализма, слабом показе классовой борьбы и т.д.

Примером идеологически выверенного выступления членов Сибирского землячества стал сделанный в 1934 г. Гидлевским доклад под названием «Нелегальная организация большевиков и ее работа во время империалистической войны». В нем отмечалось влияние ссыльных большевиков на развитие революционного движения в регионе. Так, по мнению автора, большевистская группа в Минусинском крае в годы Первой мировой войны возникла осенью 1915 г., когда здесь оказались несколько видных ссыльных большевиков: Батин, Быстрянский, Спунде, Н.Ф.Смирнов, А.П.Голубков, Ю.П.Гавен. Специфика Сибири проявилась в ограниченной возможности расширения сферы влияния большевистских идей: «В силу условий Минусинского края… круг работы большевиков был крайне ограничен. Основным объектом их пропаганды и агитации были ссыльнополитические как в самом Минусинском крае, так и в других местах Сибири. Кроме них работа велась среди местных типографских, строительных и мельничных рабочих, рабочих других производств, а также и среди учащихся средних учебных заведений (реальное училище и женская гимназия)». Игнорируя факт отсутствия в Сибири отдельных большевистских организаций, автор, тем не менее, указывает, что минусинская группа большевиков боролась с местными меньшевиками и эсерами, а большая заслуга минусинских большевиков «заключается в том, что они сумели до конца разоблачить реформистов и оппортунистов всех мастей и тем самым способствовали

действительно революционному воспитанию как своих рядов, так и тех молодых революционеров, которых вербовали на свою сторону»[8].

В 1939 г. партийные архивы из ведения местных Истпартов были переданы в непосредственное подчинение обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик. При этом сами Истпарты ликвидировались, а их архивные материалы передавались в партархивы как отдельные фонды Истпартов.

В российской исторической науке опыт Истпартов и организации их работы имеют большое значение. Собрав крупные массивы исторических источников, они обеспечили специалистов значительной базой для полноценного исследования истории России в конце XIX — первой трети XX вв. Истпартами документированы живые свидетельства лидеров и участников революционного движения, изучались вопросы организации революционного подполья, истории революции и Гражданской войны[9].

Вторая волна активизации интереса к воспоминаниям свидетелей революционных событий поднялась в период «оттепели», когда грядущий 50-летний юбилей Октябрьской революции стимулировал массовый выпуск трудов по истории революционного движения, для чего необходимо было существенное расширение источниковой базы. Но зрелый возраст оставшихся в живых свидетелей событий, давность исторического расстояния, десятки лет жизни в стране победившего социализма существенно повлияли на содержание мемуарной литературы. Тем не менее, как и в предшествующий исторический период, среда воспитанников учебных заведений на рубеже XIX—XX вв. определялась как мелкобуржуазная. Ленинский подход к студенчеству как непоследовательному союзнику пролетариата, который мог оказать содействие социал-демократии только на буржуазно-демократическом этапе революции, определил явное стремление авторов воспоминаний к показу революционного настроя студенчества до 1917 г. и контрреволюционности его после победы Октябрьской революции.

Например, в своих воспоминаниях члены «томской студенческой большевистской группы» А.Т.Якимович и М.Ф.Парнякова писали: «Среди студенчества Томска преобладали дети из буржуазных и чиновничьих семейств, т.к. рабочие и крестьяне, как

правило, не имели средств на обучение своих детей не только в высшей, но и зачастую в средней школе. В связи с таким составом студенчества в нем преобладали мелкобуржуазные настроения. Небольшая, политически активная часть студенчества была организована в полулегальные землячества… Внутри землячества наиболее активная часть студентов, примыкавших к разным политическим партиям, вела политическую работу. После Февральской революции и свержения царизма политическая активность студенчества в Томске значительно возросла, однако успехом среди него пользовались, главным образом, кадеты, эсеры и меньшевики. Это было обусловленным классовым составом студенчества того времени. Большевистская прослойка среди студенчества была незначительной. Всего в студенческой большевистской группе осенью 1917 г. насчитывалось примерно 30—40 человек»[10].

Примерно такую же оценку студенчеству давал в своих воспоминаниях Д.Г.Оппенгейм: «Студенчество, в значительной части состоявшее из сынков буржуазии, чиновников, кулаков, зажиточных крестьян, шло за социалистами-революционерами. Многие были настроены против Советской власти. Колчаковцы имели влиятельных сторонников среди профессуры и преподавателей Томского университета… Немало их было среди преподавателей, ассистентов кафедр университета и белоподкладочников-студентов, вступивших добровольно в ряды колчаковской армии. Из студентов и даже гимназистов старших классов вербовались “Дружины святого креста” и пополнялись другие белогвардейские банды»[11].

В то же время авторы воспоминаний отмечали и наличие демократической прослойки среди студентов и учащихся, которая в большей степени была подвержена влиянию социал-демократических идей. Сведения об этом имеются, например, в биографии Ф.Лыткина, который, являясь по отцу сыном ссыльного курда, в годы обучения в томской гимназии «остро чувствуя социальное неравенство, тяжелый полицейский гнет, … сошелся с передовой, революционной частью учащейся молодежи и вступил в нелегальный социал-демократический кружок, организованный в 1913 г. гимназистом Пантелеймоном Парняковым». Этот ученический кружок, как утверждалось в биографии Лыткина, находился

под идейным руководством большевиков, и воспитание в нем шло в духе марксизма: изучалась теория марксизма, с лекциями выступали ссыльные большевики, читали нелегальную литературу. Члены кружка вели агитационную работу среди учащейся молодежи, вербовали новых членов кружка в мужской гимназии и других учебных заведениях города. В результате к 1915 г. кружок имел свои группы в женской гимназии, реальном училище, семинарии и других школах[12].

Однако обусловленность политических взглядов молодежи принадлежностью к тому или иному социальному слою не была абсолютной. Напротив, биографии многих видных большевиков свидетельствовали об их далеко не пролетарском происхождении. В таком случае зачастую подчеркивалось их одиночество в своем социальном слое или разрыв с социальной средой. Так, в хранящихся в Омском историческом архиве воспоминаниях Е.В.Куйбышевой (сестры В.В.Куйбышева) о революционной работе брата в г.Омске в 1904—1905 гг. отмечено: «В кадетском корпусе воспитывались почти исключительно дети военных… Кадеты в большинстве своем, как и их отцы, были за царя, готовились служить ему и поэтому называли себя монархистами. Воля среди кадетов не мог найти себе товарищей и был одинок. Уже в старших классах он был связан с революционной организацией… Он приходил в своем военном мундире и, не переодеваясь, шел на рабочие собрания или в казармы беседовать с солдатами. Недоверчиво сначала встретила рабочая аудитория юного агитатора-пропагандиста, одетого в мундир кадетского корпуса. Но Валериан быстро заслужил доверие и любовь своих слушателей. Его полюбила рабочая молодежь, его с нетерпением ждали в своих скучных, серых казармах солдаты… 16-ти лет (в 1904 г.) Валериан вступил в Омскую организацию РСДРП и с первых же дней своей работы в партии примкнул к партии большевиков»[13].

Последнее утверждение интересно тем, что все исторические источники свидетельствуют об отсутствии до 1917 г. деления сибирских социал-демократических организаций на большевистские и меньшевистские. Однако во многих мемуарах авторы смело относили себя и свои организации к большевистским. Например, в своих воспоминаниях о работе молодежной организации в Минусинске в период 1917—1918 гг. Е.Астанкова писала, что еще

до Октябрьской революции в Минусинске «начали создаваться кружки среди учащейся молодежи, участниками которых были и рабочие, связанные с политическими ссыльными». Через друзей автор познакомилась со ссыльными большевиками социал-демократами: А.И.Плотниковым, А.М.Егоровой, К.И.Адосьиной, местным учителем Николаем Павловичем Непомнящим и др. Они знакомили с социал-демократической литературой, давали различные поручения[14].

Обращает на себя внимание и своеобразный фрагмент, содержащийся в автобиографии бывшего воспитанника Тобольской духовной семинарии Н.Н.Накорякова, который утверждал, что он «рано подпал под влияние политических ссыльных» и с 15 лет в 1895—1899 гг. уже состоял в ученических революционных кружках. С 1900—1901 гг. вступил в марксистские кружки, а «в 1901 г. под влиянием бывшего чернопередельца П.А.Грабовского и социал-демократа ссыльного Новодворского примкнул к партийной социал-демократической организации»[15]. Согласно официальной историографии Российская социал-демократическая рабочая партия окончательно оформилась только на II съезде РСДРП в 1903 г., в то время как автор воспоминаний вступил в ее ряды уже в 1901 г. Стремление мемуариста продлить во времени свой партийный стаж, скорее всего, объясняется тем, что в 1933 г., когда составлялась указанная автобиография, необходимо было ликвидировать «черное пятно» в своем прошлом — учебу в духовной семинарии, категорически открестившись от всех иных партийных влияний.

Еще дальше в своих воспоминаниях пошел Н.И.Самойлович, утверждавший, что еще в период обучения в школе в 1897 г. он вошел в нелегальный кружок учащихся и студентов, которым руководил социал-демократ Валяна Воложанин, а в 1899 г. вступил в РСДРП и стал руководить кружками в Томске[16]. Как и в предыдущем случае, причина для столь раннего вступления в РСДРП очевидна: автор — бывший меньшевик, что в 1930-е гг. было таким пятном в биографии, с которым нельзя сравнить даже учебу в духовном заведении.

Прослеживается в мемуарах и попытка проследить преобладающее влияние социал-демократической партии на ученическое движение. Так, в воспоминаниях об участии в революционных

событиях 1905 г. в Красноярске учениц фельдшерской школы отмечено, что партия использовала любые организации, в том числе Общество врачей и, особенно, его фельдшерскую школу, большое количество учениц которой состояли в РСДРП. По воспоминаниям бывших учениц школы П.Коноваловой, Л.Пандре, А.Салазкиной, П.Тюдешевой, все они в 1905 г. состояли в Красноярской организации РСДРП и содействовали ее работе: разносили нелегальную литературу, печатавшуюся в подпольной типографии, принимали участие в оповещении рабочих о митингах и собраниях[17]. Бывший гимназист В.Айзин утверждал, что омским Союзом учащихся были установлены контакты с местными социал-демократами[18].

Участники событий первой революции в Омске в своих воспоминаниях отмечали, что молодежи в социал-демократической организации Омска «было много». Представители интеллигенции и учащейся молодежи выступали на митингах, вели беседы с рабочими. Во многих кружках в городе читали лекции семинаристы и гимназисты[19]. Участник революционных событий в Омске Константин Плюхин вспоминал, что во всех партийных организациях города было много учащейся молодежи: «В то время колоссальное значение имела интеллигенция. Вот теперь мы, рабочие, умеем разговаривать, да еще делать доклады, но в то время очень мало говорили рабочие… Я работал как организатор, входил в партийные комитеты, но выступать на митингах почти не умел. Нам, рабочим, выступать, говорить было очень трудно, но интеллигенция, учащаяся молодежь (вели) беседы и т.д.»[20].

Согласно воспоминаниям бывшего слесаря красноярских железнодорожных мастерских С.В.Шкитова еще в 1903—1904 гг. Красноярский комитет РСДРП вел пропагандистскую работу среди молодежи красноярских железнодорожных мастерских и акушерско-фельдшерской школы. С началом революции молодежь железнодорожных мастерских и учащиеся Красноярска приняли активное участие в революционном движении[21].

В меньшей степени в мемуарах отложились сведения об участии молодежи в непролетарских партийно-политических объединениях. И все же в ряде воспоминаний содержатся данные о принадлежности воспитанников сибирских учебных заведений к организациям леворадикальных партий. Так, в воспоминаниях

бывшего омского гимназиста В.Айзина указано, что учащиеся, близкие к эсерам, организовали в Омске несколько экспроприаций и террористических актов[22]. В воспоминаниях Суслова о событиях 1907 г. в Омске указывалось, что социал-демократы вели ожесточенную борьбу с эсерами, причем у рабочих эсеры успеха не имели. «Если и была у них опорная база, так только молодежь. Помню, на помощь себе они выписали "маленького Петю Дербера", устраивали рефераты в фельдшерской школе»[23]. А член Омской организации РСДРП Ф.Г.Виноградов, отмечая активную деятельность в Омске в 1907—1908 гг. анархистской организации, выдвинувшей лозунг «Давайте отберем у буржуев все их капиталы!», писал: «Несмотря на всю вздорность этих положений и их нелепую аргументацию и агитацию, анархисты кое-где имели успех. Несколько горячих голов среди рабочих и учащейся молодежи серьезно увлеклись этой анархистской дребеденью». После проведения анархистами ряда экспроприаций было устроено совместное собрание представителей социал-демократов, эсеров и анархистов, на котором последние подверглись острой критике[24].

Усилению влияния социал-демократов в среде учащейся молодежи способствовало наличие в Сибири высших учебных заведений, студенты которых довольно активно разделяли взгляды РСДРП. Так, согласно воспоминаниям бывшей ученицы Барнаульской женской гимназии Курковой, в период революции 1905—1907 гг. «среди части учащихся тайно организовывались под руководством студентов кружки, распространялись книги, брошюры революционного характера. Изучалась политическая экономия, знакомились с партией СД, ее программами минимум и максимум. Я была прикреплена к кружку, которым руководил студент Томского технологического института П.Шмаков»[25].

Об этом же свидетельствуют и мемуары участницы подпольного социал-демократического кружка в Тобольске З.И.Могилевской, в которых отмечено, что после первой революции в Тобольск было сослано очень много революционеров: рабочих, студентов — членов РСДРП. Они и начали работу с молодежью. В 1913 г. автор поступила в акушерско-фельдшерскую школу и стала принимать участие в работе подпольного социал-демократического марксистского кружка под руководством социал-демократов Н.М.Немцова,

В.И.Полонского, С.Цвиллинга, М.Даргольда, И.Коганицкого, Г.Назарова[26].

Действительно, значительное влияние ссылки на мировоззрение учащихся, знакомство и дружба со ссыльными революционерами отмечено многими участниками революционного движения в Сибири. В частности, в воспоминаниях А.Боголепова об участии молодежи в революционных событиях 1905 г., сохранившихся в Государственном архиве Красноярского края под названием «5-й год в Енисейске», имеются сведения о том, что после событий 9 января 1905 г. «ученическая молодежь связалась со ссыльными, были организованы нелегально кружки, занимавшиеся самообразованием, изучением политэкономии, истории революционного движения и пр.». Ссыльный (фамилии его автор не помнит) «часто вел с нами беседы на текущие темы — о войне, о нараставшем рабочем движении, о значении в этом движении 9 января и проч.»[27].

Влияние ссыльных на молодежь Сибири нашло свое отражение в воспоминаниях О.Исаевой «Молодежь от февраля к октябрю 1916—1917 гг.», которая писала: «Общение с политическими ссыльными Красноярска определило мое мировоззрение. Не будучи еще членом партии, я хранила нелегальную литературу, а в конце 1916 г. и в начале 1917 г. в моей квартире происходили собрания кружков военной группы. Мне была поручена связь с казармой; мой брат Исаев Тимофей, Марамин Яков и другие солдаты посещали кружки, где велась пропаганда против империалистической войны. Участники кружка, в свою очередь, вели пропаганду у себя в казарме»[28].

По мнению авторов многих воспоминаний, заметное воздействие на вовлечение молодежи Сибири в революционное движение оказала Первая мировая война. Так, упоминавшиеся выше члены томской студенческой большевистской группы А.Т.Якимович и М.Ф.Парнякова, писали в своих мемуарах: «Демократическое студенчество, встречая преграды в своем стремлении к знаниям, естественно, было возбуждено против существующих порядков. Особенно в годы Первой мировой войны среди массы студенчества усилился протест против реакционного режима, и заметно возросло сочувствие к революционному движению среди рабочих и солдат. В июне 1915 г. в Томске возникла организация РСДРП»[29].

Однако бывшая ученица Томской женской гимназии М.К.Абрамова характеризует этот период иначе: «Настал 1916/1917 учебный год. Патриотизм среди населения спал… Росло недоверие к царскому правительству. Узнали об измене министров, но в женской гимназии эти события проходили мимо. Молодежь попрежнему занималась вечерами, балами, танцами и далека была от политических событий. Февральская революция для нас была неожиданной. Томск, хотя и был студенческим городом, в нем было много ссыльных, но большинство было взято в армию и, по крайней мере, мы о революции ничего не знали и ни в каких партиях не разбирались»[30].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в сибирских архивах отложился значительный корпус мемуарных источников, содержащих сведения об участии воспитанников учебных заведений края в деятельности партийно-политических организаций. Воспоминания содержат немалый конкретно-фактический материал, но источники такого рода субъективны, идеологизированы, они были написаны спустя определенный срок после истечения событий, поэтому использовать их необходимо при сопоставлении с фактами, содержащимися в других документах. Это даст возможность избежать не только ошибок фактического характера, но и более объективно оценить события, о которых писали авторы мемуарной литературы. Сравнение различных точек зрения на те или иные события дает возможность исследователям лучше понять атмосферу эпохи, выявить настроения различных социальных групп и слоев.

Примечания

[1] Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX — начала XX веков: Автореф. дис… канд. ист. наук. Н.Новгород, 2006. С. 1.

[2] Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 467.

[3] Дашинимаева М.Ю. Из истории деятельности сибирских Истпартов // Вестник Томского государственного университета. 2008. Вып. 311. С. 70—71.

[4] Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее — КУ «ИсА»). Ф. 19. Оп. 1. Д. 488. Л. 107.

[5] Дашинимаева М.Ю. Из истории деятельности сибирских Истпартов. С. 70—71.

[6] Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического Союза (воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.) Новониколаевск, 1923. С. 9.

[7] КУ «ИсА». Ф. 20. Оп. 1. Д. 29. Л. 45.

[8] Там же. Л. 37—38, 41—42.

[9] Истпарт // Энциклопедия Сибири. URL: http://russiasib.ru/istpart/

[10] Центр документации новейшей истории Томской области (далее — ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 67. Л. 1.

[11] Там же. Д. 60. Л. 2.

[12] Там же. Оп. 2. Д. 67. Л. 12—13.

[13] КУ «ИсА». Ф. 411. Оп. 3. Д. 398. Л. 21—22.

[14] Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 64. Оп. 5. Д. 9а. Л. 2.

[15] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 4012. Оп. 10. Д. 2. Л. 8, 13.

[16] Там же. Оп. 2. Д. 44. Л. 14.

[17] ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 481. Л. 6.

[18] КУ «ИсА». Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 67; Д. 58. Л. 172.

[19] Там же. Ф. 270. Оп. 1. Д. 309. Л. 124; Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 131; Д. 58. Л. 34.

[20] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 58. Л. 14—20.

[21] ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 712. Л. 2—3.

[22] КУ «ИсА». Ф. 19. Оп. 1. Д. 58. Л. 171—177.

[23] Там же. Д. 95. Л. 4.

[24] Там же. Д. 6. Л. 123—124.

[25] ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 3. Д. 38. Л. 1.

[26] ГАСПИТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 33. Л. 1—2.

[27] ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.

[28] Там же. Д. 206. Л. 1.

[29] ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 67. Л. 16.

[30] Там же. Д. 113. Л. 13—14.

Глава 11

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОДА КУРГАНА 1930-х гг. В УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Повседневная жизнь, это незаметно проходящее и самодостаточное человеческое бытие, открывается исторической науке постепенно. Каждый раз новое знание сопровождается ощущением жизненной наполненности повседневности и ее расширения как объекта исследования до бесконечности. Пределы постижения для исторической науки определены источниковой базой. Историки пробуют работать с прежним источниковым арсеналом, взглянув на него под другим углом, а также ищут новые ресурсы для исследования сложнейшего феномена повседневности. В этой связи обращает на себя внимание устная история. Возможности этого типа исторических источников широко обсуждаются применительно к различным направлениям исторических исследований. Сейчас среди историков можно встретить различные мнения насчет перспектив устной истории: от неприятия до признания ценности устных источников и разработки приемов их анализа[1]. Если говорить об устных рассказах как источниках по истории повседневности, то к работе с этим материалом исследователи приходят, столкнувшись с проблемой недостаточности традиционных источников[2]. Занимаясь исследованием такого бесконечно многопланового явления, как повседневная жизнь, исследователь хватается за каждую ниточку, ведущую в прошлое.

С проблемой нехватки источников для реконструкции повседневной жизни жителей провинциального города Кургана в 1920—1930-х гг. столкнулась и автор этой статьи. Решение собирать устные рассказы не подвергалось сомнению: напротив, мыслилось как уникальный шанс зафиксировать воспоминания немногих оставшихся в живых курганцев — современников исследуемой эпохи. Сам поиск материала (в нашем случае — рассказчика) совершенно отличен от привычных историку путей отыскания информации. Более того, это путь эмоционально непростой: найти человека в городе и уговорить его рассказать о прошлом

бывает очень нелегко. Историк, собирающий воспоминания, должен иметь желание слушать, быть заинтересованным темой и суметь расположить к себе человека. В этом случае рассказчик и слушатель-историк, оба увлеченные темой, оказываются «на одной волне», что очень помогает интервью. Немаловажным моментом является наличие времени и терпения у исследователя. Разные люди рассказ строят по-разному: кто-то излагает логично и последовательно, более или менее следуя заданным хронологическим и территориальным рамкам. Другой человек уходит от темы, переключаясь на современные заботы, — в этом случае времени требуется больше, и исследователю придется по крупицам из контекста «вынимать» интересующую информацию. Случается, человек сразу категорически заявляет, что не знает совершенно ничего, что может пригодиться. Как правило, так считают люди «простые», как они сами говорят, «нигде не бывавшие», «ничего не видевшие» — налицо приоритет в их сознании «большой истории» и сомнения насчет значимости собственных «рядовых» воспоминаний. Однако о своей повседневной жизни 1930-х гг. собеседники рассказывают охотно, иногда сравнивая ее с современной. При этом воспоминания такие яркие, что, можно сказать, делают нас свидетелями жизненного мира людей того времени. В этой связи историку важно не только интерпретировать информацию, но и позволить источнику говорить самостоятельно.

В то же время исследователь сам участвует в создании исторического источника: формулируя тему, задавая вопросы. Здесь действительно происходит диалог двух субъектов: сначала непосредственно в момент интервью, а затем в процессе обработки материала. Следует подчеркнуть, что перенос информации в письменную форму удобен как для работы с источником, так и с точки зрения его доступности для широкой аудитории, но он значительно меняет сам устный источник, лишая его эмоциональной выразительности человеческой речи. Думается, что даже запись рассказа на аудионоситель не отражает всей полноты получаемой в ходе интервью информации, наилучшим вариантом будет видеозапись, фиксирующая не только речь рассказчика, но и его жесты, мимику. Даже сама атмосфера интервью служит исследователю источником для размышления об услышанном.

Интерпретируя устные источники по истории курганской повседневности, мы очень осторожно отнеслись к оценкам прошлого, которые давали рассказчики. Можно утверждать, что на их восприятие прошлого в позитивном или негативном ключе влияют нынешние обстоятельства: состояние здоровья, переживаемые эмоции. Так, женщине 1929 года рождения, пережившей смерть всех троих детей (последний из них ушел из жизни совсем недавно), прошлое и настоящее кажется невыносимо тяжелым. Болезнь и переживание грядущей смерти также способствуют негативному восприятию действительности. Еще раз подчеркнем, что к оценкам, присутствующим в устных источниках необходимо относиться осторожно.

Нужно учитывать и то, что рассказчик говорит о событиях многолетней давности, на его память влияют разнообразные факторы: состояние здоровья, особенности личности, социальная и индивидуальная оценка описываемых явлений. В этом устная история очень похожа на мемуарные источники с той разницей, что устный рассказ является скорее спонтанным, менее подготовленным в сравнении с мемуарами.

Работа с устной историей — это всегда открытие чего-то нового. Вне зависимости от количества собранного материала исследователь всякий раз узнает уникальную информацию, поскольку рассказ каждого человека неповторим. Никому не дано знать заранее, куда приведет исследователя новое интервью. Возможности устных источников демонстрируются в настоящей статье на примере воспоминаний трех жителей города Кургана о своем детстве.

Детская повседневность города Кургана 1930-х гг. в воспоминаниях О.Н.Кряжевских[3].

Ольга Николаевна Кряжевских (в девичестве Штинова) родилась 6 июля 1926 г. в пригороде Кургана. Девочку Олю Штинову с городом связывала прежде всего крестная мать — Любовь Ивановна Макарова, которая жила на улице Куйбышева. Вместе с сыном Виктором они занимали комнату на первом (полуподвальном) этаже дома № 61. Л.И.Макаровой в 1930-х гг. жилось нелегко: работая на мясокомбинате, она одна содержала свою небольшую семью. Хозяйства и огорода у Макаровых не было. Жили очень бедно: «ниче не было… две кровати было. Одна комната

была, в этой комнате две кровати было. И общий коридор большой. Большой коридор был. И вот там еще рядом соседи жили… Не было общей кухни, просто дома на плитке готовили они… печку топили… Она [Любовь Ивановна Макарова] еще стирала, помогала, с мясокомбината там приносила, чтоб постирать, чтоб заработать маленько на мясокомбинате… Но все же ей помогал мясокомбинат: когда, значит, она колбаски принесет, когда кусочек мяса принесет [и скажет]: “Ребятишки, давайте щас сварю, поедим!” Крестная у меня хорошая была женщина».

Ольга Николаевна рассказала, что ее крестная в 30-е гг. пережила смерть мужа и двоих детей. Один ребенок умер в младенчестве, другой погиб от несчастного случая: залез на дерево гонять голубей, но не удержался и упал животом на острую ветку. Можно ли нам сейчас понять, что чувствовала женщина, вспоминая своих покойных детей? Любовь Ивановна не проклинала судьбу, не искала виновных, а лишь говорила: «Куда я с ними?..» — как будто ощущая недоступную для человеческого понимания необходимость случившегося и оправдывая возможность матери жить после смерти детей.

Основная часть рассказа О.Н.Кряжевских посвящена описанию детских игр 1930-х гг., участницей которых она была. Летом Оля и Витя, предоставленные сами себе, были заняты, к примеру, рыбалкой. «Бегали на Тобол. “Пойдем, — говорит, — рыбу ловить?” Я говорю: “Пойдем!” И вот тут он каку-то удочку взял где-то, крючок взял. Я говорю: “Ну че?” — “А щас мы наловим этих червячков”. Значит, спустится, там кака-то ямка была — он там все знал дак. У них домики свои были — у червячков-то. Он их натаскает, а потом вытаскиваем оттуда, и ловим рыбу. Когда штук пять вот поймаем. И то принесем. Ну, крестная опять говорит: “Ну че? Опять на рыбалку ходили?” — “Ходили-ходили” — “Где рыба?” — “Вон”, — говорит. — “Дак кошке что ли отдать? Куда их?” — “Мама, ты, — говорит, — изжарь нам их” — “Да кого жарить-то там…” Возьмет, кошкам отдаст. У нас не хватало сил, чтоб сидеть долго. Рыбашек пять-шесть поймали, и то хорошо, и пошли».

Одним из самых посещаемых ребятами мест была оживленная Троицкая площадь. О ней особенно часто рассказывает Ольга Николаевна. «На эту Троицкую площадь ходили…Я помню, когда

еще башня была, а потом уже ее снесли, эту башню…где Троицкая-то площадь, тут был собор…Мы туда ходили в этот собор… Ходили туда много: и крестились, и мы туда ходили, особенно с Витькой бегали туда. Вот, бывало, там на площади торгушки сидят, чем-нибудь торгуют, а Витька возьмет, че-нибудь сопрет… Красиво было: все нарядные. Особенно вот мне понравилось, по-моему, Петров день, это в июле месяце… И вот пошли мы туда, на эту площадь, а там народу столько, да все красивые, да так это в нарядах старинных, платки такие красивые. Понравилось мне, сильно понравилось».

Еще один эпизод из детства, связанный с Троицкой площадью и церковью, сохранился в памяти О.Н.Кряжевских особенно ярко. «Витя-то говорит: “Слушай, пойдем, в собор сходим, там, может, покрестимся, а, может, нам че-нибудь подадут…Че, — говорит, — бывает, старушки подают”. Пойдем. Пошли. Там, значит, он стоит такой, скрючился, а, значит, женщина подходит и говорит: “Ну че, молодец, — вот сейчас как помню, — ну че, молодец?” Потом че-то подает ему. Каку-то монетку подала вот, не знаю. Он взял эту монетку, и потом еще че, пряников что ли каких-то, по-моему, домашнюю даже каку-то выпечку. Он, значит, взял выпечку, схватил меня за руку: “Пошли, пошли, пошли!” Вот пошли, значит, вышли. Давай, все съели. Вот это мне очень понравилось».

Ребятам из бедной семьи, как и всем, хотелось смотреть кино, тем более, что кинотеатр был рядом с домом: «а у нас только пройти дворами, и там кино “Прогресс”… Так он [Виктор] там лазейку знал, дак мы, значит, билеты не покупали, через эту лазейку лазили и смотрели там, значит, кино… Я гостила месяца-то два в летнее время, дак … частенько туда лазали… а крестная ругается, говорит: “Ну, ребятишки, — говорит, — беда с вами! Попадете, потом будут меня тягать, что вот ваши ребятишки-то — безбилетники!”».

«Помню, значит, мы ходили — это уже взрослые были — на маслозавод, за базаром… Там улица, по-моему, Савельева. И вот на Савельевой улице вот там маслозавод. И там, значит, в киоске продавали масло… Купила масло, пришла домой и с хлебом поела, так хорошо поела. А с Витькой-то, тоже с Витькой же мы ходили с ним. Я говорю: “Ну, Витька, ты уже настоящий жених!” Он говорит: “Женюсь, дак на свадьбу придешь ко мне”. Я говорю:

“Обязательно”». Ольга Николаевна говорит о себе пятнадцатилетней, как о взрослой. Рубежом, определившим конец ее детства, стало начало Великой Отечественной войны.

Рассказ Ольги Николаевны Кряжевских, чье детство пришлось на 1930-е гг., рисует нам не только фрагменты летнего времяпрепровождения курганской детворы, но и отчасти раскрывает восприятие людьми повседневной жизни. Крайняя бедность стала для семьи Макаровых привычной составляющей их жизни. Они приспособились к нищете, тем более что немало курганцев находилось в аналогичных условиях. Бедность являлась частью жизни не отдельной семьи, а уделом многих, и оттого принять ее было легче. К тому же человек (и тем более ребенок) в постоянной депрессии находиться не может. Как говорится, привыкает ко всему. Вот и смерть, которая в то время была частой гостьей в домах курганцев, воспринималась как неизбежность, относиться к которой нужно как к естественной части человеческого бытия.

Дети, находясь в собственном повседневном мире, искали игры в соответствии с обстоятельствами, даже в условиях крайней бедности. Человек, живущий в XXI в., может сказать, что у подростков 1930-х гг. не было детства, имея ввиду отличные от современных материально-бытовые условия эпохи. Но с этим нельзя согласиться. Напротив, нужно сказать, что детство было, если под этим понимать его сущность, связанную с особенным восприятием ребенком повседневной жизни и мира в целом. Другое дело, что детство тех людей по продолжительности было короче, чем сегодня.

Мир детской повседневности Кургана 1930-х гг. в воспоминаниях Ф.И.Захаровой.

Фетиния Ипатовна Захарова (в девичестве Кошелева) родилась 17 мая 1924 г. в деревне Романово Половинского района. В довоенном Кургане у Фетинии Ипатовны было много родственников, у которых в 30-е гг. она подолгу гостила подростком. В ее памяти сохранились подробности повседневной жизни 1930-х гг., касающиеся быта горожан, детских и юношеских развлечений и отчасти затрагивающие облик Кургана того времени.

Большая часть рассказа Ф.И.Захаровой посвящена быту своей семьи. Иногда Фетиния Ипатовна приводит примеры из жизни

знакомых или соседей, при этом сама подчеркивает, что и в 1930-е гг., как и теперь, жили люди по-разному («кто как жил ведь»). Вспоминает смешной эпизод из будней подростков того времени. Жила она тогда у старшего брата на улице Гоголя: «…мы как-то с племянницей остались, они [брат со своей женой] ушли почему-то в кино, это редко было очень... А на общей кухне — кухня-то общая большая, а … комнаты-то у всех раздельные… "жактовский" дом [ЖАКТы — жилищно-арендные кооперативные товарищества, существовавшие с 1924 г. до конца 1930-х гг.]… Корова была у нас. Я ей говорю: "Ну че ты будешь делать, — племянице-то, а она младше меня на два года — варить или корову доить?" Она никогда корову не доила. Она говорит: "Корову доить". Варить неохота, а варить-то на таганке — такая вот круглая штучка, от ее ножки. Сюда ставишь кастрюльку, на эту дырку, а сюда ложишь такие щепочки. Оно кипит, все подкладываешь и все… прямо на шестке в большой печке.., где пекли. Но ее [большую печь с шестком] же не топили, ее редко топили. Кто стряпал-то? Мы все голодали, все же голод был… Во всех комнатах-то печки были круглые железные, хорошие, круглые печки. Когда чего надо, дак чугунку-то с чаем-то и в печке этой вскипятят в круглой… ну чай-то вскипятят в чугунке, а это уже в чайнике, кто как жил ведь. Дерягины у нас наверху жили, те, конечно, не так делали. Он был директор "Курганпищепрома", а она была учительница, двое девчонок было. Ну и кто как вот сумеет <…>

Ну она пошла корову доить, вот я уж сварила на этой таганке, а ее все с молоком нет… я пошла в сарайку, а она идет мне навстречу, я говорю: "Ну и че?" Она мне показывает, а там вот со стакан молока… и я пошла додаивать корову. Они [брат со своей женой] пришли из кино, и все захохотали. Почему-то не ругались. Вот в семье у нас до моего замужества я не знала, чтобы кто-то ругался. Никто никогда: ни братья не ругались, с женами не ссорились никто, никогда никто, я не слышала».

Одним из детских развлечений начала 1930-х гг. было катание на коньках: на простом уличном льду и самодельных коньках. Фетиния Ипатовна вспоминает, как «жили по Карла Маркса недолго на квартире у маминого племянника....Она [улица Карла Маркса] была канавная, канавы были глубокие-глубокие, она грязная всегда, а на ней там было озерко между Савельева и

Вольнопожарной… Там пожарка всегда была, стояла настоящая служба пожарников... Там лужа застынет вот зимой-то, мы на коньках там на ей катались. Ну как катались — коньки самодельные, а годов нам, наверное, по восемь, а привязан один конек на мою ногу, а другой на вашу, на одном коньке и катались. Покатаемся, и довольны были. Сделают нам их. Вот отец мой там выстрожет чурочку и сделает проволочку, вот и коньки. Ремнями привяжем. На одном скачем. Ребенок есть ребенок. Важно-то чтоб игра…».

Фетиния Ипатовна отмечала, что рядовой железнодорожник, каким был ее брат, мог иногда сходить с семьей в кинотеатр, где можно было не только посмотреть фильм, но и потанцевать. «Танцы в “Прогрессе” были даже до кино. Перед началом играет музыка, и танцы до начала фильма, потом, как фильм начнется, все это прекращается, все садятся фильм смотреть… Летом танцплощадка была прямо у входа в сад. Ворота были, вот где теперь цветы-то… тут ворота, и тут была танцплощадка… Но не было этих всяких безобразий… [Танцевали] польку, краковяк, вальс, то степ… Сами [учились танцевать], че там учиться-то? Редко [ходили на танцы].

В словах рассказчицы о деньгах имеются противоречия: Фетиния Ипатовна не раз упоминает об их отсутствии («где деньги-то брать?»), и в то же время в рассказе есть противоположное утверждение: «все было свое, ведь денег-то не надо было, я в Ялыме работала, когда вот уж бросили, не стали меня учить-то. Я зарплату получу и отдам снохе — братовой жене — раз вместе жили. Она завяжет в узелок и бросит на полку со всеми деньгами, все деньги вместе, потому что нам ничего не надо. В огороде у нас насажено, у нас все есть, в поле картошка насажена». Хотя Ф.И.Захарова не смогла продолжить учебу за пределами Кургана именно из-за отсутствия средств. Можно предположить, что эти противоречия обусловлены, во-первых, отличным от нынешнего отношением к потреблению вообще и к деньгам в частности. Во-вторых, нужно помнить, что современность и прожитые годы накладывают отпечаток на восприятие рассказчиком своего прошлого. И, в-третьих, всегда следует учитывать, что память человека не хранит события с четким указанием дат, подобно хронологической таблице в учебнике. Восприятие человеком времени

таково, что даже события недавнего прошлого путаются в нашем сознании, не говоря уже о периоде семидесятилетней давности.

Вернемся к воспоминаниям Ф.И.Захаровой. Итак, среди развлечений курганской молодежи 1930-х гг. танцы занимали одно из главных мест. Конечно, танцы для молодых девушек немыслимы без красивого платья и прически. И в Кургане 1930-х каждый одевался в соответствии со своими возможностями. Сама Фетиния Ипатовна одевалась хорошо. Вспоминает, что в этом ей помогала сестра. Но были и те, кому совсем было нечего надеть. «Я стипендию получала, но я самую высокую получала — 46 рублей, а стипендия была 42 рубля, дак вот я ему [племяннику] купила и ботиночки, и чулочки, и жила на это… Меня сестра одевала, дак я-то ниче, одевалась, а девчонки-то просили. Вот я, допустим, сегодня хожу в этом платье всегда, а на выходные же оставляли другие платья. Мы же не ходили так, что сегодня вот в этом я пришла, и пришла и в театр в нем… У меня оставлено платьице такое, в каком можно ходить на выход. Дак они, девчонки-то, раз у их нет, попросят: “Дай вот этого”, — ну я и дам им. Они оденут, и тоже потом станут нарядные, раз у них совсем нет… Вот тут Ольга жила Базарова напротив… у ей совсем не было ничего… давали носить. Я вот давала девчонкам… Валенки зимой [носили], валенки, пальто, шаль, пуховых не было, дак были такие — катанные шали… кисточки у ей, она красивая, большая, как шаль… Такая плотная, как катанная, все равно как тканая, вот в таких ходили. Коротко так не носили… Косы… а потом… это уже в войну было, как трикотажная-то фабрика к нам переехала… уж до этого были два мастера: один Васев, вот была их парикмахерская, где теперь парикмахерская на углу Куйбышева и Комсомольской… Но Васев-то был лучший. А делали не химическую, а горячую, паровую… завивку-то делали. Если Васев сделает, пока косы не вырастут вот до сюда, завивка все не распустилась. Вот так делали… на халтуру никто не работал… Вот и Дашка-то наша ходила подстриженная с кудрями. Встанет вот так утром-то, а рано на работу — к семи часам, а трикотажка была на Климова… Так она вот так встряхнет голову, чтоб не расчесывать, встанет ребенок, вот так веревочкой завяжет, ну такой какой-нибудь цветной, и на работу. Вот такие были завивки, что и расчесывать не надо было».

По воспоминаниям Ф.И.Захаровой, в довоенном Кургане не было тех страхов, что господствуют в сознании современного человека. «Не боялись, что отпустишь ребенка, дак надо за им смотреть, а то убьют… Ворота настежь, все открыто, заходи и спи. И никто никого никогда, а теперь-то… Мы жили сначала угол Ленина и Пушкина… на Ленина, брат-то вот. А девки побегут на танцы (до войны), старшие-то, старшие-то побегут сюда вот, в горсад, а сноха стелет половик… Жарко дома спать, да и много нас там, она его постелет на улицу, к дому, когда дождика нет. Сарайки там вот недалеко. Она к дому постелет, а девчонки побегут с парадней выбегать: "Луша, стели шире!" — мы прибежим, тут же лягем, что не будем домой там стучать или че. Вот она расстелет этот половик, мы ляжем, столько-то останется. Они придут с танцев, лягут. Так жили, и всем было не тесно…». В те годы встречались в городе очень большие семьи, насчитывающие больше десяти человек, где «всем было не тесно». Особенно это было характерно для жизни рабочих — выходцев из сельской местности и сохранявших тесные связи со своими родными. К примеру, Фетиния Кошелева жила в Кургане то у одних, то у других родственников.

Рассказ Ф.И.Захаровой, цельный и выразительный, приоткрыл для нас дверь в мир повседневности 1930-х гг. Конечно, все стороны повседневной жизни города отразить не под силу ни одному источнику, будь он устным или иным, и едва ли на это претендует даже весь комплекс имеющихся источников по этой теме. Однако ценность собранных воспоминаний Фетинии Ипатовны Захаровой несомненна, ведь это история глазами современника эпохи, рассказанная нам эмоционально и красочно.

Повседневная жизнь курганских мальчишек в воспоминаниях Вениамина Евграфовича Кунгурова.

Вениамин Евграфович Кунгуров родился в деревне Плоское Мехонского района в 1925 г. На одиннадцатом году его жизни семья переехала в Курган. Здесь во второй половине 1930-х гг. Вениамин Кунгуров с братом Григорием учились в школе. «…Это четырнадцатая школа была, щас пристрой Дома пионеров, а была деревянная школа четырнадцатая одноэтажная. Мы в этой школе учились. Вот. Он на два класса старше меня учился. После окончания

девятого класса он поступил в техшколу. Ну вот это, где щас техникум железнодорожного транспорта. Техшкола там была, называлась техническая школа. Готовили для железной дороги работников железной дороги. Учился он там, ну учится неплохо, потому что ему форму дали специальную там. Такая… х/б были, а ему дали суконную форму. И в то же время он, значит, занимался в спортклубе ДОСААФ. Она там у нас в этом.., где щас аэродром, там школа была. На летчика учился. Ну а я по-малолетству занимался только детскими вопросами. Ну жили мы, конечно, не богато, работал только один отец, а нас, гавриков, было, если не считая Анатолия, было два гаврика, да и мать-домохозяйка. Но в то же время и не бедно. Конечно, как сейчас, допустим, рубашек, костюмов и прочего не было. Но одевали более-менее прилично… Учились мы так нормально, никаких-таких эксцессов не было, оценки были неплохие. Вот. Но старание было, конечно, большое, потому что знали, что нужно было получить образование, о дальнейшей жизни немножко задумывались».

В рассказе Вениамина Евграфовича тесно переплетаются воспоминания о буднях своей семьи с описанием города, где все это происходило. Вениамин Кунгуров, будучи подростком, помогал отцу в типично мужских хозяйственных делах: участвовал в заготовке дров для дома и сена для коровы, ходил за водой и т.п. «Жили мы в доме… вообще очень дружно. Если что-то нужно было, какие-то субботники провести во дворе, вот все выходили туда на уборку. У нас был там колодец, но, правда, пить из него нельзя было, вода такой болотной была, технической. Для уборки, для помывки дома пола можно было использовать. А воду мы носили из колонки. Колонка находилась в горсаду… Покупали талоны и по два ведра носили оттуда. Ну и хватало как-то, никаких таких неприятностей не ощущали. Если бы сейчас меня поставить в эти же условия, конечно бы, ну как это я могу так жить. А тогда все это нормально было. С жильем, конечно, была проблема всегда. Вот. У нас там был огород. Небольшой огород, но, по крайней мере, распределили там, ну сколько? Наверное, по две, по три грядки каждому, каждой семье доставалось… Там у нас, ну для того, чтоб поддержать, как говорится, свое состояние, мы держали корову. Молока было достаточно. Корова давала хорошо. Готовили. Ну, сметана была, сыр был, творог всегда был.

Вот. Значит, заготовляли иногда сено сами или покупали на рынке. А рынок был вот где щас спортивный комплекс около рынка там, в это вот как раз эти самые дрова там, сено привозили из деревень. Там покупали, провозили. Был сеновал у нас здесь в этом самом доме. Вот. На сеновал сгружали это сено. Дрова тоже иногда заготавливали сами. Вот у нас наверху жил мужчина, который так более-менее имел связи с лесничими, ну, в общем, заготовлял. Он нас приглашал, мы помогали и привозили дрова. В другом случае покупали дрова. Вот. И что интересно, есть такая барда [отходы от спиртового производства]… коровы ели с большим удовольствием. Ну мы, конечно (лошадей у нас не было), мы на тележке… Бочоночек такой, ну сколько? Ведер пять-шесть, и возили оттуда эту барду домой. Конечно, особенно летом, там же колдобины, там же булыжник был: и по Куйбышева, и по Ленина булыжник. Вот и приходилось так поднапрягаться для того, чтобы привезти эти самые. Но в то же время корова, значит, была всегда сытая и обеспеченная. А мы молоком обеспечены».

В пастбищный сезон жители Кургана ежедневно отправляли свой скот за реку Тобол. Коровы шли по центральным городским улицам в сторону выпаса. Проводить и встретить свою корову — занятие несложное для подростков, поэтому Вениамин и Григорий Кунгуровы часто помогали в этом родителям. «В городе Кургане очень много коров держали. У нас во дворе, по-моему, только двое держали, а так в Кургане очень много. Пасли вот, где щас плотина, там мост был, деревянный мост. Пасли за рекой, туда уводили. Каждый сколько там, ну, несколько, как он назывался, стадо коров как называется? ... Несколько стад в Кургане было. И каждый знал своего пастуха. Вот туда утром мы приводили, к мосту, формировалось… стадо, и отправляли. И вечером тоже приходили к этому к мосту, встречали свою коровушку и приводили. Так пасли… Тогда центр был как деревня. Машин-то мало было тогда, очень мало машин было».

В семье Кунгуровых отец ловил рыбу и брал с собой на рыбалку сыновей. Вениамин Евграфович вспоминает, что они с отцом часто рыбачили на Увальском озере у старого поста ГАИ: ставили сети, морды, пугали рыбу боталом. Сети и морды вязали сами зимой. Рыба, конечно, не была существенным элементом рациона, но помогала разнообразить питание. Удовлетворение,

получаемое от самого процесса ловли рыбы, можно сравнить с удовольствием, которое человек испытывает, собирая грибы. «Летом ходили за грибами. На Увал пешочком, конечно. Увал. Как поднимешься, там же не было строений таких, как сейчас. Как поднимешься на Увал, сразу начинаются грибные места. Собирали грибы и на зиму, значит, засаливали грибы».

Основными рационе курганцев были овощи, в первую очередь картофель. В 1930-х гг., как и сейчас, забота об урожае картофеля считалась делом всей семьи от мала до велика. «Картошку садили в поле. Это вот щас где… за Некрасовским рынком сразу начались поля, не было строений. Там, значит, вот сотки три-четыре мы перекапывали сами и садили картошку. И на зиму нам хватало для того, чтобы обеспечить семью. Здесь кухня была. Ну это в то время, когда один был владелец. А тут жили люди на кухне… Вот здесь коридор, вот здесь творила была — лаз в это самый, в подполье… Вот там мы и хранили все, в подполье. Прохладно было, не замерзало, и в то же время не закисало».

Кроме участков за пределами города курганцы имели приусадебные территории. Маленькие огороды были и у жителей многоквартирных домов. Так, на десять семей дома, в котором жили Кунгуровы, приходилась территория площадью три сотки, где каждая семья имела по 2—3 гряды. Можно предположить, что огороды хорошо удобрялись, поскольку многие жители держали коров. «На грядках садили что? Ну, в первую очередь, конечно, огурцы. Потому что у нас корова была. Мы навоз-то куда? ... Гряды делали. Морковку садили. Морковку и лук. Семей десять, ну сколько там, сотки три не больше огород… На все семьи три сотки».

Следующий абзац заключает интересную информацию о ценностях и настроениях эпохи. Вениамин Евграфович рассказывает шутку, смысл которой в современную сытую эпоху понятен не каждому. «Еду готовили… у нас плитка-то была, вот на этой плитке… здесь же и конфорки были, камин. И что интересно, вот на этой, на камине на этом шутник, который готовил саму вот эту самую плиту, написал: “Сегодня как-нибудь, а завтра блины”. Сегодня как-нибудь, а завтра блины. Это понимать нужно так: ты сегодня не имеешь ведь блинов, завтра надейся на то, что будешь иметь блины. Потом… а, дак это же на завтра опять блины!

Шутник… В основном [готовили] суп, кашу. Каша пшенная, в основном пшенная была каша… Мы покупали больше на мясокомбинате кости, из костей суп наваристый, очень хороший. Ну, иногда колбаски покупали, но редко».

Жизнь ребенка неразрывно связана с жизнью матери. Из двух устных источников мы узнаем о том, что в довоенный период в Кургане многие женщины, имеющие детей, не работали. В.Е.Кунгуров рассказывает: «Если, допустим, нет детей, [женщины] работали. Ну, у нас же орава такая, работать-то… Вот у нас наверху, как раз над нами жил Худяев Петр, у него было четыре дочери. Конечно, мать могла разве работать? Он, значит, в милиции работал, и охотник был. Вот. Так что добывал мясо, допустим. Им проще было».

Устные источники дают ценные сведения об одежде курганцев в 1930-е гг.: в Кургане большую часть одежды жители шили на заказ. Имена курганских портных знал весь город. Мастера были разного профиля: один шил верхнюю одежду, другой костюмы, головные уборы и т.д. Рассказчики помнят и отдельные предметы одежды, описывают особенности покроя. Так, Вениамин Евграфович вспомнил о косоворотке — самой распространенной рубашке довоенного периода. «Мы пошли, купили полусукно — материал такой, самый дешевенький материал. И пошли по Куйбышева, туда где-то далеко, к портному. Вот там заказали одежду… примерно где щас Орлова улица, где-то в этих краях. Ну а рубашки покупали, брюки тоже покупали… Я носил косоворотку. Я еще в хоре самодеятельности участвовал. У нас танцкружок был. Вот косоворотка как раз и была из средней школы…Верхняя одежда… ну, значит, вот допустим у этого старшего брата, у него шинель была, выдавали спецодежду, а у меня типа такой куртки с карманами, шили тоже на заказ. Ну а шапки — ушанки».

В.Е.Кунгуров рассказывает о своем детстве в тесной связи с повседневной жизнью своих родителей и города в целом. Вспоминает, как они с братом писали для курганской пекарни плакаты к праздникам. Вероятно, подростков привлекали к такой работе потому, что в 1930-е гг. именно молодежь во всей полноте овладевала грамотностью. «Отец работал в это время у нас экспедитором в пекарне. А пекарня находилась … это примерно улица Максима Горького и Пролетарской, там где-то в этом районе…

Там пекли хлеб, булочки, сайки, плюшки. А сайки Вы не знаете, что такое. Это вот такая сдоба… из муки высшего сорта. Ну а хлеб разный: ржаной и пшеничный… Он [отец], собственно, не развозил, приезжали сами. Но там была лошадка. Лошадь была. Мы на этой лошади иногда ездили. Ну, отцу помогали там приходили, в пекарне что-то нужно было сделать. Допустим, перед праздником писали там лозунги "Да здравствует 1 мая!" Мы с Григорием туда приходили. Нам, значит, за это дело плюшек давали».

Для устных источников характерно яркое, красочное описание действительности. Следующий отрывок воспоминаний словно переносит нас в Курган 1930-х гг. «Вот когда по Ленина лошадь рысью идет с телегой, то грохот такой! Там же эти самые были выложенные булыжником. А по Максима Горького чурками был выложен. Вот такими деревянными чурками… Вся дорога. Ну там я не помню, с какого до какого. Порядочно... Один раз очень большой ливень был, вода там затопила, и чурки потом все всплыли. Тротуары были деревянные. Ну не везде, а вот по Ленина, допустим, по Куйбышева туда деревянные тротуары были… Город был… Первое здание это было только в пятьдесят втором году, это «белый дом» — угол Куйбышева и Ленина… Частные домики были. Вот у нас. Вот наш дом стоял, как щас если говорить, муниципальный, «комхозовский» тогда назывался. Следующий дом одноэтажный на несколько, ну сколько там, семьи три жило. А потом пошли уже частные дома… Вот это жактовский он и есть, вот эти два дома. Платили мы квартиру, гроши какие-то вообще».

В.Е.Кунгуров в своих воспоминаниях касается и темы праздников. Советские праздники сопровождались демонстрациями, о которых упоминает Вениамин Евграфович. Митинги проходили на площади, которая впоследствии была застроена. Значимым было празднование Нового года, в городском саду устанавливали елку, заливали каток, делали ледяные горки. Среди угощений праздничного стола В.Е.Кунгурову запомнилась сдобная выпечка. «На праздники у меня мать ходила сюда вот, на эту кухню, там русская печка. И стряпала эти — плюшки, чтобы… Праздник есть праздник соответственно. Вот так, значит, мы ходили обычно на демонстрацию. Демонстрация была, вот площадь была по…

Коли Мяготина, там площадь была. На этой площади и демонстрации проходили, и красноармейцы принимали присягу... Примерно от Ленина и до Комсомольской была… Ходили на демонстрации. Приходили потом, когда домой, такой приятный запах этого… стряпни, садились, значит, и принимали… Обязательно отмечали Новый год… С тридцать шестого один раз елку делали. Собственно, у нас и ставить-то и некуда было, площадь-то небольшая была… А в городе в горсаду была елка, елку делали. Здесь площади не было. Тут же там проходила улица Рабочая, где щас Комсомольская. Вот. А вот здесь, где сейчас областная дума, она достроена, вот это часть дальняя, там Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа».

Вениамин Евграфович уделяет много внимания описанию своих детских забот, что для исследователя повседневной жизни чрезвычайно интересно. Повторимся, что разговор о детской повседневности идет в контексте описания семейного и городского быта. Так мы узнаем, что вся семья Кунгуровых жила в одной комнате, которая служила одновременно кухней, спальней, а также местом для игр и учебы. «Ну вот наш дом здесь был. Здесь у нас стояла кровать. Здесь у нас трельяж стоял. Здесь стол стоял. Здесь еще кровать стояла. Здесь вот был камин.., а здесь сундук с вещами. А тут вешалка еще была. Вот размещались и… Но что интересно, во-первых, у нас в то время электричество было, а потом почему-то, щас не помню, электричества какое-то время не было. Значит, лампами. Ну мы, обычно, увлекались этими самыми книгами, очень много читали книг. Допустим, Майн Рида ну и другие книги. Значит, ночью для того, чтобы…Родители вот здесь спали, а мы с Григорием здесь вот спали. Делали абажур на банку, чтобы не видно было. Родители ругались, что много читаем. Вот и читали тут книги вечером, ночью. И уроки здесь же готовили».

Особую ценность для реконструкции детской повседневности представляет информация об играх и других развлечениях подростков, поскольку эти сведения редко встречаются в источниках официального характера, преобладающих в архивах. В.Е.Кунгуров подробно рассказывает о развлекательном времяпрепровождении курганских мальчишек: описывает игры, зимнее катание на горках и катках, летний пионерлагерь, танцы и др. «Конечно, вот

так теперешних игрушек и спортивного инвентаря такого не было… Мы все делали сами. Крокет… Это, значит, шарик, так, молоточек, подбивать его, дужек ставят вот на таком расстоянии, чтобы через все дужки пройти. И кто дужку прошел, первый без остановки, значит, тот выигрывает. Это называется крокет. Дальше в лапту играли… Но в лапту играли уже на улице. Тогда же мало движения было. Прямо на улице в лапту играли. Ну и мастерили самоходные тележки… Колеса делали из этого большого кругляка, когда привозили из леса на дрова. Колеса делали. Потом загибали эти для того, чтобы крутить педали. В общем, все это делали вручную. И когда сделали, прокатишься — это восторг неописуемый. Вот сейчас бы, конечно, для ребят, ну что такое там эти самые, а тут даже, во-первых, и не было его, и не было купить, так что. Зимой мы заливали горки. Нас ребят несколько человек было моего возраста. Сами делали горки во дворе. Обливали снегом и катались на санках. Зимой, значит, мы катались на лыжах. Где катались? На Увале опять… На лыжах идем до Увала, там катаемся, с горок особенно. Любили с крутых горок кататься. Катаемся до тех пор, пока уже сил нет. Обратно идти надо. Это же километров пять нужно пройти. С большим трудом доходим до дому. Ну там отогреваемся, поедим… На коньках. В горсаду иногда заливали каток. В горсаду, как правило, каждую зиму делали большие горки, где щас… вот где кончается Драмтеатр, вот там большая горка каждый год. И вот туда ходили. Там такое же столпотворение».

Воспоминания о летних каникулах у Вениамина Евграфовича связаны с активным отдыхом на природе: купанием, рыбалкой и пионерлагерем. «Каждый год (я-то каждый год, а Григорий не имел такого желания) едем в пионерлагерь. Это был пионерлагерь в Введенке… Ну, это практически там бесплатно было. Ну, символическая плата для пионерлагеря. Летом, значит, мы купались. Где купались? В основном вот по улице Кирова, щас там пляж хоть, раньше была там плотина. Плотину щас сделали по улице Ленина, а там плотина была. Деревянная такая, примитивная. Вот мы там и рыбачили, и там же купались рядом. И прямо на плотину забирались и спускались прямо вот сюда вместе с водой в лоток. Вот. Дальше, где еще купались мы? Ну вот, где Бабьи пески, туда иногда ходили. По крайней мере, лето у нас проходило очень

активно. А пионерлагеря, там тоже была запруда… купаться и плавать можно было».

Достигнув старшего школьного возраста, ребята могли бывать на танцах в городском саду. Насколько можно судить по устным источникам, горсад в Кургане в 1930-гг. был местом общегородских развлечений, где были созданы условия для времяпрепровождения не только детей и подростков, но и людей других возрастов. Здесь летом проходили танцы, работали кинотеатр и аттракционы, зимой располагалась новогодняя елка, каток и ледяные горки. «На танцы ходили. Были ведь танцы в горсаду. Танцплощадка была примерно в том же месте, где в последнее время была, ее разрушили. Вход-то был платный. В этот, в горсад-то платный вход был… А мы что — ребята, через забор. Раз, и готово. Правда, сторожа там ходили. Вот у нас один друг, значит, лез через забор да повис, ну и, конечно, попался сторожу. Ну, че он с ним сделает — пожурил немножко, шлепока дал и сказал: "Вылезай обратно!" … В горсаду зимой, когда каток был, тут все бесплатно. Только летом вот, когда там разные аттракционы. Там же кинотеатр был. Летний кинотеатр в этом горсаду. Он потом сгорел. Так вот танцплощадка, ну и там киоски были. И в этом, где Детский парк, там тоже был железнодорожный сад, так называемый. Железная дорога его обслуживала. Там тоже был кинотеатр, дальше открытые эстрады были. Здесь тоже открытые эстрады были… Ну а потом у нас в школе вечера проводились… на какой-нибудь праздник. Там, значит, различные аттракционы и костюмы новогодние, допустим, под Новый год. Ну, танцы, конечно. У нас там стоял рояль, в этом, в школе. Вот в четырнадцатой школе. Рояль. Ну, вот кто-то там на рояле играл, а мы и учились танцевать, и танцевали».

Воспоминания В.Е.Кунгурова фиксируют большой интерес курганской публики к кино и цирковым представлениям. Сам рассказчик и указал на причину обостренного интереса — отсутствие привычных сегодня телевидения и других средств индивидуального развлечения человека. «Цирк приезжал. Цирк, вот я как щас помню, расположился… универмаг центральный — это где щас курганская типография, дак рядом с ним здание, дак напротив как раз цирк шапито приезжал… это с куполом который, передвижной цирк. Вот мы туда и ходили. Тоже с большим трудом

все это дело, билеты доставалось… А тогда несколько дали представлений и постоянно полностью были заполнены. Ну, тогда не было телевидения… Где вот застава-то [в районе современного Центрального стадиона], там был типа городского сада еще второго. Там был кинотеатр деревянный. И вот в этом кинотеатре я первый раз увидел здесь кино “Красные дьяволята”… Это “Неуловимые мстители” в теперешней, в новой постановке. Вот тогда назывались “Красные дьяволята”, но артисты, конечно, другие были… В кинотеатр “Прогресс” тоже всегда с трудом билеты можно было достать, с трудом. Ну а ребятишки иногда боем прорывались… Ну а контролеры иногда за шиворот выбрасывали… Стоимость, конечно, небольшая была. По-моему, копеек тридцать билет. Ну, для нас он и это, когда работает один отец, а на иждивении три, кроме отца еще: мать и два сына».

Завершается рассказ о повседневной жизни курганских мальчишек характерным для устных источников переплетением воспоминаний о городе, бытовых заботах и собственной оценки происходящего. Думается, что этот калейдоскоп воспоминаний, в сущности, отражает разнообразие аспектов повседневного бытия. «Учился я в четырнадцатой школе, потом меня один год почему-то, там переполнена школа, перевели меня в десятую школу. А десятая школа, где сейчас в этом здании перестроенный “Метрополис”, это угол Володарского и Куйбышева. Тогда была школа десятая, после войны там была филармония. Зимой темнеет. Грязь же, асфальта не было. Осенью и весной мы делали фонарики. Какой фонарик? Из дерева коробочку с трех сторон, а с четвертой стороны делали канавки и вставляли стекло. А внутри свечку. И шли и светили впереди себя… Какое освещение в это время... Не считали, что это плохо-хорошо ли. Так жили. Так и должно быть…».

Действительно, для человека, находящегося в водовороте повседневной жизни, характерно безоценочное существование. Оглянуться, посмотреть на себя со стороны, сравнить, возможно лишь остановившись, выйдя за пределы повседневности. Эта мысль проходит сквозной нитью через все три интервью.

Устные источники несут сильную эмоциональную нагрузку, заключают в себе оценочную информацию и сведения фактического характера. Поэтому исследователю в процессе интерпретации

источника необходимо работать со всеми указанными составляющими. Эмоциональный компонент источника погружает исследователя в атмосферу эпохи через создание ярких, запоминающихся, проникающих в душу образов. Оценочная информация, содержащаяся в устных источниках, может охарактеризовать настоящие и прошлые взаимоотношения человека с окружающим миром и его отношение к самому себе, она помогает глубже понять и вернее интерпретировать источник. Устные материалы содержат большой пласт фактической информации, необходимой историку для реконструкции повседневности. Рассказ человека о собственной жизни вписан в контекст семейной и городской повседневности.

Устная история вводит историка в жизненное пространство конкретного человека, который, находясь с нами лицом к лицу, рассказывает о своем привычном бытии. Люди, чью повседневность изучает историк, перестают для него быть некими абстрактными гражданами, чье существование лишь иногда напоминает о себе. Работа с устными источниками оказалась очень продуктивной. Мы искали сведения о повседневной жизни курганцев, а встретили гораздо большее: через непосредственный контакт с современниками исследуемого периода почувствовали «биение жизни».

Примечания

[1] Подробнее об этом см.: Черепанова Р.С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории // Вестн. ЮУрГУ. 2013. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Т. 13. № 1. С. 80—85; Мазур Л.Н. Голоса сельской истории. Рец. на кн.: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. 525 с. // Изв. УрГУ. 2009. № 3(65). Сер. «Гуманитарные науки». С. 296—302; Черепанова Р.С. «Устная история как вызов историку»: теоретические проблемы и практический опыт на постсоветском пространстве // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20—22 апреля 2009 г., г.Тюмень). Тюмень, 2009. С. 207—211; Лаптева Е.В. Особенности устной истории как метода исторического познания // Там же. С. 211—216.

[2] Мазур Л.Н. Голоса сельской истории ... С. 296—302; Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории. URL: http://www.newlocal-history.com/node/17

[3] Интервью с О.Н.Кряжевских, Ф.И.Захаровой и В.Е.Кунгуровым состоялись зимой 2013 г.

Глава 12

РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945): ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о роли национальных округов Северо-Западной Сибири в обеспечении страны ценным видом продовольствия — рыбой в годы Второй мировой войны является одним из недостаточно изученных в отечественной науке. Объект исследования предполагает изучение формирования экономики мобилизационного типа, предмет — историю рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны. Территориальные рамки исследования охватывают ХМАО в его современных границах. С января 1935 г. по август 1944 г. округ находился в составе Омской области. 14 августа 1944 г. округ отошел к Тюменской области. Площадь новой области составила 1 435,2 тыс. кв. км[1]. Площадь ХМНО составляла 523,1 тыс. кв. км, или более 36% общей территории Тюменской области[2]. На территории округа проживало почти 100 тыс. человек.

Важнейшим условием всестороннего исследования проблемы является формирование адекватной источниковой базы, позволяющей осветить разные стороны данного явления. Сложность объекта изучения влияет на необходимость привлечения разнообразных источников. Первая группа — это многие виды документов партийных и советских органов всех уровней: резолюции, решения, постановления, положения и т.д. В них разрабатывались и реализовывались планы развития рыбодобычи и переработки рыбы. Документы органов власти подразделяются на документы центральных, областных, окружных и районных структур. Они различаются как по содержанию, так и по целям создания. Изучая материалы центральных органов власти, мы получили информацию об основных мероприятиях в сфере рыбного хозяйства, его направлениях, прогнозируемых и реальных результатах.

Документы местных органов партийной и советской власти позволяют охарактеризовать конкретные условия, проблемы и

сложности развития отрасли на региональном уровне и варианты, особенности их разрешения.

Документы органов власти окружного и районного уровней представляют особый интерес, так как позволяют исследовать конкретную ситуацию по всем вопросам истории военного рыбного хозяйства. К их числу относятся докладные записки, протоколы различных заседаний, резолюции, постановления и решения, а также акты проверок и т.п. В этой группе источников особо ценными являются документы низовых советов.

Особое место среди организационно-распорядительной документации занимают документы отчетного характера, которые, в отличие от докладных записок и информационных писем, имеют аналитически производный характер, то есть являются вторичным документом, содержащим обобщения и выводы по различным вопросам рыбодобычи и рыбного производства.

Важнейшую группу источников по изучению истории рыбного хозяйства представляют делопроизводственные материалы СНК СССР и КПСС, опубликованные в сборнике «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам»[3]. В третьем томе представлена распорядительная документация: решения, резолюции, приказы, инструкции. Одним из первых документов военного времени является Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии».

Документы Казенного учреждения «Исторический архив Омской области» представлены фондами объединенных архивов: партийного и государственного. Фонд Омского Облисполкома — Ф. 437 — содержит большое количество документов, в том числе и по истории Ханты-Мансийского национального округа 1939—1944 гг. Изучены дела, содержащие информацию о результатах выполнения плана народно-хозяйственного и социально-культурного строительства области по годам, конъюнктурные обзоры по всем отраслям народного хозяйства Омской области, решения облисполкома о развитии рыбного хозяйства ХМНО, сводки рыбодобычи, отчеты о заготовке и поставке рыбы и мн. др. Ф. 1878 «Омский облпотребсоюз» содержит документы о Ханты-Мансийском окррыболовпотребсоюзе. Ф. 1088 «Омская

областная плановая комиссия» содержит документы о рыбном хозяйстве: планы, сведения по вылову рыбы и др.

Ф. 17-П «Омский обком ВКП(б)» содержит большое количество документов о развитии рыбного хозяйства. Изучены дела, содержащие приказы и распоряжения СНК СССР по вопросам работы народного хозяйства области, постановления и распоряжения Совета по эвакуации, отчеты Омского обкома ВКП(б), справки о работе рыбной промышленности, справки о результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за 1944 г., протоколы заседаний бюро обкома ВКП(б), информация о работе райкомов Ханты-Мансийского округа и др.

14 августа 1944 г. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа отошли к Тюменской области. Ценные документы хранятся в этой связи и в архивах Тюменской области. Для нас наиболее важны Ф. П-107 «Ханты-Мансийский окружком ВКП(б)» Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Изучены все **протоколы заседаний бюро** Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за период с июня 1941 по август 1945 гг.; **протоколы заседаний всех пленумов** Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за годы войны[4]. Здесь содержатся статистические сведения о развитии рыбного хозяйства, сравнение плановых показателей с их выполнением, анализ причин невыполнения. Автором изучены все **протоколы окружных партийных конференций**. В них отражены итоговые показатели развития рыбной отрасли за определенный период[5]. В материалах окружных партконференций содержатся доклады о работе окружкома[6], дающие представление о развитии рыбного хозяйства.

В фонде П-107 содержится также **отчет о работе** Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за период 1943—44 гг.[7], **отчет о работе** Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за 1943 г. и первый квартал 1944 г.[8] Эти документы ценны тем, что в них содержатся обобщенные данные по рыбодобыче, консервному производству, трудовым ресурсам и т.д.

Весьма ценным является «Доклад о работе Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) на заседании бюро Омского **обкома ВКП(б) 5 июля 1944 г.»**, где представлены итоги развития округа

за годы войны, объясняются проблемы, высказываются просьбы и пожелания в адрес обкома партии[9].

Статистические сведения достаточно полно представлены в делах с тематической подборкой документов. Так, в Д. 805 «Общая характеристика развития народного хозяйства округа» содержатся источники о размерах добычи рыбы, производстве валовой рыбной продукции.

В Д. 824 содержится отчетный доклад Окружкома ВКП(б) за 1945 г. В нем представлена информация о развитии не только рыбной промышленности, но и других отраслей народного хозяйства и социокультурной сферы. В Д. 881 представлены документы к бухгалтерскому отчету Ханты-Мансийского государственного рыбопромышленного треста за 1945 г. Здесь содержится большое количество информации по всем предприятиям треста.

Большой интерес представляют материалы фондов первичных партийных организаций, где представлены факты, порой не подлежавшие огласке. Так, в Ф. П-676 «Партийная организация Самаровского консервного комбината» содержатся протоколы партийных собраний в период с 1942 по 1945 гг. В них отражены не только проблемы производственного характера, но и материально-бытового, трудовой дисциплины, снабжения и т.д.

В **Государственном архиве Тюменской области** изучено несколько документов из Ф. Р-814 «Тюменский облисполком». Просмотрены протоколы заседаний и решения, а также стенограмма Первой сессии Тюменского областного совета депутатов трудящихся первого созыва от 24 ноября 1944 г.[10] Изучение указанных документов позволило представить сложный процесс образования Тюменской области, условия, в которых ей предстояло выстроить отношения с национальными округами.

Одним из базовых фондов **Казенного учреждения «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»** является Ф. 1. «Ханты-Мансийский окрисполком», в котором содержатся документы с момента образования округа. Большой комплекс документов сосредоточен в Д. 191 «Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа». Здесь содержатся источники различных видов, в интегрированной форме дающие важнейшую информацию о результатах социально-экономического развития округа за предыдущее десятилетие, позволяющие

получить сведения о динамике развития рыбного хозяйства в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны[11].

Наибольший интерес для исследователя представляют протоколы Исполкома Ханты-Мансийского окрсовета (1941—1945 гг.). Они содержат разнообразную информацию о положении дел в рыбном хозяйстве округа в годы войны, его проблемах и принимаемых решениях. В годы войны шел дальнейший процесс разукрупнения Березовского, Сургутского, Кондинского, Самаровского районов. В связи с изменением административных границ актуальными становились вопросы водоустройства. В фонде содержатся документы по распределению угодий между советами в районах округа. Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину состояния рыбного хозяйства округа периода войны.

Ф. 60 «Ханты-Мансийский рыбоконсервный комбинат» содержит большое количество документов, в которых отражены вопросы производственной деятельности, структуры комбината, кадров, производственного обучения. Особый интерес представляют статистические документы (отчеты, справки и т.д.), содержащие информацию о динамике производства консервов и рыбопродукции.

Ф. 118 «Ханты-Мансийский государственный рыбопромышленный трест» содержит документы с момента основания треста (1943 г.). В сферу основной деятельности треста входило:

1. Добыча рыбы и зверя, скуп, обработка и сбыт.
2. Организация деятельности рыбозаводов, рыбоконсервных комбинатов, моторно-рыболовных станций, подсобных предприятий.
3. Осуществление мероприятий по переселению в районы деятельности треста рабочих из других районов СССР.

Трест являлся самостоятельным хозрасчетным предприятием, ему присваивался статус юридического лица. Управление трестом находилось в Ханты-Мансийске[12]. По акту раздела к тресту отошли 9 рыбозаводов, консервный комбинат, консервный завод, 6 моторно-рыболовных станций, 2 леспромхоза, лесозавод, совхоз, 2 стройучастка. В фонде содержится большое количество разнообразных видов источников, характеризующих разноплановую деятельность треста, его проблемы.

Важную группу источников составляет эпистолярное наследие: воспоминания и письма, которые показывают историю через личное восприятие и переживание непосредственных участников событий тех лет. В числе опубликованных представляют интерес воспоминания участников трудового фронта Ханты-Мансийского района. Большинство из них в годы войны были подростками и работали наравне со взрослыми[13]. **Воспоминания И.В.Борщова**[14], работавшего в годы войны в аппарате Ханты-Мансийского окрисполкома, содержат весьма ценные сведения о работе советов округа в условиях военного времени. Привлечение воспоминаний позволило получить яркие и образные картины из жизни населения конца 1930—1945-х гг., из жизни всех тех, кто был привлечен к работам на «рыбном» фронте, в том числе дети.

Важную группу источников составили материалы периодической печати, которыми весьма существенно дополняются архивные источники. Их широкое использование служило дополнением происходящему, разумеется, с учетом критического анализа и сопоставления с другими источниками. В периодике прослеживается все многообразие событий и явлений тех лет. Все использованные материалы периодической печати можно разделить на несколько групп:

1. **Центральные научные и научно-производственные журналы**. В их числе журнал «Рыбное хозяйство» — орган издания народного комиссариата рыбной промышленности СССР. В нем помещались статьи о результатах работы рыбной промышленности по полугодиям и годам, статьи, содержавшие описание новых технологий добычи и обработки рыбы, научные статьи, связанные с исследованием ихтиофауны, а также освещался зарубежный опыт и состояние рыбного хозяйства в ведущих капиталистических странах.

2. **Областные журналы и газеты:** «Народное хозяйство Омской области» — орган издания областной плановой комиссии Управления народно-хозяйственного учета; «Омская область» — журнал Омского обкома ВКП(б) и облисполкома; «Омская правда» — орган издания Омского обкома ВКП(б) и Омского областного совета депутатов трудящихся; «Тюменская правда» — орган издания Тюменского обкома ВКП(б) и Тюменского областного совета депутатов трудящихся и др.

3. **Газеты Ханты-Мансийского национального округа**. Среди периодических изданий этой группы важное место принадлежит окружной газете «Сталинская трибуна» — органу издания Ханты-Мансийского окружного комитета ВКП(б) и Исполкома окружного совета депутатов трудящихся, Самаровского РК ВКП (б) и райисполкома. Первый номер вышел 7 июля 1931 г. 7 января 1941 г. газета стала называться **«Сталинская трибуна»**.

Комплексное, объективное изучение разнообразных исторических источников способствовало созданию довольно полного представления о развитии рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа в предвоенные и военные годы.

Примечания

[1] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 198.

[2] Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти. Статистический сборник. Омск, 1967. С. 27.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3: 1941—1952 гг.

[4] Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Ф. П-107. Оп. 1. Д. 630, 631, 686—688, 750, 752, 754, 755, 827.

[5] Там же. Д. 683. Л. 35.

[6] Там же. Д. 824, 825.

[7] Там же. Д. 763.

[8] Там же. Д. 764.

[9] Там же. Д. 765.

[10] Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».

[11] Казенное учреждение «Государственный архив ХМАО—Югры». Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 213.

[12] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191.

[13] Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 4. Л. 234—235.

[14] Северная рыба шла на фронт (из истории Ханты-Мансийского госрыбтреста) // Новости Югры. 1995. 27 апреля; «Приближали как могли …»: Участники трудового фронта Ханты-Мансийского района в годы Великой Отечественной войны. Шадринск, 2006.

[15] Воспоминания Борщова Ивана Васильевича (страницы истории Ханты-Мансийского автономного округа 1930—1950 гг.). Нижневартовск, 2000.

Раздел II

ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII — НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ

Глава 1

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII — НАЧАЛА XX вв.

В XX в., в период постепенного исчезновения кочевого быта, усилился научный интерес историков, археологов, этнографов к истории кочевников, их культуре, хозяйству и отношениям с земледельческими обществами. Территории Монголии, Казахстана, Центральной Азии, Южного Урала, Поволжья и степей Восточно-Европейской равнины (или, другими словами, Великой степи) на протяжении 2-х тысяч лет являлись районом расселения кочевых племен, создания самых грандиозных кочевых империй в истории человечества. Особую роль сыграли кочевники в жизни восточных славян, которые фактически на протяжении всей своей истории контактировали с кочевым миром. Этот контакт на протяжении столетий принимал самые разнообразные формы. Русское государство на протяжении более тысячи лет со времени возникновения и до начала XX в. имело в качестве соседей кочевые общества.

Проблемы отношений России и кочевого мира привлекали российских историков с момента рождения российской историографии. Этими вопросами занимались уже первые русские историки. В.Н.Татищев, М.М.Щербатов в своих обобщающих трудах по истории России положили начало исследованию истории кочевых народов Восточно-Европейской равнины до возникновения Киевский Руси, а затем отношений Руси с печенегами, половцами и монголами. В.Н.Татищев, занимая пост начальника Уральских горных заводов, а затем, возглавляя Оренбургскую экспедицию, собрал и обобщил большой материал о кочевых народах Восточной Европы и Азии[1]. Г.Ф.Миллер и П.И.Рычков, работы которых до сих пор имеют не только историографическую, но, в первую очередь, историческую ценность, занимались исследованием взаимодействия Русского государства с кочевниками в XVII—XVIII вв. на территории Сибири и Урала. Г.Ф.Миллер в «Истории Сибири», а также в неопубликованном «Географическом описании всех провинций Сибири» исследовал историю калмыков,

башкир, ногаев, а также контактов с русскими в Сибири, после присоединения ее к России[2]. П.И.Рычков в «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской губернии» дал развернутый анализ русско-башкирских отношений XVI—XVIII вв. и подробную историю башкирского восстания 1735—1741 гг.[3] Эти работы составили эпоху в русской исторической науке и дали направление позднейшим исследованиям.

Позднее, в XIX в., проблема взаимоотношений кочевников с миром восточного славянства вышла на качественно новый уровень теоретического осмысления. Встал вопрос о том, какова была роль контактов восточных славян и кочевников в русской истории. Русская историография в лице своих крупнейших представителей Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского говорила о борьбе «леса и степи», т.е. оседлого и кочевого мира, как о главной или одной из главных проблем средневековой русской истории. С.М.Соловьев считал, что причиной этой борьбы является географическое положение Восточно-Европейской равнины, расположенной между Европой и Азией, что и обусловило борьбу земледельческого и кочевого населения за ее территории, которые «по своему необыкновенному плодородию» интересуют и тех, и других. В этой борьбе историк увидел явление мирового значения — борьбу европейского и азиатского начал, которые соответственно представлены восточными славянами и кочевниками: «Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить за счет оседлого населения»[4]. С.М.Соловьев первым дал и периодизацию этой борьбы: 1-й этап, с половины IX до XIII вв., — период военного равновесия между Русью и кочевым миром, 2-й этап, с XIII по XIV вв., — время, когда «берут перевес азиаты в лице монголов», 3-й этап, с XIV в., — «пересиливает Европа в лице России». В результате этого процесса русские подчиняют Азию Европе, что является отражением процесса «распространения европейской цивилизации… от запада к востоку по указанию природы»[5].

По словам ученика С.М.Соловьева В.О.Ключевского, степь «была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для нее». Борьба Руси с кочевниками продолжалась, по мнению историка, с VIII по XVII вв. и оставила «самое тяжелое воспоминание русского народа». В первую очередь, борьба с

«хищным степным азиатом» объясняет для В.О.Ключевского многие «европейские недочеты в русской исторической жизни»[6]. П.Н.Милюков противопоставил два «месторазвития» — лес и степь, где «мы имели дело с набегающими одна на другую волнами азиатских кочевников», которые оставили степь такой же, какая она была и до их прихода. Наоборот, именно в развитии земледельческого общества «проходит стержень прогрессирующего процесса истории». Историк пришел к выводу, что соседство восточных славян с кочевниками ускорило создание государства на Руси, когда к этому еще не возникли необходимые внутренние социально-экономические предпосылки[7].

В целом, русские историки видели в кочевом влиянии на Русь негативный фактор, что было прежде всего связано с европоцентризмом старой русской историографии. Русские считались одним из европейских народов, временно оторванным от своих собратьев. Все азиатские кочевые влияния воспринимались как помеха возвращению русских в семью европейских народов, как помеха прогрессу. В XX в., в ходе более глубокого изучения кочевого мира, сформировалась альтернативная точка зрения — кочевники перестали рассматриваться как варвары, враждебные всякой цивилизации. Стало ясно, что кочевники сами по себе являются самобытным миром, с яркой и своеобразной культурой. По словам Г.В.Вернадского, «кочевничество — не определение качества, а описательный термин, обозначающий тип цивилизации, а не характеризующий состояние развития»[8]. Востоковед А.Ю.Якубовский высказал мысль, что военные конфликты леса и степи — это эпизоды на фоне более глубокого процесса непрерывного товарообмена, так как лес и степь не могут существовать друг без друга. Позднее об этом писал Л.Н.Гумилев, создавший ряд монографий и статей по истории кочевых народов Евразии. По его мнению, антитеза «лес — степь» является надуманной: «кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами важен для обеих сторон»[9]. В свою очередь, Гумилеву присуща идеализация кочевого мира, воздействием которого он пытается объяснить чуть ли не все победы России до Полтавской победы и присоединения Крыма включительно.

Однако данный подход не стал общепринятым, выдвинутая С.М.Соловьевым концепция борьбы «леса и степи» также продолжает жить в российской историографии. При этом можно заметить следующую закономерность: о «мирном товарообмене» кочевников и земледельцев говорят, как правило, исследователи именно кочевого мира. Наоборот, о борьбе предпочитают писать историки, изучающие земледельческие общества. Характерно, что американский историк У.Мак Нейл, стоящий на позициях европоцентризма, и в настоящее время оценивает борьбу земледельческих империй (России и Китая) с кочевым миром как борьбу цивилизации и варварства[10]. Крайне негативно оценивает воздействие кочевников на земледельческий мир А.И.Першиц[11]. В формирующейся в 1920—1930-е гг. советской историографии внешние факторы (в частности, и набеги кочевников) первоначально воспринимались как малозначительные, отступающие на второй план по сравнению с экономическим базисом. Однако позднее, уже начиная с 1940-х гг., о глубоком воздействии кочевых набегов на политическое развитие Киевской Руси писали такие крупные специалисты, как Б.А.Рыбаков и С.В.Юшков, считавшие, что кочевники «ускорили процесс развития политического строя и образования русского феодального государства»[12]. В этих взглядах нельзя не видеть большого влияния Московской школы и особенно П.Н.Милюкова.

Таким образом, проблема отношений славян и кочевников до сих пор является актуальной в отечественной исторической науке. Возникло две концепции, анализирующие проблемы взаимодействия леса и степи, которые противостоят друг другу. Это положение побуждало исследователей найти некий новый подход к данной проблеме, который мог бы снять возникшие противоречия путем синтеза. На наш взгляд, наиболее удачно это удалось сделать одному из крупнейших российских ученых XX в. Г.В.Вернадскому. Г.В.Вернадский отказался от старого взгляда, продиктованного европоцентризмом, согласно которому конфликт леса и степи — это конфликт цивилизации и варварства. В то же время ученый смог удержаться от идеализации народов степи в своих трудах. Развивая традиции Московской школы, Г.В.Вернадский увидел в отношениях славян и кочевников, между лесом и степью, «фундаментальную основу» всего процесса истории России, через призму которой он

дал общую периодизацию русской истории в целом. По его мнению, в первый период русской истории хазары, а затем князь Киева Святослав пытались объединить эти две природные зоны «так, чтобы от преобразования их естественных богатств выгадали они обе». После неудачи этой попытки наступает второй период — время «затяжной борьбы леса и степи» (972—1237 гг.). Завоевание Руси монголами открыло третий период русской истории (1237—1452 гг.) — время победы кочевников, степи над земледельцами. В четвертый период (1452—1696 гг.), наоборот, происходит «установление власти лесной зоны над степной культурой кочевников». Наконец, в пятый период (1696—1917 гг.) Россия занимает «естественные границы Евразии», когда происходит окончательное объединение леса и степи — «две великие зоны слились в единое экономическое целое». Такой подход представляется наиболее продуктивным.

Большой интерес вызывают исследования имперской политики России, проблемы отношений Русского государства с кочевыми народами, которые были наследниками монгольской империи. В западной историографии вопросы отношений России с кочевыми народами изучались в работах Г.В.Вернадского, А.Каппелера, Р.Порталя, А.Донелли, Доминика Ливена и других исследователей[13].

А.Каппелер в результате пришел к выводу, что Россия XV—XVIII вв. была не централизованным, а «составным» государством, включая полунезависимые регионы с полным самоуправлением и собственным правителем (гетманство, ханство), области с широкой региональной автономией (Прибалтика) и локальным самоуправлением (Сибирь, Поволжье).

Американский историк А.Донелли считает главными особенностями имперской политики России опору на местную знать и невмешательство во внутренние дела народов. А.Каппелер отмечает также наряду с этим важную роль религиозной терпимости в политике царей и характеризует национальную и религиозную политику Русского государства как гибкую, прагматичную и толерантную по отношению к нерусским народам империи, терпимую к иным религиозным верованиям[14]. В российской историографии история отношений России и кочевых государств в XV—XVII вв. исследовалась в работах В.В.Трепавлова, И.В.Зайцева[15].

Политическая и военная история русской Сибири конца XVI—XVIII вв. может быть названа одной из глав сложной истории отношений восточных славян, позднее Киевской Руси, Русского государства с кочевым миром. Главной политической и военной проблемой русской власти в Сибири были не местные племена, давно уже находившиеся в определенных отношениях зависимости от кочевых объединений, которые до прихода русских в Азию на протяжении тысячелетий распространяли свою власть на оседлые группы к югу и северу от районов Великой степи. Непосредственный предшественник русской власти в крае — Сибирское ханство — и было одной из таких поздних политических организаций, очень типичных для традиционного Востока, где небольшие мобильные группы кочевников подчинили себе ряд племен по рекам Оби, Иртышу, Тоболу и их притокам. Проблемы изучения военной политики России в Сибири XVII в. в отечественной историографии были тесно связаны с проблемами определения характера присоединения Сибири к Русскому государству и роли различных групп русского населения Сибири в этом присоединении. По этому вопросу в отечественной историографии было сформировано несколько концепций. С.В.Бахрушин справедливо отмечал, что «история открытия и завоевания Сибири, еще в XVIII в., превосходно была разработана Миллером, труды которого до сих пор являются основным источником при изучении этого вопроса»[16]. По мнению ученого, литература XVIII—XIX вв. по истории Сибири «только дополняла и исправляла» историческую концепцию Г.Ф.Миллера. Из ученых, которые дополнили эту концепцию новыми данными, С.В.Бахрушин выделял П.Н.Буцинского и Н.Н.Оглоблина.

Г.Ф.Миллер создал первую научную концепцию присоединения Сибири на базе изучения огромного актового материала, собранного самим историком в ходе его десятилетнего путешествия по сибирским городам[17].

Характерно, что Г.Ф.Миллер начинает историю присоединения Сибири к Русскому государству с похода князя Семена Курбского и князя Петра Ушатова в 1499 г. в Югорскую землю[18]. Ученый отмечает, что со времени Ивана IV многие земли «в Сибири у Российской империи в подданстве были и дань платили»[19]. К 1556 г. в царский титул были включены права на Сибирские

земли. Таким образом, поход казаков в Сибирь, который привел к разгрому Сибирского царства, показан в работе Г.Ф.Миллера в качестве одного из этапов в процессе присоединения Сибири к России, главную роль в котором играет государство.

Поход казаков в Сибирь, по мнению Г.Ф.Миллера, был организован промышленниками Строгановыми, которые на востоке фактически стали агентами государства. Однако правительство и в это время участвует в завоевании Сибири. В 1583 г. в Сибирь был послан воевода князь Семен Болховский с отрядом в 500 человек[20]. После ухода казаков из Сибири в 1585 г. государство берет дело завоевания восточного края в свои руки.

Правительственные отряды строили русские военные центры — города с гарнизонами, покоряя тюркское население «под Российскую державу» и накладывая на них дань. Тюмень и Тобольск положили начало основания русской Сибири, «которым с того времени вся земля взята»[21]. К 1591 г. Иртыш, Тобол и большая часть Оби «в Российском подданстве обретались», а население новых территорий было положено в ясак. Позднее правительство строит новые города в Сибири, организует там гарнизоны, снабжает их продовольствием, чтобы «завоеванных народов содержать в послушании», и расширяет территорию Российской державы[22]. Так, после 1592 г. правительство строит новые военные центры Пелым, Березов, Сургут и Тару, опираясь на которые подчиняет окраины Сибирского царства.

Г.Ф.Миллер обосновал тезис о большой роли вольной колонизации в истории Сибири. Изобилие в Сибири пушнины «служило к распространению Российской власти»[23]. Много людей из России шли в Сибирь для торгов и охоты, эти люди «в Сибири общим именем назывались промышленниками, которое слово значит человека на житье себе промышляли»[24]. По мнению Г.Ф.Миллера, вольная колонизация Сибири не противостояла правительственной, а дополняла ее. Промышленные люди в Сибири собирали сведения о дальних землях во время своих занятий и сообщали данные воеводам городов, участвовали в походах для завоевания этих территорий в отрядах служилых людей.

Г.Ф.Миллер приводит большой материал о бунтах местных народов в период Смуты. Ученый первым изучил отношения русских и ойратов в Сибири, исследовав историю посольств, торговых

отношений и столкновений. Г.Ф.Миллер отмечал, что местные народы редко сопротивлялись русским отрядам, что объяснял тем, что они еще не знали чужой власти и жили «в природной вольности». При сопротивлении бунты подавлялись, и от племен брали аманатов. При покорении народов, находившихся на большом расстоянии от городов, в их землях строили новые города или остроги с особыми гарнизонами[25]. Миллер первый указал на важную особенность русской колонизации Сибири: главные города в Сибири строились по важнейшим рекам, по которым русские отряды присоединяли новые территории[26]. Главную роль в колонизации играло государство. Правительство для государственной пользы строило в Сибири новые города, наводило порядок в отношениях между группами населения[27]. Г.Ф.Миллер первым изучил историю строительства слобод и острогов на юге Западной Сибири[28].

Большое внимание Г.Ф.Миллер уделил отношениям русских Сибири с Кучумовичами, ногаями, ойратами, монголами, киргизами — соседями, кочевавшими к югу от русских владений. Г.Ф.Миллер указал, что Кучумовичи не обладали большими военными силами, но представляли большую угрозу для русских в крае, так как «… сибирские народы смотрели на них как на законных владетелей страны»[29]. По мнению Г.Ф.Миллера, в середине XVII в. Кучумовичи совершенно сроднились с ойратами, «с которыми они постоянно кочевали, и с которыми были связаны брачными отношениями»[30].

Г.Ф.Миллер наиболее внимательно изучал проблемы отношений русской власти с народами Сибири, борьбы с Кучумовичами и кочевыми народами, строительства городов и формирования гарнизонов. В концепции Г.Ф.Миллера освоение Сибири проходило совокупными усилиями русской администрации и промышленных людей, при доминировании государственных структур. По его мнению, первоначально на новые территории проходили группы охотников из России, собиравшие для воевод сведения «о местных условиях и тамошних жителях», за ними шли служилые люди, закреплявшие русскую власть строительством городов и острогов. В подходе Г.Ф.Миллера можно выделить два базовых положения: во-первых, он полагал, что Сибирь была завоевана русскими, во-вторых, главную роль в этом завоевании играло

государство, которое действовало за Уралом через посредство своих агентов — служилых людей; представители «вольной колонизации», промышленные люди, по его мнению, играли второстепенную роль.

Концепция Г.Ф.Миллера оказала громадное влияние на развитие русской исторической науки. П.М.Головачев справедливо отмечал, что историки XIX в. П.А.Словцов и В.К.Андриевич писали свои труды на актовом материале, который уже был опубликован и использован в XVIII в. Г.Ф.Миллером и И.Е.Фишером. «История Сибири» Г.Ф.Миллера получила высокую оценку крупнейшего русского историка В.Н.Татищева, который считал, что этот труд должен быть образцом для других историков, желающих писать научные работы о России[31].

В XIX в. изучение истории Сибири в русской исторической науке продолжилось. В это время история Сибири стала изучаться в работах по общей истории России. В последних томах своего фундаментального труда Н.М.Карамзин уделил внимание и началу присоединения Сибири. Н.М.Карамзин считал завоевание Сибирского царства в конце XVI в. заслугой правительства Бориса Годунова. По мнению историка, случай принес Ивану IV Сибирь, а государственный ум Бориса Годунова надежно закрепил ее за Русским государством. Историк отмечал, что Борис Годунов мало воевал, а больше строил русские города-крепости с гарнизонами на Волге для подчинения черемисов, на юге для борьбы с набегами кочевников и в Сибири для завоевания Сибирского ханства. Н.М.Карамзин видел особую роль строительства Обского городка в 1585 г., Тюмени в 1586 г. и Тобольска, который «сделался новой столицей Сибири»[32]. Русское государство укрепляло свои позиции в Сибири «заложением новых городов» от Урала до бассейна Оби[33]. В результате военного превосходства русских крепостей Кучум не мог серьезно мешать русскому влиянию в крае. Разгром Кучума окончательно утвердил русское владычество над Северной Азией[34] .

Н.М.Карамзин показал, что населением городов Сибири в это время были военные люди, стрельцы и особенно казаки из Литвы и Украины. Кроме того, правительство привлекло к военному делу в борьбе с Кучумом и коренных жителей Сибири[35]. По мнению историка, переселение правительством Бориса Годунова в Сибирь

отдельных групп крестьян играло важную роль в присоединении восточных территорий. Высокая оценка Н.М.Карамзиным политики Бориса Годунова в деле правительственной колонизации Сибири оказала большое влияние на историков Сибири, особенно на П.А.Словцова.

В 1837 г. вышел труд П.А.Словцова, который, наряду с трудами Г.Ф.Миллера, привлек к исследованию другие материалы. Роль вольных казаков в завоевании края, по мнению П.А.Словцова, закончилась в 1585 г., после их ухода с Тобола. Сибирь стала русской, когда правительство начало строить на востоке города с гарнизонами. П.А.Словцов считал началом русской колонизации Сибири основание Обского городка в 1585 г., строительство Тюмени в 1586 г. и Тобольска в 1587 г.[36] По мнению П.А.Словцова, Тобольск уже в 1590 г. стал главным центром Сибири. Исследователь высоко оценивал роль в Сибири Бориса Годунова, который, по его мнению, и был автором политики строительства в крае городов и острогов, разрезавших связи местных племен.

П.А.Словцов полагал, что правительство построило в Сибири для защиты края четыре линии укреплений. На главной линии находились русские города по реке Туре — Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск, остроги по Иртышу — Тара, Томск и Красноярск. На северной линии стояли города Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Кетск. Еще далее к северу находились города третьей линии — Обдорский острог и Мангазея, построенные для контроля над торговыми людьми. Позднее к югу от главной линии начала строиться южная линия, которая начиналась из острогов и слобод по реке Исеть и тянулась до Кузнецкого острога. Эта линия русских укреплений была построена для защиты главных центров Сибири от набегов кочевников, а также для организации земледелия в крае. Ученый делал заключение, что кочевники часто прорывали эту линию, но ее опорные пункты — замки были надежной защитой для колонистов[37].

Эти укрепления начали строиться в борьбе с Кучумом, однако разгром улуса царя в 1598 г. не изменил положения русских в Сибири. П.А.Словцов указывал на то, что после 1598 г. у русских в Сибири имелось много сильных соперников. В этом качестве П.А.Словцов упоминает ногаев, кочевавших на реке Уй, ойратов, которые в XVII в. мигрируют в районы Южной Сибири,

теленгутов, урянхайцев и киргизов, которые, по мнению ученого, кочевали от реки Абакан до реки Яик. Надо отметить, что здесь П.А.Словцов ошибался, объединяя енисейских киргизов, которые кочевали на Абакане, и казахов, которых русские называли киргизами и которые позднее заняли Яик. Кроме того, П.А.Словцов полагал, что ясачное население Сибири оказывало поддержку Кучумовичам, которые пытались восстановить свою власть над Сибирским царством[38]. По мнению ученого, именно подобное положение русских, которые оказались в XVII в. в Сибири соседями многих сильных соперников, не дало им колонизировать в это время южные территории Сибири[39]. Все эти факторы привели ученого к выводу о большом значении государства и служилых людей в Сибири XVII в. В концепции П.А.Словцова главную роль в присоединении Сибири играло государство: «возобладание Сибирью, возобладание не шаткое, конечно, было творением царским»[40]. Начало крестьянской колонизации П.А.Словцов связывал с действиями правительства, однако отмечал, что с указа 1597 г. начало формироваться вольное население Сибири. В результате П.А.Словцов стал автором одного очень авторитетного исторического мифа, согласно которому Сибирь с конца XVI в. стала прибежищем «беглых крепостных и разного рода бродяг». По мнению ученого, группы беглых крестьян уже с начала русской колонизации бежали в Сибирь, селились без контроля администрации и «жили себе долго, не зная никаких податей и повинностей»[41].

С.М.Соловьев полагал, что присоединение Сибири явилось частью великого процесса колонизации, которая, по мнению ученого, была одним из главных явлений русской жизни[42]. Русское государство, объединенное московскими князьями, дало возможность народу продолжить колонизационное движение. Однако в XVI в. русское продвижение на новые территории в разных регионах привело к различным результатам. На Кавказе в конце XVI в. правительство не добилось больших успехов в результате сопротивления горцев, за которыми стояла могущественная Турция. В Сибири Русское государство добилось решительной победы. С.М.Соловьев справедливо связывал начало присоединения Сибири к Русскому государству с завоеванием Казани в 1552 г., в результате которого ряд владельцев Северного Кавказа и хан

Сибирского ханства признали верховную власть Москвы[43]. Однако в 1563 г. Сибирское ханство было завоевано Кучумом, порвавшим связи с Русским государством. В это время большую роль в русском движении на восток сыграли «мирные промышленники» Строгановы, которые на Урале столкнулись с набегами на свои владения из Сибирского ханства. С.М.Соловьев считал, что в 1574 г. Иван IV предоставил Строгановым право на завоевание района реки Тобол. Реализовать эти планы пришлось нанятому Строгановыми отряду казаков, которые считались в истории России «передовыми дружинами колонизации»[44]. Однако после ухода с Тобола казаков правительству пришлось взять завоевание Сибири в свои руки.

С.М.Соловьев отмечал, что завоевание Северной Азии происходило силами небольших военными отрядов. Главным делом государства в это время было строительство городов — крепостей с гарнизонами. Ученый отмечает строительство Обского городка в 1585 г., Тюмени в 1586 г., Тобольска в 1587 г., а затем Пелыма, Березова, Сургута, Тары на окраинах Сибирского ханства. По мнению ученого, основным средством «укрепления Сибири за Москвой было построение городков, население их ... русскими людьми»[45]. С.М.Соловьев считал, что главную роль в процессе присоединения Сибири играло правительство, которое строило города, набирало служилых людей и крестьян. Ученый также отметил и начало переселения в Сибирь вольных людей[46].

В последней трети XIX в. заметным событием в исторической литературе о Сибири стали работы В.К.Андриевича. В.К.Андриевич, как и П.А.Словцов, не был профессиональным историком, а сделал успешную военную карьеру, дослужившись до звания генерала и должности начальника штаба войск Забайкальской области, а позднее воинского начальника в Иркутске и Красноярске. В.К.Андриевич начал изучать историю Забайкалья из практических нужд, так как в то время не было пособия, где бы просто и доступно излагалась история русской колонизации Сибири. Позднее интерес к истории Забайкалья привел В.К.Андриевича к необходимости написания общей истории русской Сибири с конца XVI по XIX вв. В 1886—1889 гг. вышли в разных городах России семь томов по истории Сибири. К сожалению, В.К.Андриевич не имел исторического образования, что отразилось на качестве его

трудов. По истории XVII — начала XVIII вв. В.К.Андриевич не использовал архивные материалы, почти не затронул опубликованные источники и мало пользовался исторической литературой[47].

Главными источниками его труда по первой половине XVII в. являются работы Г.Ф.Миллера, Фишера и Щеглова, по второй половине XVII в. В.К.Андриевич привлекал также законодательные акты, опубликованные в ПСЗ. Однако если учесть, что работа Фишера базируется на источниках Миллера и является пересказом его монографии по истории Сибири, а работа Щеглова носит компилятивный характер и, главным образом, также по данному периоду базируется на работах Миллера, то получается, что первый том истории Сибири В.К.Андриевича является фактически популярным изложением концепции Г.Ф.Миллера. В.К.Андриевич уделял главное внимание в своем труде военным и административным проблемам истории Сибири, а также описывал взаимоотношения русских с кочевыми народами. В.К.Андриевич выделял как фактор, влиявший на ход развития Сибири XVII в., отношения с ойратами, башкирами, киргизами, однако источниковая база не позволила ему дать полную картину этих контактов. Поэтому сведения В.К.Андриевича по отношениям с кочевниками довольно отрывочны, при этом автор делает ряд интересных замечаний. Так, по мнению В.К.Андриевича, ойраты «не могли брать русских острогов, но грабили» ясачных людей, что приводило к их бунтам против русской власти. Это положение автора не совсем верно, ойраты иногда устраивали осады и захватывали русские остроги, однако делали это очень редко.

В.К.Андриевич полагал, что с 1636 г. в набегах ойратов на Сибирь наступило затишье, хотя грабежи кочевников иногда продолжались[48]. Разгром Урлюка, который в 1643 г. перешел от Тобола на запад, доставил облегчение южным уездам Сибири. После ухода ойратов на Волгу грабежи в Тарском, Тюменском и Томском уездах продолжали только Кучумовичи[49]. Однако В.К.Андриевич отмечал, что в 1659—1660 гг. ойраты совершили новые крупные набеги на Тарский уезд. Надо отметить, что кроме джунгар и ойратов Урлюка на юге Сибири в это время находилось еще несколько крупных улусов ойратов. По мнению В.К.Андриевича, в XVII в. русские крестьяне селились в районах к западу от реки Тобол, а вся

остальная Сибирь наполнялась «бродячим русским людом, промышленниками, и разными рода служилыми — казаками, стрельцами, литвою, и черкасами»[50].

Формирование гарнизонов представлялось В.К.Андриевичу следующим образом: первое время гарнизоны острогов были небольшими, приблизительно по 40 человек, как в Нарымском и Кетском острогах, позднее количество служилых людей увеличилось до нескольких сотен человек для борьбы с частыми бунтами инородцев. Таким образом, В.К.Андриевич решил, что минимальные гарнизоны Нарымского и Кетского острогов можно считать начальными для обычного сибирского города. Это положение можно считать ошибочным, в большинстве гарнизонов городов Западной Сибири после основания находилось несколько сот служилых людей. Гарнизоны острогов, по В.К.Андриевичу, набирались из трех главных категорий: 1) охочих людей; 2) из переведенных служилых людей из русских городов; 3) из пленных. В.К.Андриевич считал, что в XVII в. в России было много желающих зачислиться в сибирские казаки, что доказывал фактом направления в 1635 г. 910 служилых людей в три русских города Сибири — Тобольск, Тару и Тюмень. Это были как раз служилые люди, переведенные правительством в Сибирь, и это событие не может быть доказательством желания русских людей жить на востоке.

В.К.Андриевич считал, что литва и черкасы быстро становились «русскими, сибирского типа». В качестве доказательства этого мнения В.К.Андриевич отмечал, что во второй половине XVII в. в указах не встречаются термины «литва и черкасы». Это положение автора не подтверждается источниками, подобные термины употребляются, хотя и гораздо реже, чем раньше. В другом месте историк пишет, что литва и черкасы появились в Сибири только после войны с Польшей (1654—1667 гг.). Это мнение является ошибочным. По мнению В.К.Андриевича, «склонность к обрусению проявлялась» в XVII в. и среди служилых тюрков Сибири, на что историк не приводит доказательств[51]. В.К.Андриевич отмечал как факт, что к середине XVII в. русское население имелось только в городах и по рекам, впадавшим в реку Тобол, остальная территория Сибири, редко населенная инородцами, держалась «русской вольницей». К ней историк относил как промышленников,

бродивших по тайге, так и казаков, сидевших по острогам[52]. Как попали сибирские служилые люди в эту категорию «русской вольницы»? В.К.Андриевич, сравнивая материалы о сибирских служилых людях XVII в. с традициями регулярной русской армии второй половины XIX в., где он служил и которую знал очень хорошо, пришел к выводу, что среди казачества русских городов царили «своеволие и неурядица». Это положение автор подкрепляет фактом, что казаки иногда совершали нападения на кочевников для грабежа[53]. Конечно, подобная точка зрения является крайне односторонней.

В целом надо отметить, что В.К.Андриевичу не хватало знаний о служилом мире XVII в., даже его численность была историку неизвестна. Он писал, что во второй половине XVII в. количество служилых людей Сибири увеличивается, но не мог привести точные данные о составе сибирских гарнизонов. Примером организации войска Сибири для В.К.Андриевича была военная организация Перми. Историк приводит царскую грамоту 1662 г. воеводе Перми Михаилу Голенищеву о сборе ратников с уезда по одному человеку с пяти дворов для похода на башкир и считает, что такой же была и организация в городах Сибири[54]. Пример очень показателен. На самом деле, в Перми собирали тяглых людей, поэтому и сбор идет по одному человеку с пяти дворов. Пермь по своей военной организации была близка к городам Поморья, в большинстве которых вообще не было служилых людей. В Сибири в XVII в. именно служилые люди были наиболее значительной, а во многих городах даже единственной группой русского населения.

Работы В.К.Андриевича, при всех своих достоинствах, показали необходимость привлечения новых источников по истории Сибири. Г.Ф.Миллер писал свои труды главным образом на основании архивов уездных городов Сибири. В последней трети XIX в. историки Сибири стали привлекать материалы центрального управления — фонд Сибирского приказа. Большую роль здесь сыграла работа Н.Н.Оглоблина, составившего очень важный и нужный для науки труд, раскрывший богатства этого фонда. Н.Н.Оглоблин написал на основе найденных им источников ряд ценных работ по истории Сибири[55].

Большое значение в исторической науке этого периода имели работы П.Н.Буцинского[56]. В 1889 г. профессор Харьковского университета П.Н.Буцинский опубликовал монографию «Заселение Сибири и быт ее первых насельников», которая стала результатом серьезной работы с источниками. П.Н.Буцинскому удалось ввести в научный оборот большое количество новых материалов по истории Сибири XVII в. из фонда Сибирского приказа. Можно сказать, что после Г.Ф.Миллера работы П.Н.Буцинского стали важным этапом в изучении истории Сибири XVII в. В результате П.Н.Буцинскому удалось решить ряд вопросов, которые поставил еще Г.Ф.Миллер, но которые так и не были решены по причине недостатка источников. Так, в свое время Г.Ф.Миллер, за отсутствием материалов, предположил, что Сургут был основан примерно в то же время, что и Березов — в 1593 г. Надо отметить, что историк был очень близок к истине. П.Н.Буцинский нашел грамоту об основании города Сургута и доказал, что это произошло в 1594 г.[57]

П.Н.Буцинский, как и большинство историков, видел в истории Сибири два вида колонизации — правительственную и вольную. Первенство в заселении Сибири П.Н.Буцинский отдавал именно правительственной колонизации. Историк справедливо утверждал, что первыми жителями края «были те служилые люди, которые и завоевали его»[58]. По мнению ученого, формирование русского населения в крае в первые годы происходило главным образом в результате действий администрации. Воеводы и головы, назначенные в Сибирь, набирали служилых людей из служилого класса и «гулящих людей». Кроме того, в первых экспедициях участвовали другие группы населения — крестьяне, посадские люди и представители духовенства. Однако и эти колонисты приходили в Сибирь на условиях администрации, с целью выполнения различных государственных служб. Воеводы, присоединив новые территории и основав город, уезжали на Русь, но основной состав экспедиции оставался в новом городе, выписывая себе из Руси семьи и крепостных людей. Позднее правительство также продолжало заселять уезды Сибири, переводя туда служилых людей и крестьян. Первые группы русского населения были переведены правительством двумя основными способами: «по указу» и «по прибору». В русских городах обычно воеводой

«прибирался» сотник, он находил десятников, а они набирали рядовых служилых людей. Так формировались отряды «по прибору». Однако при необходимости правительство переводило с Руси служилых людей по государеву указу. П.Н.Буцинский отмечает ряд крупных переводов в Сибирь. Так, в 1631 г. на восток по приказу правительства отправились 500 казаков и стрельцов из городов Поморья, в 1635 г. 500 стрельцов из Устюга Великого из семей служилых людей[59]. Таким образом, «по прибору» и «по указу» правительство «прибирало» и крестьян в Сибирь, давая подмогу от 25 руб. до 135 руб. на семью[60]. П.Н.Буцинский указал на большое значение еще одной формы правительственной колонизации — ссылки в деле колонизации Сибири, которое в то время не было понято Ядринцевым и Щегловым. По мнению ученого, «московское правительство, прежде всего, смотрело на ссылку в Сибирь как на средство заселения этого края»[61]. По подсчетам П.Н.Буцинского, с 1593 по 1645 гг. в Сибирь было сослано около 1 500 человек, не считая их родственников, из них 650 европейцев (литва, поляки, немцы) и 850 русских подданных. П.Н.Буцинский отмечал, что общее количество сосланных было гораздо больше. По данным ученого, с 1614 по 1624 гг. в Сибирь было сослано 560 человек.

Какое место в крае имела вольная колонизация? П.Н.Буцинский полагал, что в это время вольная колонизация была очень тесно связана с правительственной политикой, была зависима от нее. На восток приходили так называемые вольные, гулящие люди, тяглые люди, холопы, бежавшие от хозяев, разбойники, однако в Сибири XVII в. они «служили контингентом для набора казаков, стрельцов, беломестных казаков, пашенных и оброчных крестьян»[62]. По мнению П.Н.Буцинского, в первые 60 лет русской колонизации Сибири до 1645 г. «таких добровольных переселенцев ... было очень мало»[63]. Правительство с трудом находило для заселения сибирских уездов несколько десятков крестьян, даже при условии оказания им государственной подмоги[64]. П.Н.Буцинский подсчитал, что к 1645 г. в семи уездах Западной Сибири (без Сургутского уезда) имелось только 8 тыс. русских семей и 5 тыс. инородцев, хотя, по мнению ученого, реальная численность населения была несколько выше[65]. Историк показал большое значение борьбы с кочевниками, движениями ясачного населения в истории

Сибири XVII в. Ученый доказал, что строительство русских городов Сибири определялось в первую очередь стратегическими целями: опираясь на города, правительство закрепляло под русским контролем части Сибирского царства. Так, по мнению П.Н.Буцинского, постройка Тары была вызвана, главным образом, военными целями[66]. Город был возведен для разгрома Кучума и закрепления под русским контролем среднего Иртыша. В целом, П.Н.Буцинский видел в колонизации Сибири результат действий Русского государства: «московские цари… хотели заселить далекую свою вотчину и для этого прибегали к … разнообразным средствам»[67].

Большое значение действиям государства в Сибири уделяли историки Сибири Н.А.Абрамов, И.В.Щеглов, А.Дмитриев[68]. Ряд важных проблем военной политики России в Сибири конца XVI—XVII вв. исследовал А.Дмитриев в работах по истории Пермской губернии на основании материалов Верхотурской приказной избы. Ученый подробно изучил процессы военного строительства на территории Верхотурского уезда, основания острогов и слобод, формирования русского населения в крае. Большое внимание А.Дмитриев уделил выступлениям ясачного населения, прежде всего башкирским восстаниям XVII—XVIII вв., влиянию этих движений на русскую Сибирь. После ухода казаков из Сибири завоевание этой территории стало делом правительства Русского государства. В 1586 г. русский отряд построил город Тюмень, «на этот раз Московское правительство распорядилось именно так, как следовало поступить», чтобы подчинить край[69]. Большое значение в присоединении Сибири имело строительство двух русских центров Сибири — Тюмени и Тобольска; «утвердившись в этих двух важнейших стратегических пунктах Сибири», русские подчинили себе все территории по Тоболу, Иртышу, Оби[70].

А.Дмитриев связывал основание новых городов Сибири с необходимостью дальнейшего завоевания территорий на востоке. В 1594 г., по мнению Дмитриева, было основано два города: на западе Сибирского царства Пелым — для борьбы с князем Аблегиримом, союзником Кучума, на юге Тара — для борьбы с Кучумом, который был главным соперником русских в Сибири. Главным назначением города Тары, по данным Дмитриева, была роль военной базы, опираясь на которую русские могли начать на юге

«наступательную войну» с Кучумом[71]. Правительство назначило «исполнителем этого плана» князя А.В.Елецкого, с которым был отправлен отряд в 1 500 человек. Дмитриев отмечает, что подобной армии в Сибирь Москва не отправляла с начала XVI в.[72]

Ряд проблем сибирской истории были исследованы Д.И.Иловайским. Начало русской колонизации Сибири Иловайский видел в строительстве Русским государством городов в конце XVI — начале XVII вв. По мнению ученого, русская колонизация в Сибири «сделала значительные успехи» в правление Михаила Федоровича[73]. Эти успехи заключались, главным образом, не в строительстве новых городов и острогов, «а в заведении русских деревень» между Уралом и рекой Обью. По мнению Д.И.Иловайского, в Сибири XVII в. было два главных потока колонизации — служилая и крестьянская, при этом «русская колонизация в Сибири совершалась по преимуществу путем правительственных мероприятий»[74]. Д.И.Иловайский видел в крестьянской колонизации главным образом заслугу правительства: «московское правительство заботилось теперь о заселении его крестьянами, чтобы не только обрусить этот край, но и снабжать его собственным хлебом, который все еще с большими усилиями и затратами доставлялся в Сибирь из внутренних областей»[75]. Д.И.Иловайский писал, что в первой половине XVII в. вольных русских поселенцев приходило в Сибирь очень мало, так как ближайшие к Руси окраины Поволжье и Приуралье были еще мало населены[76]. Д.И.Иловайский полагал, что «высшее областное управление» в Сибири находилось в руках воевод Тобольска. В 1629 г., после образования Томского разряда, между Тобольском и Томском были разделены остальные русские города. Зависимость городов от воевод разрядных центров была главным образом военной, без разрешения разрядного центра нельзя было посылать военные отряды за пределы уезда. Это правило мешало отправке отрядов против кочевников. Но Д.И.Иловайский отмечает, что оно не всегда соблюдалось в Сибири.

К этому времени историки считали, что русская колонизация Сибири была единым процессом. Д.И.Иловайский увидел в присоединении Западной и Восточной Сибири два разных варианта колонизации. Он отметил, что покорение Восточной Сибири за Енисеем потребовало от русских гораздо меньших усилий, чем

покорение Западной Сибири. В Восточной Сибири главную роль играли небольшие отряды казаков и промышленников, которые, постепенно продвигаясь по рекам, приводили к зависимости коренное население. «В Западной Сибири русское завоевание… встретило довольно упорное сопротивление» со стороны Сибирского ханства, а затем от Кучумовичей, ногаев, ойратов и киргизов, которые совершали постоянные набеги на новые русские поселения и ясачных людей[77].

Д.И.Иловайский утверждал, что «покоренные инородцы» Сибири также иногда делали попытки к восстанию против русского владычества, когда еще хорошо помнилась эпоха Сибирского царства. По мнению Д.И.Иловайского, в результате этих восстаний инородцев количество коренного населения в Сибири «сильно уменьшилось по сравнению с эпохой существования Сибирского царства»[78]. Покорение Восточной Сибири, которое по большей части произошло в правление Михаила Федоровича, по мнению ученого, «происходило при гораздо меньших препятствиях, ибо там русские не встретили никакого организованного неприятеля, никаких устоев государственного быта, а только дикие… племена»[79]. Покорение племен Сибири служилые люди закрепили строительством городов и острогов, которые ставились в удобных местах по рекам и на узлах речных сообщений[80]. Д.И.Иловайский отмечал, что во время русской колонизации Восточной Сибири в Западной Сибири начинается борьба «с новым напором кочевых орд» — ойратов, которых теснили другие кочевники — монголы и тюрки[81]. По данным Д.И.Иловайского, в 20—30-е гг. XVII в. ойраты пошли из Монголии на север и запад и заняли земли по верхнему течению Иртыша, Ишима, Тобола, затем до реки Яик, а после пошли на Волгу. По мнению Д.И.Иловайского, движение ойратов на запад было явлением, подобным движению половцев и монголов. Однако «в отношении силы и энергии движение этих орд далеко уступало их предшественникам»[82]. Д.И.Иловайский полагал, что ойраты не были серьезным соперником для Московского государства, потому что они были разделены на отдельные роды, боровшиеся между собой. В то же время Д.И.Иловайский отмечал, что Московскому государству пришлось «напрягать силы» для защиты своих южных территорий от кочевников[83]. Историк считал, что после второй польской войны 1632—1634 гг. главная

забота правительства сосредоточивается на военном деле и обороне Московского государства. В 1636—1640 гг. на юге Руси происходит активное строительство укреплений. Д.И.Иловайский называет это строительство «продолжением все той же русской военной колонизации»[84].

В работах русских историков XVIII—XIX вв. утвердилось представление о решающей роли государства в деле присоединения Сибири к России. Большая роль в формировании этой научной концепции принадлежит Г.Ф.Миллеру, который создал ее на базе изучения всех доступных на тот период источников, в первую очередь, обширного актового материала. Решающее значение в утверждении власти Русского государства в Сибири, согласно этой концепции, представляло строительство в крае городов — русских военных центров, организация в них военных сил, подчинение местного населения и наложение на него дани. Также историки отмечали большую роль отношений русской Сибири с кочевым миром, особенно в первое столетие колонизации края. Таким образом, проблемы истории военной политики России в Западной Сибири находились в центре исследований.

Позднее ученые высказали и разработали ряд новых идей, имевших большое значение для развития науки. Так, Н.М.Карамзин, а за ним П.А.Словцов справедливо полагали, что правительство Бориса Годунова играло важную роль в присоединении к России Западной Сибири. Очень ценной была идея Д.И.Иловайского, согласно которой завоевание Западной Сибири имело ряд глубоких отличий от завоевания Восточной Сибири. На западе края по многим причинам гораздо большую роль играло правительство. К сожалению, после Г.Ф.Миллера долгое время научные труды по истории Сибири конца XVI—XVII вв. опирались главным образом на опубликованные материалы, что мешало развитию научной концепции. Только во второй половине XIX в. появились работы Н.Н.Оглоблина и П.Н.Буцинского, которые были основаны на глубоком изучении материалов Сибирского приказа, содержали большое количество новых материалов и стали новым этапом в развитии историографии Сибири.

Примечания

[1] Татищев В.Н. История Российская. М.; Л. 1962. Т. 1.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, 1941. Т. 1, 2.

[3] Рычков П.И. История Оренбургская (с 1730—1750). Оренбург, 1896; Он же. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

[4] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. С. 57.

[5] Там же. М. 1991. Кн. 7. С. 8.

[6] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 84.

[7] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. Ч. 2. С. 380.

[8] Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 13.

[9] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1993. С. 467.

[10] Мак Нейл У. Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 168.

[11] Першиц А.И. Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. № 2.

[12] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Русь и кочевники. М., 1967. С. 32.

[13] Вернадский Г.В. Московское царство. М., 1997. Т. 1; Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 1997; Порталь Р. Башкирия в XVII—XVIII вв. Уфа, 2000; Донелли А. Завоевание Башкирии Россией 1552—1740 гг. Б.м., 1995; Ливен Доминик. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.

[14] Каппелер А. Формирование Российской империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей. М., 2004. С. 109.

[15] Трепавлов В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007; Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.

[16] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

[17] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн. 1; Он же. Известия о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением // Избранные труды. М., 2006. С. 329—374; Он же. Описание о торгах сибирских // Избранные труды. М., 2006. С. 375—435.

[18] Миллер Г.Ф. Описание … Кн. 1. С. 48.

[19] Там же. С. 56.

[20] Там же. С. 136.

[21] Там же. С. 171.

[22] Там же. С. 178.

[23] Там же. С. 247.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 248.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 275.

[28] Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 100.

[29] Там же. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 32.

[30] Там же. С. 29.
[31] Головачев П.М. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // Журнал министерства народного просвещения. 1902. № 9. С. 58; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л. 1965. Вып. 2. XVIII в. (первая половина). С. 109.
[32] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1883. Т. 10. С. 23.
[33] Там же. С. 25.
[34] Там же. М., 1883. Т. 11. С. 15.
[35] Там же. С. 16.
[36] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Б.м., 1837. Кн. 1. С. 2.
[37] Там же. С. 8.
[38] Там же. С. 12.
[39] Там же. С. 14.
[40] Там же. С. 17.
[41] Там же.
[42] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. С. 670.
[43] Там же. С. 663.
[44] Там же. С. 670.
[45] Там же. М., 1989. Кн. 4. С. 272.
[46] Там же. С. 364.
[47] Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М., 1970. С. 386.
[48] Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Т. 1. С. 106.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 147.
[51] Там же.
[52] Там же. С. 158.
[53] Там же. С. 157.
[54] Там же. С. 178.
[55] Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895—1902. Ч. 1—4.
[56] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 146.
[57] Там же.
[58] Там же. С. 149.
[59] Там же. С. 153.
[60] Там же. С. 155.
[61] Там же. С. 168.
[62] Там же.
[63] Там же. С. 169.
[64] Там же.
[65] Там же. С. 145.
[66] Там же. С. 117.
[67] Там же. С. 167.
[68] Абрамов Н.А. Город Тюмень. Тюмень, 1998. С. 48—95, 380—416; Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг.

Сургут, 1993; Дмитриев А. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1894. Вып. 5. Покорение угорских земель и Сибири.

[69] Дмитриев А. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. С. 205.

[70] Там же.

[71] Там же. Пермь, 1895. Вып. 6. С. 30

[72] Там же. С. 37.

[73] Иловайский Д. И. Новая династия. М., 1996. С. 362.

[74] Там же. С. 363.

[75] Там же. С. 362.

[76] Там же. С. 363.

[77] Там же. С. 365.

[78] Там же.

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Иловайский Д.И. Отец Петра Великого. М., 1996. С. 390.

[82] Там же.

[83] Там же. С. 391.

[84] Там же. С. 360.

Глава 2

Н.Н.ОГЛОБЛИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В СИБИРИ XVII — НАЧАЛА XVIII вв.

В трудах видного отечественного историка и архивиста конца XIX — начала XX вв. Н.Н.Оглоблина, тщательно изучившего необозримую документацию Сибирского приказа, получило отражение, в частности, таможенное управление в Азиатской России.

Как писал ученый, в XVII в. таможню возглавлял таможенный голова, помощниками которого являлись целовальники и работавшие по найму дьяки и подьячие. В обязанности последних входило вносить в таможенные книги данные о товарах и их обложении. Таможенные головы выбирались из первостатейных купцов (и служили бесплатно), а целовальники — из торгового посадского населения. Как голове, так и целовальникам строго запрещалось производить какие-либо торговые операции. За превышение сумм сборов головы получали награду, а если доходы таможни по вине управляющих уменьшались по сравнению с прошедшим периодом, с головы и целовальников взыскивали недочет. За злоупотребления головы подвергались битью кнутом, а иногда и смертной казни.

Как писал Н.Н.Оглоблин, таможенные целовальники и таможенные коморники являлись лицами таможенного управления и подчинялись высшему надзору воеводы[1].

По наблюдениям ученого, воеводские отписки часто сопровождались различными приложениями. Например, к отписке верхотурского воеводы (1646/47 г.) прилагались расспросные речи в съезжей избе таможенного головы и целовальников[2]. К числу редких отписок Н.Н.Оглоблин отнес документы земских властей — отписки земских дел бурмистров, сообщающие об отправке денежных сборов в Сибирский приказ, о назначении таможенных голов и т.д.[3]

Среди отписок, изученных Н.НОглоблиным, встречались отписки целовальников. Так, например, в 1640/41 г. в Сибирский

приказ была направлена отписка якутского таможенного целовальника с известием об отсутствии в Якутске головы.

Сохранилась отписка за 1635/36 г. томского таможенного головы, сообщающая о первых его шагах в этой должности.

О сборе ясака и пошлин говорится, например, в отписке 1635/36 г. мангазейских таможенных голов и отписке 1638/39 г. тобольских голов. К этим документам прилагались росписи из таможенных соболиных книг.

Благодаря отписке 1640/41 г. таможенных мангазейских голов известно об отказе от уплаты сборов торговыми и промышленными людьми. Отписке сопутствует в качестве приложения «скаска» о причинах отказа от уплаты.

По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранились отписки таможенных и заставных голов с описанием досмотра направляемой в Москву ясачной казны. Так, в отписке верхотурского головы говорится о досмотре тобольской ясачной казны в 1635/36 г.[4]

Досмотр тазовской и енисейской соболиной казны зафиксирован в отписке 1635/36 г. заставочного головы Ижемской Печерской слободы.

Н.Н.Оглоблин упоминает и отписку 1635/36 г. енисейских таможенных голов о «выемке» ими у отъезжавшего в Москву воеводы ясака для государевой казны. Из отписки 1636/37 г. тобольского головы узнаем о «выемке» «мяхкой рухляди» у служилых людей. Отписка 1636/37 г. березовского головы тоже сообщала о «выемке» ясака и содержала его роспись.

Ученым отмечается, что не все отписки таможенных голов касались напрямую деятельности этих управленцев. Так, в отписке 1689/90 г. верхотурских голов имеются сведения о постройке деревянного собора.

Сохранилась память от 1646/47 г. верхотурского таможенного головы своему воеводе с данными о торговых людях, ехавших через Верхотурье. К памяти прилагалась роспись провозимого ими имущества[5].

На отписки таможенных голов, как показывает Н.Н.Оглоблин, обязательно следовали грамоты. Такие грамоты посылались головам Верхотурья (1634/35 г.), Тобольска (1637/38 г.), Березова и Мангазеи (1639/40 г.).

Среди документов таможенного управления Н.Н.Оглоблин выделяет отписку (1697/98 г.) вологодского таможенного головы о приехавшем кружечном голове из Сибири с соболями[6].

По указанию Н.Н.Оглоблина, большое количество отписок и грамот сохранилось от таможенных изб Верхотурья, Березова, Мангазеи и Енисейска[7].

О деятельности таможенных подьячих свидетельствуют также челобитные дела. Н.Н.Оглоблин ссылается на просьбу (1625/26 г.) тобольского таможенного подьячего И.Власьева о возвращении его на таможенную службу. Челобитная Власьева была удовлетворена[8].

Челобитная насчет злоупотреблений енисейского воеводы князя С.И.Шаховского и таможенных целовальников поступила в 1631/32 г. от устюжского крестьянина, назвавшегося в челобитной подьячим[9].

Из челобитной березовского таможенного подьячего Д.Шахова, описавшего злоупотребления служебным положением подьячих и их родственников, обнаруживается служилое происхождение сибирских подьячих[10].

В адрес таможенных голов направлялись наказы и наказные памяти. Такие наказы, которых Н.Н.Оглоблину было известно 15, излагали права и обязанности таможенных голов[11]. Ученый делит данные документы на 4 вида. Среди первых были наказы, адресованные только таможенным головам. Таков наказ 1672/73 г. березовскому голове устюжскому посадскому человеку В.Протопопову. К другой группе документов Н.Н.Оглоблин относит наказы и наказные памяти, направленные таможенным и кабацким головам. Примером служит наказная память 1671/72 г. верхотурскому голове устюжскому торговому человеку И.Толстоухову, сменившему устюжанина Л.Самсонова. Следующая группа документов включает наказы таможенным, кабацким и заставным головам, в том числе наказную память 1691/92 г. верхотурскому голове устюжскому посадскому человеку Г.Скорнякову. Наказы и наказные памяти четвертой группы, выделенной Н.Н.Оглоблиным, адресованы таможенным и кружечным головам. Так, сохранилась наказная память 1702 г. енисейскому голове Д.Тушову, назначенному из местных посадских людей, а также память 1703 г. якутскому голове сольвычегодскому посадскому человеку И.Поршенникову[12].

Н.Н.Оглоблин обращал внимание на отписку верхотурского воеводы (1646/47 г.), к которой прилагались расспросные речи в съезжей избе таможенного головы и целовальников[13].

Сибирские служилые люди, приехавшие в Москву, оставили ряд челобитных (за 1665/66—1698/99 гг.) о невзимании таможенных пошлин с товаров, провозимых для собственных нужд. Две подобные челобитные (1697/98—1698/99 гг.) последовали от сибирских служилых и торговых людей с просьбой о снижении таможенных пошлин.

Н.Н.Оглоблиным отмечаются и челобитные дела таможенных заставных, кабацких голов и целовальников. Так, в 1629/30 г. енисейский целовальник торговый человек В.А.Порхачов, направленный в Москву с пушной казной, просил дать подводы для поездки до Выми[14].

Челобитная, составленная енисейским посадским человеком — целовальником при ясачной казне (1633/34 г.), содержала ходатайство о даче подводы из Москвы. Размеры государева жалованья вызвали подачу челобитных и от таможенных голов. Так, сохранились челобитные дела таможенных и заставных голов (1626/27, 1638/39, 1643/44 гг.) из Верхотурья, Березова, Енисейска и других сибирских городов. Челобитные сопровождались выписями из таможенных книг, воеводскими отписками и другими документами[15].

О назначении на места таможенных подьячих также шла речь в челобитных. Так, по указанию Н.Н.Оглоблина, московский подьячий И.Алексеев просил в 1626/27 г. о назначении подьячим тюменской таможенной избы вместо Д.Кособора, и грамота тюменским воеводам удовлетворила это челобитье[16].

По сведениям Н.Н.Оглоблина, в 1639/40 г. в Тобольске было 20 подьячих в съезжей избе и 2 подьячих в таможенной избе[17].

Исследователь ссылается и на факты переходов таможенных подьячих в воеводские избы. 8 февраля 1648 г. Ф.Федотов просил енисейского воеводу Ф.Полибина об освобождении от должности подьячего по причине болезни и старости. Челобитная была удовлетворена, а место Федотова в съезжей избе Енисейского острога занял бывший таможенный подьячий О.Кузьмин[18].

Благодаря государевой грамоте от 1649/50 г., найденной Н.Н.Оглоблиным, известно о переводе в подьячие енисейской

таможенной избы И.Ф.Пузанина после десятилетней казачьей службы. Через четыре года он был переведен воеводой А.Пашковым в подьячие ясачного и денежного стола съезжей избы.

Н.Н.Оглоблиным был выявлен и случай перевода на место подьячего якутской съезжей избы в 1684/85 г. воеводой М.О.Кровковым подьячего таможенной избы Л.Титова.

Н.Н.Оглоблин показал, что по происхождению сибирские таможенные подьячие были служилыми, посадскими, торговыми людьми либо их детьми[19].

В 1646 г. подьячим пелымской таможенной избы стал местный стрелец В.Путилов. Ранее, в 1616/17 г., служилого человека И.Власьева после 30-летней службы назначили подьячим таможенной избы в Тобольске. Спустя семь лет он был переведен в томскую таможенную избу, а в 1624/25 г. отставлен, и его место занял архиепископский сын боярский М.Горяинов[20].

По окладной книге Илимского острога 1653/54 г. Н.Н.Оглоблин приводит сведения о переводе годом прежде торгового человека С.Маркова на место отставленного подьячего таможенной избы Н.Качина.

В изученных документах Н.Н.Оглоблину встретились и сообщения о служивших в воеводских избах подьячих, чье прошлое неизвестно (они его скрывали). Таким подьячим тобольской таможенной избы был, например, Ю.Хворов (1625/26 г.)[21].

Дети духовных лиц также становились подьячими в таможенных избах и других учреждениях, откуда впоследствии переходили в воеводские избы. Так, по данным Н.Н.Оглоблина, протопопов сын Г.Андреев из Тобольска и молодой подьячий местной таможенной избы А.Писарев заняли место умершего подьячего тобольской таможенной избы У.Леонтьева.

Исследователь обратил внимание и на фамилии сибиряков, обнаруживающие происхождение их носителей. В 1654/55 г. в мангазейской таможенной избе на место подьячего Б.И.Попова перевели устюжского подьячего Д.Путилова[22].

Н.Н.Оглоблину встретились и сведения о переходе торговых и промышленных людей на службу подьячими таможенных, а позднее и воеводских изб. Так, в 1652/53—1653/54 гг. торговый человек верхотототемец С.Марков стал подьячим таможенной избы[23]. Н.Н.Оглоблин предполагает переход в подьячие и крестьян:

отрывок «расходной таможенной книги» Сумароковской заставы Мангазейского уезда свидетельствует об оплате пашенному крестьянину Л.В.Заворохину за заполнение таможенных книг[24].

Н.Н.Оглоблиным зафиксированы и случаи перехода провинциальных таможенных подьячих в дети боярские. Так, в 1646/47 г. бывшим подьячим тобольской таможенной избы И.Беседным была направлена просьба о переводе на место подьячего тюменской таможенной избы В.Рускина, ставшего по государеву указу сыном боярским в Тюмени. В 1653/54 г. упомянутый выше подьячий енисейской таможенной избы И.Ф.Пузанин просил назначить его в дети боярские вместо П.Черемисова. В ответ на челобитную И.Ф.Пузанина последовало обещание перевести его на место П.Черемисова только в случае кончины последнего[25].

По замечанию Н.Н.Оглоблина, в 1655/56 г. на месте подьячего тобольской таможенной избы Алексея Писарева сменил сын Александр.

Н.Н.Оглоблин ссылается на одну интересную челобитную середины XVII в., в которой сын тобольского подьячего С.Олферьев просил назначить его подьячим тобольской таможенной избы вместо У.Леонтьева без всякой оплаты за службу. Челобитчик был назначен подьячим, а У.Леонтьева перевели в стрельцы. Н.Н.Оглоблин отмечает, что службу без оплаты с 1647/48 г. подьячими в тюменской таможенной избе несли также Ф.Телятев и И.Беседный[26].

Нередки были случаи нарушения законов воеводами и другими служилыми людьми относительно владения «ясарем», т.е. рабами. Заставочные головы при досмотрах на путях сообщений Сибири с «Русью» часто отбирали провозимых в качестве ясыря сибирских татар, остяков, других инородцев, жен, детей, ребят, девушек. Некрещеных возвращали на родину, крещеных верстали на службу, малолетних отдавали на прокормление служилым людям. Пример несоблюдения запретов правительства на провоз ясыря выявлен Н.Н.Оглоблиным в документе 1636 г. Так, верхотурский таможенный и заставочный голова Д.Обросьев сообщил в Сибирский приказ про «отобрание» 8 человек «крещеного ясыря» возрастом от 13 до 16 лет, провозимого на «Русь» головой при бывшем тарском воеводе князе Ф.Бельском Д.Обросьевым, тарским воеводой Н.Кокошкиным,

воеводским сыном А.Ф.Шишкиным, сыном воеводы князя М.Н.Егупова-Черкасского.[27]

Сторонниками воевод в ходе бунтов нередко были таможенные подьячие. Как отмечал Н.Н.Оглоблин, примером служит Томский бунт 1638 г. После речи И.Ромодановского перед толпой, собравшейся по его приказу у съезжей избы, князь сам схватил И.Матвеева и других его помощников и пытался отвести в тюрьму. В ходе восстания служилые люди были освобождены и угрожали убить сторонников воевод (детей боярских, подьячих, таможенного голову Ф.Печецына и др.)[28].

Сибиряки часто хранили и собирали и запрещенную церковью литературу. К 1652 г. относится дело о «ворожебных письмах», опубликованное Н.Н.Оглоблиным[29]. «Ворожебные письма» были переписаны Никифором Андреевым и Иваном Микишкиным. Роспись «ворожебных писем», найденных таможенным целовальником Иваном Крюковым и соборным попом Обросимом, была составлена ими сразу после осмотра и прочтения этих «писем» [30].

Доклады 1635/36 г. о тобольском таможенном недоборе, о хлебном жаловании сибирским служилым людям, о недостаточном количестве служилых людей в Тобольске сохранили приговоры московского правительства[31].

Н.Н.Оглоблиным рассматривались дела о смене сибирских таможенных, заставных и кабацких голов и пересчете передаваемого ими имущества. Так, к делу 1638/39 г. (о смене и пересчете березовского, мангазейского, верхотурского и других таможенных голов) приложены отписки воевод и таможенных голов, грамоты в их адрес, памяти и доклады в разные приказы, таможенные досмотры. Н.Н.Оглоблин выделяет как ценные документы «заручные выборы» таможенных голов в поморских городах, в том числе «список по выбору» в Устюге мангазейского таможенного головы.

Еще одно дело (1648/49 г.) касалось выбора таможенных голов и целовальников в подведомственные Устюжской и Новгородской четям города. К делу приложены памяти Сибирского приказа, крестоцеловальные записи, отписки устюжского, сольвычегодского и других воевод.

В деле за 1658—1663/64 гг. сохранились данные о смене таможенных кабацких голов в Верхотурье, Томске и других сибирских городах. В дело вошли и документы (наказы, наказные памяти головам) относительно должностных лиц в Устюге, Соликамске и других поморских городах.

Рассмотрено Н.Н.Оглоблиным и дело за 1634/35 г. о назначении тобольским таможенный головой вятчанина торгового человека К.Балезина. Среди других материалов в деле имелись отписки вятских воевод (о получении грамоты, привезенной приставом приказа Казанского дворца Ф.Калачовым из Чебоксар, «скаски» хлыновских земских старост о Балезине).

Следующая группа документов, к которым обращался Н.Н.Оглоблин, касалась смещения с должности в связи со злоупотреблениями по таможенной службе тобольского таможенного головы Д.Лыскова. Дело, датированное 1643/44—1654 гг., предусматривало взыскание с Лыскова при пересчете «пенных денег».

Как отметил Н.Н.Оглоблин, дело 1637/38—1638/39 гг. раскрывало выбор в Соликамске нового таможенного головы и последующую отправку его в Енисейск. К делу были приложены грамоты енисейскому воеводе, отписки соликамского воеводы Б.Комынина, «выборы» усольцами головы.

Одно из дел, рассмотренных Н.Н.Оглоблиным, касалось досрочного отстранения от службы верхотурского таможенного головы устюжанина Д.Путилова и поиска его преемника. Путилов был обвинен в ограблении в период службы подьячим Устюжской приказной избы (до назначения его головой). Обвинение исходило от полковника Я.Друкаря, жену которого и ограбил (судя по показаниям) Д.Путилов.

Следующее дело (1686/87 г.), указанное Н.Н.Оглоблиным, касалось выбора посадскими людьми в Устюге Д.Ошаровского на должность таможенного и заставного головы в Ижемскую Печерскую заставу.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, дела 1656/57 г. о пересчете имущества при отставке верхотурского, енисейского, томского таможенных голов содержали ценные выписи из таможенных приходно-расходных книг[32].

Н.Н.Оглоблиным выделено дело (1628/29 г.) об обнаружении недостатка денег в 1626/27—1627/28 гг. при отчете перед властями

Тобольска от имени мангазейского таможенного головы М.Леонтьева (царевококшайского посадского человека).

По указанию Н.Н.Оглоблина, в деле 1636/37—1640/41 гг. сообщалось о взыскании денежных средств с бывшего мангазейского таможенного головы Д.Мокеева.

Другое дело, привлекшее внимание исследователя, касалось злоупотреблений березовских и обдорских голов А.Чебаевского и Г.Тарамшина. Оно возникло вследствие челобитных таможенных целовальников, торговых и промышленных людей (1638/39—1642/43 гг.) К делу были приложены документы проведенных расследований в Тобольске, Березове и Обдорской заставе и доклады приказа.

Н.Н.Оглоблиным была выделена группа дел за 1664/65—1672/73 гг., предусматривающая отписку «на государя» имущества мангазейских таможенных голов и служилых людей, проезжавших через Верхотурскую заставу.

В деле за 1685/86—1690/91 гг. шла речь о взимании с мангазейских таможенных головы (М.Жданова) и целовальников недостающих денег.

Дело 1692/93—1695/96 гг., рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, фиксировало злоупотребления тарских таможенных головы и целовальников И.Бородина «с товарищами». К делу прилагались таможенные проезжие за 1689/90—1691/92 гг., которые были выданы торговым людям в различных таможнях Сибири, а позже предъявленные ими в тарской таможне в период службы головой Бородина[33].

Согласно отписке якутских таможенных целовальников (1640/41 г.) в Якутске не было таможенного головы. Отписка 1635/36 г. томского таможенного головы сообщает о его приезде в Томск, приеме казны и документации у прежнего головы; к отписке приложена и грамота приказа голове.

Как отмечал Н.Н.Оглоблин, в отписке мангазейских таможенных голов 1635/36 г. говорилось о сборе пушнины с торговых и промышленных людей, о покупке пушнины у промышленных людей для государевой казны. О таком же сборе «мягкой рухляди» говорится в росписи из таможенных соболиных книг, приложенной к отписке тобольских голов за 1638/39 г.

Н.Н.Оглоблин обратил внимание на отписку мангазейских таможенных голов (1640/41 г.), уведомляющую приказ о том, что торговые и промышленные люди отказываются платить десятинную пошлину с хлебных запасов. «Скаски», приложенные к отписке, были взяты у торговых и промышленных людей и раскрывали причины отказа от уплаты пошлины.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, таможенные головы зачастую изымали излишки пушнины и денег, провозимых служилыми людьми. Об этом свидетельствуют отписка 1635/36 г. енисейских таможенных голов, отписка с прилагаемой росписью 1636/37 г. тобольского таможенного головы, отписка с прилагаемой росписью березовского головы за тот же год.

Н.Н.Оглоблин упомянул об отписке за 1689/90 г. верхотурских голов, сообщающей о постройке «на Верхотурье» деревянного собора на таможенные доходы.

Ученым была рассмотрена память 1646/47 г., отправленная верхотурским таможенным головой своему воеводе. К памяти прилагалась именная роспись торговых людей и их оценка товаров.

По заключению Н.Н.Оглоблина, в ответ на отписки обязательно направлялись грамоты. Так, несколько грамот были направлены в адрес голов Верхотурья (1634/35 г.), Тобольска и Березова (1637/38 г.), Мангазеи (1639/40 г.)[34].

Отписки часто сопровождались различными документами. Например, к отписке верхотурского воеводы (1646/47 г.) прилагались расспросные речи в съезжей избе таможенного головы и целовальников[35].

К числу редких отписок Н.Н.Оглоблин отнес и документы земских властей — отписки земских дел бурмистров, сообщающие об отправке денежных сборов в Сибирский приказ, о назначении таможенных голов и т.д.[36]

Среди отписок, изученных Н.Н.Оглоблиным, встречались отписки целовальников. Так, например, в 1640/41 г. в Сибирский приказ была направлена отписка якутского таможенного целовальника с известием об отсутствии в Якутске головы.

О сборе ясака и пошлин говорится, например, в отписке 1635/36 г. мангазейских таможенных голов и отписке 1638/39 г. тобольских голов. К этим документам прилагались росписи из таможенных соболиных книг.

Благодаря отписке 1640/41 г. таможенных мангазейских голов известно об отказе от уплаты сборов торговыми и промышленными людьми. Отписке сопутствует в качестве приложения «скаска» о причинах отказа от уплаты[37].

Наказная память 1702 г. была послана в Енисейск таможенному и кружечному голове Д.Тушову. Якутскому таможенному и кружечному голове И.Поршенникову адресована наказная память 1703 г.

Н.Н.Оглоблин указывает на то, что в течение 1634/35—1703 гг. наказы и наказные памяти в адрес таможенных голов направлялись и в Якутск[38]. Сохранилась наказная память 1651/52 г., которая была дана якутским казакам[39].

Как указывает Н.Н.Оглоблин, сохранилось несколько таможенных счетных списков по таможням Мангазеи (1703 и 1705 гг.)[40].

Исследователем было рассмотрено и дело 1696/97—1700 гг., содержащее сведения о направлении купчины С.Лянгусова с товарищами в Китай. В деле сохранились отписки Лянгусова из Тобольска (составленные им в 1700 г. после возвращения из Китая), челобитные сопровождавших его людей (1698/99 г.) и их «скаски» (1700 г.) о вывезенных товарах[41]. Как показывает Н.Н.Оглоблин, «скаски» были поданы в адрес таможенного головы гостиной сотни В.Саватеева, а им, в свою очередь, переправлены в Сибирский приказ[42].

Как отмечено Н.Н.Оглоблиным, по сибирским рекам плавали и якутский сын боярский Василий Власьев, и таможенный целовальник Кирилл Коткин, о чем идет речь в отписке якутских воевод Д.Францбекова и О.Степанова (1651 г.). С реки Ковымы названные землепроходцы отправляли в 1648 и 1650 гг. в Якутск моржовую кость[43].

Челобитная торговых и промышленных людей Ф.Алексеева «с товарищи» таможенному целовальнику П.Новоселову свидетельствует о гибели в походе 64 человек. Среди причин смерти русских называются кораблекрушения, морской разбой, утопление, голод и убийства в результате столкновений с иноземцами[44].

Сохранилась отписка верхотурского воеводы (1646/47 г.), содержащая расспросные речи таможенного головы и целовальников, раскрывающие факт осмотра бочонка с деньгами, провозимого

через Верхотурье князем И.П.Барятинским. Таможенный голова и целовальники при осмотре в съезжей избе желали узнать о наличии либо отсутствии провозимых сверх нормы денег[45].

Отписки тарского воеводы (1704 г.) содержали сведения о проекте постройки нового острога и содержали чертежи части городов Тары, расположенной около таможенной избы и Сергиевской часовни. Н.Н.Оглоблиным было отмечено хорошее исполнение чертежа перьевой техникой[46].

Н.Н.Оглоблиным была рассмотрена память (1646/47 г.), отправленная верхотурским таможенным головой своему воеводе. К памяти прилагалась именная роспись торговых людей и их оценка товаров[47].

Исследователь рассматривал дела о смене сибирских таможенных, заставных и кабацких голов и пересчете передаваемого ими имущества. Так, к делу 1638/39 г. (о смене и пересчете березовского, мангазейского, верхотурского и других таможенных голов) приложены отписки воевод и таможенных голов, грамоты в их адрес, памяти и доклады, разные приказы, таможенные досмотры[48]. Как показывает Н.Н.Оглоблин, документ был составлен Ф.Даниловым. В деле сохранился «список по выбору» в Устюге мангазейского таможенного головы.

В другое дело (1658—1663/64 гг.), касающееся смены таможенных кабацких голов в Верхотурье, Томске и других сибирских городах, входили документы (наказы, наказные памяти головам) по подбору должностных лиц в Устюге, Соликамске и других поморских городах[49].

Сохранились дела 1656/57 г., рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, о пересчете имущества при отставке верхотурского, енисейского, томского таможенных голов. Дела содержали ценные выписи из таможенных приходно-расходных книг[50].

В деле за 1686/87—1687/88 гг. содержались сведения об отмене мелких сборов (головщины, анбарщины, явчего и других) и замене их на годовой оброк. К делу прилагалась (среди других документов) наказная память верхотурскому таможенному голове о нововведениях 1685/86—1686/87 гг. (последовавших после получения мирской челобитной)[51].

Следующее дело, рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, датировано 1669/70—1671/72 гг. и отражает доставку из Якутска в Москву

соболиной казны С.Дежневым. В дело вошли отписки якутских, илимских, тобольских воевод, отписки верхотурского таможенного головы, якутская ценовная роспись соболиной казны[52].

Сохранилось дело 1645/46—1646/47 гг., сообщающее о злоупотреблениях первых якутских администраторов — воеводы П.П.Головина, его товарища М.Глебова, дьяка Е.Филатова, письменного головы Е.Бахтеярова, таможенного головы П.Усачева. В деле сохранились направленные против них челобитные, челобитные Глебова, Филатова, Бахтеярова, отписки Глебова и Филатова, грамоты в адрес нового воеводы В.Пушкина с товарищами[53].

Сохранились, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, большие сыски за XVII и начало XVIII вв. Так, сыск 1665/66—1667/68 гг. сохранился в виде отрывков. Он был составлен жильцом Ф.Охлопковым, направленным из Приказа тайных дел в сибирские города для выявления злоупотреблений воевод и таможенных голов (1665/66 г.)[54].

Еще один сыск, проведенный Берестовым и Полянским, раскрывал действия, показывающие превышение полномочий якутскими воеводами М.Кровковым, П.Зиновьевым, князем И.Гагариным, М. и А.Арсеньевыми. Кроме того, в ходе сыска были выявлены злоупотребления ясачных сборщиков, таможенных голов, целовальников (1696/97—1699/1700 гг.)[55].

В другом сыске (1696/97—1698/99 гг.), составленном Полянским и Берестовым, сообщалось о превышении полномочий сургутскими таможенными головами, целовальниками и казачьим десятником И.Тверитиновым (в период его службы таможенным головой в 1686/87—1687/88, 1691/92, 1695/96 гг.).

Среди сысков Полянского и Берестова сохранились дела 1697/98—1698/99 гг. о злоупотреблениях енисейского таможенного головы Г.Кожевникова и илимского таможенного головы И.Барабанщикова[56].

Отписка 1624/25 г., рассмотренная ученым, сообщала об отправке в Москву с литвином Я.Шпаковским, таможенным целовальником Е.Ивановым и еще семью провожатыми служилыми людьми ясачной поминочной и десятинной соболиной казны за 1624/25 г.[57]

Н.Н.Оглоблиным показано, что в грамоте от 28 августа 1624 г. речь шла о выборе таможенного головы среди тобольских лучших посадских людей. Грамота также сообщала об отправке в Казань тобольского посадского человека (служившего таможенным и кабацким головой)[58].

Другое дело, рассмотренное Н.Н.Оглоблиным, касалось взыскания недочетных денег с мангазейского таможенного головы Д.Мокеева (1636/37—1640/41 гг.). В дело вошла выпись Казанского приказа из счетного списка Д. Мокеева, составленного при передаче головой всех своих дел в 1636/37 г. новопоставленным головам И.Кокорину и П.Брагину. В выписи сохранились объяснения Мокеева и подьячего мангазейской таможенной избы С.Ермолина; в приговоре приказа было указано на принятие объяснений и отпуск Мокеева в Свияжск (откуда он был переведен на должность головы), а Ермолина — на прежнее место[59]. Н.Н.Оглоблиным указано на наличие в деле ответных памятей сыщикам, составленных местными таможенными и кабацкими головами[60].

Н.Н.Оглоблиным был также рассмотрен сыск о злоупотреблениях якутских воевод, ясачных сборщиков и таможенных голов (1698/99—1699/1700 гг.). Расследования по данному делу были начаты якутским воеводой Д.Траурнихтом и завершены Полянским и Берестовым. В дело вошли отписки Траурнихта, расспросные речи служилых людей, доклады Сибирского приказа. В дело вошла и роспись (1694/95—1697/98 гг.), рассказывающая о поборах якутских воевод (с приказчиков Охотского, Удского, Майского, Верхоянского острожков и зимовий, с подьячих, казаков и толмачей). В росписи приводится и общая сумма собранных денег — 16 975 рублей. На другой росписи, направленной Траурнихтом в Сибирский приказ, сохранилась помета, свидетельствующая об ее отправке подьячим С.Федоровым через ссыльного из Москвы в Якутский острог[61]. Приложенные расспросные речи якутских служилых людей свидетельствовали об уплате денег воеводам (М.Кровкову, П.Зиновьеву, князю И.Гагарину, М. и А.Арсеньевым) приказными людьми. Расспросные речи свидетельствовали и об избиениях бунтовщиков, к которым приравнивались служилые люди (например, сын боярский М.Антипьев, казачий пятидесятник Ф.Щербаков, казачий пятидесятник И.Поломошный, атаман В.Петриловский, «прожиточный» человек С.Мухоплев),

отказывавшихся от уплаты денег и ясака. В расспросных речах указано, что такие сборы не относились к инородцам. Н.Н.Оглоблин замечал, что эти росписи содержали ценные подробности службы в Сибири[62].

Историк ссылался на дело (1636/37—1639/40 гг.) о посылке в поморские города «купчин» для хлебной покупки. В дело, среди других документов, были включены отписки верхотурского таможенного и заставного головы (с приложением росписи купчин, отражающих привоз на Верхотурье и отправку в Сибирь хлебных запасов). В деле сохранились и грамоты купчинам И.Наумову, В.Синеву, Н.Ревякину, верхотурскому таможенному и заставному голове (о хранении покупного хлеба в государевых житницах до отправки в Сибирь)[63].

Н.Н.Оглоблиным были изучены росписные списки таможенных и кружечных голов. Ученый указывает на то, что до нас дошло всего три росписных списка (принадлежащих головам Мангазеи, Нерчинска и Соликамска). Мангазейский список (первой половины XVII в.) был составлен в двух экземплярах. Причиной такого небольшого количества оставленных таможенными и кружечными головами росписных списков оказалась необходимость предоставления (по мнению исследователя) данных документов таможенными головами в качестве оправдательных, в связи с чем приказные люди увозили списки с собой. Факты составления росписных списков имели место при передаче таможенных изб прежними таможенными и кружечными головами вновь назначенным[64].

Мангазейский росписной список, как показывает Н.Н.Оглоблин, был составлен И.Кокориным (таможенным головой) и П.Брагиным, принимавшим и таможенную избу у головы Д.Мокеева. Росписи содержали описания зданий, перечни принадлежностей и таможенного архива. В последний вошла, к примеру, выделенная ученым явочная книга (1622/23 г.), составленная на 20 листах[65]. В книгу вошли именные списки промышленных людей Мангазейского уезда за 1622/23—1632/33 гг. По наблюдению Н.Н.Оглоблина, опись таможенного архива систематизирована по описанию книг, столпов и документов в свертках и связках. Каждая из категорий была подобрана согласно хронологии. Изученный Н.Н.Оглоблиным мангазейский росписной список

датирован 1635/36 г. Окончанием списка служит запись о приеме вновь назначенными головами у старого головы пушнины и пошлинных денег, предназначенных для передачи в съезжую избу. Изучив росписной список, Н.Н.Оглоблин дал высокую оценку деятельности Брагина и Кокорина, внесших немалый вклад в сибирское таможенное управление[66].

Нерчинский список, как упоминает Н.Н.Оглоблин, был составлен в 1702 г. при передаче П.Худяковым вновь назначенному таможенному и кружечному голове В.Попову с товарищами. Так, Попов расположил статьи приема бессистемно. В списке перечислены таможенные печати, образы, перечни мер, снаряды, принадлежности таможни и кружечных голов, перечни запасов вина и пива, перечни инструментов и принадлежностей, перечни котлов, хлебных припасов и другие предметы таможенной избы. Опись архива, как показывает Н.Н.Оглоблин, также была включена в нерчинский росписной список[67].

Сохранился таможенный счетный список из мангазейской таможенной избы. Список был составлен за период службы таможенного головы Д.Мокеева (1633/34—1634/35 гг.) в момент передачи его полномочий новому таможенному голове в 1636/37 г. в тобольской воеводской избе. После завершения счетного списка его направили в Москву. Счетный список, как показал Н.Н.Оглоблин, содержал статьи о приходах и расходах пошлинных денег, десятинной соболиной казны, 22 воеводские отписи (о приеме денег и пушнины от головы), сверки подлинных таможенных книг, денежные сметы, ясачные книги, расспросные речи Мокеева и других мангазейских таможенных подъячих[68].

Н.Н.Оглоблин отметил, что счетный список включал сведения о таможенных сборах Мангазеи, Туруханска, Тазовского города, Усть-Вилюйского и других зимовий. Счетный список, как показал Н.Н.Оглоблин, содержал не только расспросные речи Мокеева, но и его помощника мангазейского таможенного подьячего С.Ермолина[69].

По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранился томский счетный список 1643/44—1649/50 гг., составленный товарищами таможенного головы. Исследователем зафиксированы и случаи составления счетных списков преемниками по головству. Так был составлен березовский счетный список 1672/73—1684/85 гг.,

свидетельствующий о передаче полномочий устюжанином В.Протопоповым новому таможенному голове устюжанину М.Пыхову. Как заметил Н.Н.Оглоблин, аналогичные случаи составления счетных списков таможенных голов имели место в 1637/38, 1644/45—1647/48 гг. в Енисейске, в 1649/50—1654 гг. — в Якутске.

Н.Н.Оглоблиным показано, что в нерчинском счетном списке за 1711 г. счет касался прихода и расхода денег, вина по таможне и кружечному двору.

Сургутские счетные списки за 1643/44—1645/46 гг. ученый охарактеризовал как краткие, уточняя, что каждый документ был составлен на одном отдельном листе. Счетный список за 1643/44—1644/45 гг. касался передачи полномочий от старого головы устюжанина В.Свахина новому голове «тобольчанину» посадскому человеку И.Москвитину. Краткость списков объясняется также отсутствием расхождений доходов и расходов счетных списков[70].

Н.Н.Оглоблин называет и олекминский счетный список от 1638/39 г. и счетный список Обдорской заставы от 1696/97 г. Последний был составлен при тобольском дворянине приказном человеке Б.Струнине с использованием книг таможенного головы П.Касьянова с товарищами.

Ученый рассмотрел 22 таможенных счетных списка, среди которых были и списки по Березову, Енисейску, Мангазее, Нерчинску, Обдорской заставе, Сургуту, Томску, Якутску, Олекминскому острогу за 1633/34—1724 гг.

При изучении счетных списков Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены расспросные речи, составленные мангазейским таможенным головой в 1638/39 г. после беседы с прежним головой и целовальником о сведениях, зафиксированных в таможенных книгах; выпись за 1639/40 г. из приходных десятинных таможенных книг Мангазеи с целью последующего ее сравнения со сведениями о таможенных доходах в 1640/41 г.; выпись таможенных приходных книг о доходах в Иркутске в 1693/94—1697/98 гг.; отписи, направленные целовальникам иркутской таможни со сведениями о таможенных сборах в 1697/98—1698/99 гг.[71]

Отдельно Н.Н.Оглоблиным перечислены относные книги. Так, по данным исследователя, по Илимской и Нерчинской таможням сохранилось 7 относных книг, включающих сведения о периодах

и размерах взносов и сборов в воеводскую избу. Как показал Н.Н.Оглоблин, 6 относных книг относились к концу XVII столетия, одна из книг (нерчинская) была составлена в 1700—1701 гг.[72]

Следующим видом документов таможенных приказных изб, которым Н.Н.Оглоблин уделил внимание, оказались перечневые сметы. Они представляли собой краткие отчеты о расходе и приходе денежных средств и различных припасов в таможне и в кружечных дворах. Перечневые сметы составлялись таможенными головами. Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены четыре нерчинские перечневые сметы (за 1708, 1710, 1711, 1714 гг.) и две верхотурские (1705 и 1717 гг.).[73]

Роспись таможенных книг якутской таможенной избы явилась еще одним документом, проанализированным Н.Н.Оглоблиным. Ученый показал, что роспись была составлена за период службы таможенного головы П.Усачева с товарищами (1643/44—1647/48 гг.). Входящая в содержание росписи опись таможенных книг, по мнению ученого, довольно четко обрисовывает функции таможенных голов при их управлении. В опись были включены следующие книги: книга десятинная соболиная перекупной мягкой рухляди, книга денежная указных пошлин, книга денежная записная, книга сбора со скотиной продажи записных пошлин, книга денежная весчих пошлин с хлебных запасов и со всяких товаров[74], книга денежная полавочных пошлин и избных рублей, книга денежная десятинная, книга пенных протаможенных денег, книга денежная отъезжих пошлин, книга таможенная расходная.

Ученым были рассмотрены и допросные речи, взятые в енисейской таможенной избе у енисейских торговых и промышленных людей. Допросные речи касались неудач при добыче зверя и смене мест торговли торговыми людьми в 1647/48—1648/49 гг.[75]

Н.Н.Оглоблиным были также рассмотрены целовальные записи томского таможенного головы, получившего свои полномочия в 1648/49 г.

Исследователь подверг изучению 26 новоуставных статей, регламентирующих сборы таможенных пошлин. Данные статьи были составлены 20 июня 1693 г. и отправлены в нерчинскую таможню из воеводской приказной избы.

Избрание на должность таможенного головы илимскими посадскими людьми в 1696/97 г. было зафиксировано в так называемом выборе. Такие же выборы, изученные Н.Н.Оглоблиным, касались избрания в енисейскую таможню и на кружечный двор целовальников (1696/97 г.).

Н.Н.Оглоблиным показано, что среди наиболее ценных книг, составленных в таможенных избах, были 880 приходных книг и 234 соболиные книги[76].

Приходные книги фиксировали сбор пошлин деньгами и пушниной, вторые — исключительно меховые пошлины. Данные группы книг разделены Н.Н.Оглоблиным еще на три отдела. Первый содержал общие книги прихода пошлин, второй — частные книги, предназначенные для фиксирования отдельно каждого вида сбора, третий — таможенные приходные и соболиные книги[77].

Любопытной находит Н.Н.Оглоблин приходную книгу Кетска (1628/29 г.). Она содержала ежедневные записи всего трех видов поступлений пошлин — десятой пошлины с разных товаров, годовые оброки с гулящих и других людей и судные пошлины. Ученый отмечает, что в Кетске за указанный год не было введено других пошлин. В книгу вошли и сведения о сборах, осуществляемых в Кетске, — годовом оброке, судной пошлине, правом десятке и пересуде[78]. Книга завершалась записью от 11 июня 1629 г. с подведением итогов о собранных пошлинах.

Приходная книга 1635/36 г. была составлена верхотурским таможенным и заставным головой Д.Обросьевым с целовальниками. В книгу включены сведения о различных верхотурских пошлинах (десятой пошлине с продаж, весчей пошлине, померной, анбарщине, тепловой, полозовой явчей голодовщине, явчей голодовщине и приворотной, отъезжей).

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены 12 книг за каждый месяц 1639/40 г., отражающих различные таможенные сборы в тобольской таможенной избе. Книги, как показывает исследователь, были составлены таможенным головой А.Гостевым, бухаретином С.Адзеевым и целовальниками Г.Ярославцем, И.Корюком, П.Игнатьевым. Книга отражала сборы десятой пошлины, поанбарной пошлины, с убойного скота и с продажных лошадей, посаженной пошлины с судов, явчей пошлины с проезжих людей, померной мелочи, двадцатой пошлины с привозного бухарского товара[79].

Н.Н.Оглоблиным была рассмотрена и тюменская таможенная приходная книга за 1643/44 г. Книга содержала как встречавшиеся ранее виды взимаемых пошлин, так и новые (порублевая пошлина служилых людей и ямских охотников с продажи лошадей и коров и сбор десятой пошлины с денег, объявленных промышленными людьми для известного промысла)[80].

Следующей приходной книгой, привлекшей внимание ученого, была мангазейская книга за 1654/55 г., согласно которой взимался сбор печатных пошлин с проезжих грамот (вместо отъезжей пошлины) и сбор с судов (вместо посаженных пошлин).

Н.Н.Оглоблиным отмечено, что ценные данные о торговых взаимоотношениях Сибири с Бухарой и другими среднеазиатскими государствами можно почерпнуть из тарской книги 1654 г. Тобольские, тюменские, томские таможенные приходные книги также насыщены аналогичными сведениями. Н.Н.Оглоблин подчеркнул в тарской книге 1654 г. наличие сведений о продаже русскими ясыря.

Факт присылки 32 пудов негодной железной проволоки отметил Н.Н.Оглоблин, изучая верхотурскую книгу за 1703—1704 гг. Ученый обратил внимание на туринскую книгу 1698/99 г., где отмечен факт покупки дворового места ямским охотником Д.Борисовым (запись в книге от 26 февраля 1699 г.).

Проверка таможенных приходных книг осуществлялась в Сибирском приказе после передачи их местными воеводами. Подтверждением этому стала помета на заглавном листе тобольской книги за 1654/55 г. о проведенной проверке ее два года спустя тобольским сыном боярским С.Выходцовым[81].

Н.Н.Оглоблин заметил, что перечисленным приходным таможенным книгам крупных городов было свойственно многообразие пошлин и сборов, в то время как таможенные приходные книги небольших городов отличались меньшим разнообразием в налогах. Так, при изучении таможенной приходной книги Обдорской заставы (1640/41 г.) были выявлены поголовная десятая и еще несколько других пошлин. Книга содержала в качестве приложения «расход» части таможенных сборов на всякие неокладные государевы расходы.

Отдельные самостоятельные документы представляли собой приходные книги таможни Тобольского уезда и таможеной книги

Верхотурского уезда. Сохранился сборник из 27 приходных книг слободских таможень (1704 г.) Верхотурского уезда. Эти книги были составлены за период службы таможенным и заставным кружечным головой П.Худяковым, выборными целовальниками крестьянами слободы Е.Закожурниковым, Ф.Балакиным и другими целовальниками из местных крестьян. Сборник, по замечанию Н.Н.Оглоблина, включал книги, касающиеся приходов по Кокшайской заставе, Тагильской, Ницинской, Ощепковой, Невьянской, Иртышской, Белослудской, Красноярской, Тамакульской, Кымышловской, Арамашевской, Мурзинской, Чусовской, Сулемской слободам[82].

Н.Н.Оглоблин рассмотрел и 10 таможенных книг Ирбитской слободы, относящихся к 1696/97—1699/1700, 1703—1706 гг. и свидетельствующих о различных пошлинах, взимаемых с товаров, привозимых на местную ярмарку. Как показал Н.Н.Оглоблин, Ирбитская ярмарка находилась в ведении верхотурского таможенного головы[83].

Всего один или два вида сборов были описаны в частных таможенных приходных книгах. Таких книг Н.Н.Оглоблиным было изучено 14: десятинные книги, летовные книги, поголовные книги, поживотные книги, привальные книги, рыбные книги, книги о сборах отъезжих пошлин, книги о сборах скотинной пошлины, книги о сборах весчих пошлин, книги о сборах полавочных пошлин, книги о сборах венишных пошлин, книги о сборах пошлин с ревеня, книги о сборах пошлин с китайских товаров, соликамская книга пошлинного сбора с варничных соляных промышленников[84].

Н.Н.Оглоблин выделил одну из рассмотренных им десятинных книг — мангазейскую, составленную в 1628/29 г. таможенным головой свияженином З.Ивановым с целовальниками. В книге приводятся сведения о сборах с одного вида товаров — пушнины[85].

Примером летовной книги Н.Н.Оглоблин называет енисейскую книгу за 1629/30 г., составленную целовальниками И.Лазаревым и его коллегами. Книга раскрывает поголовный вид сбора пошлин, целью которого были государевы и земские издержки. Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены и другие летовные книги (две мангазейские за 1629/30 г.), составленные сборным

целовальником Д.П.Паутовым с товарищами, книга, составленная выборным целовальником А.И.Калининым, и летовная книга Туруханского зимовья (1633/34 г.), составленная вятчанином Г.Васильевым с товарищами)[86].

Среди поголовных книг Н.Н.Оглоблиным выделена мангазейская книга, датированная 1633/34 г. и составленная сборным целовальником П.Агафоновым с товарищами. Книга раскрывала сборы поголовных и поживотных денег с промышленных и торговых людей, с их русских товаров и «животов»[87].

Еще одним примером поголовной книги Н.Н.Оглоблин называет книгу Туруханского зимовья, составленную в 1635/36 г., и поголовную книгу Нерчинской таможни за 1703 г. Последняя из книг содержала сведения о сборах поголовных рублевых пошлин.

Сохранилась и книга приходная животная мангазейских целовальников пинежанина А.Калина с товарищами (1629/30 г.). Книга свидетельствует о сборах с торговых и промышленных людей, но в ней отсутствовали перечни товаров и «животов»[88]. Она заканчивается определением общей суммы сборов.

Н.Н.Оглоблиным среди прочих книг была рассмотрена мангазейская таможенная привальная книга (1632/33 г.), где содержатся данные о лицах, подвергнувшихся сборам, количестве денег, взятых у них, времени прихода судов, составе экипажей, размерах привальных пошлин с судов[89].

В качестве примера привальной книги Н.Н.Оглоблиным также приводится книга Туруханского зимовья за 1630/31 г., согласно которой размер взимаемой пошлины с прибывших из Енисейска торговых и промышленных людей (по ежедневным записям в книге) был одинаков — 2 алтына.

Наложение пошлины на продажу рыбы было зафиксировано в рыбных книгах. Таковы рыбные книги Туруханского зимовья (1630/31 и 1634/35 гг.) и Мангазеи (1632/33 и 1634/35 гг.)[90]. В якутской рыбной книге 1644/45 г. зафиксированы летовные пошлины с икры сухой и соленой и других летовных промыслов.

Другая рыбная книга (1652/53 г.) была составлена туруханским целовальником и касалась пошлин, взимаемых в Сумороковской заставе Мангазейского уезда. Книга фиксировала имена рыбаков и количество их улова.

Сведения о сборах отъезжих пошлин, по указанию Н.Н.Оглоблина, содержались в книгах Туруханского зимовья (1635/36 г.) и якутской книге отъезжих пошлин (1644/45 г.).

Примером книги, включающей сборы скотинной пошлины, была якуская книга (1644/45 г.).[91] Отдельная якутская книга за 1644/45 г. была посвящена весчим пошлинам, взимаемым с хлеба и других русских товаров. Якутская полавочная и избная книга 1644/45 г. отражала сбор полавочных пошлин (взимаемых за аренду лавок в Гостином государевом дворе).

Сборы веников для государевых бань, сборы головщины отражает сургутская венишная книга (1656/57 г.).

Тобольская книга, датированная 1652/53 г., отражает сборы десятой и двадцатой пошлин с ревеня, взимаемых деньгами и корнем[92].

Пример сбора пошлины с китайских товаров был отмечен Н.Н.Оглоблиным в росписи таможенных приходных книг о пропуске через Нерчинскую таможню за 1697/98—1698/99 гг. Пошлина взималась товарами и деньгами[93].

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены таможенные приходные и соболиные книги. Примером такой книги была туруханская (1629/30 г.), включающая два отдела — о десятой пошлине, взимаемой от продажи пушнины, и денежной пошлине, взимаемой с продажи соленой рыбы. Мангазейская таможенная приходная и соболиная книга (1631/32 г.) показывает, что сборы с пушнины могли взиматься как деньгами, так и самими меховыми шкурами. Как писал Н.Н.Оглоблин, сохранилась книга сборов, взимаемых только мягкой рухлядью (таможенная приходная и соболиная книга Мангазеи за 1632/33 г.)[94].

Подобные приходные книги, в которых отмечены пошлины, взимаемые мягкой рухлядью, к концу XVII в. становятся редкостью. Все чаще, как указывал ученый, составлялись книги о смешанных таможенных сборах (деньгами и пушниной). Такова, например, нерчинская книга (1696/97—1697/98 гг.). Н.Н.Оглоблин объясняет такую тенденцию уменьшением количества зверей, добывавшихся русскими.

В книге 1701 г., составленной в Якутске, зафиксирован сбор десятой пошлины с моржового зуба.

Десятая пошлина, взимаемая деньгами с продажи соболей частными лицами, была зарегистрирована в енисейской книге за 1645/46 г. Подобный вид десятой пошлины платили промышленные люди, продававшие мягкую рухлядь таможенным властям для государевой казны (мангазейские покупочные книги за 1628/29, 1629/30, 1631/32, 1632/33 гг., покупочная книга Туруханского зимовья за 1635/36 г.)[95].

Приходные книги нередко включали и сведения о расходах собранных денег на надобности таможенных изб. Н.Н.Оглоблин привел пример такой книги (мангазейская поживотная книга 1635/36 г., мангазейская десятинная книга 1634/35 г., мангазейская приходная книга за 1635/36 г., верхотурская приходная книга за 1643/44 г.)[96].

Н.Н.Оглоблиным был составлен указатель таможенных приходных книг, состоящий из 880 единиц и датированных 1628/29—1717 гг. Изученные исследователем книги были составлены в таможнях Березова, Братского острога, Верхотурья, Енисейска, Илимска, Ирбитской ярмарки, Иркутска, Кетска, Киртасской заставы, Красноярска, Кузнецка, Кунгура, Мангазеи, Нарыма, Нерчинска, Обдорской заставы, Пелыма, Селенгинского острога, Сургута, Тары, Тобольска, Томска, Туринска, Туруханского зимовья, Тюмени, Усть-Киренского и Усть-Кутского острогов, Якутска и Яндинского острога[97].

Следующим видом книг, изученных Н.Н.Оглоблиным, были таможенные соболиные книги. Так, к примеру, верхотурская книга за 1625/26 г. включала роспись десятой и отписной мягкой рухляди, взимаемой с лозьвинских торговых людей. Аналогичный вид сбора содержала таможенная соболиная мангазейская книга за 1626/27 г. Десятой соболиной пошлиной, согласно книге, облагались торговые, промышленные и служилые люди. В книгу среди прочих сведений вошли данные о взимании сбора с 8 березовских служилых людей, сбор в енисейском Хантайском, Сумороковском, Инбацком, Туруханском зимовьях, в Верхнем Подкаменном Тунгусском зимовье. Анализируя таможенные соболиные книги, Н.Н.Оглоблин отмечал, что они содержали сведения о месте службы упоминаемых в книгах служилых людей, инородцы же в книгах записаны как новокрещены — самоядины[98].

Зимовейные сборы были зафиксированы в мангазейской книге за 1632/33 г. Как показал Н.Н.Оглоблин, данные сборы взимались соболями в Мангазее, на «захребетной» реке Лене, в Тазовском городе, в Хеттском ясачном и Туруханском зимовьях. Зимовейные сборы нередко вносились в отдельные книги (сборники) — зимовейные. Таким сборником являлась мангазейская книга 1635/36 г., включающая сведения, помимо Мангазеи, по другим сибирским районам (Тазовское, Хеттское, Туруханское зимовья) и сборы на реках Вилюе, Пясиде, Хетте, Ессее и Подкаменной Тунгуске, а также сборы березовских ясачных сборщиков[99].

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и якутские таможенные соболиные книги. Так, одна из них — «книга десятинная соболиная великие реки Лены Якутского острога» за 1644/45 г. — разделена на 3 раздела, которые отражают сборы с промышленной пушнины, сборы с перекупной пушнины у торговых людей и сборы с добытой перекупной пушнины у служилых и промышленных людей.

К енисейским книгам соболиной казны десятинного собора (за 1628/29 и 1633/34 гг.) прилагались ценовные росписи мягкой рухляди. К подобным книгам могли прилагаться и другие документы или записи (например, об изъятии приставом и таможенным целовальником утаенных соболей, о воровстве промышленных людей). Такие записи есть в енисейской книге за 1629/30 г. Покупочная книга мягкой рухляди была включена в соболиную книгу Туруханского зимовья за 1630/31 г.

Енисейская соболиная книга за 1630/31 г. имела в качестве приложений ежедневные записи об изъятии мехов у промышленных и служилых людей, ценовную роспись десятой соболиной казны, покупочную книгу[100].

Н.Н.Оглоблиным был подготовлен отдельный указатель соболиных книг, состоящий из 234 единиц за период с 1625/26 по 1701 гг. Книги включали и сведения о пошлинах, взимаемых в Верхотурье, Енисейске, Илимске, Иркутске, Мангазее, Нерчинске, Олекминском остроге, Пелыме, Томске, Туринске, Якутске, Тазовском и Туруханском зимовьях[101].

Среди многочисленных документов, отражающих деятельность сибирских таможенных изб, Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены отпускные книги — документы, свидетельствующие о

направлении на промыслы и торговлю торговых и промышленных людей. Примером такой книги, в которой говорилось об отпуске промышленных людей на соболиный промысел, является иркутская книга (1691/92 г.). В данную книгу, составленную таможенным и заставным головой Д.Каменщиковым с целовальниками, включены сведения о взимании печатной пошлины с проезжих памятей.

В енисейской книге 1686/87 г. сообщалось об отпуске торговых людей для продажи товаров. Об этом идет речь и в верхотурской книге 1689/90 г. К ней прилагались росписи с перечнем товаров[102]. Как показал Н.Н.Оглоблин, сохранилось и 4 выписи из отпускных книг верхотурской таможни за 1706—1709 гг., свидетельствующие об отправке торговых людей с целью продажи товаров.

Отпускная книга нерчинской таможни (1703 г.) сообщала об отпуске торговых людей во главе с купчиной гостиной сотни И.Саватеевым в Китай.

Н.Н.Оглоблин указывал на то, что в мангазейской отпускной книге за 1650/51 и 1651/52 гг. был зафиксирован отпуск как промышленных людей, так и торговых (в сибирские города и Московскую Русь).

Весенний отпуск торговых и промышленных людей со сведениями о суммах товаров был отмечен Н.Н.Оглоблиным в верхотурской ценовной росписи 1644/45 г.[103]

При изучении документов Сибирского приказа исследователь коснулся записных книг, содержащих росписи приезжих людей, а также записных книг проезжих людей. Так, внимание ученого привлекла тобольская таможенная роспись (1687/88—1688/89 гг.) торговых людей, направляемых на Русь согласно выданным им проезжим памятям. Среди лиц, перечисленных в данной росписи, Н.Н.Оглоблин назвал гостя О.Филатьева, соликамского посадского человека М.Ростовщикова, а также семь устюжан, двух лалетинов, мезенца, пежемца, важенина.

В другой таможенной тобольской росписи того же времени зафиксированы отпущенные в Кузнецк и Красноярск верхотурские торговые люди.

Следующей записной книгой, проанализированной ученым, была книга проезжих людей Верхотурского уезда (1698/99 г.).

Н.Н.Оглоблиным были указаны отпущенные мимо Чусовской слободы гулящие люди поморцы Ф.Яковлев, М.Егорьев, М.Иванов. В книге назывались также торговые и промышленные люди, но большую часть перечня занимал круг гулящих людей[104].

Еще одной записной книгой, рассмотренной ученым, была верхотурская записная книга 1709 г. со сведениями о приезжих людях.

Н.Н.Оглоблиным были также указаны проезжие памяти (выписи, росписи). При этом были отмечены памяти по Верхотурью (1634/35 г.) и Обдорской заставе (1635/36 г.)[105]. Сохранились и проезжие памяти за 1698/99 г. по Сургуту. Они включали отписки местных и других воевод, ясачные книги. Данные документы сообщали о перемещении служилых людей из Сургута и обратно, а также включали сведения о том, какой товар перевозился, куда и в каком количестве. Группа проезжих памятей, касающаяся Енисейска, была датирована 1698/99 г. и включала, кроме остальных документов, челобитные дела торговых людей, начиная с 1661/62 г. Н.Н.Оглоблиным были также рассмотрены проезжие выписи 1704 г., свидетельствующие о деятельности иркутской таможни; к ним примыкали челобитные дела. Ученый отмечает, что в иркутской таможне велись документы о перевозе китайских и русских товаров. Аналогичную группу документов представлял собой сборник проезжих памятей иркутской таможни (1701—1703 гг.)[106].

Сохранились и другие сборники проезжих памятей (за 1696/97—1697/98 гг. — по верхотурской и тарской таможням, Ирбитской ярмарке; за 1696/97—1697/98 гг. — по енисейской, илимской таможням; за 1706 г. — по тобольской, томской, якутской, нерчинской таможням). Н.Н.Оглоблиным отмечены и другие сборники проезжих памятей, отражающие тесные торговые связи городов Сибири и Европейской части России (за 1696/97—1697/98 гг. и 1796 г. по Верхотурью и прочим таможням, а также по Макарьевской ярмарке[107]).

Как показано Н.Н.Оглоблиным, немалое количество проезжих памятей включало товарные росписи, как, например, енисейский (1687/88—1688/89 гг.), мангазейский (1689/90—1690/91 гг.), нерчинский (1693/94 г.) сборники проезжих памятей.

Ученый показывает наличие в сборниках проезжих памятей и других документов. Так, нерчинский сборник 1695/96—1696/97 гг. содержал памяти таможенному голове от приказного выборного судьи сына боярского Ф.Я.Свешникова. Иркутский сборник 1701—1703 гг. включал черновые записи, отражающие различные таможенные доходы[108].

Как писал Н.Н.Оглоблин, проезжие памяти отражают данные по 36 городам, среди которых были и сибирские города, и остроги (Якутск, Березов, Сургут, Верхотурье, Тара, Тобольск, Илимск, Туринск, Тюмень, Мангазея, Нарым, Томск, Нерчинск, Пелым, Селенгинский острог, Усть-Киренский острог), а также Ирбитская и Макарьевская ярмарки, Чичюйское зимовье Якутского уезда, Обдорская застава, Ялуторовская слобода, Илинская застава Якутского уезда[109].

Внимание ученого привлекли обыскные книги с записями таможенных и заставочных голов, осматривавших товары и имущество проезжих торговых и промышленных людей. Как показывают документы, часто такие осмотры сопровождались изъятием в пользу государя пушнины или денег, утаенных при предыдущем досмотре, либо товаров, относящихся к «заповедным» (например, мех черно-бурой лисицы)[110].

По данным Н.Н.Оглоблина, служилые люди при таможенных досмотрах нередко допускали злоупотребления, о чем говорится в обыскных книгах, которые могли именоваться и заставочными, сыскными, заставочными обыскными, книгами досмотру и обыску.

Ученый разделяет обыскные книги на две группы. К первой он относит обыскные книги об осмотре товаров и имущества проезжих людей с учетом отписки на государя заповедных и утаенных товаров. Примером таких книг являлась верхотурская обыскная книга (1634/35—1635/36 гг.), названная таможенными и заставными головой и целовальниками книгой сыскной сибирской мягкой рухляди[111]. Ученым названы проезжавшие, у которых был изъят товар. Среди них были И.Сабуров, тобольский дьяк Л.Полуектов, князь М.Н.Егупов-Черкасский, сын томского воеводы, томский письменный голова Ф.Зиновьев, кетский воевода С.Шелешпанский.

Об отписке в пользу государя посылочных денег и посылочной пушнины у служилых людей свидетельствует обыскная книга Обдорской и Собской заставы (1634/35 г.). В книге сказано про изъятие соболей у сургутского служилого человека П.Яковлева, томского сына боярского Ф.И.Пущина, московского подьячего (проезжавшего через Урал из Томска) С.Ищеина[112]. Любопытной Н.Н.Оглоблин считает запись в книге об изъятии большого количества пушнины у березовского воеводы А.А.Плещеева-Мешкова и двух его сыновей. Книга содержит сведения о тайном провозе мягкой рухляди вышеуказанными лицами.

Н.Н.Оглоблиным были обнаружены записи о печатях (встречающихся в отобранных посылках) частных лиц. Так, при изъятии посылки с шубами у томского воеводы князя Н.Егупова-Черкасского на них были обнаружены восковые печати.

Изъятие посылочных денег также зафиксировано в обыскных книгах. В упомянутой книге Обыскной и Собской заставы сохранились сведения о передаче отобранных денег березовскому воеводе.

По указанию Н.Н.Оглоблина, тобольская таможенная книга 1635/36 г. содержит помимо общих сведений данные о стоимости изъятой пушнины и расспросы проезжих людей о причинах отсутствия записей о ней в их проезжих грамотах[113].

Тобольская обыскная книга 1634/35 г. содержала выписку из указной грамоты о необходимости обыска служилых людей и их родственников, торговых и гулящих людей и отписки их излишков сверх норм из проезжих грамот в пользу государя.

Сохранилась книга досмотра и обыска Печерской и Ижемской заставы, составленная ижемским заставным головой К.Кабаковым. Книга датирована 1637/38 г. и включает данные о том, что у проезжавших служилых, торговых и других людей 12 июля, 18 августа, 7 сентября 1638 г. не было выявлено излишков имущества сверх записей в проезжих грамотах.

Обыскные книги, как показано Н.Н.Оглоблиным, часто содержали пометы на листах. Так, в книге Печерской заставы (1641/42 г.) сохранилась помета от 14 марта 1643 г. по подаче ее березовским казаком И.Микифоровым, а также указание «отписать» голове Ижемской заставы направлять подлинные книги такого характера с подробными сведениями о провозе пушнины[114].

Следующая книга, рассмотренная Н.Н.Оглоблиным, — это книга выимочной мягкой рухляди, датированная 1704 г. Книга содержала сведения об изъятой тогда пушнине таможенными людьми на Ирбитской ярмарке[115].

Ко второй группе обыскных книг Н.Н.Оглоблин относит книги аналогичного содержания, но упоминающие об обложении проезжавших людей таможенными пошлинами[116]. Примером такой книги была Обыскная книга Печерской заставы за 1655/56 г., сохранившая сведения о поездке из Березова через Урал П.Федорова и крестьянина боярина князя Я.К.Черкасского с пушниной (оцененной в Березове), с которой в Якутском остроге на Собской заставе была взята десятая пошлина в пользу государя[118].

Другими документами, фиксировавшими осмотры имущества и товаров проезжающих людей, являлись досмотры. Н.Н.Оглоблиным был изучен досмотр Печерской заставы за 1636/37 г., который сообщал о наличии частной печати у енисейского таможенного целовальника. Ученый писал о проведении осмотра заставочным головой енисейской соболиной казны. К досмотру прилагались расспросные речи провожатых, объясняющие исчезновение государевой печати в казне и появление частной печати.

Осмотр проезжающей через Печерскую заставу кузнецкой ясачной казны был зафиксирован в досмотре за 1637/38 г.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, сохранились росписи пенной мягкой рухляди. Одна из таких росписей принадлежала Верхотурской нижней заставе (1634/35 г.) и содержала сведения о непредъявленной к обложению пошлинами пушнине, следствием чего стала ее конфискация в пользу государя. Аналогичное содержание имели росписи по Березову (за 1636/37, 1637/38 гг.) и Обдорской заставе (за 1637/38 г.). Данные росписи содержали и списки пушнины, не зафиксированной в проезжих грамотах, и списки имен торговых людей.

Росписи ясыря также были рассмотрены ученым[119]. О незаконном закабалении служилыми и другими русскими людьми коренных сибиряков сообщается в росписи ясыря («ребят и девок»), провозимого сибирскими воеводами в 1635/36 г. и впоследствии отобранного верхотурским таможенным головой. Среди служилых, у которых был изъят ясырь, значились А.Ф.Шишкин, князь М.Н.Егупов-Черкасский, туринский воевода князь Ф.Бельский,

тарский воеводский товарищ Н.Кокошкин. Другая роспись ясыря подтверждала изъятие людей на Собской заставе березовским таможенным головой в 1640/41 г. Отобранных людей направили в Тобольск[120].

Другая роспись имущества, проанализированная Н.Н.Оглоблиным, была составлена енисейским таможенным головой в 1635/36 г. и направлена им в Сибирский приказ. Она касалась изъятия имущества у нарымского воеводы И.Загоскина, а также у его «человека» М.Федосеева с товарищами.

Верхотурским таможенным и заставным головой была составлена роспись за 1696/97 г., посвященная осмотру имущества воевод, проезжавших на службу из Москвы через Верхотурье в сибирские города. Н.Н.Оглоблиным была рассмотрена и книга записная воеводским досмотрам (1698/99 г.), составленная тем же верхотурским головой[121]. К последней росписи прилагались списки воевод и дьяков (проезжавших через Верхотурье) и список их имущества.

Другая роспись, рассмотренная Н.Н.Оглоблиным, была составлена в 1699/1700 г. В.Шишеловым, служившим таможенным головой в Верхотурье. Документ рассказывает о пропуске через таможню томского воеводы стольника В.А.Ржевского, тюменского воеводы стольника Т.В.Раевского, туринского воеводы стольника В.Е.Лутовинова. Роспись содержит и сведения о деньгах, провозимых перечисленными лицами. Н.Н.Оглоблиным выявлено, что обыскные книги и аналогичные им документы относились к 1634/35—1649/50, 1655/56, 1696/97, 1698/99, 1699/1700 и 1704 гг. и были составлены в Мангазее, Березове, Верхотурье, Тобольске, Енисейске, на Ирбитской ярмарке, Обдорской и Печерской заставах[122].

Земские приходные и расходные книги, как разъясняется Н.Н.Оглоблиным, сообщали об осуществлении мирских сборов с мирских людей. Такие документы сохранились относительно Мангазеи и Енисейска и датированы 30-ми гг. XVII столетия. Расходование денег в документах подтверждалось мирским приговором. Расходами и земскими повинностями заведовали выборные, сборные либо заказные целовальники[123]. К подобным земским приходным книгам Н.Н.Оглоблин относит летовные, поголовные и поживотные книги, составляемые выборными целовальниками,

так как земские расходы, согласно книгам, складывались из мирских сборов. Примером такой книги была мангазейская поголовная и поживотная (1632/33 г.), составленная сборным целовальником устюжаниным С.М.Печацыным с товарищами. Книга содержала сведения о прибытии в Мангазею торговых «кочей» и перечисляла товары, давала им оценку, сведения о количестве собранных пошлин. Другая мангазейская поживотная и поголовная книга за 1632/33 г. была составлена мангазейским сборным целовальником А.А.Осколковым с товарищами и содержала сведения об обложении сборами мирских людей (поголовная пошлина на земские расходы и посороковой сбор).

Сохранилась земская приходная книга, составленная в Енисейске в 1631/32 г., и земская приходная и расходная книга за 1633/34 г., появившаяся в Мангазее[124].

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, енисейская земская приходная книга (1631/32 г.) была составлена заказным целовальником холмогорцем Ф.Анцыфоровым и содержала ежедневно вносимые сведения о сборах на земские расходы. Ученый привел и имена людей, с которых были взяты налоги (сборный целовальник К.И.Ружников, с товарищами, староста Преображенского Никольского монастыря И.Ю.Калининых).

Мангазейская земская приходная и расходная книга (1633/34 г.) сообщает о сборах денег на мирские нужды с торговых и промышленных людей (целовальников А.Агафонова с товарищами, сборных целовальников Г.Вятки, И.Борисова, Б.Агапитова, Г.Григорьева). Книга также включает данные о расходовании мирских денег заказным целовальником П.Смельяном[125].

Земские расходные книги, как выяснил Н.Н.Оглоблин, сохранились только по Енисейску и Мангазее. Мангазейская книга, датированная 1630/31 г., была составлена заказным целовальником из Енисейска Г.Тарамшиным. Книга содержала сведения о расходовании мирских денег (покупка товаров, рыбы, судовых снастей, котлов, олова хлебных запасов и других предметов). Мангазейская расходная книга за 1631/32 г., составленная холмогорцем Г.Лебедевым, имела аналогичное содержание[126].

Как показано ученым, в состав некоторых расходных книг могли быть включены воеводские памяти, таможенные деньги, записи статей расхода о выдаче денег разным лицам. Ученый

отмечает, что им были рассмотрены таможенные книги (за период с 1632/33 до 1714 гг.) Березова, Верхотурья, Илимска, Мангазеи, Нерчинска, Сумароковской заставы Мангазейского уезда, Тобольска, Усть-Киренского острога, Чусовской заставы Верхотурского уезда, Якутска[127].

Товары, продававшиеся на енисейском рынке, и цены на них были зафиксированы, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, в товарных ценовных росписях. Так, товарная ценовная роспись за 1648/49 г. и роспись за 1686/87 г. имели пометы таможенных голов И.Пивоварова, подьячего таможенной избы М.Ананьина и целовальников. Вторая роспись являлась копией с первой. Сохранилась их сравнительная роспись, датированная также 1686/87 г. Товарные росписи была разделены на 36 групп, определяющих виды товаров[128].

Сравнительная роспись (перечневая выписка) данных документов свидетельствует о наличии предисловия в росписи за 1686/87 г. По указанию Н.Н.Оглоблина, три данные росписи являются ценными документами, отражающими историю русской торговли и некоторые моменты из бытовой истории Сибири.

Н.Н.Оглоблиным были отдельно рассмотрены ценовные росписи соболиной казны. Такие росписи встречаются по Мангазее (за 1633/34, 1637/38, 1641/42 гг.).

Внимание ученого привлекли и ценовные росписи березовской (1637/38 г.), тобольской (1637/38 г.) и пелымской (1638/39 г.) ясачной казны[129]. Н.Н.Оглоблиным показано, что ценовные росписи часто являлись приложениями к отпискам, направляемым в Сибирский приказ[130].

Любопытными документами, которые встретились Н.Н.Оглоблину, являлись табачные книги со сведениями о запрещенном товаре.

Так, согласно нерчинской десятинной табачной книге (1697/98 г.) с разных торговых людей осуществлялся сбор десятинной пошлины с табака, продаваемого торговыми людьми Нерчинска. Подобные данные приведены и в нерчинской табачной книге за 1706 г., но включают и сведения о покупке китайского табака людьми разных чинов. Другой табачной книгой, проанализированной ученым, была мангазейская таможенная книга табачной выдачи, датированная 1704 г. Ее содержание отличалось от

предыдущих. Н.Н.Оглоблин показывает, что согласно записям в книге, табак выдавался таможенным головой кружечным целовальникам с целью продажи частным лицам.

Еще одна енисейская табачная книга сохранила данные, по определению Н.Н.Оглоблина, о продаже немецкого табака откупщиками С.Солодовщиковым и К.Шапочниковым, деятельностью которых руководил енисейский таможенный заставный и кружечный голова Г.Кожевников. Последний и составил в 1701 г. книгу. Н.Н.Оглоблиным зафиксировано наличие книг по Енисейску за 1700 и 1701 гг. Выборными целовальниками были также составлены книги табачной продажи за 1699/1700 г. по Енисейску и отдельно — по Илимску[131].

В таможенных избах нередко составлялись меновные книги, содержащие сведения об обмене пушнины у инородцев и русских промышленников на другие товары. Данный вид книг нередко носил и следующие наименования: покупочные книги, товарные книги, записные книги, книги государевым товарам.

Обмен государевых московских товаров на пушнину в 1699/1700 г. зафиксирован в красноярской меновной книге. Н.Н.Оглоблин упомянул среди лиц, перечисленных в меновной книге, казачьего сына И.Велченка, которому было выдано в обмен на табак сермяжное сукно[132].

В якутской покупочной соболиной книге (1699/1700 г.) сообщалось об обмене пушнины на московские товары.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, сохранились две меновные книги по Мангазее (1700—1701 и 1704 гг.), две книги по Березову (1703 и 1704 гг.), четыре книги по Нарыму (1703—1706 гг.) и три книги по Кетску (1703—1705 гг.). Еще две меновные и покупные книги (по Илимску за 1699/1700 г.) и по Красноярску (за 1702 г.) сообщили о покупке меха за деньги.

По Нерчинску сохранились сборные книги таможенных пошлин с китайских товаров (приемная книга китайского золота в платеж десятой пошлины с китайских товаров за 1698/99 г. и книга записная китайской меновой товарной казне за 1701 г.). Вторая из книг была составлена нерчинским таможенным и заставочным головой П.Худяковым[133].

Таможенный сбор (десятая пошлина), взятый свежей, соленой и вяленой рыбой с рыболовов и продавцов рыбы, зафиксирован,

как показывает Н.Н.Оглоблин, в тюменских книгах выдельной рыбы за 1702, 1702—1703, 1705 гг. Сбор пошлины производился, как и во многих других случаях, таможенными целовальниками. Следом рыбу передавали городовым целовальникам. Среди таможенных целовальников, отмеченных в тюменских книгах, перечислены Ф.Кривошеин, А.Пономарев, А.Лобанов, Л.Чирков; среди городовых целовальников — И.Брилин, М.Трофимов[134].

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, таможенные мангазейские головы составляли записные книги судам и судовым флотилиям, в частности, ямские приходные и расходные книги и книги судовым снастям. Сохранилась роспись судов и судовых снастей за 1643/44 г., составленная И.Саблиным при передаче ему головства по Мангазее и Туруханскому зимовью. Относительно цен на суда и снасти указанная книга содержит ссылку на таможенные расходные книги за 1651/52 г.

Сохранились и судовые книги, составленные мангазейскими таможенными головами за 1652/53—1656/57 гг.[135]

Интересной показалась Н.Н.Оглоблину якутская книга хлебных покупок таможенной избы за 1644/45 г., записи в которой служилыми людьми производились по указанию, а иногда и по памяти воеводы[136].

Из документов, касающихся деятельности тобольской таможни, сохранились книги картенные, фиксировавшие продажу карт в 1701—1704 гг. О продаже карт в Нерчинске говорится в книге таможенной записной картенной продажи за 1714 г.

Строельные книги (с описанием каменного строения Гостиного двора), по свидетельству Н.Н.Оглоблина, сохранились по Верхотурью за 1701—1703 и 1706 гг. [137]

Еще две книги (приходные книги винного приема) сообщали о деятельности таможенных и кружечных голов при приеме вина с винокурен с целью дальнейшей его продажи. Книги были датированы 1698/99—1701 гг.

Верхотурский таможенный голова А.Липин в 1646/47 г. оставил росписи, свидетельствующие о взятии вина и денег согласно памятям[138].

Тобольская винокуренная книга (1695/96 г.), как указывает Н.Н.Оглоблин, была составлена сыном боярским и подьячим с товарищами. Еще одну аналогичную книгу за 1702 г. составили

таможенные и кружечные головы и их товарищи. Исследователь отметил, что к составлению данной книги не были причастны служилые люди.

Верхотурские винокуренные книги за 1701—1703 гг. содержали как записи о вине, так и записи о ежемесячном расходе хлебных запасов и хмеля. Данные книги были составлены таможенным, кружечным головой и целовальниками[139].

Сохранилась нерчинская книга пивным варям, составленная таможенным и кружечным головой П.Худяковым с товарищами и датированная 1701 г. Книга содержала сведения о количестве использованной «яришной» муки, солода, хмеля и других продуктов. В книге имеются сведения о расходах на пиво и о его продаже, о плате пивоварам и другим работным людям[140].

Вино выдавалось периодически и для продажи. Так, с кружечного двора Верхотурья, согласно книге винной выдачи, составленной таможенным и заставным головой И.Скулиным, вино было выдано в сентябре 1681 г. для продажи целовальнику И.Максимову[141]. И.Скулиным были также составлены книги винной выдачи за октябрь, ноябрь и с января по август 1681/82 г. Книги, по наблюдению Н.Н.Оглоблина, представляли собой отдельные документы. В ноябрьской книге упомянуты имена застоечного целовальника И.Иконникова и целовальника Д.Шилова[142].

Н.Н.Оглоблин изучил книгу записную явчим пошлинным деньгам с пива и с браги, охватывающую период с 20 сентября 1700 по 1 марта 1701 гг. и составленную таможенным заставным и кружечным головой П.Худяковым, с разрешением частным лицам изготавливать брагу либо пиво. Среди лиц, которым было дозволено изготовление напитков, были нерчинский барабанщик Г.П.Тарасов, сын боярский С.Позняков.

Другие явчие книги (1702 и 1703 гг.) также перечисляли лиц, которым было разрешено варить пиво или вино. Среди них был служилый человек Ф.Кибас.

В упомянутых явчих книгах лицами (на основании челобитных, памятей либо других документов), которым было дозволено изготовление напитков, были названы казак М.Щербак и нерчинский служилый человек М.Гайтимуров[143].

Н.Н.Оглоблиным была рассмотрена нерчинская отдаточная книга за 1700—1701 гг., содержащая роспись о передаче таможенному и

кружечному голове денежной и товарной казны. Среди лиц, которыми были переданы денежные средства, значился воевода и стольник И.С.Николаев. Среди таможенных людей, осуществлявших сборы, были целовальник И.Травников и подьячий приказной избы М.Гудков. В росписи зафиксированы кушаки, китайский табак, корица, гвоздика, чай зеленый и другие товары. Книга, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, была составлена таможенным головой П.Худяковым.

Рассмотренная ученым тарская таможенная приходная книга была датирована 1654 г. и составлена таможенным головой, целовальником М.Мунлораповым и другим целовальником. Среди сборов и пошлин, указанных в книге, часто встречались, по свидетельству Н.Н.Оглоблина, сведения о пошлинах, взимаемых с приезжих бухарцев, как, например, с пришедшего 1 ноября 1654 г. каравана бухарцев Б.Ширипова и С.Калкилдеева.

Тарская книга, содержащая также и сведения о ясыре, привезенном из киргизской земли, наполнена многими бытовыми подробностями[144].

Таким образом, исследовав обширную и разнообразную документацию Сибирского приказа XVII в., Н.Н.Оглоблин сумел выяснить пути формирования и способы функционирования таможенного управления в восточных уездах России, зачастую действовавшего параллельно с воеводской администрацией.

Примечания

[1] Оглоблин Н.Н. Обозрение документов Чарондской земской избы (К истории крестьянских общин в XVII веке) // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1898. № 4. Отд. 2. С. 314—315.

[2] Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1900. Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. С. 2.

[3] Там же. С. 13.

[4] Там же. С. 15.

[5] Там же. С. 16.

[6] Там же. С. 17.

[7] Там же. С. 18.

[8] Там же. С. 94.

[9] Там же. С. 155.

[10] Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. 1894. № 9. Отд. 2. С. 148—149.

[11] Обозрение столбцов и книг… Ч. 3. С. 42.
[12] Там же. С. 43.
[13] Там же. С. 2.
[14] Там же. С. 124.
[15] Там же. С. 125.
[16] Там же. С. 155.
[17] Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих... С. 132.
[18] Там же. С. 147.
[19] Там же. С. 147, 222.
[20] Там же. С. 148, 149.
[21] Там же. С. 150.
[22] Там же. С. 229.
[23] Там же. С. 233.
[24] Там же. С. 234.
[25] Там же. С. 236.
[26] Там же. С. 238.
[27] Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 206.
[28] Оглоблин Н.Н. Томский бунт 1637—1638 гг. // Исторический вестник. 1901. № 7. С. 248.
[29] Оглоблин Н.Н. Дело о «ворожебных письмах», 1652 г. Бытовые черты XVII века // Русская старина. 1894. № 3. С. 234—235.
[30] Ромодановская Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 43.
[31] Обозрение столбцов и книг… М., 1901. Ч. 4: Документы центрального управления. С. 9.
[32] Там же. Ч. 3. С. 48—50.
[33] Там же. С. 177—178.
[34] Там же. С. 15—17.
[35] Там же. С. 2.
[36] Там же. С. 13.
[37] Там же. С. 16.
[38] Там же. Ч. 4. С. 43.
[39] Там же. С. 44.
[40] Там же. С. 69.
[41] Там же. С. 195.
[42] Там же. С. 196.
[43] Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. 1903. № 5. Отд. 2. СПб. С. 60.
[44] Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев (1638—1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых // ЖМНП.1890. № 12. Отд. 2. СПб. С. 265.
[45] Обозрение столбцов и книг… Ч. 3. С. 2.
[46] Там же. С. 3.
[47] Там же. С. 16.
[48] Там же. С. 48.
[49] Там же. С. 49.

[50] Там же. С. 50.
[51] Там же. С. 68.
[52] Там же. С. 79.
[53] Там же. С. 169.
[54] Там же. С. 186.
[55] Там же. С. 189.
[56] Там же. С. 190.
[57] Там же. С. 219.
[58] Там же. С. 231.
[59] Там же. С. 320—321.
[60] Там же. С. 325.
[61] Там же. С. 332.
[62] Там же. С. 333.
[63] Там же. С. 339.
[64] Обозрение столбцов и книг и книг… Б.м., Б.г. Кн. 2: Документы таможенного управления. С. 6.
[65] Там же. С. 7.
[66] Там же. С. 8.
[67] Там же. С. 9.
[68] Там же. С. 10.
[69] Там же. С. 11.
[70] Там же. С. 12.
[71] Там же. С. 13.
[72] Там же. С. 1 —15.
[73] Там же. С. 16—17.
[74] Там же. С. 17.
[75] Там же. С. 18.
[76] Там же. С. 19.
[77] Там же. С. 20.
[78] Там же. С. 21.
[79] Там же. С. 22—25.
[80] Там же. С. 25.
[81] Там же. С. 26.
[82] Там же. С. 27.
[83] Там же. С. 28.
[84] Там же. С. 28—38.
[85] Там же. С. 28.
[86] Там же. С. 30—31.
[87] Там же. С. 31.
[88] Там же. С. 33.
[89] Там же. С. 34.
[90] Там же. С. 35.
[91] Там же. С. 36.
[92] Там же. С. 37.
[93] Там же. С. 38.
[94] Там же. С. 38.

[95] Там же. С. 39.
[96] Там же. С. 40.
[97] Там же. С. 41.
[98] Там же. С. 42—43.
[99] Там же. С. 44.
[100] Там же. С. 45.
[101] Там же. С. 46.
[102] Там же. С. 46—47.
[103] Там же. С. 48.
[104] Там же. С. 49.
[105] Там же. С. 50.
[106] Там же. С. 51.
[107] Там же. С. 52.
[108] Там же. С. 53.
[109] Там же. С. 54.
[110] Там же. С. 54.
[111] Там же. С. 55.
[112] Там же. С. 55.
[113] Там же. 57.
[114] Там же. С. 58.
[115] Там же. С. 59.
[116] Там же. С. 56.
[117] Там же. С. 59.
[118] Там же. С. 60.
[119] Там же. С. 61.
[120] Там же. С. 62.
[121] Там же. С. 63.
[122] Там же. С. 64.
[123] Там же. С. 65.
[124] Там же. С. 66.
[125]Там же. С. 67.
[126] Там же. С. 70.
[127] Там же. С. 70—71.
[128] Там же. С. 72—73.
[129] Там же. С. 74.
[130] Там же. С. 74—75.
[131] Там же. С. 75.
[132] Там же. С. 76.
[133] Там же. С. 77—78.
[134] Там же. С. 78—79.
[135] Там же. С. 79.
[136] Там же. С. 80.
[137] Там же. С. 82.
[138] Там же. 84.
[139] Там же. С. 88.
[140] Там же. С. 93.

[141] Там же. С. 94.
[142] Там же. С. 97.
[143] Там же. С. 101—102.
[144] Там же. С. 103.

Глава 3

СУРГУТСКИЕ КРАЕВЕДЫ ИВАН ЗАХАРОВ И ФЛЕГОНТ ПОКАЗАНЬЕВ

Трудно найти в мировой истории аналоги уникальному скачку социально-экономического развития, совершенному во второй половине XX в. жителями северного рабочего поселка, именуемого Сургут.

Современники связывают этот уникальный феномен главным образом с открытием здесь нефти и газа, становлением и энергичной работой мощных производственных коллективов, освоивших их добычу, переработку и транспортировку. Это справедливо. Однако у этого «сибирского чуда» имеются и более глубокие, исторические корни пассионарности жителей Сургута, их роли в «прирастании России Сибирью» не только в XX-м, но и предшествующих столетиях. Об этом современники могут узнать ознакомившись с творческим наследием самобытных сургутских краеведов Ивана Прокопьевича Захарова и Флегонта Яковлевича Показаньева.

По определению В.О.Ключевского, на научном языке слово «история» употребляется в двух смыслах: «во-первых, как движение во времени, процесс; во-вторых, как познание процесса»[1]. В обыденной жизни можно найти очень мало людей, которые бы имели отношение к истории сразу в этих двух измерениях. Именно такими редкими людьми являются И.П.Захаров и Ф.Я.Показаньев, которых еще при жизни земляки называли «подвижниками духа»[2] и «летописцами земли сургутской»[3]. Они являются почетными гражданами Сургута. В их честь названы улицы города.

Действительно, знакомство с биографией И.П.Захарова позволяет сказать, что он прожил по-настоящему удивительную жизнь, являясь одновременно непосредственным создателем того исторического процесса, который протекал в XX в. в Сургутском Приобье, «хозяином дорогой его сердцу северной земли, с которой начиналась отчизна, и исследователем, чей пытливый ум закладывал основы изучения ее истории и современности».

Он родился 5 октября 1929 г. в деревне Поварово Уватского района Омской (ныне Тюменской) области в крестьянской семье. Его отец Прокопий Иванович и мать Александра Павловна «занимались сельским хозяйством и в годы коллективизации вступили в колхоз “КИМ”»[4].

В биографии, датированной 1980-м г., И.П.Захаров не мог в полной мере написать о том, что в 1930-х гг. установка партии на сплошную коллективизацию была авантюристической даже для центральных районов страны, а для Севера просто гибельной. Партийное руководство Омской области, куда тогда входило Обь-Иртышье, диктовало высокие темпы коллективизации не только для южных, но и для северных территорий области. Как докладывали организаторы «великого перелома», в Омской области было осуществлено перераспределение угодий таким образом, что «кулакам и шаманам отводились наиболее плохие угодья»[5]. При этом ярко выраженный насильственный характер коллективизации проявлялся в том, что раскулачивали не только зажиточных хозяев, но и середняков. В ходе изучения истории семьи И.П.Захарова краевед А.Ярошко отмечает, что в 1937 г. членов этой семьи, как и многих других крепких хозяев, выселили из родной деревни. Их приютили в одной из уватских деревень и разместили в амбаре. Шестилетний Ваня с полуслепой теткой ходил по деревням, собирая подаяния[6].

В 1938 г. родители Ивана Прокопьевича по оргнабору вместе с семьей уехали еще дальше на Север — в село Ныда Ямало-Ненецкого национального округа. «Мои детские, да и юношеские годы пришлись на трудное время. Только встал на ноги — началась война, чаще всего видел слезы матери, проводившей на фронт двух сыновей, моих братьев. Работать начал рано, лет с семи. Боронил, возил копны, был на промысле в Обской губе» —, писал об этом периоде своей жизни И.П.Захаров[7].

Заметим, что в рыболовство и рыбную промышленность севера Западной Сибири в годы войны на рабочие места ушедших на фронт мужчин пришли женщины, старики и дети, составившие две трети рабочих и служащих края. В 1942 г. на рыбацкой путине труженики Обь-Иртышья увеличили лов рыбы на 85 тысяч центнеров, а через год еще почти на столько же, достигнув максимального уровня добычи в 312 центнеров. Это было в два с лишним раза больше, чем в предвоенном 1940 г.[8]

Вторая половина 1940-х гг. для советского общества явилась периодом напряженной работы по восстановлению разрушенного народного хозяйства страны и переводу экономики на мирные рельсы. Как и в военное время, роль тружеников Сибири в обеспечении стратегических задач реконверсии экономики страны оставалась решающей. И в эти годы биография И.П.Захарова стала неотделимой от судьбы страны. Можно только догадываться о причинах природных катаклизмов осени 1947 г. в Западной Сибири, но пароход, который вез призывника Ивана Захарова вместе с его сверстниками на службу в армию, застрял возле Ханты-Мансийска во льдах. Вся команда была определена в школу ФЗО. После ее окончания И.Захаров стал судовым плотником и получил направление на Сургутский рыбоконсервный завод.

Сургутская рыбоконсервная фабрика начала свою деятельность в 1928 г. Весной 1942 г. из Одессы в Сургут было эвакуировано оборудование для производства широкого ассортимента рыбной продукции. В 1951 г. предприятию был присвоен статус рыбокомбината. Вскоре началась реконструкция предприятия. Но, как вспоминал Иван Прокопьевич, долго на заводе ему работать не пришлось: через год после переезда в Сургут он был направлен в штат райкома комсомола. Избирался вторым секретарем райкома комсомола. После комсомольской работы была профсоюзная — возглавлял рабочком Сургутского леспромхоза, а осенью 1953 г. был направлен на учебу в Ханты-Мансийск, на этот раз в партийную школу.

И вновь жизнь И.П.Захарова тесно переплелась с судьбой страны. На февральско-мартовском пленуме 1954 г. ЦК КПСС принял решение об освоении целинных и залежных земель Северного Казахстана, Сибири, Алтая и Южного Урала, некоторых районов Поволжья и Северного Кавказа. Острота продовольственной проблемы и общая запущенность положения в сельском хозяйстве превратили аграрную политику в середине 1950-х гг. в одно из ключевых направлений деятельности партии и государства.

После окончания партийной школы в августе 1954 г. И.П.Захаров был избран секретарем партийной организации Сургутской МТС. В то время территория Сургутского района была в два раза больше, чем сейчас. Коллектив МТС осваивал новые земли многочисленных проток акватории Оби, помогал колхозникам

выращивать хлеб, картофель, овощи, заготавливать корма на территории протяженностью 300 км в условиях полного бездорожья. «Все это было очень интересно и запомнилось на многие годы. Хорошо помню сельскохозяйственные выставки, которые устраивали по осени. На них показывали результаты своего труда и всегда радовались хорошему урожаю», — писал Иван Прокопьевич[9].

В середине 1950-х гг., после смерти Сталина, в стране и партии стали происходить важные политические изменения. Исторической вехой на этом пути стал XX съезд КПСС, разоблачивший «культ личности» и давший импульс демократическому обновлению советского общества.

Во многом оживилась тогда духовная жизнь, постепенно освобождались от пут догматизма научное и художественное творчество, публицистика и журналистика. Их гуманизация и ориентация на повседневную жизнь требовали притока в сферы этой деятельности людей компетентных, знающих не понаслышке социальные и хозяйственные проблемы развития страны. После работы корректором, литсотрудником, заведующим различными отделами сургутской районной газеты «К победе коммунизма», в феврале 1956 г. (примечательно, что это был год и месяц работы XX съезда КПСС) И.П.Захаров назначается заместителем редактора этой газеты.

В.П.Замятин, поэт и краевед, почетный гражданин Сургутского района, давний друг Ивана Прокопьевича, посвятил ему стихи, в которых есть такие строки: «А уж газета… Эх газета! Ты ей полвека посвятил. Ты без нее не мыслил света, газетный труд боготворил!» Точнее трудно сказать об этом периоде жизни И.П.Захарова. Он по праву стал в 1960 г. первым членом Союза журналистов среди своих коллег в Сургуте. Он долгое время возглавлял городскую журналистскую организацию. Его талант, высочайший профессионализм в этой области признавались всеми специалистами. «Как он пишет о нашем городе, крае, о его людях, пишут единицы», — отмечала С.Севастьянова. А.П.Зубарев обращал внимание на другие черты журналиста И.П.Захарова: «Он простой, открытый человек, а потому людям с ним легко и в коллективе его уважали. Я был редактором “К победе коммунизма”, а он заместителем. Куда бы и на сколько я не уезжал, за газету мог быть спокоен: знал — ничего экстренного случится не может…».

А.Ярошко конкретизирует эту оценку: «Если Захаров оставался за редактора, весь коллектив внутренне подтягивался: знали, что Иван Прокопьевич только кажется добреньким и покладистым, что он не даст никому расслабиться… Был он человек со своим твердым “я”, которому не изменял никогда».

Свой неизгладимый след оставил Иван Прокопьевич в общественной жизни Сургута. Долгие годы он возглавлял партийную организацию типографии. Его детищем был единственный на всю Тюменскую область музей газеты. Вместе с Ф.Я.Показаньевым он стоял у истоков краеведческого музея. Неоценимы его заслуги в формировании ветеранского движения в Сургуте и многих других начинаниях социально-культурного развития города, которые сегодня превратились в традиции.

Однако главным делом его жизни, как нам представляется, стала история Сургута и Сургутского района. Весьма содержательный перечень книг и статей по истории Сургута и Сургутского района вносят существенный вклад в югорское краеведение в ту область знания, которую В.О.Ключевский называл «местной историей». Размышляя о содержании общей и местной истории, выдающийся российский историк отмечал, что при изучении местной истории «мысль углубляется в самые строения человеческого общества, в то, что производит эту причинную связь явлений, то есть самые свойства и действия исторических сил, строящих общежитие. Изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии».

Творческое наследие И.П.Захарова насчитывает семнадцать отдельных краеведческих изданий, посвященных Сургутскому району. По подсчетам библиографа Р.И.Истоминой, главного библиотекаря зала краеведения Городской центральной библиотеки им. А.С.Пушкина г.Сургута, изучающей творчество И.П.Захарова, за период 1961—2000 гг. им подготовлено и опубликовано 238 работ различного объема и характера.

Сам Иван Прокопьевич в своей автобиографии справедливо писал: «На моих глазах произошли все значительные перемены в жизни Сургута и района. Первые буровые вышки и нефтяные фонтаны, строительство города, прокладка трубопроводов и линий электропередач, железной дорогии крупнейшей в Сибири ГРЭС —

все это и многое другое находило и продолжает находить отражение в моем скромном творчестве».

Демократические изменения в политической и духовной жизни советского общества во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. и открытие в Западной Сибири крупнейших в стране месторождений нефти и газа в это время во многом предопределили роль и место И.П.Захарова в сургутском краеведении и, по сути, знаменовали тогда новый этап в его развитии. Только в 1959 г. из-под его пера вышли шесть публикаций в газете «К победе коммунизма», пронизанных оптимизмом и верой в успех «малоперспективной», как многим тогда казалось, Сургутской нефтеразведочной экспедиции. И.П.Захаров настойчиво и последовательно работал по этой новой для сургутских публицистов тематике. По его многочисленным краеведческим очеркам и статьям можно проследить историю открытий и промышленного освоения сургутской нефтяной провинции и судьбы людей, совершивших этот трудовой подвиг.

Несколько десятков статей по нефтяной тематике, написанных И.П.Захаровым, отличаются высоким уровнем достоверности, научной требовательности и охватывают широкий спектр производственной и социальной проблематики.

Однако наиболее трепетно И.П.Захаров относился к теме участия сургутян в обеспечении победы Советского Союза над фашисткой Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Одной из первых работ, в которой тема воинского и трудового подвига жителей Сургута была освещена наиболее полно, стала написанная им совместно с Н.Б.Патрикеевым книга «Сургут в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). А через 20 лет будет опубликовано содержательное и глубоко прочувствованное выступление Ивана Прокопьевича на состоявшейся в мае 1995 г. в Сургуте Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В полной мере всеохватывающий уникальный материал, собранный И.П.Захаровым о сургутянах — защитниках Отечества, был систематизирован и опубликован им в пяти сборниках статей и документов «Защитники отечества. 1941—1945 гг.», изданных в 1995—2000 гг. В них нашли отражение трудовые и боевые подвиги

сургутян в военное лихолетье. Особую ценность имеют включенные в сборники документальные материалы и письма фронтовиков. Скорбный список безвозвратных потерь ветеранов войны и труда, помещенный в этих книгах, будет напоминать новым поколениям сургутян о цене победы в той войне.

Пристальное внимание к человеческой судьбе выгодно отличает краеведческое наследие И.П.Захарова от «неодушевленной» отечественной историографии «доперестроечного периода». В его статьях мы находим яркие исторические портреты людей, внесших существенный вклад в экономическое, культурное и духовное развитие города в прошлом и настоящем. Его работы по «локальной истории» являются своеобразной компенсацией недостаточного внимания «монументальной истории» к факторам географической среды и климатическим условиям, своеобразию материальной и духовной культуры «малой родины», ее исторической топонимики и демографии.

Этот и другой, собранный по крупицам «сургутский материал», нашел свое завершающее обобщение в капитальной краеведческой работе И.П.Захарова «Моя земля», которую по праву можно назвать первой сургутской энциклопедией.

Краеведческая литература И.П.Захарова, а также его работы по историко-партийной тематике, народохозяйственным и социальным проблемам, вопросам истории культуры города дают возможность охватить все многообразие исторического процесса развития Сургута второй половины XX в. и являются основой научной озадаченности современных историков Западной Сибири.

Их внимание естественным образом концентрируется на истории создания и формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, когда на рубеже 1950—1960-х гг. совпавшие по времени события «оттепели» и первых уникальных открытий нефти и газа в Среднем Приобье вызвали подъем социальной активности в Западной Сибири и интереса к ее региональной истории. Он отзывался в журналистских кругах адекватным творческим порывом. В это время в Сургуте и окружном центре, Ханты-Мансийске, появилась целая плеяда талантливых публицистов с определенно выраженной краеведческой направленностью в профессиональной деятельности, с тяготением к актуальной исторической тематике экономического и духовного развития севера Западной

Сибири. В наиболее содержательных работах журналистов того периода мы находим попытки обращения к истории края для объяснения проблем современного освоения новой нефтегазовой провинции, умелого использования научных методов исторического исследования[10].

Особое место в этом ряду краеведов, рожденных эпохой «оттепели», занимает Ф.Я.Показаньев — один из авторов, как мы полагаем, наиболее созвучных гражданскому пафосу работ того времени исторических перемен на севере Западной Сибири. Ф.Я.Показаньев родился 17 января 1922 г. в Курганской области в крестьянской семье. В 1930 г. семья была раскулачена и сослана в Сургутский район. В 1941 г. он окончил сургутскую среднюю школу. С 1942 по 1957 гг. Ф.Я.Показаньев находился на военной службе. Участник Великой Отечественной войны, он был награжден орденом Отечественной войны, медалями СССР. В 1980—1990 гг. Ф.Я.Показаньеву были присуждены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Почетный гражданин города Сургута».

1957 г., как дата возвращения в Сургут демобилизованного из армии Ф.Я.Показаньева, весьма символична. Каприз истории состоял в том, что это был год высадки в Сургуте нефтеразведочной экспедиции Ф.К.Салманова. Как писал в книге «Моя земля» И.П.Захаров, «…тогда осенним днем в промокшем от частых дождей Сургуте высадилась первая группа геологов во главе с молодым специалистом Фарманом Салмановым». В этой связи И.П.Захаров авторитетно заявлял: «По нашему мнению, именно 1957 год и является для Сургута главным событием XX века». Полагаем, что и приезд Ф.Я.Показаньева, которому суждено было оставить глубокий след в культурном развитии Сургута, имел свой неповторимый исторический смысл.

По подсчетам самого Флегонта Яковлевича, он опубликовал более 200 статей, посвященных истории, настоящему времени и перспективам развития Сургутского региона[11]. Эти публикации, а также открытие по его инициативе в 1963 г. краеведческого музея на общественных началах и в 1966 г. районного общества охраны памятников истории и культуры заметно активизировали краеведческую работу не только в Сургуте как новом городе, но и во всем Ханты-Мансийском автономном округе. Его работа была

высоко оценена общественностью края. Еще при жизни краеведу Ф.Я.Показаньеву было посвящено десять публикаций в различных местных изданиях

В «Завещании», адресованном своему юному родственнику Андрюше Показаньеву, Флегонт Яковлевич писал: «Я не дарю тебе дорогих вещей. Я дарю тебе память». Дважды раненому солдату Великой Отечественной войны прежде всего хотелось, чтобы не был обделен памятью никто из причастных к войне сургутян. Поэтому военно-патриотическая тематика доминировала в его творчестве. Из 45 упомянутых в библиографическом указателе «Сургут: история и современность» статей автора 14 посвящено военному лихолетью. В ходе многолетних поисков Ф.Я.Показаньев сумел восстановить имена 1065 сургутян, погибших в годы Великой Отечественной войны[12]. Их памяти, а также боевому и трудовому подвигу сургутских ветеранов посвящена подготовленная им книга «Дорогами войны: сборник воспоминаний и очерков о Великой Отечественной войне», вышедшая в 1995 г. В ней на конкретном историческом материале воссозданы многие события, происходившие на фронте и в тылу, олицетворяющие материальный и духовный вклад сургутян в разгром германского фашизма.

Следует сказать, что вопросы духовности звучат в творческом наследии Ф.Я.Показаньева с особой интонацией. Культуру он понимал не как механическую сумму интеллектуальных и эстетических знаний, а как вековую традицию сургутян, тягу к порядочной, достойной высоких идеалов жизни. Ее образ передавался из поколения в поколение как повсеместное стремление ко всему красивому, гармоничному, идеальному, возвышающему жителей этого глубинного северного поселка над его повседневным бытом. Не случайно, что первой обнаруженной нами публикацией Ф.Я.Показаньева в газете «К победе коммунизма» от 12 марта 1958 г. была написанная с особой теплотой заметка о самодеятельном спектакле в постановке учащихся сургутской средней школы.

Не будучи профессиональным археологом, Ф.Я.Показаньев уже в 1960-е гг. осознавал научную уникальность археологических памятников сургутской территории и особенно Барсовой горы, где самостоятельно проводил раскопки и их описание. Он

последовательно выступал против разрушения Барсовой горы в ходе промышленного освоения края, написал по вопросам сохранения Сургута как исторического города ряд ценных статей, имеющих большое научное и общественное звучание[13].

В краеведческой деятельности Ф.Я.Показаньева эти два понятие присутствуют неразделимо. В 1987 г. он писал в «Исповеди»: «Можно было жить спокойно, запечатав себя в футляр равнодушия и безразличия ко всему происходящему… Но такая жизнь не по мне»[14].

В разгар «перестройки» Ф.К.Показаньев без колебания заявлял: «В 1944 году я связал свою судьбу с партией и все годы оставался ее верным бойцом.., при этом не избегал тех ошибок, которые допускала партия»[15].

Можно уверенно утверждать, что историко-революционная, партийная тематика в краеведении Ф.Я.Показаньева имела глубоко личностную, прочувствованную, осознанную, лишенную идеологической конъюнктуры мотивацию. На его глазах в Сургуте начала развертываться разноплановая, гигантская работа по геологоразведке, а затем и промышленной добыче нефти. В 1960-е гг. в Сургуте начинается крупномасштабное городское строительство, формируются «культурные гнезда» духовного развития горожан. Мобилизация усилий многотысячного отряда рабочих и специалистов, разобщенных ведомствами и министерствами огромной командно-административной машины страны, объективно требовали сильного объединяющего тружеников города центра. Таковым в то время мог стать только Сургутский районный, а с 1965 г. городской комитет КПСС. На наш взгляд, судя по масштабам решаемых им задач, отраженных в документах горкома, его специфической деятельностью в условиях нефтяного бума была не столько политико-идеологическая, сколько организационно-производственная работа. Поэтому деятельность сургутской партийной организации в то время приобретала, на наш взгляд, скорее не идеократическое, а практическое, экономическое значение.

Несомненной заслугой Ф.Я.Показаньева как краеведа является то, что он одним из первых обратился к истории сургутской партийной организации. В 1974 г. в соавторстве с И.П.Захаровым им был подготовлен на правах рукописи единственный обобщающий труд по этой теме — «Краткий очерк истории Сургутской

партийной организации». Одновременно Ф.Я.Показаньев активно исследовал вопросы истории гражданской войны в крае, судеб участников общественно-политических событий других периодов истории Югры[16].

Ф.Я.Показаньев более 30 лет изучал историю края. В проблемном поле его научных интересов находились далеко не праздные для профессиональных историков вопросы: когда был основан Сургут, этимология названия города, характер деятельности первых воевод Сургута, хозяйственные занятия и быт жителей города. Многие из этих сюжетов нашли отражение в изданной в 1987 г. совместно с Л.В.Патрановой небольшой, но весьма содержательной книге «Сургут», явившейся первым опытом системного изложения древней и новейшей истории города.

Своеобразным обобщением в основном опубликованного материала о Сургуте XVI — середины XX вв. стала книга Ф.Я.Показаньева «Город древний, город славный», изданная в 1994 г., в которой повествование заканчивается характеристикой Сургута 1950-х гг.

В конце своей жизни Ф.Я.Показаньев с особым увлечением работал с архивом последнего сургутского уездного исправника Г.А.Пирожникова, справедливо считая его одним из видных просветителей края. В 1995 г. им был систематизирован богатый исследовательский материал о Г.А.Пирожникове, который в 2001 г. был издан отдельной книгой. К сожалению, до дня ее издания Ф.Я.Показаньев не дожил.

Историческое творчество краеведов И.П.Захарова и Ф.Я.Показаньева вносили в культуру Сургута высочайшее духовное напряжение, без которого невозможно было совершить тот трудовой подвиг на территории Западной Сибири, который продолжает изумлять современников. В этом видится главный смысл слов А.С.Пушкина о любви к отеческим гробам и родному пепелищу — чувств, в которых «обретает сердце пищу».

Примечания

[1] Ключевский В.О. Сочинение в девяти томах. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 33.

[2] Захаров И. Живая память. Сургут, 2004. С. 7.

[3] Севастьянова С. Летописец земли Сургутской // Сургутская трибуна. 1999. 5 октября.

[4] Захаров И. Живая память. Сургут, 2004. С. 3.

[5] Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 336.

[6] Захаров И. Живая память. С. 19.

[7] Там же.

[8] Очерки истории Югры. С. 348.

[9] Захаров И. Живая память. С. 21.

[10] О творчестве И.П.Захарова, В.Н.Тимофеева, Н.И.Ездакова см.: Прищепа А.И.Иван Прокопьевич Захаров в истории Сургута // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. исторических чтений. Сургут, 8 июня 2005 г. Сургут, 2005. С. 3—11; Ездаков Н.И. Партизанский комендант Сургута // Ленинская правда. 1962. 16 декабря; Он же. Растет рыбоконсервный и вширь и ввысь // К победе коммунизма. 1962. 12 августа; Он же. С думой о людях // Там же. 1965. 26 ноября; Он же. Ветка багульника // Там же. 1967. 9, 12 апреля; Подвиг учителя // Там же. 1968. 18 июля; и др.

[11] Захаров И.П. Моя земля. Сургут, 1999. С. 24.

[12] Показаньев Ф.Я. Исповедь // Сургут и сургутяне. Тюмень, 1998. С. 7. Подсчитано по: Сургут: история и современность. Библиографический указатель. Сургут, 1999. С. 19, 21.

[13] Показаньев Ф.Я. Исповедь … С. 47.

[14] См. подробнее: Прищепа А.И. Сургут во второй половине XX века. Сургут, 2005. С. 16.

[15] Показаньев Ф.Я. Исповедь // Сургут и сургутяне. С. 77.

[16] Показаньев Ф.Я., Захаров И.П. Краткий очерк истории сургутской партийной организации. Сургут, 1974; Показаньев Ф.Я. Первая маевка // К победе коммунизма. 1963. 15 ноября; Он же. Сургутский ревком действует // Там же. 1983. 9, 10, 13, 14, 15 декабря; Он же. Они были первыми // Там же. 1963. 20 ноября; и др.

Глава 4

УРАЛЬСКАЯ И ОМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ НА РУБЕЖЕ XX—XXI СТОЛЕТИЙ

Спецификой историографии как научной дисциплины является ее непосредственная связь и зависимость от развития исторической науки. О связи между историей, исторической наукой и историографией очень точно выразился известный российский историограф В.А.Муравьев. По его словам, «исторический процесс, создав авторефлексию и исторические науки, возводит эту авторефлексию в степень, порождая историю исторических наук»[1].

«Кризис» советской исторической науки, который привел к фронтальному переосмыслению всех проблем отечественной истории с новых теоретико-методологических позиций, не мог не привести к тому, что историография как научная дисциплина в нашей стране стала также переживать кризисное состояние. Проявление кризисных явлений в данной научной дисциплине на рубеже 1980—1990-х гг. можно обнаружить в том, что резко сократилось количество историографических работ, советские историографы занялись изучением «белых пятен» в развитии истории исторической науки в России и введением в научный оборот «фигур умолчания», главным образом, из среды дореволюционных и эмигрантских историков.

В 1990-е гг. историки немало способствовали углублению кризисных явлений в историографии, выступив за то, чтобы историографические исследования «в своем монографически-монументальном виде, как особая форма имитации мысли в исторической науке», ушли «в небытие, уступив место критически-провоцирующим статьям»[2]. Историографов стали активно подталкивать к тому, чтобы они в своих исследованиях давали «практические рекомендации» о том, какие проблемы в исторической науке изучены хорошо, а какие пока являются недостаточно исследованными, и на что в связи с этим следует обратить особое внимание историкам. По нашему мнению, в этом виделось проявление тенденции вернуть историографию к статусу вспомогательной исторической дисциплины, «обслуживающей» интересы исторической науки.

В то же время критики указывали и на реально имевшие место недостатки в историографических исследованиях. Ю.Л.Троицкий справедливо отмечал, что «иные историографические работы неотделимы от аннотированной библиографии», а в некоторых проблемных историографических исследованиях «исторические исследования и историографические описания» «почти слиты»[3].

Все это не могло не привести к тому, чтобы историографы не задумались о проблемах и перспективах своей научной дисциплины. Уже в 1990-е гг. сложилось несколько мнений по вопросу о том, как должна развиваться историография.

Видные российские историографы признавали наличие острых проблем, которые имели место в данной научной дисциплине. А.А.Чернобаев писал: «Ситуация в современной историографии сложна и противоречива». Основную проблему для историографов он видел в том, что «груз прошлых подходов и концепций оказывает сдерживающее влияние на многих ученых»[4]. При этом В.А.Муравьев считал, что историографам не следует обращать внимание на мнение о том, что историография порой не выполняет возложенных на нее исторической наукой функций. Он совершенно справедливо отмечал, что главным достижением историографической области отечественной исторической науки в условиях кризиса исторических знаний являлось то, что ей удалось сохранить «внутренний мир историографии как дисциплины»[5].

В то же время историографы высказались за то, что поскольку новые условия, в которых функционирует современная историческая наука, предъявляют новые требования ко всем историческим дисциплинам, то историографии необходимо существенно изменить свои функции, не сводить их только к сбереганию наработанного наследия и «к декоративным косметическим реформам», а выйти на новый уровень обобщения и решить для себя, «в какой мере поиск новой методологической парадигмы в истории ведет к подобному поиску в историографических исследованиях, и в какой мере эти последние могут содействовать методологическому и концептуальному обновлению?»[6]. В.А.Муравьев обратил внимание на то, что впервые в истории отечественной и мировой историографии (как специальной дисциплины) в исследовательские задачи этой отрасли включаются «не только эволюция исторической мысли, труды историков, концепции, их обоснование и

аргументация, но и такие факторы, как социальные запросы и ожидания, условия существования и поддержания исторического знания, тип организации науки и научного процесса, воздействие на науку государственной политики и др. Круг изучаемых в области историографии факторов вышел далеко за пределы собственно исторического труда прошлого, охватив всю сферу исторического моделирования в целом от исходной точки — социального запроса — и до выхода, до распространения полученного исторического знания в обществе»[7].

Г.А.Бордюгов писал, что в современных условиях «научная историография необходима по-прежнему, поскольку она помогает понять, как и почему происходят изменения в науке, что представляет собой современное историческое сознание, как новые знания обретают новые формы, как проверяются выдвинутые концепции, будет ли история востребована вновь не только как знание, но и как инструмент осмысления происходящего»[8].

В связи с этим во второй половине 1990-х гг. в историографической среде развернулась дискуссия о предмете, функциях и смысле современных историографических исследований. Имевшая длительные традиции ведения историографических исследований, получившая широкое признание в научном сообществе историографов «уральская историографическая школа»[9], давно выступавшая против сужения предмета историографии, сводившая его только к изучению процесса накопления исторических знаний, совершенствованию методики научной работы, эволюции проблематики исторических исследований и взглядов на исторические явления, высказалась за понимание историографии именно как истории исторической науки, с приоритетным изучением организации научных исследований, куда включается рассмотрение институциональных, методологических, источниковедческих основ развития исторической науки, а также исследовательской лаборатории ученого-историка[10].

Мнение ведущих представителей «уральской историографической школы» в понимании предмета историографии разделяли и другие уральские историографы. По словам екатеринбургского историографа В.С.Прядеина, в случае изучения только процесса накопления исторических знаний «в тени остаются такие важные грани историко-научного анализа, как подготовка кадров, развитие

документальной базы, история системы научных и учебных заведений, пропаганда исторических знаний»[11].

«Сциентическое» понимание предмета историографии вызвало критику со стороны исследователей, придерживавшихся другой трактовки развития историографического процесса. Омская исследовательница В.П.Корзун предложила свое видение смысла современных историографических исследований, которое заключалось в кардинальном изменении предмета исследований, отказе от изучения истории исторической науки и переходе к исследованию историко-культурных феноменов[12]. Ее ученик С.П.Бычков утверждал: «В сегодняшней ситуации методологического плюрализма в исторической науке одним из перспективных подходов является культурологический ракурс историографического исследования, означающий отказ от жесткой сциентической схемы, перенос интереса в сторону творца исторического знания, роли научного сообщества в востребовании научного результата, самостоятельной жизни исторических текстов в социокультурном пространстве»[13].

Таким образом, в ходе научной полемики второй половины 1990-х гг. выявились серьезные разногласия в понимании предмета, функций и смысла современных историографических исследований.

Анализируя историографические исследования начала XXI столетия, можно заметить, что характерными чертами современной историографической науки являются, во-первых, восстановление устойчивого интереса ученых к проведению проблемных изысканий, изучению отдельных периодов в развитии исторической науки, созданию портретов историков. Накопленный в этой сфере историографический материал обобщен в ряде крупных монографических трудов[14].

Во-вторых, налицо усиление интереса к рассмотрению теоретических проблем историографии. Серьезные теоретические исследования проводятся «уральской историографической школой», представители которой призывают к существенному обновлению методологического аппарата историографической науки, включая понятия, принципы и методы исследования, расширению круга историографических источников, в который должны включаться не только научные труды историков, но и публицистика, работы

представителей смежных гуманитарных наук и т.д.[15] Свое видение этих проблем ими вынесено на страницы учебной литературы, опубликованной центральными издательствами страны[16].

Плодотворно работает в этом направлении омская школа историографов, занимающаяся разработкой тезауруса историографии и внесшая несомненный вклад в создание нового метаязыка данной области исторической науки[17]. В русле этого направления работает часть уральских исследователей, которая также много размышляет о смысле современных историографических исследований[18].

В то же время нельзя не отметить, что продолжается процесс размежевания в среде историографов по вопросу о понимании предмета, функций и смысла современных историографических исследований. По этим вопросам идут серьезные дискуссии между представителями различных научных историографических школ[19].

Обращает на себя внимание то, что отсутствует единое представление о количестве выделившихся в современной историографической науке тенденций, по-разному понимающих теоретические основы данной науки. Челябинская исследовательница Н.Н.Алеврас, разделяющая позиции историографов, работающих в рамках интеллектуальной истории, в современной историографии прослеживает «несколько основных тенденций, отражающих различные подходы или оттенки представлений о содержании и структуре предметного поля историографии». Она выделяет четыре тенденции: 1) «традиционную», близкую к пониманию предмета историографии, сформулированному в 60-е — начале 80-х гг. XX в., апеллирующую к формуле «история исторической науки»; 2) «социокультурную», которую автор рассматривает как «принципиально критическую в отношении отечественной историографической мысли XX столетия»; 3) «контекстуальную», «связанную с возрождением идеи об историографии как истории исторического знания»; наконец, 4) «трансформационную», выражающую «наиболее радикальную идею необходимости расставания с прежним методологическим опытом отечественной историографии — и советским, и по логике заявленного подхода, дореволюционным», но главное — к отказу «от опоры на понятие “история исторической науки”, как уже не выражающего смысла предметного поля современной историографии»[20].

По нашему мнению, весь пафос Н.Н.Алеврас, выделившей в современной историографии целых четыре тенденции, направлен на то, чтобы сильнее осудить «традиционное» представление о предмете историографии, которое, по ее словам, «формально дистанцируясь от «марксистских» догматов, апеллирует к формуле “история исторической науки”»[21]. Недаром она пишет о «родстве» «трех последних из отмеченных тенденций в понимании предмета историографии», что, по словам автора, «может свидетельствовать о преобладании позиции, нацеленной на поиск оптимальных решений проблемы обновления предмета историографии, осуществляемого с учетом инновационных представлений антропологической природы современной исторической науки»[22].

В то же время декларация о «родстве» трех направлений основывается лишь на их выступлении против общего врага — «традиционной» историографической тенденции. Если разобраться во взаимоотношениях внутри «родственных» тенденций, то можно заметить немало противоречий, которые существуют между ними. Н.Н.Алеврас прямо указывает, что представители «социокультурной» тенденции, «опираясь на традиционное определение предмета историографии как истории исторической науки», «нацелены на обогащение и обновление предмета историографии»[23]. Говоря о «пересечении ценностных установок в понимании предмета историографии» между «контекстуальной» и «трансформационной» тенденциями, она прямо указывает на то, что представитель последней тенденции петрозаводский исследователь А.В.Антощенко «несколько смещается» от этого пересечения при дальнейшем уточнении «своего понимания основной цели историографии»[24]. Если вчитаться в рассуждения последнего по поводу смысла историографических исследований, то окажется, что от историографии как научной дисциплины ничего не остается. Именно такие мысли приходят в голову, когда читаешь определение предмета историографии, данное А.В.Антощенко: «Предмет историографии может быть определен как изменение отношения к прошлому в процессе исторического познания, выражающегося в смене видов или типов исторических нарративов»[25].

Гораздо более правы в определении научных тенденций в современной историографии, по-разному понимающих предметное

поле историографических исследований, омские историографы. Ведущие представители омской историографической школы В.П.Корзун и В.Г.Рыженко различают науковедческий и культурно-исторический подходы в современной историографии[26]. Их более молодые коллеги Н.А.Коновалова и О.В.Метель пишут о двух моделях современного историографического исследования: историографии как истории идей и историографии как истории научных сообществ. По их словам, «модель построения историографического исследования будет зависеть от того, что будет воспринято ученым в качестве базовой категории: историк-исследователь или продукт его научного творчества — научная концепция. В первом случае в центре внимания оказывается процесс становления той или иной идеи у отдельного автора; во втором — общее движение мысли, для иллюстрации которой автор выбирает определенный набор фигур»[27]. Последнее положение сформулировано несколько коряво, но в целом верно отражает ход мыслей авторов.

Автор данной статьи уже не раз писал о том, что в реально происходящем историографическом процессе сегодня оппонируют друг другу две основные тенденции, различающиеся в понимании предметного поля современных историографических исследований: науковедческое и «социокультурное»[28]. По нашему мнению, их отстаивают научные школы с большими традициями проведения историографических исследований.

Первая тенденция исходит из разработанного в предшествующей историографической традиции понимания историографии как истории исторической науки[29]. В центре данного типа историографических исследований всегда находилось проведение проблемных исследований и изучение организации научных исследований на том или ином этапе развития исторической науки. На изучении этой последней составляющей историографического процесса настаивала еще в 1960-е гг. академик М.В.Нечкина[30].

Это отнюдь не означает, что данное направление историографических исследований полностью игнорирует изучение личности историка. Недаром Н.Н.Алеврас ищет в «традиционной» советской историографии предшественников для современного историографа, «ориентированного на новые методологические стратегии»[31] и находит в ней некие «положительные тенденции»

«на фоне идеологически заданной трактовки того времени истории исторической мысли»[32]. Эти тенденции она усматривает в «попытках структурировать понятие «история исторической науки» на основе вычленения в нем составных элементов («факторов»). Главной из них она считает изучение *концепции* историка и даже высказывает осторожное предположение о возможном дальнейшем продвижении представителей истории исторической науки по этому пути за счет вкладывания некоего потаенного смысла в слова М.В.Нечкиной о том, что историческая концепция «далеко не единственная проблема истории исторической науки»[33].

По нашему мнению, следует признать, что именно в рамках «традиционной» историографии началось систематическое изучение личности историков, их научной лаборатории. В региональной историографии этой непростой работой начала заниматься «уральская историографическая школа». Ее основатель профессор О.А.Васьковский заложил традицию изучать персоналии историков. В 1984 г. в научном сборнике статей, изданном кафедрой историографии и источниковедения истории СССР под редакцией О.А.Васьковского, были помещены статьи об уральских историках А.П.Таняеве и П.И.Рощевском[34]. В 1990 г. под его редакцией вышел сборник научных статей «Летописцы родного края»[35], в котором были опубликованы очерки об исследователях Урала как дореволюционных (Н.К.Чупине, Д.Д.Смышляеве, В.А.Весновском, И.С.Сигове), так и советских (В.Ф.Генинге, В.Я.Кривоногове, В.В.Адамове, М.Ф.Злотникове, П.И.Рощевском, С.М.Петрове, П.П.Бажове, А.П.Таняеве, З.А.Аминеве). В ряде статей был показан вклад в изучение истории Урала маститых советских ученых академиков АН СССР А.М.Панкратовой и В.С.Немчинова. Впоследствии представители «уральской историографической школы» создали обобщающие труды, специально посвященные изучению личностного фактора в исторической науке[36].

По их мнению, «персоналия как объект изучения является важной составляющей частью историографии. Научные биографии историков, включающие в себя описание их жизненного пути, глубокий анализ творчества и критическую оценку его, не только дают представление о конкретном вкладе каждого из них в науку, но и позволяют раскрыть сам процесс формирования и

развития истории как науки, влияние науки на общественно-историческое сознание».

В их работах была сформулирована методика работы исследователя над биографическим жанром. «Работа над биографией ставит перед историографом широкий круг вопросов, от решения которых зависят объективность и истинность ее конечных результатов. Исследователь должен воссоздать процесс становления конкретного лица, обладающего только ему присущими индивидуальными качествами, в представителя исторической науки, ученого с определенными взглядами на развитие общественных отношений в прошлом, настоящем и будущем, с собственными концепциями решения научных проблем. Исследователь должен проникнуть во внутренний мир ученого, определяющий круг его научных интересов и пути их реализации, раскрыть те нравственные основы деятельности данного историка, которые в конечном счете и показывают его подлинное лицо, влияют на выбор решений, принятие тех или иных альтернатив»[37].

Серьезно изменились задачи современной «проблемной историографии»[38], которая направлена на рассмотрение результатов профессиональной деятельности историков, изучение борьбы идей, на подведение итогов изучения определенной исторической проблемы, выявление неизученных или дискуссионных вопросов, определение направлений возможных будущих изысканий по исследуемой проблеме. Использование историографом принципа ценностного подхода позволяет ему уточнить, что из предшествующей историографической традиции устарело, а что является вкладом в науку и позволяет представить процесс приращения научных знаний по исследуемой проблеме. Особенно важно в настоящее время дать объяснение тому, почему в тот или иной промежуток времени становились актуальными одни проблемы, а другие, напротив, выпадали из поля зрения ученых-историков.

В современном проблемном историографическом исследовании освещается не только проблемное поле, но и концентрируется внимание на особенностях развития историографического процесса. Выявление научных школ и направлений в изучении проблемы, анализ влияния политико-идеологического фактора на творчество историков позволяет внести вклад в исследование общего состояния исторической науки в рассматриваемый период.

Более того, историограф не может не высказывать своего мнения по изучаемой проблеме, по ее наиболее дискуссионным вопросам. Для того чтобы подтверждать свои рассуждения позитивным материалом, он должен знать исторические источники по проблеме. При этом вполне возможно не только выявить и устранить фактические неточности, имеющие место в анализируемых историографических источниках, но и реконструировать более точную, адекватную действительности картину происходившего. В то же время не следует требовать от историографа знания всей источниковой базы по исследуемой проблеме, в том числе архивных источников. Задачей историографа является максимально полное выявление и анализ историографических источников.

Другая часть современных историографов занимается поисками нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве, сосредотачивает усилия историографов на анализе интеллектуальной деятельности историков, ее условий и форм. В основе теоретических представлений о предмете современных историографических исследований лежат идеи, разработанные основоположницей данного научного направления Л.П.Репиной и другими российскими учеными, работающими в русле интеллектуальной истории[39]. По мнению Л.П.Репиной, в поле зрения историографов должны оказываться не только результаты профессиональной деятельности историка, но и вся его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика и в целом — культура творчества историка[40].

В этом случае главным объектом профессиональных занятий историографа становится индивидуальность историка во всей ее неповторимости, неординарности, способности противостоять внешним, принудительным обстоятельствам.

По мнению главы омской историографической школы В.П.Корзун, современная историография должна не только фиксировать различные проявления исследовательского процесса, но и сама разворачиваться как интеллектуальная история[41]. Расширяя предметное поле историографических исследований, представители этой школы считают, что «историографа интересует не только та или иная историческая концепция “на выходе”, но и индивидуально-личностная ее компонента, процесс ее создания, распространения, влияния и судьбы»[42]. Они основное внимание

историографических исследований сосредотачивают на погружении в «мир» историка путем изучения интеллектуального инструментария ученого прошлых эпох, его категориального аппарата, исследовательской техники и практики продвижения тех или иных идей, стиля научной полемики, приемов аргументации и воздействия на оппонентов и т.д.

С нашей точки зрения, распространение «социокультурного» типа историографических исследований существенно повысило потенциал историографов при ответе на ряд принципиальных вопросов развития исторической науки.

Следует обратить внимание на то, что представители омской историографической школы плодотворно работают и в направлении изучения истории исторической науки[43]. В.П.Корзун и Д.М.Колеватов признают характерное для современного научного сообщества «возрастающее внимание к истории науки и собственно корпорации историков»[44]. Разрабатывают представители омской историографической школы и проблемную историографию[45].

Характеризуя степень размежевания в среде современных историографов, можно констатировать, что между различными направлениями происходит естественная борьба. Но борьба идет не за вытеснение, и тем более уничтожение одного из направлений, как считают некоторые наиболее радикально настроенные представители современной науки, а по чисто научным проблемам. Л.П.Репина совершенно верно указывает на то, что «сегодня уже общим местом стало признание как историчности самого понятия *науки*, так и факта одновременного “мирного сосуществования” различных концепций *научности*»[46].

Нам представляется верным мнение В.П.Корзун и В.Г.Рыженко, которые рассматривают резкое противопоставление двух подходов, имеющих место в современных историографических исследованиях, как контрпродуктивное. Характеризуя науковедческий и культурно-исторический подходы к историографии, они справедливо отмечают: «Общим для этих подходов является нарастающий интерес к творчеству историка и его лаборатории, к самому процессу создания исторического знания, внимание к социокультурному фону. Историографов все больше интересует не столько готовое знание, сколько способы его получения»[47].

С нашей точки зрения, различия между разными типами современных историографических исследований все-таки существует. И их немало. В качестве примера рассмотрим такой важный вопрос, как отношение к типологизации историографических источников. В «науковедческой» историографии историографические источники делятся по жанрам: монографии, статьи, тезисы выступлений на научных конференциях, диссертации, рецензии и т.д. Ее представители считают необходимым изучение исторических источников, раскрывающих организацию научных исследований: документы, направленные на руководство исторической наукой, протоколы съездов историков, конференций, симпозиумов, стенограммы дискуссий, документы научных учреждений и т.п. В.П.Корзун выделяет главные источники (научную продукцию) или так называемую «опорную группу» источников и группу вспомогательных, т.е. традиционных исторических источников, воссоздающих атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры. Она подчеркивает, что среди источников, воссоздающих атмосферу творчества, особенности жизни и натуры историков, доминируют источники личного происхождения: мемуары и переписка[48].

Заметим, что для выявления источников личного происхождения необходима работа с личными архивами ученых, которые не всегда сохранились в полном объеме. Небольшое количество дошедших до нас источников личного происхождения делает особенно сложным изучение ментальности историка, погружение в процесс осмысления им прошлого и его концептуализации, анализ феномена продуцирования исторического знания, погружение в мир рефлексирующего субъекта. Определенную помощь в ликвидации данного пробела в источниках личного происхождения, с нашей точки зрения, может оказать интервьюирование современников, публикация личных впечатлений непосредственных участников и свидетелей историографического процесса[49].

Размышления над особенностями современных историографических исследований привели автора статьи к ряду выводов. Во-первых, размежевание в современной историографии возникло не одномоментно и не связано напрямую со сменой политических и научных парадигм в России. Оно опирается на длительную

традицию поиска историографами своего места в науке. Во-вторых, противоречие между разными типами современных историографических исследований носит принципиальный характер, ибо объясняется различным пониманием авторами предмета и задач своего исследования. В-третьих, разнообразие современных историографических исследований, появление новых научных школ доказывает популярность историографии у широких кругов научной общественности. Весьма приятно наблюдать за тем, как научная молодежь выбирает, несмотря на сложность, в качестве профессионального занятия историографические исследования, зачастую кратно превосходящие по трудоемкости и затратности интеллектуальных усилий чисто историческое исследование.

Следует констатировать, что именно на современном этапе развития науки историография перестала быть просто сюжетом исторических изысканий, а превратилась в самостоятельную отрасль научных знаний. Разнообразие типов современных историографических исследований, порождающее многообразие исследовательских подходов и полученных результатов исследования, является залогом жизнеспособности и дальнейшего развития историографии.

Примечания

[1] Муравьев В.А. Предисловие // Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века: Учеб. пособие. Тюмень, 2004. С. 4.

[2] Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 322.

[3] Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII—XX вв.): Мат-лы II Всерос. науч. конф. Омск, 1995. Т. 2: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. С. 164.

[4] Чернобаев А.А. Историческая наука России на пороге XXI в. // Чернобаев А.А. Историк и мир истории. Саратов, 2004. С. 213.

[5] Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 22.

[6] Там же. С. 20.

[7] Там же. С. 22—23.

[8] Бордюгов Г.А. От редактора // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С. 7.

[9] См.: Усанов В.И. Историографическая школа Урала и Зауралья в XX в. // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского гос. ун-та: Межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2002; Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 29: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15; Алеврас Н.Н. Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат-лы VIII Всеросс. науч. конф., 27—28 апреля 2007 г.: В 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1; Панькин И.Д. О научном сообществе уральских историографов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XX века: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2011.

[10] См.: Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Историографическое наследие О.А.Васьковского // История России первой трети XX в.: Историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996. С. 3—5; Олег Андреевич Васьковский (1922—1995) // Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. (историограф. очерк). Тюмень, 1997. С. 4—14.

[11] Прядеин В.С. Актуальные вопросы методологии историографических исследований. Екатеринбург, 1995. С. 6.

[12] См.: Корзун В.П. Отечественное историографическое сообщество: от сциентизма к историко-культурным исследованиям // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций ... Т. 2. С. 62.

[13] Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев — историк Русской православной церкви: Автореф. дис… канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999. С. 7.

[14] См.: Усанов В.И., Лабузов В.А. Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 г.: Курс лекций: В 2 ч. Оренбург, 2000; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций: В 3 вып. Томск, 2001—2008; Историография истории России до 1917 года: В 2 т. / Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003; История и философия отечественной исторической науки: Учеб. пособие / Науч. ред. Р.Г.Пихоя, А.А.Чернобаев. М., 2006; Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: Учебник. М., 2008; 2009. 2-е изд.; и др.

[15] См.: Алексеев С.Е., Камынин В.Д. О месте исторического источника в историографическом исследовании // Культура и интеллигенция России в XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2003; Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблема историографического источника в отечественной литературе // Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург, 2005. Вып. 7: Вопросы всеобщей истории; Они же. К вопросу о понятии «историографический факт» в современной историографической науке // Россия и мир: история и историография. Международный альманах. Екатеринбург, 2006. Вып. 1; Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX—XXI столетий // Изв. Урал. гос. ун-та. 2010. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (78).

[16] См.: Камынин В.Д., Рогожин Н.М., Чернобаев А.А., Шикло А.Е. Русская историография XI — начала XXI века: Учеб. пособие / Под ред. А.А.Чернобаева. М., 2010; Историография истории России: Учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А.А.Чернобаева. 2-е изд. М., 2014.

[17] См.: Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000; Она же. Институциональное оформление историографии как специальной исторической дисциплины // Очерки истории отечественной исторической науки XX в. Омск, 2005; Она же. В поисках новой модели историографического письма // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Омск, 2005; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышления об учебном пособии Л.П.Репиной, В.В.Зверевой, М.Ю.Парамоновой «История исторического знания» // Мир Клио: Сб. статей в честь Л.П.Репиной. М., 2007. Т. 2; Коновалова Н.А., Метель О.В. Мыслить «стратегически»: размышления о целостном историографическом знании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XXI веков. Челябинск, 2011; и др.

[18] См.: Алеврас Н.Н. И снова про… предмет историографии (трансформация предметного пространства и категория «историографический быт») // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008; Она же. «Своя игра»: историк вне «школьной» традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта // Мир историка: Историограф. сборник. Омск, 2008. Вып. 4; Она же. Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 7. Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2010. Вып. 4; Она же. Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы М., 2012. 2-е изд.; Хмелевская Ю.Ю. «История эмоций» в современной историографической парадигме: истоки, возможности, проблемы // Там же; Нарский И.В. Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии», или Об одной тенденции в современном историописании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII—XXI веков; и др.

[19] См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2004. № 1; Алеврас Н.Н. Предмет историографии ...

[20] Алеврас Н.Н. Предмет историографии ... С. 180—181.

[21] Там же. С. 180.

[22] Там же. С. 187.

[23] Там же. С. 182—183.

[24] Там же. С. 186.

[25] Антощенко А.В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 9.

[26] См.: Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве. С. 269.

[27] Коновалова Н.А., Метель О.В. Об идеях, витающих в воздухе, или Методологические заметки молодых историографов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XX века. С. 140.

[28] См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Памяти Виктора Александровича Муравьева (1941—2009) // Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историографическое наследие и личность историка. Тюмень, 2010. С. 227—237; Камынин В.Д. Дискурс в современной историографической науке // История науки и техники в современной системе знаний: II ежегодная конференция кафедры истории науки и техники, 8 февраля 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 82—87; Он же. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012.

[29] См.: Камынин В.Д., Чернобаев А.А. Историография как история исторической науки // Русская историография XI — начала XXI века.

[30] Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР. М., 1965. С. 10.

[31] Алеврас Н.Н. Предмет историографии ... С. 178.

[32] Там же. С. 177.

[33] Там же. С. 177—178.

[34] См.: Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны 1917—1920. Свердловск, 1984.

[35] См.: Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала) / Под ред. О.А.Васьковского. Свердловск, 1990.

[36] См.: Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты).

[37] Серов А.И. Введение // Летописцы родного края. С. 3.

[38] См.: Камынин В.Д. «Проблемная историография» в 1990-е — первые годы XXI в.: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве культуры: Сб. ст., подготовленный по материалам Всерос. науч. конф. Челябинск, 2006.

[39] См.: Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Она же. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII—XXI веков; Она же. Ситуация в современной историографии. Общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. М., 2012. 2-е изд.; и др.

[40] Репина Л.П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 189.

[41] Корзун В.П. В поисках новой модели историографического письма. С. 4—5.

[42] Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учеб. пособие. Омск, 2001. С. 8—9.

[43] См.: Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX в.; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П.Корзун. Омск, 2005; Рыженко В.Г. Социокультурный ландшафт советской исторической науки во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XX в.: возможности реконструкции // Исторический ежегодник. Омск, 2008. Вып. 3; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / Под ред. В.П.Корзун. М., 2011.

[44] Корзун В.П., Колеватов Д.М. Введение. Образ исторической науки в 1940—1950-е гг.: история вопроса // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. С. 5.

[45] См.: Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003.

[46] Репина Л.П. Ситуация в современной историографии ... С. 9.

[47] Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве. С. 269.

[48] Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. С. 22, 23.

[49] См.: Камынин В.Д. Из опыта использования «эго-документов» при создании историографических портретов историков послевоенного поколения // Историк, текст, эпоха: Тез. IV Международ. науч.-практ. конф. Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 16—18 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 71—74.

Глава 5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИШИМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ им. П.П.ЕРШОВА В 2001—2013 гг.

В современных условиях в отечественной историографии сформировались принципиально новые подходы по исследованию региональной истории. В них регион рассматривается как социокультурное пространство, где социум и его культура представляются единой системой, существование которой обусловлено жизнедеятельностью человека в предложенных условиях историко-культурного ландшафта и усилиями человека по изменению этого ландшафта. При этом акцент делается на уникальность историй регионов, которые вступают в сложные взаимоотношения, образуя национальные истории. С другой стороны, внутри этих региональных историй существует множество локальных историй, участвующих в сложных системообразующих процессах, которые не могут сводиться к описанию в типичных категориях общей истории. Современная историческая наука обращается к изучению историй регионов, в которых присутствуют яркие черты культурного многообразия, междисциплинарного изучения. Кроме того, методы анализа локального пространства очень близки новой социокультурной истории.

В соответствии с общей тенденцией регионализации с начала 2000-х гг. в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П.Ершова на кафедре истории и социально-гуманитарных наук существенное развитие получили региональные исторические исследования. В этот период усиление интереса к региональным историческим исследованиям на кафедре связано, прежде всего, с научно-исследовательской деятельностью кандидата исторических наук, доцента И.В.Курышева, с 2004 г. — заведующего кафедрой истории и социально-гуманитарных наук.

Региональные исторические исследования в ИГПИ им. П.П.Ершова ведутся по следующим направлениям: 1) выявление и сбор неизвестных ранее архивных документов, введение их в научный

оборот; 2) публикация научных статей в рецензируемых журналах, издание тематических сборников научных статей, монографий, рецензируемого научного журнала «Вестник ИГПИ. Серия «История» (главный редактор, доктор исторических наук, профессор С.П.Шилов); 3) организация научно-исследовательской деятельности студентов; 4) организация и проведение региональных, всероссийских, международных научных конференций по истории Приишимья, Западной Сибири и Казахстана, исторической психологии.

На последнем направлении, которое интегрирует в себе региональные научные исследования, хотелось бы остановиться подробнее. Уже в мае 2001 г. совместно с Институтом истории СО РАН в ИГПИ им. П.П.Ершова прошла международная научная конференция «Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и Гражданской войны», посвященная 80-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. В сборнике научных трудов конференции представлены статьи историков и краеведов из различных городов России и Казахстана, посвященные проблемам Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г., в которых рассматриваются различные аспекты политики РКП(б) по отношению к сибирскому крестьянству, взаимоотношения власти и крестьянства, поведение западносибирских повстанцев в период восстания 1921 г., судьбы участников этих драматических событий[1].

В апреле 2002 г. в ИГПИ им. П.П.Ершова состоялась очередная российско-казахстанская международная конференция, посвященная 220-летию города Ишима, по итогам которой был издан сборник научных трудов «Ишим и Приишимье — в панораме веков» (ответственный редактор — кандидат исторических наук, доцент И.В.Курышев). Тематика комплексного сборника широка и многопланова: археология, история, культура, проблемы социально-экономического развития края. Особую значимость имеют такие темы, как начало освоения русскими Приишимья, основные вехи истории приишимского крестьянства, Приишимье в годы Гражданской войны (социальные проблемы действительности, исторический опыт и современность)[2].

18—19 мая 2006 г. по инициативе заведующего кафедрой И.В.Курышева в ИГПИ им. П.П.Ершова была проведена международная российско-казахстанская научная конференция «Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905—1921 гг.), посвященная 85-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.». Среди заявленных участников конференции следует отметить научные доклады А.А.Куренышева (г.Москва), И.В.Курышева (г.Ишим), М.В.Шиловского, В.И.Шишкина (г.Новосибирск), Л.В.Алексеевой (г.Нижневартовск), В.А.Шулдякова (г.Омск), Л.А.Гривенной (Республика Казахстан, г.Петропавловск)[3]. В них исследованы малоизученные аспекты истории крестьянства и повстанческо-партизанского движения накануне и в период российских революций и Гражданской войны (1905—1921 гг.) на востоке России и в Казахстане.

В 2011 г. в научно-исследовательской деятельности кафедры истории и социально-гуманитарных наук начинается качественно новый этап, связанный с приходом в ИГПИ им. П.П.Ершова и на кафедру доктора исторических наук, профессора С.П.Шилова, ставшего ректором вуза. При поддержке и участии ректора ИГПИ им. П.П.Ершова С.П.Шилова кафедра истории и социально-гуманитарных наук подготовила и провела ряд масштабных научно-исследовательских мероприятий, трансформировав в них свой возросший научно-интеллектуальный потенциал.

В частности, 24 ноября 2011 г. была подготовлена и проведена региональная научная конференция с международным участием «История культуры Западной Сибири: проблемы и перспективы». На конференцию были заявлены 17 докладов представителей научных центров России — Омска, Томска, городов Сургута и Ишима, а также Республики Казахстан. В них освещались малоизученные проблемы истории региональной культуры и краеведения, развития образования и культуры в Западной Сибири, социально-правовые и искусствоведческие аспекты культуры изучаемого региона.

На пленарном заседании конференции были заслушаны и обсуждены научные доклады: В.Г.Истомина, доктора исторических наук, профессора кафедры истории и социально-гуманитарных наук ИГПИ им. П.П.Ершова — «Основные этапы историографии

Ишима и Среднего Приишимья»; И.В.Курышева, заведующего кафедрой истории и социально-гуманитарных наук ИГПИ им. П.П.Ершова, кандидата исторических наук, доцента — «Ишим и Ишимский уезд в годы Гражданской войны (по материалам региональной печати)»; А.А.Любимова, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и социально-гуманитарных наук ИГПИ им. П.П.Ершова — «К вопросу о развитии политической культуры населения г.Ишима во второй половине XIX — второй половине XX вв.»[4].

15 марта 2012 г. в ИГПИ им. П.П.Ершова состоялась I Всероссийская научная конференция «Историческая психология в XXI веке: Теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований». На пленарном заседании конференции были заслушаны и обсуждены доклады И.В.Курышева, кандидата исторических наук, доцента — «Облик руководителя крестьянской оппозиции в Ишимском уезде (1920—1921 гг.) В.А.Родина», К.В.Скобелева, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и социально-гуманитарных наук ИГПИ им. П.П.Ершова — «Влияние капиталистической модернизации Сибири на менталитет сибирского крестьянства (1861—1917 гг.)».

В научном докладе И.В.Курышева «Облик руководителя крестьянской оппозиции в Ишимском уезде (1920—1921 гг.) В.А.Родина» на основе ранее неопубликованных архивных документов рассматриваются малоизученные страницы биографии одного из лидеров антикоммунистического крестьянского восстания 1921 г. в Ишимском уезде (учительство В.А.Родина в селах Налобинском и Дубровском Ишимского уезда, его социально-политические взгляды и представления, деятельность в качестве предводителя народного повстанческого движения, обстоятельства трагической гибели)[5]. В докладе К.В.Скобелева «Влияние капиталистической модернизации Сибири на менталитет сибирского крестьянства (1861—1917 гг.)» были затронуты проблемы воздействия модернизации Сибири на менталитет сибирского крестьянства, стратегии его поведения, образ жизни.

7—8 ноября 2012 г. в ИГПИ им. П.П.Ершова прошла IV Региональная научно-практическая конференция с международным участием «История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения», организованная кафедрой истории и

социально-гуманитарных наук. На конференцию были заявлены 40 докладов исследователей из Омска, Тобольска, Сургута, Ишима, а также из Северо-Казахстанского государственного университета им. М.Козыбаева (Республика Казахстан, г.Петропавловск), Евразийского национального университета (Республика Казахстан, г.Астана) и Германии (Дортмундский технический университет). В заявленных докладах рассматривались малоизученные проблемы истории Западной Сибири и Казахстана: освоение Западной Сибири в XVI—XVII вв., развитие товарно-денежных отношений и сельского предпринимательства в Приишимье в конце XVIII—начале XX вв., состояние образования и культуры, колонизационные проекты и практики Российской империи в Казахстане во второй половине XIX в.

На пленарном заседании конференции обсуждались научные доклады: В.Г.Истомина, доктора исторических наук, профессора кафедры истории и социально-гуманитарных наук — «К вопросу о дискуссии по истории основания Коркиной слободы»; Г.А.Крамора, ведущего специалиста культурного центра П.П.Ершова — «Неизвестные факты из истории Ишимского духовного училища»; И.В.Курышева, заведующего кафедрой истории и социально-гуманитарных наук, кандидата исторических наук, доцента — «Революционные события 1917 г. в Ишиме»; Л.А.Гривенной, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М.Козыбаева — «Крестьянское повстанчество в Западной Сибири и Казахстане начала 1920-х годов в трудах российских и казахстанских историков»[6]. Конференция прошла на высоком научном и организационном уровне.

Свою научно-исследовательскую деятельность в направлении региональных исторических исследований кафедра истории и социально-гуманитарных наук продолжает и в наступившем году.

Так, 20 февраля 2013 г. в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П. Ершова прошла региональная сибирская научная конференция «Сибирские войсковые формирования в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», посвященная 70-летию Сталинградской битвы. Ишим стал местом проведения данной конференции не случайно. Здесь в декабре 1941 — марте 1942 гг. проходило формирование 229-й стрелковой дивизии,

которая затем приняла участие в июле—августе 1943 г. в битве под городом на Волге. В рамках научной конференции состоялась презентации книги известного журналиста, профессора ТюмГНГУ Р.С.Гольдберга «Возвращенные имена», посвященной поиску погибших, пропавших без вести, попавших в плен бойцов 229-й стрелковой дивизии. Историк и краевед А.А.Петрушин (г.Тюмень) рассказал о мобилизации и формировании воинских частей в Тюменской области в 1941—1945 гг.

К началу работы пленарного заседания конференции сотрудники государственного архива в г.Ишиме подготовили уникальную выставку документов военного времени, рассказали о судьбе артиллерийской спецшколы № 5, эвакуированной в сибирский городок. Целый ряд докладов, прозвучавших на конференции, был посвящен судьбам блокадников и эвакуированных из г.Ленинграда.

По мнению участников конференции, подвиг сформированных в Ишиме дивизий достоин того, чтобы быть увековеченным и в городской топонимике. Такое пожелание было отражено в резолюции научного форума исследователей.

Сотрудники кафедры истории и социально-гуманитарных наук приняли плодотворное участие в 2011—2012 гг. в написании коллективной монографии «Ишим и Приишимье: страницы истории»[7]. Над написанием монографии работал авторский коллектив, в состав которого вошли историки, краеведы, преподаватели вузов Ишима, Тобольска и Омска, научные сотрудники Ишимского исторического художественного музея (ИИХМ) и культурного центра П.П.Ершова.

Это иллюстрированное редкими фотографиями издание приурочено к 325-летию основания Коркиной слободы и 230-летию г.Ишима — центра Российского Приишимья. В задачу авторского коллектива входило не только рассказать об истории родного края и его замечательных людях, привлечь новейшие достижения российской исторической науки и сибиреведения, провести исследования в российских и сибирских архивах, но и попытаться осмыслить нелегкий исторический путь региона с точки зрения перспектив его дальнейшего развития, извлечь столь необходимые нравственные уроки.

Основной идей издания стало осмысление исторического опыта Ишима и Приишимья, призванное наметить духовно-нравственные и ценностные ориентиры, в основе которых формирование практической необходимости дальнейшего преображения и созидания родного края каждым из живущих на этой земле.

Главным редактором этого издания является ректор ФГБОУ ВПО «Ишимский государственный педагогический институт им. П.П.Ершова», доктор исторических наук, профессор С.П.Шилов, ответственным редактором — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук И.В.Курышев[8].

Коллективная монография «Ишим и Приишимье: страницы истории» представляет собой первую попытку целостного, системного освещения истории родного края с привлечением неизвестных ранее исторических источников, с учетом новейших конкретно-исторических и методологических достижений исторической науки.

С 2012 г. по инициативе и при поддержке С.П.Шилова, доктора исторических наук, профессора, ректора ИГПИ им. П.П.Ершова, стал издаваться рецензируемый журнал «Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Серия “История”», где были опубликованы статьи сотрудников кафедры истории и социально-гуманитарных наук[9].

В последние годы в рамках общекафедральной темы «Проблемы социокультурного развития Западной Сибири в XX в.» вышел целый ряд статей преподавателей кафедры в рецензируемых журналах Санкт-Петербурга, Томска, Омска, Тамбова, Ишима. Среди них можно выделить научные работы И.В.Курышева, посвященные изучению проблем преступности, бандитизма, девиантного поведения в годы Гражданской войны[10], а также нравственно-психологических аспектов повстанческо-партизанского движения в Западной Сибири[11]. Автор подходит к изучению преступности и бандитизма с точки зрения анализа системного, противоречивого явления, порожденного взаимодействием целого ряда факторов[12]. Он убедительно показывает, что изучение проблем преступности и бандитизма в период с 1918 по 1922 гг. приобретает актуальность и в современной России[13].

Доцент А.А.Любимов сконцентрировал свое внимание на изучении социально-политической, социально-экономической истории и истории социальной работы в западно-сибирском регионе[14].

В начале апреля 2013 г. с целью дальнейшей активизации историко-краеведческих исследований на кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория «История и краеведение Приишимья» под руководством И.В.Курышева. Тема научных исследований в рамках работы лаборатории: «Проблемы истории Российского Приишимья в XX в.: практика осмысления исторического опыта».

Основными целями проблемной научно-исследовательской лаборатории являются:

1. Углубленное изучение исторического краеведения, истории Тюменской области с учетом новейших исследований в исторических и социальных науках.

2. Разработка научных основ исторической школы по изучению региональной истории, в которой нашел бы отражение многолетний опыт работы кафедры.

Среди основных направлений деятельности научной лаборатории необходимо выделить следующие:

— актуальные проблемы истории Западной Сибири;

— историческое краеведение;

— история Приишимья в XX в.: проблемы и уроки;

— исследования в региональных архивах (Ишима, Омска, Тюмени, Тобольска).

В целях расширения научных интересов в теории и практике лаборатория сотрудничает с учеными вузов Тюмени, Барнаула, Новосибирска, Томска, Омска, Нижневартовска, а также с коллегами из Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева (г.Астана, Республика Казахстан), Северо-Казахстанского государственного университета им. М.Козыбаева (г.Петропавловск, Республика Казахстан).

В сфере международного сотрудничества следует отметить контакты кафедры прежде всего с коллегами из вузов и научно-исследовательских учреждений Республики Казахстан, а также совместные научные конференции и научно-исследовательские проекты (монографии, стажировки и т.д.). Так, в 2010 г. в ИГПИ им. П.П.Ершова вышла совместная монография доцентов

И.В.Курышева и Л.А.Гривенной (Республика Казахстан, г.Петропавловск).

В монографии И.В.Курышева (ИГПИ им. П.П.Ершова) и Л.А.Гривенной (СКГУ им. М.К.Козыбаева) «Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Казахстана в годы Гражданской войны (1918—1921)» предпринята попытка системного анализа социально-психологического облика и протестного поведения западносибирского и североказахстанского крестьянства в период Гражданской войны[15].

Трудно переоценить актуальность подобного исследования сегодня. Данная монография вносит существенный вклад в историографию Гражданской войны (1918—1921 гг.) на евразийском пространстве бывшего СССР.

Исследование основано на системном подходе, общенаучных принципах историзма и объективности, междисциплинарных методах исследования (исторической социологии и психологии личности). Монография базируется на солидном источниковом материале (малоизученных или впервые введенных в научный оборот документах казахстанских и российских архивов, воспоминаниях, обширном комплексе периодической печати «белой» Сибири и пр.).

Опираясь на новый источниковый материал, авторам удалось показать проблемы крестьянства в переломный исторический период не формально, а в конкретных лицах и судьбах. Ими представлены качественно новые документы казахстанских и российских архивов, которые помогли по-новому взглянуть на социально-экономические, духовно-нравственные предпосылки вооруженного протеста крестьянства, его цели и характер выступлений[16].

В рамках научно-исследовательской деятельности лаборатории ведется работа над созданием ряда сборников документальных материалов, в том числе освещающих события крестьянского восстания 1921 г. и трагические страницы коллективизации, основанных на неизвестных ранее документах региональных сибирских архивов. В октябре 2014 г. в ИГПИ им. П.П.Ершова планируется проведение международной научной конференции «Азиатская Россия в Первой мировой и Гражданской войне

(1914—1921 гг.)», посвященной 100-летию вступления России в Первой мировую войну.

Думается, что региональные исторические исследования, которые осуществляются в ИГПИ им. П.П.Ершова, вызовут интерес и поддержку среди российских и зарубежных историков. Они соответствуют современным методологическим поискам исторической науки, а междисциплинарный подход позволит ишимским историкам выйти за рамки привычной географии, социологии, экономики, социальной истории, истории ментальностей и т.д., формируя исследовательское поле на пересечении направлений, используя различные категории и методы, создавая новые концепты и модели. Важно отметить, что границы этого исследовательского поля будут меняться, что связано с процессами интеграции в современной науке, наполнением традиционных понятий новым смысловым содержанием. И задача междисциплинарного синтеза различных подходов представляется в этом процессе весьма необходимой.

Примечания

[1] Ермекбаев Ж.А. Из истории крестьянского восстания 1921 года в Кокчетавском уезде // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и Гражданской войны: Мат-лы международ. науч. конф. Ишим, 2001. С. 70—73; Курышев И.В. О социальном поведении участников Западно-Сибирского восстания 1921 года // Там же. С. 2—11; Шулдяков В.А. Казаки в Западно-Сибирском восстании 1921 года // Там же. С. 23—34.

[2] Истомин В.Г. Крестьянство Приишимья // Ишим и Приишимье — в панораме веков / Под ред. И.В.Курышева. Ишим, 2002. С. 40—48; Колесников А.Д. Заселение русскими Среднего Приишимья // Там же. С. 28—34; Курышев И.В. Печать Приишимья о социальных проблемах действительности в годы Гражданской войны // Там же. С. 67—75.

[3] Куренышев А.А. Повстанческое движение и «непартийные», «всекрестьянские» организации России в годы Гражданской войны // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905—1921 г.) / Под ред. И.В.Курышева. Ишим, 2006. С. 132—141; Курышев И.В. Командующий Сибирским фронтом В.А.Родин: штрихи портрета // Там же. С. 270—280; Он же. Повстанческо-партизанское движение в Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918—1921 гг.): к вопросу о нравственно-психологическом облике участников // Там же. С. 141—145; Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX вв. // Там же. С. 11—17; Шишкин В.И. Ишимский судебный процесс (22—28 февраля 1921 г.) // Там же. С. 233—252; Алексеева Л.В. О борьбе туземного населения Обдорской волости за выделение

в самостоятельную административную единицу // Там же. С. 120—124; Шулдяков В.А. Казачество Кокчетавского уезда в восстании 1921 года // Там же. С. 193—200; Гривенная Л.А. Петропавловский мятеж 1921 г. в автобиографическом романе С.Муканова «Школа жизни» // Там же. С. 318—330.

[4] Истомин В.Г. Основные этапы историографии Ишима и Среднего Приишимья // История культуры Западной Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов региональной науч. конф. с международным участием в ИГПИ им. П.П.Ершова, 24 ноября 2011 г. / Науч. ред. И.В.Курышев. Ишим, 2012. С. 5—15; Курышев И.В. Ишим и Ишимский уезд в годы Гражданской войны (по материалам региональной печати) // Там же. С. 30—36; Любимов А.А., Заворохин В.П. К вопросу о развитии политической культуры населения г.Ишима во второй половине XIX — второй половине XX вв. // Там же. С. 41—48.

[5] Курышев И.В. Облик руководителя крестьянской оппозиции в Ишимском уезде В.А.Родина (1920—1921 гг.) // Историческая психология в XXI веке: теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований: Матлы Всерос. науч. конф., проходившей в ИГПИ им. П.П.Ершова / Под ред. И.В.Курышева. Ишим, 2012. С. 67—78.

[6] Курышев И.В.Революционные события в 1917 г. в Ишиме // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения: Сб. мат-лов IV региональной науч.-практ. конф. с международным участием в ИГПИ им. П.П.Ершова, 7—8 ноября 2012 г. / Под ред. И.В.Курышева, А.А.Любимова. Ишим, 2013. С. 102—107.

[7] См.: Ишим и Приишимье: страницы истории: Коллективная монография / Гл. ред. С.П.Шилов; отв. ред. И.В.Курышев. Ишим, 2013. 455 с.

[8] Там же. С. 8.

[9] Курышев И.В. Печать 1918—1920 гг. о морально-правовых изменениях и девиантном поведении крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны // Вестн. Ишим. гос. пед. ин-та. 2012. № 1 (2). Сер. «История». С. 85—97; Любимов А.А. Сельское хозяйство Тюменской области в годы Великой Отечественной войны (на примере Голышмановского района) // Там же. С. 98—105.

[10] Курышев И.В. Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918—1920 гг.): социально-психологический аспект // Клио. 2006. № 2. С. 155—157; Он же. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. История. 2012. № 1. С. 31—34; Он же. Периодическая печать Среднего Приишимья в годы Гражданской войны (1918—1919 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 4. Ч. 1. С. 111—114; Он же. Печать 1918—1920 гг. … С. 85—97; Он же. Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг. // Клио. 2010. № 3 (50). С. 87—91.

[11] Курышев И.В., Гривенная Л.А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Казахстана в годы Гражданской войны (1918—1921). Ишим, 2010. С. 40—64, 98—99; Курышев И.В. Из истории антиколчаковского партизанского движения в Северном Казахстане (жиляевщины) // Омский научный вестник. 2012. № 2. С. 9—13.

[12] Курышев И.В. Из истории партизанского террора … С. 157; Он же. Преступность и бандитизм ... С. 87—91.

[13] Курышев И.В. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) // Вестн. ТГУ. Науч. журнал. История. 2012. № 1. С. 31—34; Курышев И.В. Преступность и бандитизм … С. 87—91.

[14] Любимов А.А., Заворохин В.П. К вопросу о развитии политической культуры населения г. Ишима во второй половине XIX — второй половине XX вв. // История культуры Западной Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов региональной науч. конф. с международным участием в ИГПИ им. П.П.Ершова, 24 ноября 2011 г. / Науч. ред. И.В.Курышев. Ишим, 2012. С. 41—48; Любимов А.А. Сельское хозяйство Тюменской области в годы Великой Отечественной войны (на примере Голышмановского района) // Вестн. ИГПИ. 2012. № 1 (2). Сер. «История». С. 98—105; Любимов А.А., Чичулин А.В. Развитие образовательного уровня сотрудников стационарных домов-интернатов Тарского района Омской области в 1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8. Ч. 1. С. 204—207; Мамаева Г.Г., Любимов А.А. Организация трудовой занятости как направление работы социальных учреждений Омской области в 1980—1990-е гг. XX века // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 21—23; Филатов В.А., Любимов А.А. Социально-профессиональная характеристика сотрудников стационарных учреждений для престарелых и инвалидов Омской области (1980-е гг. XX века) // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 77—80; Чичулин А.В., Любимов А.А. К вопросу об истории формирования трудового коллектива Тарского психоневрологического дома-интерната в 1980-е годы XX века // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 23—25.

[15] Курышев И.В., Гривенная Л.А. Социально-психологический облик ... С. 3—182.

[16] Там же. С. 4.

Глава 6

«ТАКИЕ РАЗНЫЕ СУДЬБЫ» НА СТРАНИЦАХ «НЕФТЯНОЙ ИСТОРИИ» НИЖНЕВАРТОВСКОГО РЕГИОНА (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА КНИГИ-ЭССЕ И.Н.ПОЛЕЩУКА)

Ветер дорог, пересеченных следами
хрупких зверушек,
ветер сдираемых париков с шутов,
ветер, наполняющий паруса весны...
…Ветер — грусть, ветер — синь,
ветер — дитя.

Файяд Хамис

Вне зависимости от того, знаем мы об этом или нет, история присваивает *каждому человеку собственный кодификационно-личностный временной и «звуковой» код*, который становится его *«родиной во времени»*. У каждой книги, как и человека, есть собственная судьба, хранящая опыт прошлого и свою историческую память. По этому поводу Фридрих Ницше резонно замечал, что существует *только* перспективное зрение, *только* перспективное «познание»; и *чем большему количеству* аффектов предоставим мы слово в обсуждении какого-либо предмета, *чем больше различных глаз сумеем мы мобилизовать для его «узрения», тем полнее окажется наше «понятие» об этом предмете, следовательно,* и ***«наша объективность»*** (курсив мой. — *Н.С.*).

Однако сегодня мы оказались за гранью мудрости memory ушедших десятилетий с исчезновением *духовных миров поколений людей*[*], совершивших когда-то фантастический технологический рывок в будущее общество углеводородов со всеми его достижениями и провальными для цивилизации последствиями. Это определило судьбу не только нижневартовской земли и страны в целом, но и мировой геополитической стратегии на полвека вперед вплоть до начала XXI-го столетия.

[*] По этому поводу поэт Евгений Евтушенко когда-то написал: «Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы — как истории планет. У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее».

«Темпоральная ритмика» эпохи освоения нефтяных богатств Сибири позволяет увидеть распад мировой истории на параллельные потоки со своими циклами движения в духе формулы знаменитого французского историка школы «Анналов» (хотя и позиционировавшего позднее свой отход от ее базовых принципов), исследователя-«масштабиста» Фернана Броделя, в рамках которой, по мнению ученого, *каждая социальная реальность порождает собственное время.* Это до известной степени противоречит наблюдению его соотечественника, мыслителя-прогноста XVI в. Мишеля Монтеня, утверждавшего, что «почти всем людям свойственен этот порок — определять свои желания и взгляды по тем условиям жизни, в которые они поставлены от рождения»[1]. Между тем легендарная нефтяная эпопея второй половины 1950—1980-х гг. серьезно скорректировала это утверждение, наделив общей судьбой людей разных возрастов, социально-культурных уровней и географических регионов нашей страны, сведя «оси исторических координат» в одну географическую широту в нижневартовской точке их пересечения.

Правда, в условиях нового тысячелетия историко-проекционные уровни исторического сознания, позволяющие осмыслить опыт «повторения пройденного», оказались парадоксально свернутыми, а репродуктивный их потенциал — не востребованным, в том числе, в части понимания места и роли человеческого фактора в грандиозных сражениях XX в. за нефть, особенно сибирскую. В стремительно меняющейся действительности опасно симптоматичным диагнозом потери человеком духовной свободы, странной зависимости от изобретенной им же «технической суеты» стало (прав Макс Вебер!) ***«разволшебствление» мира***, за что последний мстит цивилизации необъяснимыми техногенными катастрофами, природными катаклизмами, бездумно немотивированным стремлением ученых запустить маховик коллайдера, в очередной раз не соотнося цели подобного эксперимента с непредсказуемостью возможных результатов для судеб всего человечества.

Современный исторический процесс, мощно «спрессовывая» темпоральные уровни событийности и перемешивая эпохи с их завораживающей магией язычества и варваризацией политики (наглядный пример — события в современной Украине февраля

2014 г.) в сочетании с новейшим «нанопрорывом» (и столь же непредсказуемо гипотетическим его результатом для судеб современной цивилизации) приобретает новое масштабирование. Особенно — через нарастание «постановочного сценарного динамизма» событий, появление новой исторической массовки с введением в общественное сознание принципиально новых пакетов информации такого качества, содержания и форм передачи ***напрямую*** в сознание человека, что эти видимые (а также не обнаруживающие себя пока) «информационно-генетические» трансформации выглядят порой как *«шаг в объятия цивилизационной амнезии-смерти»* с безответственностью человека за последствия.

«Случайно» подаренная автором Ильей Николаевичем Полещуком книга-эссе «Такие разные судьбы» вначале не позволяла очертить собственно *жанровые параметры* работы недавно переехавшего в наш город 86-летнего ветерана Великой Отечественной войны и труда, лауреата литературной премии им. Гарновского, автора еще пяти книг. Его активный интерес к судьбам первооткрывателей сибирской нефти и создателей удивительного северного города Нижневартовска, в любви к которому он признается, вызывает уважение, равно как и его острый взгляд на забвение их заслуг: «До своей болезни, — пишет автор, — я долго ходил по городу, знакомясь с его достопримечательностями, и нигде не встречал портретов … заслуженных тружеников, ветеранов, кроме как на стене, в вестибюле мэра города. …И потому решил узнать, кто же дал жизнь этому красавцу. Я много работал с архивными материалами в краеведческом отделе центральной библиотеки ... Беседовал с жителями города, которые знали …заслуженных граждан… лично. Встречался с некоторыми родственниками … первооткрывателей и героев, покоривших …Сибирь». При этом автор раздвигает рамки самого понятия «первопроходец», включая в него людей самых разных профессий, не думавших о славе и наградах, но решительных и бесстрашных — работавших в нефтеразведке, образовании, творческой сфере, строительстве и т.д., которые умели не только не бояться трудностей, но еще и любить. И.Н.Полещук особо подчеркивает последнее[2].

В одной из его глав проникновенно прозвучали процитированные им строки из французской газеты «Монд» (1971 г.): «Сибирь трижды спасала Россию. Первый раз в 1921 г., когда лежавшая в руинах Россия умирала от голода… Второй — 1941 год, когда фашистские полчища (были) у стен Кремля. Сибирские дивизии стояли под Москвой насмерть и не пропустили врага. И вот в третий раз, когда мир задыхался в тисках энергетического кризиса, Россия открыла дверь к нефтяным богатствам.., чтобы вздохнуть полной грудью…» В 90-е гг. великой смуты, подчеркивает автор, сибирский топливный бастион спас Отечество в очередной раз от разорения и позора[3].

Содержательная часть его работы включает в себя ***воспоминания*** (Прохоров Н.Н. Первое знакомство с Самотлором; Полещук Н.И. Воспоминания о Смирнове Н.П. — первооткрывателе «содружества писателей города»; Полещук В.Ф. Нелюбино); ***биографический очерк*** (Винокурова В.М. Кавалер ордена Ленина); ***документальные зарисовки*** (Родикова А.Ф. Из истории средней школы № 1 Нижневартовска); весьма интересную *«назидательно-философическую» историю* («Что посеешь — то и пожнешь»).

Центрально-смысловым звеном в книге стал ***калейдоскоп*** непростых судеб ***людей-легенд***: авантюрно-неуживчивого и жесткого *Фармана Курбановича Салманова* (1931—2007), создавшего новую, по словам автора, *эстетику нефтяного освоения*[4]. Он понимал ущербность сформированной «одномерно-недальновидной» рыночной экономической модели, требовавшей механизма сочетания с принципами централизованного планирования. «Да, я тоже мог быть олигархом, — подчеркивал Салманов. — Мне стоило только поменять вывеску и создать свое “ООО” закрытого типа, то есть приватизировать разведку полезных ископаемых — нефти, газа, урана, железа, угля… Но богатства недр, — был уверен Салманов, — принадлежат не одному человеку, а всему народу. И я при своем уме и трезвой памяти всецело был за то, чтобы естественные монополии вернуть стране… Приватизация — это грабеж народа», — был убежден этот великий гражданин России[5].

Другая колоритная личность — генеральный директор ЗАО «Нижневартовскстройдеталь» *Евгений Иванович Куропаткин* (1937—2010), общий стаж работы которого составил 54 года. Его

имя занесено в энциклопедию «Лучшие люди России» и альманах «Эпоха в лицах — 2005». Руководимое им предприятие построило более половины всех ДОСов в Нижневартовске, причем застройка осуществлялась не просто отдельными «точечными» объектами, а целыми микрорайонами — 10В, 2П, 17 и 18 кварталы Восточного микрорайона города. Этот профессионал-строитель ценил жизнь, отстаивал правду, любил людей. Ненавидел ложь и лицемерие, независимо от того, кто был перед ним — министр или простой человек. Поистине — Глыба, а не человек. Сегодня масштабы личностей чрезвычайно усреднены. И в этом — трагедия России[6].

В этом ряду «ретроспективного обзора» персоналий свое место заняла уникальная личность *Михальченко Николая Ивановича* (1923—2004) — заслуженного ветерана Великой Отечественной войны и ветерана труда, одного из первых руководителей Ларьякского и Нижневартовского исполкома, почетного гражданина Нижневартовского района. Именно его энергии обязан Нижневартовск местом своей исторической «рекогносцировки», поскольку еще одна легенда нефтеразведки — начальник Тюменьгеологии Ю.Ервье настаивал на строительстве города на месте современного Мегиона, секретарь обкома А.Протазанов — в районе Излучинска, нефтяники предлагали район Покура и т.д. С подачи Н.И.Михальченко в 1979 г. был создан Совет ветеранов войны и труда как звено памяти, доблести и славы, которое должно напоминать молодежи о важности сохранения исторической памяти.

Нужны ли сегодня такого рода творческие эссе и кому? Стиль книги «Такие разные судьбы», конечно же, выдает непрофессионального писателя и поэта. Вместе с тем, анализируемые материалы свидетельствуют о несомненных творческих способностях их автора, который вместе со страной с достоинством прошел сложнейшими путями нашей истории. Ему хватило мудрости преклонить голову перед великим трудовым подвигом неизвестных ему людей; своим искренним к ним интересом поддержать их родных и близких, одарив их новым жизненным стимулом. Такие авторы-самородки не просто украшают жизнь, но являются живым связующим звеном между прошлым и будущим в диалектически противоречивой взаимосвязи regime d`historicite.

Примечания

[1] Монтень М. Опыты: В 3 кн. СПб., 1998. Кн. 1, 2. С. 354.
[2] Полещук И.Н. Такие разные судьбы... Нижневартовск, 2013. С. 5, 6.
[3] См.: Там же. С. 10—21.
[4] Там же. С. 14 —15.
[5] Там же. С. 19.
[6] Там же. С. 22—31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Бытко С.С. — студент гуманитарного факультета Нижневартовского государственного университета.

Ершов М.Ф. — кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Ищенко О.В. — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета.

Камынин В.Д. — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Кладова К.Ю. — аспирант Курганского государственного университета.

Кротт И.И. — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного педагогического университета.

Митрофанов В.В. — доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г.Нижневартовске.

Прищепа А.И. — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета.

Пузанов В.Д. — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета.

Сапожникова Н.В. — доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Силаева И.А. — кандидат исторических наук, начальник Отдела кадров ООО «НПП “Сибгеокарта”»

Спичак А.В. — аспирант Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Харина Н.С. — кандидат исторических наук, старший преподаватель Югорского государственного университета.

Цысь В.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Чореф М.М. — кандидат исторических наук, преподаватель гимназии № 1 г.Нижневартовска.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XV—XX вв.

Глава 1. «Verba volant, scripta manent», или К истории Шадибека 5

Глава 2. Пленение царевича Маметкула в изображении сибирских летописцев 16

Глава 3. Первые русские воеводы в «Сибирской земле» (1584—1586 гг.): летописные версии и их источники 27

Глава 4. Хозяйственная деятельность и социальный состав вотчин Тобольского архиерейского дома по источникам XVIII в. (до секуляризации 1764 г.) 39

Глава 5. О происхождении владельческих записей одного старообрядческого сборника 72

Глава 6. Святая земля и население Западной Сибири по архивным и литературным источникам: от первых контактов до организации местных отделов Императорского Православного Палестинского общества (XVII—XIX вв.) 91

Глава 7. Пелымский край в обозрении Найденова (1826 г.) 103

Глава 8. Отчетная документация православных церквей Тобольской епархии о прихожанах в синодальный период (по материалам ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске») 130

Глава 9. Источники о жизни провинциального учителя второй половины XIX — начала XX вв 141

Глава 10. Воспоминания как источник сведений об участии воспитанников учебных заведений Сибири в деятельности партийно-политических организаций в конце XIX — начале XX вв. (по материалам сибирских архивов) 158

Глава 11. Детская повседневность города Кургана 1930-х гг. в устных источниках 172

Глава 12. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939—1945): источниковая база исследования 192

Раздел II

ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII — начала XXI СТОЛЕТИЙ

Глава 1. Военная политика Русского государства в Западной Сибири в историографии XVIII — начала XX вв. 201

Глава 2. Н.Н.Оглоблин как исследователь таможенного дела в Сибири XVII — начала XVIII вв..... 225

Глава 3. Сургутские краеведы Иван Захаров и Флегонт Показаньев..... 266

Глава 4. Уральская и омская историографические школы на рубеже XX—XXI столетий 278

Глава 5. Региональные исторические исследования в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П.Ершова в 2001—2013 гг..... 295

Глава 6. «Такие разные судьбы» на страницах «нефтяной истории» нижневартовского региона размышления по поводу выхода книги-эссе И.Н.Полещука) 307

Сведения об авторах..... 313

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 9

Редактор *Н.В.Титова*
Компьютерная верстка *С.В.Фархутдиновой*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 10.06.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 19,75
Тираж 300 экз. Заказ 1565

Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru